

УНИВЕРСИТЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Суворов

ДОСТОИНСТВО В СКЛЕПЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Объяснение с читателем

1. Склеп

2. Израненная душа

Две стороны медали

- Вступление

- Лирическая сторона: Прозрачное счастье

- Сатирическая сторона: Кобра среди людей

3. Траурная сюита

4. Самоанализ

5. Всеобщий родственник

6. Роспись на жизни

7. Живая совесть

- Неведомые ошибки

- Судьба

8. Ангел-хранитель

- Свет

9. Ровесники человечества

- Средоточие боли

10. Любимый вздор

ОБЪЯСНЕНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

В 1997 году, в издательстве Университета Российской академии образования, вышла в свет моя книжка "Достоинство (лирико-психологическое самоисследование)". Я считал её первой частью из запланированных двенадцати. Все двенадцать выпусков были задуманы как собрание моих стихотворений, подробно прокомментированных мною самим с точки зрения проблемы человеческого достоинства вообще, и в условиях слепоглухоты - особенно.

Однако за годы, прошедшие со времени издания первой части, замысел несколько изменился. Я решил, что стихи целесообразнее издать отдельно, а проблема человеческого достоинства, во-первых, и так мною исследуется практически во всех моих научных работах; во-вторых, подытожить это исследование лучше в особой монографии.

В стихотворном томе я решил сохранить то расположение материала, которое продумал для "лирико-психологического самоисследования". Это расположение материала диктуется логикой анализа проблемы человеческого достоинства. Заодно и восприятие стихов, надеюсь, благодаря такому их расположению облегчается по сравнению с простым хронологическим принципом, которым я тоже не пренебрёг - он соблюдается внутри каждого раздела. Несколько незрелые (говоря мягко) ранние стихи идут не сплошным массивом, а распределены между разделами небольшими группами, и читателю проще будет сквозь эти "прослойки" добраться до более зрелой лирики.

При составлении стихотворного тома я руководствовался не столько эстетическими, сколько исследовательскими критериями отбора. То, что с чисто эстетических позиций не надо бы включать, мне казалось целесообразным всё же включить - по соображениям исследовательским. Да и трудновато мне самому оценивать чисто художественное качество своего поэтического творчества... Оно имело для меня самостоятельную ценность разве что в семидесятые годы и в начале восьмидесятых. Затем в течение нескольких лет я писал стихи как бы через силу, против воли, не очень-то заботясь об их сохранении и неохотно их читая вслух по чьей-либо просьбе. Потом я осознал, что стихотворство - неотъемлемая часть моей жизни, такая же, как теоретическая или психолого-педагогическая деятельность, и моё отношение к стихотворству стало спокойным: пишется, так пишется... В любом случае, конечно, я не профессиональный поэт.

В стихотворном томе у меня получилось не двенадцать, а десять разделов. В двух из намеченных двенадцати просто было очень мало материала, и я решил этот материал распределить по другим, более объёмистым разделам. Исследовательская

логика при этом ничуть не нарушилась.

Книга открывается разделом "Склеп". Непосредственно под "склепом" имеется в виду слепоглухота (я ослеп в три года, а оглох в девять лет). Ситуация тяжелейшей инвалидности, естественно, с особой остротой ставит проблему человеческого достоинства - возможна ли вообще достойная жизнь в этих условиях, и если да, то как возможна. Да и что вообще значит "жить достойно"... В "Склеп" вошли почти все стихи из книжки 1997 года, а так же те из стихов о музыке, в которых я сетую на слепоглухоту. По исследовательской логике "Склеп" - это первичная постановка проблемы человеческого достоинства, в данной экстремальной ситуации тяжёлой инвалидности. В остальных разделах первоначальная постановка проблемы достоинства конкретизируется.

Второй раздел - "Израненная душа" - посвящён тому, как достойно строить отношения с окружающими людьми. Увы, тут я безнадёжно запутался, что и видно по стихам.

Эта же проблема выворачивается наизнанку в четвёртом разделе - "Самоанализ". В стихах этого раздела я сам себе читаю нотации, пытаюсь всё же подчинить своей воле стихию межличностных отношений.

Третий раздел - "Траурная сюита" - о достойном отношении к смерти. О том, как с учётом нашей смертности можно и нужно корректировать взаимоотношения. "Траурная сюита" предшествует "Самоанализу", потому что попытки обуздать стихию межличностных отношений учитывают и смертность: не будет ли за тот или иной поступок мучительно стыдно, умри человек прямо сейчас?

Во всех этих четырёх разделах я ставлю ребром и проблему самоубийства. Во-первых, это вполне естественно, раз уж угораздило решать проблему человеческого (собственного прежде всего!) достоинства в условиях склепа. Во-вторых, если уж стесняться этой темы, то и многих других тоже, и тогда в книгу почти нечего было бы включать. В-третьих, исследовать, так исследовать - что есть, то есть. Суицидные стихи - есть, их много, их появление никак не случайно, и самым фактом своего существования они ставят проблему качества жизни.

Однажды меня попросили выступить в госпитале перед ранеными из Чечни. Главврач передал мне пожелание, чтобы я посвятил своё выступление проблеме суицида. Но как об этом говорить с изувеченными людьми, да не с каждым по отдельности, а с целым залом? С другой стороны, главврач прав: кому же ещё с ними об этом говорить, как не мне - из моего склепа? И как избежать тошнотворнейшей пошлости - уговоров, что, дескать, "жить надо, несмотря ни на что"? Когда человеку в несчастье говорят такое, он, вполне

естественно, ошетинивается, закрывается...

Своё выступление я построил в виде исповеди. Рассказал о собственных суицидных настроениях, о конкретных поводах для них. Не хотелось жить, потому что хотелось слышать и видеть, наслаждаться музыкой, изобразительным искусством, самостоятельными прогулками, в том числе при луне... Не хотелось жить, потому что хотелось наблюдать за детьми, не вмешиваясь в их дела, а потом, улучив момент, вмешаться как нельзя более вовремя... Не хотелось жить, потому что хотелось нормально работать над моими книгами и читать всё, что вздумается, а для этого нужен компьютер с безумно дорогим тактильным дисплеем, на который мне ни в жизнь не заработать...

Словом, пока исповедовался перед ранеными этак полтора часа, вдруг осознал: кандидат в самоубийцы - это тот, которому НЕ ВСЁ РАВНО, как жить. Который, что называется, не может не торговаться с Господом Богом: вот так я жить согласен, а этак - ни в коем случае. Я как раз и торгуюсь всю жизнь: хочется, видите ли, даже в условиях склепа - слепоглухоты - жить достойно. А иначе лучше вообще не существовать. Физически. И поскольку, с бесчисленными срывами, в целом жить достойно до сих пор получается, постольку - поживём... Хотя подчас добиваться желаемого качества жизни бывает невыносимо тяжело...

Пятый раздел - "Всеобщий родственник" - о достойных отношениях с космосом, с окружающим миром. По разным поводам. По поводу любимой музыки, прогулки в лесу, даже лечебной процедуры...

Шестой раздел - "Роспись на жизни" - о творчестве. Для многих это смысл жизни. Для меня тоже так было, пока не стал Детской Вешалкой. А когда это произошло, смыслом моей жизни стали дети.

Им и посвящён седьмой раздел - "Живая совесть".

А восьмой раздел - "Ангел-хранитель" - посвящён самой большой любви в моей жизни - к моей собственной маме...

Девятый раздел - "Ровесники человечества" - посвящён моим духовным родителям: Александру Ивановичу Мещерякову и Эвальду Васильевичу Ильенкову.

Все три эти раздела - "Живая совесть", "Ангел-хранитель" и "Ровесники человечества", - о самых любимых людях и проблеме достойных отношений с ними. Увы, даже с самыми любимыми это не всегда получается...

Наконец, десятый раздел - "Любимый вздор" - о проблеме достойных отношений с Родиной. С её историей, в том числе "текущим моментом" и будущей судьбой. О том, как граждане сплошь да рядом приносят друг друга (и тем самым Родину) в жертву своему любимому вздору - своим "глубоким убеждениям":

коммунистическим или антикоммунистическим, атеистическим или религиозным, националистическим или интернационалистским...

И о том, какой крови стоит любимый вздор - взаимная нетерпимость во имя него...

Так, от раздела к разделу, конкретизируется, переосмысливается проблема человеческого достоинства в условиях склепа. И выясняется, что "склеп" - не только и не столько слепоглухота автора, сколько социальные джунгли, общая неустроенность жизни, дикая, разнузданная стихия взаимоотношений. Этот вывод и сформулирован в заглавии всей книги - "Достоинство в склепе". В том склепе, в котором, осознавая это или нет, пытаются выжить абсолютно все. В склепе социального безумия.

И в каждом разделе где более, где менее явно выступает общая для всей книги тенденция: улётучивание первоначального оптимизма справиться с проблемами достойной жизни в условиях склепа. Удовлетворения собой нет вообще, никогда не было, но в начале хоть надежда была на возможность удовлетворения, а затем не стало и надежды. А я всё ещё жив... Значит, последней умирает не надежда, вопреки распространённой сентенции. Последним умирает долг. Нравственный долг перед теми, кому я нужен, уж какой есть, пусть и такой неумело живущий, постоянно оступающийся, но - живущий, а не прозябающий.

А. Суворов
21 апреля 2003

1. СКЛЕП

* * *

Страшно и тихо кругом...

Бесфонарная ночь заглянула в окно. В комнатухе темно и тепло. Все хозяева спят. Но не спит их трехлетний малыш. Он испуган. Боится чуть-чуть шевельнуться. Темно.

Страшно - папа храпит... Мама спит без оркестра, - страшней, потому что не слышно. Источником слабого света слегка выделяются окна. Чернейшие тени по комнате бродят... Как страшно! Темно как!..

Какие-то в воздухе слабые искры... Темно до того, что мерещатся слабые искры... Той слабенькой светлости, что и окно.

Одеяло едва не до носа натянуто. Жарко. Весь мокрый: вспотел. Руки вытащить хочет наружу. Боится. Глаза до предела расширены. Жуткая тень от шкафа отделилась. Идёт. А глазичи, от страха большие-большие, за нею следят. Подходит все ближе к ребёнку. Он крикнул отчаянно, хрипло и тихо, вдруг сразу надорванным голосом:

- Мама!..

Не слышит...

Не слышит мама, спит усталым сном.

А сын её зовёт в тоске жестокой...

О ужас! Тень - башка под потолком, -

К нему шагнула как-то странно, боком.

Слепая, что ли?..

- Дай твои глаза.

- Не дам. Мои!

- Теперь моими станут.

Мне до рассвета ждать никак нельзя, -

Возьму сама. -

К глазам ручища тянет...

Коснулась глаз. Ни свет, ни темнота, -

Туман бесцветный, муть, проглядна еле.

Рука была холодной: пустота

Межзвездная, наверное, теплее.

Наутро ему показалось, что свет потускнел... Или просто погода, быть может, с чего-то нахмурилась. Мама сказала:

- Сегодня поедем за райками в сад к дяде Ване. Из раек варенье сварю.

Всё в порядке - погода хорошая. Яркое летнее солнце уже припекает немного. Прохладно в тени ещё, правда. Но в полдень везде духотища.

В саду дяди Вани прохладно и сыро. Земля, как и небо везде, где деревья его закрывают, - пятнистая: тёмная с

яркими тёплыми пятнами солнечных зайчиков. Яблочки райки, чуть больше урюка, трясут на пятнистую землю, откуда в большое ведро для воды питьевой собирают. Двигутся люди - пять-шесть человек, - нагибаясь за райками, даже садясь для удобства на корточки. Двигутся люди, как тёмные тени ночные, вот только слегка освещённые солнцем: проворные яркие зайчики скачут по ним.

Мальчик хочет
 помогать -
Тоже райки
 собирать.
Не выходит
 ничего
У него
 у одного.
Райки видно
 всем другим -
Протянуть лишь руки им.
Мальчик видит
 только день:
Свет и тень,
 свет и тень.
Начал шарить
 по земле,
По сырой пятнистой мгле.
Руки зябнут.
 Раек нет.
Тень и свет.
 Тень и свет.
Люди видят -
 ищет зря,
По земле рукой вода.
Людам ясно:
 он слепой,
Если щупает
 рукой.

Посадили на солнышко мальчика - пусть отогреется. Маме теперь не до раек, - сидит, на коленях держа малыша. К беззаконной стене прислонилась и плачет, рыдает со всхлипами. Платье простое, домашнее; то ли цветастое, то ли в полосочку. Слезы текут по лицу молодому, ещё не увядшему. Скоро увянет оно!..

Невысокая, длинноволосая (косы в кружок на затылке уложены), с добрым лицом сероглазым, - сидит на припёке, к стене прислонившись, и слезы в две струйки слились. Мамину шею малыш обвивает ручонками. Мокрая шея, и тихие всхлипы слышны... Мама плачет.

Заплакал и мальчик ослепший. Не с горя, конечно, а так
- за компанию с мамой.

Февраль 1973

* * *

Если в мощную машину душу
Человека бурного вселить,
Всю бы экономию разрушить
Ей пришлось, дабы счастливой быть.
Тяжело, когда один хотя бы
У неё без дела рычажок:
Вся она включённая должна быть
В маленький, а всё-таки мирок.
Так и мне с людьми невыносимо,
Ибо их не слышу разговор.
Будто выключенный я прибор, -
Люди есть, а жизнь людская - мимо.
Я б хотел включиться всей душой
В разговор: не говоря ни слова,
Слушал бы признания другого, -
Как, и чем, и в чём живёт другой.
Но мои приемные устройства
От людей отключены. И пусть!
Нервным и любимым назло расстройствам
К людям всё же как-нибудь прорвусь!

4 - 5 февраля 1974

БУНТ ПРОТИВ СКУКИ

Не желаю ходить по гостям,
Если нету в гостях никого,
Кто дактильно умеет болтать.
Что бессмысленно гибнуть часам,
Коль не слышу почти ничего,
Коли жизни людей не видать?!
Никогда, никогда, никогда
Не желаю я даже секунд
На безделье и скуку терять.
Скука - это вина и беда;
Против скучности всяческой бунт
Каждый день я готов поднимать!

12 августа 1974

* * *

До чего же знакомое чувство!
Словно весь я в каких-то тисках.
Это просто отчаянно грустно.
Плакать хочется, слезы в глазах.
А причину словами нащупать
Поточнее не в силах и сам.
На поверхности - мелкая глупость:

На прогулку не выйти без драм.
Я в квартире весь день без движенья.
Надо пару часов походить.
Все расходятся по развлечениям,
А меня не желают пустить.
Я бы с братом пошёл прогулялся,
Да в кино собирается брат...
И метаться я с книжкой остался
Возле дома - вперёд и назад.

15 августа 1974

* * *

Из мелких фактов легче делать
Большие выводы подчас.
Сестра статью не захотела
Подиктовать мне в этот раз.
Спешит к подругам. всё понятно.
И у меня друзья ведь есть.
Как мне друзьям, сестре приятно
Отдать подругам вечер весь.
Ну что ж, иной работой вечер
Тогда займу. Обиды нет.
Как жаль, что я не обеспечен
Всегда партнёром для бесед,
К кому ходить, прервав работу,
С собой позвать куда-нибудь,
Шутить, про все болтать в охоту, -
Ну просто с кем бы отдохнуть.
Ведь каждый все права имеет
Пожить порой и для себя.
Но мне так жить куда труднее -
Без зренья и без слуха я...
Я к зрячеслышащим прикован.
Сам не хотел бы в свой черёд
К себе приковывать другого, -
Пушай, как хочется, живёт.

17 июля 1975

* * *

Моя мечта проста и недоступна,
Как огонёк вдали за Иссык-Кулем,
Что виден за десятки километров,
А плыть к нему - ни лодки, ничего.
Моя мечта - пойти куда угодно,
Хотя бы рядом, но без провожатых;
Сказать любому встречному два слова,
Без перевода выслушав ответ.
Иль посидеть у парковой дорожки,
Понаблюдать людей, по ней идущих,

Обрывки их речей спокойно слушать,
А с кем-то самому заговорить.
Хочу людей глазами - не руками
Увидеть ясно, до деталей мелких.
Хочу людской ушами - не руками
Услышать даже самый тихий шёпот...
Но нет, мечта простая недоступна,
Как огонёк вдали за Иссык-Кулем,
Что виден за десятки километров,
А плыть к нему - ни лодки, ничего.

20 июля 1975

О СЧАСТЬЕ

Всем охота жить счастливо.
Все намаялись когда-то
Над вопросом из вопросов:
В чём же, где же это счастье,
Что же значит быть счастливым?
Я из всех не исключенье,
Но, утратя слух и зренье,
Стал завидовать я зрячим,
Голосами говорящим, -
Вот оно, должно быть, счастье!
Можешь сам без провожатых
Уходить, куда захочешь;
Можешь ездить пассажиром;
Можешь сам водить машины, -
Ты поэтому счастливый.
Ты в картинной галерее
Можешь Репина увидеть;
Все тебе в музее видно,
Что хранится под витриной, -
Как же ты да не счастливый?
Миллионы книг к услугам,
Все журналы и газеты;
Никого просить не надо,
Сам прочтешь, когда захочешь,
Ибо видишь, - и счастливый.
Красоту ночного неба,
Звёзды в ясную погоду,
Журавлей под облаками,
Белый снег на Эвересте
Можешь видеть, - и счастливый.

13 августа 1975

* * *

К чертям обогреватели!
Мои доброжелатели
Хотят, чтоб я замёрз.

Убей меня, мороз!
Да нет, доброжелателям
Позиции не сдам.
Вот будут мне признательны -
Достану печку сам!
Подумаю - придумаю!
Один поеду в "Свет",
Спрошу запиской умною:
Мол, печки у вас нет?
И продавец печатными
Сверхбуквами громадными
В ладонь мне даст ответ...

31 января 1976

НЕ НАДО!..

"Сидишь у электрофона,
Своей непокорен судьбе...
Что слышно тебе в симфониях,
В операх, песнях - тебе?
Чайковский в динамиках искрится,
Ни с чем не сравним Бетховен.
Волнуют они нас искренне.
А ты чем-нибудь взволнован?"

Не надо, друзья, вопросов
О том, что и так болит,
Что сердцу и так несносно,
В висках молотком стучит.
Что вечный рождает ропот
На эту неправоту,
На жуткий природный опыт -
На слепоглухоту...

Всё слышите, всё понимаете...
Завидую очень вам.

Вы что-то о музыке знаете,
Что не передать словам.
Какая идея слышится
В шедевре для вас любом, -
Не знаю. Во мне не утишится
Об этом незнание боль.

Не надо, друзья, вопросов
О том, что и так болит,
Что сердцу и так несносно,
В висках молотком стучит.
Что вечный рождает ропот
На эту неправоту,
На жуткий природный опыт -
На слепоглухоту...

Доносятся Моцарта звуки

В беду, нищету мою, -
С тоской, затаённой мукой,
Тщательно звуки ловлю.
Как без вины осуждённому
Хочется вон из тюрьмы,
К звучащему рвусь, Освещённому -
Из полубеззвучья и тьмы.

Не надо, друзья, вопросов
О том, что и так болит,
Что сердцу и так несносно,
В висках молотком стучит.
Что вечный рождает ропот
На эту неправоту,
На жуткий природный опыт -
На слепоглухоту...

Скажите-ка лучше сами,
Ответьте на мой вопрос,
Как это ни трудно, словами:
Чем нравится вам Берлиоз?
Что слышите у Бетховена?
Скажите, слова найдите!
Чувствовать звуки по-новому,
Их понимать научите.

Не надо, друзья, вопросов
О том, что и так болит,
Что сердцу и так несносно,
В висках молотком стучит.
Что вечный рождает ропот
На эту неправоту,
На жуткий природный опыт -
На слепоглухоту...

14 - 15 февраля 1976

3 июня 1976

17 апреля 1990

* * *

Вам надо знать, на что способны мы,
Чтоб не напомнить, пусть и поневоле,
О нашей сверхнесправедливой доле, -
Прожить в объятьях тишины и тьмы.
Когда купил я что-нибудь в буфете,
Без помощи на лифте съехал вниз, -
Спросите не стесняясь: как ты это?
Мол, как без нас сумел ты обойтись?
Ответить рад словами и показом.
Тут обижаться не на что, Друзья.
Что мне по силам, видя раз за разом,
Всё больше верить будете в меня.

Страшной обиды нет для человека,
А горя тяжелее и больней:
Что сам сумел бы - делать под опекой
Хотя бы самых дорогих людей.

1 апреля 1976

* * *

И снова горечь, боль и зависть
По нервам хлещут, как всегда.
В природе нет совсем стыда, -
Слепоглухим навек оставить!
С детьми суметь поговорить,
Рукой не слушая - лаская;
Ничуть в беседу не встречаая,
В неё включённым все же быть, -
И вся мечта. Непостижимо
Мечтать бесплодно о таком
Для всех доступном и простом, -
И большинством едва ценимом!
О стену бьёшься головой,
И к никотину тянет с горя...
Зачем тогда, с болезнью споря,
Ты учишься - полуживой?..

19 июня 1976

* * *

С лучшим другом в раздоре,
И конца не видать...
Это страшное горе -
Самых лучших терять.
Он жестоко обижен,
Я ночами не сплю...
Жизнь, тебя ненавижу,
Потому что люблю.
Я не вещь, и не годеи
Я для полки складской.
Проклинаю природу,
Что глухой и слепой.
Пусть не слышу, не вижу, -
Не смирюсь, не стерплю.
Жизнь, тебя ненавижу,
Потому что люблю.
Сколько влезет ругайте -
Вам ругать надоест.
Мне, во мне запрещайте
Всё подряд, что ни есть.
Под запретом, унижен,
Ни слезы не пролью.
Жизнь, тебя ненавижу,

Потому что люблю.

25 июня - 2 июля 1976

ЗЕМЛЯКАМ

Простите меня, земляки,
Что дома сижу, приезжая.
Я дружеской вашей руки -
Протянутой - не отвергаю.
И я не с того домосед,
Что брезгую кем-то, а просто -
Ни слуха, ни зрения нет,
И страшно мне сунуться в гости.
Сидеть молчаливой бедой
На дружеском вашем пороге,
А мучиться
и слепотой,
Но больше всего глухотой, -
Простите! -

Отрады немного...

30 июля 1976

ДОРОЖНОЕ

Уж если ты на деле зрячий,
На деле слышишь всё вокруг, -
Считай своей большой удачей
Окно в вагоне дальнем, друг.
Облитый ветром, стой бессонно
И наслаждайся красотой
Степи бескрайней заоконной,
Огней в прозрачной тьме ночной.
Заедешь в горы, - как красива
Непостоянная луна,
Что из-за скального массива
Порою вовсе не видна.
То за составом хитрым глазом
Она следит из-за горы,
А то вдруг выкатится разом
К тебе всем шаром, - на, смотри!
А сколько ритмов, стуков разных
Даёт симфония колёс:
Всегда торжественных и страстных,
Коль встречный поезд или мост;
А в одиночестве равнинном,
Совсем неслышные почти,
Колёса с рельсами интимно
Звонят о чём-то...

Но учти:

Твоё всё это наслаждение.
А мне что делать у окна,

Когда ни слуха нет, ни зренья?
Ни степь, ни горная луна,
Ни та симфония из стуков, -
Не достигают глаз, ушей,
И есть в вагоне только скука
Ночей бессонных, серых дней...

3 - 4 августа 1976

21 апреля 1990

КАК И ВСЕ

Вы - студенты,
Как и все.
Подчиняйтесь,
Как и все,
Беспорядкам,
Как у всех,
И порядкам,
Как у всех.
Не готовы,
Как и все,
Но сдавайте,
Как и все,
Не экзамен,
Как и все, -
Лотерею,
Как и все.
Не хотите,
Как и все?
Не взывайте,
Как и все:
Послабленья,
Как и всем,
Вам не будет,
Как и всем!

12 января 1977

* * *

Кто я? -

Неполноценный человек.

Я - идиот, себя талантом мнящий.
И чувства все мои, весь интеллект -
Слабее, чем у слышащих и зрячих.
С кем наравне задумал быть, балда?!
Я - лилипут, задравший нос без меры.
Со мною снисходительны всегда,
И не лишат в себя счастливой веры.
Я нужен великанам, как объект
Тщеславной жажды проявлять гуманность.
Я - экспонат в музее "Человек",

В разделе редкостей "курьёз и Странность"...

17 марта 1977

* * *

Я никого не обокрал -
Природой сам обобран.
Я инвалидом вечным стал -
Предмет участия добрых.
Учиться, знания поглощать,
И в этом видеть счастье...
А знания те куда девать?
Чтоб на трибуне хвастать?!
И не поможешь тут ничем,
Советы все без толку...
А жить охота между тем -
Не инвалидом только.
Я интересен потому,
Что тяжело недужен.
А так - здоровый - никому
Наверно б не был нужен.
Больной простое одолел -
Здоровый в удивленье...
А так бы и не посмотрел
На это достижение.
Скажите, разве не такой
Весь мой успех? - Такой же.
Смотрите, мол, слепоглухой -
На что-то годен всё же!

8 мая 1978

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Первый муж науки

Слепы, глухи... Я терплю -
Никуда не денешься!
Лишь народные в трубу
Вылетают денежки.
Всё ж не богадельня здесь,
Чтобы мы им трафили!
В их работах только есть
Факты биографии.

Второй муж науки

Все они ученики -
Вовсе не специалисты!
Это факты - вопреки
Славословью журналистов.
Кем ни мнят они себя -
Ровно с кроликов с них толку.
Не наука их судьба -
Около науки только.

Их придётся призрывать
(Тайно презирать, конечно).
Мы гуманны. В шею гнать -
Было бы бесчеловечно.

Общий гневный вопль мужей науки
Слепы, глухи... Век возись!
Да на кой они сдались, -
Эти потребители
И баклушебители!
Около науки тлеют,
Скоро вовсе отсыреют,
И не вспыхнут никогда...
А не выгнать - вот беда.

Сами слепоглухие психологи
Как наша совесть? Есть ли муки?
Одна обида? А не зря?
Чёрт знает, вдруг мужи науки
Всю правду режут за глаза?
Вдруг нам чужое чье-то место
Занять случайно привелось?
Освободить бы надо честно, -
Не карьеристы мы небось!
А нам самим куда деваться,
Коль нам под солнцем места нет?..
Как ни охота задержаться,
Одна дорога - на тот свет.
Туда всегда успеем, впрочем...
Не на особенном счету,
Так проживём на самом общем, -
У близких только на виду...
...Знать бы нам, чего от нас хотят!
Смочь бы, коль хорошего хотят!
Заморочили уже совсем.
Не осталось никаких проблем,
Кроме знаменитой: быть - не быть.
Для чего и как нам дальше жить...
Хоть бы кто-то честно ободрил,
Этим волю к жизни оживил.
Не понять, чего от нас хотят...
Наплевать, чего от нас хотят!
Разобраться б нам в самих себе -
В нашей перепутанной судьбе.
Знать бы нам, в конце концов, самим,
Смочь бы - чего сами мы хотим!

4 - 5 марта 1985

БЕСПОЛЕЗНАЯ НАУКА

А был уже вечер.

Не поздний, но чёрный, осенний.
И днём-то безлюдье
на этом участке дороги...
И мнимый помощник
Потребовал вежливо деньги,
Чертя мне в ладони
буквы, печатные строго.
Он знает: не видя,
в лицо опознать не сумею.
К тому же не слыша,
и голос его не запомню...
Я понял: не дам ему денег -
он может и шею
Свернуть мне. Кругом же
безлюдье, не близко до дому...
Плачу за науку, -
Ведь шею подставить не лучше.
Допрыгался вот, -
на подонка таки напоролся.
Вновь буду один -
повторится сегодняшний случай.
Да не с кем обычно...
Так что от науки за польза?..

31 октября 1985

* * *

Хорошо бы ушами, глазами
Жадно слушать, смотреть самому,
Никого не касаться руками,
И не липнуть смолой ни к кому.
В уголок бы забиться укромный,
Чтоб не видел никто, потемней, -
И оттуда, про руки не помня,
Наблюдать дорогих мне людей.
Кто чем занят, о том хоть немного
Рассказать никого не просить,
Никого не тревожить, не трогать, -
И всю любовь, любить!..

8 октября 1986

* * *

Да, я зря слышащий душой.
Телом всё-таки слепоглухой.
Можно приспособиться, друзья,
К той беде, но свыкнуться нельзя.
Нет, смириться не могу с бедой,
И стихи пропитаны тоской.
Вам бы веселее что-нибудь...
Разрешите иногда вздохнуть

В час, когда от боли нет житья...
Меньше боль - вот польза от нытья.

8 октября 1986

* * *

Ах вы, глазастые! Дайтесь же в руки!
Знали бы вы, что за адские муки -
Жить в пустоте, обжигаясь о взгляды, -
Взять меня за руки были бы рады.
Точно ребёнок, от боли скулящий,
Палец ваш ласковый цепко держащий,
Был бы я близостью вашей доволен...
Руки тяну. Хоть коснулись бы, что ли!..

8 февраля 1987

ЖАЛОСТЬ К СЕБЕ

Кто за беды свои
Угожденья лакейского ждёт,
Тот не знает любви,
Сам к себе же безжалостен тот.
Я жалею себя,
Потому что люблю - не себя.
Я жалею себя,
Когда видеть мечтаю тебя.
Как сидишь над доской,
Ищешь будущий шахматный ход,
Взгляд загадочный твой, -
Кто опишет, слова где возьмёт?
Я жалею себя,
Потому что люблю - не себя.
Я жалею себя,
Когда слышать мечтаю тебя.
Твой услышать бы смех,
В твой бы голос поющий нырнуть...
Но из горя наверх
Смею пальцы лишь робко тянуть.
Я жалею себя,
Недоволен своею судьбой:
Не касаясь тебя,
Мне бы смочь любоваться тобой.
Что про это пишу,
Благодарный за дружбу твою, -
Я прощенья прошу.
А слезы при тебе не пролью.

22 апреля 1987

* * *

Чёрт! В клетке грудной -
Опять громобой!
И гулко же сердце гремит!

Как та мерзлота,
Что в тундре - всегда, -
В нём горечь слежалась в гранит.
Глазами твой взгляд
Заметить бы рад;
Ушами - расслышать слова.
Никак не смирюсь,
И тем лишь держусь,
Что горечь потери жива.
Мой жребий такой:
Всё щупать рукой.
Как образы близких бедны!..
Не жалость - к себе,
А воля - к борьбе:
Она - не в забвенье беды.

12 июля 1987

* * *

В нормальную жизнь ты хотел нырнуть
(Она и не против бы вроде),
Но, как пенопласт, ты не можешь тонуть
Такой вот, как есть, - по природе.
С твоим погруженьем и смех, и грех:
Друзья помогают, пыхтят,
А чуть отвернутся, - ты вновь - наверх,
И всё начинай опять.
Физически слеп, физически глух,
И маешься - в стороне,
Каким бы внимательно-зорким твой дух
Ни был - вдвойне, втройне.
Поэтому - горечи не избыть.
Несбыточное - преследуешь:
Чем больше - нормально хочется жить,
Тем больше - на жизнь и сетуешь.

29 июля 1987

* * *

Да, не слышу вас и не вижу.
Что я рядом - едва ли помните...
Мне ни слова в ладонь не выжмут
Все, сидящие в той же комнате.
От людей уж невольно как-то
Отстраняюсь и сам - презрительно.
Что работает тут за фактор?
Отчего мне жить - всё мучительней?
Если жить мне осточертело,
Что-то есть в душе - неисправное.
И боюсь не успеть доделать,
Недописанным - бросить главное.

А нужна ли кому страница
О души тяжелеющем бремени?..
...Я смертельно устал - бодриться,
Притворяться - "героем времени".

1 января 1988

* * *

Уронить себя с моста
Да на рельсы - неспроста.
Потерять себя в лесу,
Чтобы некуда - слезу,
Чтобы некому - ходить
У могилы погрузить.
Сгинуть, чтобы у людей
Стёрлась память побыстрей:
Не рождался я на свет,
Не было меня - как нет...
...Стою на краю могилы.
Давно впереди - ни зги.
Последняя капля силы
Истрачена - на стихи.
Упорно молчат усопшие.
Не трогает их слеза.
Но совесть - живая - ропщет:
Так - молча - уйти нельзя.
Не нудное завещанье
(Смешной нормативный акт),
А вежливое прощанье,
Последний с людьми контакт.
Прощайте. Отныне, дескать,
Здоров я - не глух и слеп.
Прошу не принять за резкость:
Мне жизнь была - сущий склеп.
На нормы здоровых тщетно
Равняться - обрыдло мне.
И счастлив я, хоть посмертно,
Со всеми быть наравне.
...Безысходность... А может, чудится?
Вдруг хороший исход да сбудется,
И ни гибели, ни грызни тебе...
Лишь бы выдержать. Лишь бы вытерпеть.

8 - 9 октября 1989

* * *

Должно быть это всё же тайной,
Пусть предназначенной для всех,
Посмертно изданной случайно, -
Моя тоска, мой смертный грех.
Безмолвья, мрака неприятье.

Отказ зависеть в ерунде.
Порыв отчаянный к собратьям
В любви взаимной - не в беде.
Всё в мире - немо, глухо, слепо...
Ждать перевода - твой удел...
И - головой об стенку sklepa:
Для смерти ты ведь не созрел.

3 - 4 ноября 1989

* * *

Я инвалид, и все мои права,
Обязанности все мои - в "спасибо"
За чьи-то милосердные слова,
За то, что можно прозябать как-либо,
Что есть жильё, одет, обут и сыт,
Что многие на помощь мне готовы...
Но если общей болью дух горит,
То это - привилегия здоровых.
Мне в творчестве предписан оптимизм,
А ныть не смей, - таков наш "гуманизм".

8 ноября 1989

* * *

Рвутся ниточки... Рвутся... Рвутся...
Потихонечку - с жизнью... С жизнью...
И странички-то - кровью - льются.
И взывают-то - к гуманизму.
Зрячеслышащих - понимаю.
Столько мрака - в Стране Советов!
Все и всех-то - разоблачают.
Хоть бы капельку - где-то - света.
Со слепыми, глухонемыми
Человечными бы - казаться...
Нет, и здесь беспросветность... Мимо!
Свету - в душах бы - промерцаться.

18 ноября 1989

* * *

Безбоязненно души - настезь.
Быть в компании - правда! - счастье.
Но - захочешь неволей морга:
Быть с компанией рядом - горько.
Не внутри, а снаружи - маяться.
Внутри ломиться. Вконец - отчаяться.
И, ни лешего - не добившись,
Отрепённо сидеть, смирившись.
...Нет, не так уже нынче худо.
Я не рядом - внутри покуда.
Всё моё существо согласно,
Что в компании быть - прекрасно.

Но - заранее в страхе ёжится:
Вдруг судьба по-иному сложится?
Так пьянчуга страшится каждый
Без гроша протрезветь однажды.

30 декабря 1989

* * *

Всю ночь в тоске глубокой бдят
У гроба. Разговор негромкий.
Слова обычные звучат,
Но голос - сдавленный и ломкий.
А больше тяжело молчат,
Забыть не в силах на мгновенье
Про этот гроб, и погребенье,
И смерти безучастный взгляд.
Слепоглухой - мертвец как будто:
Своим присутствием гнетёт,
И от своей персоны круто
Отвлечься людям не даёт.
И, тайно от себя, ухода
Слепоглухого - люди ждут:
К занятиям всяческого рода,
А то и просто в спальню, шлют.
Фальшивой лаской не обманут,
Меж них по-хамски он торчит...
Так маленький назло не спит,
Пока просить не перестанут.

18 - 19 января 1990

* * *

Никогда бы душу я не запер,
Если бы, глухой, нормально видел,
Или же, слепой, нормально слышал, -
Так и жил бы всем всегда открытый.
Никогда бы душу я не запер,
Если наблюдать бы мог в сторонке
За вознёй любимцев малолетних, -
И включаться вроде бы случайно.
Никогда бы душу я не запер,
Если б не был нужен переводчик;
Сказанное мной бы не летело
Мимо всех ушей - случайных даже.
Ломит жизнь. Транжирит силы страшно.
Всё - впустую. Удручён растратой...
Коль взывать обрыдло к людям зряшно -
Будь пружиной, до предела сжатой.
Пережатая извне пружина
Развернётся внутрь со всею силой.
Не с людьми, так должен быть я занят

Сам с собой невидимой работой.
Как живёте - мне неинтересно.
Потому что вряд ли дозовёшься,
Ни к ушам, ни к душам не прорвёшься...
Скорбную свою допеть бы песню.

17 марта 1990

* * *

Вместе - несмотря на слепоту.
Вместе - несмотря на глухоту.
Вместе - несмотря на немоту.
А богатство песенное - врозь.
И богатство зрелищное - врозь.
Всё духовное богатство - врозь.
И убожество на ощупь - врозь.
Непонятность, невключённость - врозь.
И непонятность до гроба - врозь.
В этом мире я всего лишь гость -
На краю застолья, где пришлось.
Так возможно ли оно всерьёз, -
Вместе, несмотря на слепоту?..
Вместе, несмотря на глухоту?..
Вместе, несмотря на немоту?..

22 августа 1990

* * *

Хочется общаться с великанами,
Только им - живым - не до меня.
Не до них - и мне. К ним разве - с крайними
Бедами. А просто так - нельзя...
Если б можно - без сопровождения
Добрести, сесть в угол потемней,
И внимать речам живого гения
При посредстве собственных ушей.
Но - могу внимать, по строчкам пальцами
В спешке увлечения шурша,
Восхищён красивыми абстракциями,
Слыша, как растёт моя душа...

29 ноября 1990

* * *

Почему беспомощен?
Потому что слеп?
Почему беспомощен?
Потому что глух?
С детства брошен заживо
прямо-таки в склеп.
Чахнет, задыхается
деятельный дух.
До конца не верится

больше никому.
В одиночку маяться
явно ни к чему.
Ни за что не справиться
с делом одному.
Потому - беспомощен.
Только - потому.
20 января 1991
* * *

Всюду один ходил бы -
Ради оркестра жил бы.
Ради бы - духового.
Не фонограммы - живого.
Скрыться поплакать где бы?
Чтоб равнодушный не был
Страсти к оркестру жертвой, -
Жертвую сам концертом.
Жертвую - не причудой.
Жертвую - счастьем, чудом,
Отдыхом редким от горя,
Бодрому ритму вторя.
После подобной жертвы
Хочется - скорой смерти,
Чтобы не знать желаний
И - разочарований.
10 января 1993
* * *

Да нет, не обольщайся: долго
Не смогут нянчиться с тобой.
Пока нет лучшего - и только.
А там - веди неравный бой.
В любой момент случиться может,
Что не с кем ехать никуда,
И дома посидеть предложат,
И всё - каприз и ерунда, -
И блажью назовут нелепой,
Что хочешь полноценно жить...
А если рвёшься вон из склепа,
Так маму нечего щадить.
Один выкручиваться пробуй,
К случайным встречным приставай,
Подталкивая маму к гробу, -
Иль вместе с мамой прозябай.
Своя ли жизнь тебе дороже,
Иль мамина, - в виду имей:
Никто не хочет и не может
Вам жизнью жертвовать своей.

1 июля 1995

* * *

Инвалиды всех стран, умирайте!
Добровольно. Житуха пуста.
Ни малейших надежд не питайте,
Будто сбудется ваша мечта.
Жить не стоит. Да вот же качели:
Чуть пригреют - и хочется жить...
У ближайшей, реальной цели -
Только слезы в песок уронить.
О духовности - и не мечтайте.
Вы беспомощны. Дух - на замок.
Инвалиды всех стран, умирайте!
Подлой жизни - хоть в морду плевков.

14 августа 1995

Мне не с кем было поехать в компьютерный центр для работы над докторской диссертацией. И я опасался, что и вообще будет не с кем.

Я не раскаиваюсь в этих и подобных чудовищных строчках. Так было, так бывает, и пусть об этом знают все, потому что надо же что-то делать, - **_ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ_!**

А пока так есть, - **_ЧЕСТНЕЕ_** об этом кричать, чем молчать.

И я давным-давно разрешил себе кричать, перестал стесняться крика - и в стихах и в прозе. И считаю, что разрешить себе кричать - это проявление силы, а не слабости. Крик - подчёркиваю, **_ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЙ_**, а не просто вопль, - форма борьбы с тем, чего нельзя терпеть, а значит, не надо и "стесняться" кричать об этом.

Вообще во всём мире извращены понятия силы и слабости. Когда человек молча харкает кровью, что-то там "преодолевая" и вымученно улыбаясь при этом аплодирующей его "героизму" лицемерной публике, - это называется силой. Силой воли, ёлки-палки! Как я ненавижу и всю жизнь ненавидел, когда моей собственной "силой воли" кто-то восхищался - уж явно не от большого ума... Ибо на деле эта самая "сила воли" - **_СЛАБОСТЬ_**. Ведя себя так, "герой" признаёт законным, нормальным то, чего нельзя терпеть.

А когда человек начинает возмущаться, проклиная, протестовать, кричать, добиваясь нормальных условий для нормальной жизни, - он, видите ли, слабак, нытик...

Я ещё со студенческих лет восстал против навязываемой обществом позиции "преодоления" - и занял позицию постоянного, систематического, сознательного протеста против того, что нам, инвалидам, надо совершать "подвиги", что-то там "преодолевать", если мы хотим жить нормально. Всё наоборот. Это общество должно преодолеть своё лицемерие и

сделать так, чтобы для нормальной жизни были нормальные условия, не требующие каждодневного подвига от и без того нездорового человека.

* * *

Моя поэзия здесь больше не нужна,
И сам я, может быть, уж больше
здесь не нужен.

С.А. Есенин

Вот это мир! какого ж я рожна
Застрыл в нём, неуместен и недужен?
Кому моя поэзия нужна?
Кому я, как исследователь, нужен?
Но собрались, быть может, неспроста
В слепоглухом все мировые скорби,
Чтобы окрепла в мире доброта,
И предстоящий путь не столь был горьким...

15 апреля 1993

* * *

Я потрогал руками горы,
Да и совесть пора бы знать:
Тех чудовищных траекторий
Просто больше не оправдать.
Ощутить было надо кожей,
Изучить, осознать Тропу, -
Но теперь я всё больше схожей
С лишней тяжестью на горбу.
Я устал выпадать в осадок, -
Здесь, как всюду... Слепоглухой...
Мне в такое бы место надо,
Где б не помнить, что мир - чужой.

4 июля 2003

О Тропе - в конце седьмого раздела, цикл "Судьба".

Под "чудовищными траекториями" имеются в виду горные кручи, по которым мне приходилось лазить. Стихотворение написано в горах, в палаточном лагере Тропы, где никаких других "траекторий" не было.

.

2. ИЗРАНЕННАЯ ДУША

* * *

Не лезьте в душу! Надо мной не стойте!
И не спешите сразу выяснять,
С чего я стал задумчивый какой-то, -
Я сам скажу, когда смогу сказать.
Сейчас могу сказать вам без отсрочки:
Я думаю, как мне себя вести,
Своих стихов выласкиваю строчки,
Ищу из транса частого пути.
А вы своей назойливой заботой
Мешаете мне думать о своем.
И странно вам, что я противен что-то, -
Громить словами начал всё кругом.
Грозите одиночеством мне полным,
А мне как раз его недостаёт,
От поведения моего вам больно...
Так сделайте мне больно в свой черёд!
И с вашей беспощадною наукой
Себя мне легче будет укротить.
Я через новую большую муку
Найду из транса частого пути.

6 марта 1972

Полу-детские вирши, за которыми стоит весьма серьёзная проблема - отстаивание права на уединение (а не одиночество, конечно), на то, что через десятилетия в своих теоретических работах по совместной педагогике я назвал уединённым трудом души, и признал основной формой саморазвития личности.

Как, наверняка, очень многим, мне было трудно - и сейчас трудно - произнести примерно такую фразу: "извини, у меня пошли стихи, не мешай..." Непонятно, однако факт: признаться, что прямо сейчас ты занят сочинением стихов - невозможно. А дёргают, требуют внимания! И начинаешь грубить... Или забываешь рождающиеся строчки...

Сейчас я иногда всё же нахожу в себе силы нормально объяснить ситуацию и попросить оставить меня ненадолго в покое.

* * *

С детской наивностью, искренне очень,
Девушка парню писала стихи.
Чувство огромное выразить хочет,
Пусть в неумелых, но строчках любви.
Раньше стихов никогда не писала.
В прозе два слова связать не могла.
Все же любовь до стихов доканала,

В полную силу когда расцвела.
Парень читает письмо... Что такое?
Проза - не проза, похоже - стихи!
Это творенье ее дорогое
Будет он помнить до смертной тоски.

3 декабря 1973;

10 июня 1996

ВОЛШЕБНЫЕ ДЕВУШКИ

Что такое Неуступчивость?
Это девушка волшебная,
Что в живых людей вселяется,
Прочим людям поведением,
Языком их говорит:
- Воли нет тебе,
Рабства нет тебе.
Ни войны, ни мира нет тебе.
Ничего на свете нет тебе.
Жизни нет тебе!

Есть еще другая девушка -
Слишком добрая Уступчивость.
И она в людей вселяется,
Прочим людям поведением,
Языком их говорит:
- Что отдать тебе?
Всё отдам тебе!
Над собой измыться дам тебе.
Что угодно сделать дам тебе.
Жизнь отдам тебе!

Эти девушки волшебные
Друг без друга не обходятся:
Лишь вдвоем в людей вселяются,
За людей всегда сражаются...
Люди рвутся пополам:
- Есть добро во мне,
Есть и зло во мне.
Как построить поведение мне?
Доброе ли, злое делать мне?
Жизнь и смерть во мне!

5 марта 1974

* * *

Ты весёлый, а я нет:
Злюсь на весь на белый свет.
Влезла в рот тебе смешинка.
Я ж на стену лезть готов.
Разговор идет с заминкой -
Говорится мало слов.
Мне причины злости лютой

Непонятны самому.
Ты весёлый - почему?
Надо мной смеешься будто?..

12 октября 1974

* * *

Тянет к людям - с ними посидеть,
Поболтать о чём-то ерундовом,
Друга ласково слегка поддеть,
Посмеяться над шутливым словом...
Но амбиций разных и обид
Развелось на белом свете столько,
Что душа без выходных болит, -
Дружно жить пытаешься без толку.

14 ноября 1974

* * *

До чего ж нас пугают
Удивлённые взгляды,
Что невольно бросают
Проходящие дяди.
Я задумался малость
Над чужими стихами,
И строка бормоталась
За другими строками.
Тетя, скромная больно,
Тут как тут с замечаньем,
Что прохожий невольно
Обращает вниманье.
Ну, а что мне за дело,
И чего мне стыдиться,
Если слово запело,
Стало в воздух проситься?

3 мая 1975

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Не нужна мне жена - домработница.
Не нужна мне до тела охотница.
В шею выгоню бабу чужую.
Позову только душу родную.
Чтобы всё, что мне близко и дорого,
Было жизнью самой для Суворовой.
Чтобы всё, что меня захватило,
И жена бы навек полюбила.
Не нужна ни богиня, ни узница,
А подруга нужна и союзница.
И пока я не встретил такую, -
Нет, жениться никак не рискую!

24 мая 1975;

16 апреля 1990

* * *

Да, мы несчастны.
Да, мы счастливы.
Да, мы всё вместе -
Люди и звери.
Люди,
Поскольку
Любим
Друг друга.
Звери,
Поскольку
Топчем
Друг друга.
Любим,
Поскольку
Жизнь облегчаем
Чем только можем,
Всем, кому можем.
Топчем,
Поскольку
Буквой съедаем
Как только можем,
Всех, кого можем.
Да, мы несчастны.
Да, мы счастливы.
Да, мы всё вместе -
Люди и звери...

3 - 4 июня 1975

КОСМОС НА ЗЕМЛЕ

В сверхдальние стремимся перелёты,
Где, как Земля уже ни далека,
Всегда безмерно больше пред пилотом
Того, что неизведано пока.
А ведь такой же космос бесконечный,
Но только позаманчивей втройне,
И на Земле имеется, конечно, -
В любом из нас, людей, - в тебе, во мне.
Как мы живём и как друг друга любим?
Себя ль, другого больше бережём?
И что на этом свете сдуру губим?
И что с ума большого создаём?
Да что! вопросов много, очень много,
Но все в один сливаются - в простой,
В котором наша вечная тревога:
- Ты какой?
Какой ты за личиной, за фасадом, -
Какое сердце, какова душа?

Ты это спрятал от недобрых взглядов,
От глупых шутников укрыл, спеша.
И для меня поэтому ты странный
Всегда... Родной ты мой, себя открой!..
...Но я - как вечный межвселенский странник -
Всю жизнь лечу в галактике одной.
Лечу в одной галактике, а нужно
Десятки миллионов пролететь...
Вот так и познаём людей наружно,
Пока не оборвёт познание смерть.

15 августа 1975

* * *

Я не ёлка, и на мне
Глупо лампы вешать,
Чтоб гореть в ночном окне
Да ребяток тешить.
Я б оделся, как пришлось.
А для всех парадов
Свой язык острей, чем гвоздь,
Отточить лишь надо.

7 сентября 1975

* * *

Прошу тебя как можно убедительней -
Не трогай больше друга моего!
Критиковать заглазно - честь сомнительная;
Позорнее не знаю ничего.
И так уже я совершил предательство,
Поддерживая этот разговор.
Скажи ему, коль мужества достаточно, -
Или себя заглазьем не позорь!

9 февраля 1976

* * *

Нет, нас не обижают.
Наоборот как раз:
Тревожною смущают
Заботой каждый час.
Спасибо за тревожность,
За ласковость, друзья,
За редкую возможность
Спокойного житья...

9 февраля 1976

* * *

Не везет мне в смерти -
Повезёт в любви!

(из песни)

А мне, видать, ни в чём не повезёт.
Порой и рад бы с жизнью рассчитаться,

Но долг, но совесть тут же восстаёт, -
Обязан дела ради продержаться.
Ну, а любовь... Да что она за фрукт?
К друзьям и к матери - любовь понятна.
А к женщине... Как выйдет, так и ладно.
И без неё хлопот хватает, друг...

8 марта 1976

САРАФАННОЕ РАДИО

Приглашаю вместе посмеяться!
В сарафанном радио - отдел:
"Передача юбочных сенсаций";
По соседству - "В мире брючных дел".
Кто-то, где-то брякнул, не подумав,
В разговоре с этой или с тем...
Только, чур, не поднимайте шума:
По секрету новость -

Всем! Всем! Всем!

26 марта 1976

* * *

Это всем давно известно:
Плавает - что легковесно.
Никому давно не диво:
Что бессильно - то кичливо.
Погляжу-ка на других...
Вон - в сторонке - сколько их:
Крепко сбиты, ладно сшиты,
Языком не знамениты,
Не сорят зато словами,
И умеют всё руками, -
Тем по-доброму сильны...
Вот - оплот моей страны.

28 марта 1976

17 апреля 1990

* * *

Люб'ите нас, любите поумней!
И бойтесь тоже, как боится мать,
За жизнь своих активных сыновей, -
Активности не смея запрещать.
И мы, поверьте, любим всей душой.
Но в чём-то, где-то уступить нельзя,
Наверно, даже матери самой, -
Нам жизнь тюрьмой иначе станет вся.
И мы, поверьте, любим всей душой...

1 июля 1976

* * *

Критикуйте, как хотите,
Но учитите наперёд:

О другом не говорите -
Обо мне ведь речь идёт.
Пусть он - лучше не бывает.
Ну, а что за дело мне?
Я плохой, и знать желаю
Только о _СВОЕЙ_ вине.

7 июля 1976

* * *

Я дал сухие телеграммы,
В ответ сухие получил.
Ни звука в них из этой гаммы,
В которой дружбы, ласки пыл.
А люди эти все так близки,
Все так милы мне, так родны,
Что телеграфной переписки
Та сушь - виновность без вины.
Да нет и права ждать иного -
Ведь сам сухой, как палый лист...
Но странной грустью в сердце снова
Слова скупые отдались.

30 июля 1976

* * *

Всем умом и всем сердцем,
Всей душою люблю,
И предам Вас, наверно,
Если в чём уступлю.
Уступить - это значит:
Разлюбить, обмануть.
Лучше кровью запл'ачу,
Лишь не этот бы путь!

23 сентября 1976

* * *

...И, сжавшись, трепещет душа
От нежности, с болью граничащей,
Хоть малого отзвука ищущей
И ждущей, почти не дыша...

1 октября 1976

23 апреля 1990

ВЕСЁЛЫЙ МИР

- Весёлый мир, весёлый мир... Все
шутят... Даже благородный Дон
Румата...

А. и Б. Стругацкие.

Трудно быть Богом.

Что делать? Нет от юмора спасенья.
Повсюду смех, один лишь смех звучит.
Весёлый мир!

Но от его веселья
Рыданье в горле и в глазах стоит.
Все шутят. Деться некуда от шуток.
И замирает на губах вопрос:
О люди, люди! Вы в течение суток
Хоть четверть слова брякнете всерьёз?!
Весёлый мир! Сказать нельзя наверно,
Где искренность, где лицемерья грех...
Так плохо вам, страданье так безмерно,
Что боль стыдливо прячете под смех.
Тот смех - ну до чего же горек, страшен,
Порою до безумия жесток!
Смертелен он для всякой дружбы нашей.
Он губит человечности росток.
За каждой шуткой - жуткое похмелье.
Могильный холод в юморе сквозит...
Весёлый мир.

Когда ж его веселье
Людская справедливость прекратит?!

17 - 18 октября 1976

* * *

Всё было хорошо.
Мы были хороши.
Друг в друге, как всегда,
не чаяли души.
Но вдруг возникла тень
неясная меж нами,
И что-то напряглось...
Порвется...
Не дыши!

2 ноября 1976

* * *

Б.М. Б.-Б.
Друзья, поздравьте! Как я рад!
Учитель новый у меня!
Его идеи так блестят -
Что гладкий лоб средь бела дня.
Не слух, так пальцы рад клонить
К его взволнованным речам.
Я разрешил ему учить
Себя по доброй воле, сам.
А самозванных мудрецов,
Сующих мудрость не спросясь,
Послать куда без лишних слов
Подальше ада - что за сласть!

10 января 1977

* * *

То не боль, причинённая мной,
Или мне - регулярной бедой, -
Это плачу от нежности просто,
Что острее даже боли иной.

11 января 1977

ГАЛИМАТЪЯ

Телефон для разговоров
Тех придуман, говорят,
Что семейные раздоры
Беззастенчиво творят.
Позвонили, сообщили
Просто мнения свои, -
И скандал взамен идиллий
Между членами семьи.
А когда таких за ухо
Да на солнце повлекут, -
Не стыдясь, единым духом
Судьям лекцию прочтут.
Дескать, что за новости?
По каким правам
Лезете без совести
Не к своим ушам?
Лезть в дела семейные
Кто вам право дал,
Не у вас затеянный
Укрощать скандал?
Жизнь семьи священная,
Лезть в неё нельзя
Всем без разрешения...
...Ух, галиматъя!

22 января 1977

* * *

Любовь не валяется на пути.
Спасибо за чувство.
Но нечем ответить твоей любви -
Мне только чуть грустно.
До этого дня холостым я прожил,
В трудах по макушку.
Я только машинку, бумагу любил,
С чайком свою кружку.
С беспамятной силой влюблённый в друзей,
Серьёзно о браке
Ни разу ни с кем не подумал, ей-ей, -
Боялся, как рака.
Ты любишь. Спасибо. Жалея тебя,
Себя проклиная.
Но только жениться, ничуть не любя,

Никак не желаю.
Давай разойдёмся, не поздно пока,
Друг с другом не мучась.
Остынешь, бедняжка, обнимет рука
Другого, получше.
А я даже дружбы не предложу -
Червяк я бумажный.
Побольше работать - по правде скажу -
Мне только и важно...

23 февраля 1977

* * *

Я не забыл и не простил
Худым делам твоим,
Пока ты не произносил
И сам проклятье им.
Но ты их проклял... И теперь
Для дружбы вновь открыта дверь.

13 сентября 1977

ВОПРОС

Бывшим, нынешним и будущим друзьям
Друг! Мою руку возьми.
Пальцы легонько сожми.
Нежность и преданность другу
В дар через руку прими.
Друг! Без улыбки, всерьёз,
Дай мне ответ на вопрос,
Горе таящий и муку
Скрытых, невылитых слёз.
Разве лишь несколько лет
Держится дружбы обет?
В жизни безжалостной разве
Дружбы пожизненной нет?..

28 октября 1977

ТЕЛЕФОН

Вот противный телефон!
Не пускает к другу.
Всё гудит негромко он -
Коротко и туго.
Раз одиннадцать звоню.
Телефон-то зря браню:
Это друг болтает,
Отдыха не знает.
Отхожу до чёрта злой.
Вот болтун негодий!
День звоню, и на второй -
Всё одно и то же.

13 декабря 1977

* * *

Есть люди: любят не даром,
Торгуют чувства пожаром.
Но мой - иной идеал:
Любить не в долг, а в подарок.

14 декабря 1977

СУДЬБА ВЛЮБЛЁННЫХ

Бьют за то, что слишком сильно любят, -
И дрожат в кривой улыбке губы,
Обнажая стиснутые зубы.
Бьют за то, что слишком беззащитны, -
Как ни страшно, как ни больно биты,
Тянет их к любимому магнитом.
И пускай погибли все надежды,
Пусть любовь убита наповал, -
Всё ещё жалеют, как и прежде,
Тех, кто чувства лучшие топтал.
Всё могло б остаться, как и было,
И могла бы уцелеть любовь, -
Но влюблённый - даже он не в силах
Стать подчас любимого рабом.

19 декабря 1977

* * *

Любя всерьёз, но очень осторожно,
Чуть-чуть любви в ответ добиться можно.
Когда ж любовь настёрна чересчур,
Тебя возненавидят безнадёжно.

27 июля 1978

ПРАЗДНИК В ОДИНОЧЕСТВЕ

Друг не пришёл, - забыл или не смог, -
А ведь сегодня - дружбы годовщина.
В моей душе, как в доме, пуст порог.
Залью же пустоту отравой винной!
Конечно, друг ещё ко мне придёт, -
В какой-нибудь простой, не в этот вечер.
Но человек, когда напрасно ждёт,
Теряет что-то из души навечно.
Так выпью за трагедию свою!
За то, что я опять один остался.
Утратил всех почти, кого люблю,
И вот - душой и телом поломался.
Да будут силы век доживать,
Чтоб, заменивши дружбу просто делом,
Оставить след на свете черно-белом, -
Моей работы прочную печать!

10 августа 1978

* * *

Я знаю, что Вас обижаю,
Когда от руки ускользаю,
Что хочет меня обнимать;
От губ, что хотят целовать.
Уже я не маленький, право,
И ласки теперь не забава:
Как палку сырую, меня
Не выйдет - зажечь от огня.
Я болен, да это неважно,
Но я и далек ещё страшно:
Я в творчестве весь с головой,
И счастья не ждите со мной.

1 октября 1978

* * *

Я превратился в яблоко раздора -
Меня друзья не могут поделить.
Никак они решить не могут спора,
Кого же должен я из них любить.
А мне без них - не жизнь, но с ними - горе.
На части впору душу разорвать.
Случись беда - сойду в могилу вскоре, -
И мёртвый перессорю их опять:
Кто ж убивал меня? - начнут гадать.
Дом сумасшедший!

Сколько же в раздоре,
В нелепой сваре можно пребывать?!

14 ноября 1978

ПОГИБШАЯ ДРУЖБА

Прозрачный гроб из боли сделан,
Поставлен в сердце-мавзолее.
И сердце с этих пор болело
И кровоточило сильнее.
Забылся тяжким сном последним
В гробу покойник дорогой -
Любви и дружбы прах заветный...

А друг - живой.

И сутки круглые над гробом
Сижу, прощаюсь, слёзы лью,
И глажу гроб в ладони обе,
И песни горькие пою.
Будь сказка правдою чудесной -
К чертям бы гроб расколотил,
Чтоб дружба спящая воскресла, -
И с нею всё, что я любил.

15 ноября 1978

БАСНЯ О "ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ БОРЬБЕ"

Позор и стыд - броня гола!

Купили танки два чехла,
Решили приодеться.
Ведь обнажённым от стыда
И Бог не ведает, куда
Несчастливым танкам деться.
Чехлы готовы. Благодать!
Пришли друг к другу поблистать
Приличным видом танки.
Один гудит: - Послушай, кум,
Ты что же это свой костюм
Напялил наизнанку?
- Ты что, рехнулся или нет?
Костюм как надо мой надет,
И чист и отутюжен.
Поди-ка в зеркало взгляни:
У самого-то швы одни
Красуются снаружи.
И поднялась у них пальба,
"Принципиальная борьба", -
Снарядов не жалеют:
Тут "сволочь", "гадина" и "плут",
"Подлец", "свинья" - чем больше бьют,
Тем больше свирепеют.
"Палач", "предатель", "карьерист",
И "интриган", и "шантажист",
"/искатель выгод вшивый";
И "мещанин", "шпион", "вампир",
И "всех пороков командир",
И просто "пёс паршивый"...
Вот так бывает у людей:
Чуть попадутся в плен страстей -
И всё, пиши пропало.
Им не до общего труда,
Ума, таланта никогда
У них как не бывало!

5 декабря 1978

26 апреля 1990

* * *

И снаружи и внутри
Весь колючками исколот.
Хоть по паспорту я молод,
Болью старше раза в три.
Колют словом ядовитым
И молчаньем ледяным...
Если в смерть еще не сбиты -
Дальше вовсе устоим!

12 апреля 1979

МИР ИЗ БУТЫЛКИ

Что без пользы тратить нервы,
Если каждый встречный псих
Мчит в бутылку делом первым
От обычных слов моих.
Он в обидах больно пылкий.
Вздоря с ним, за ним вослед
Неохота из бутылки
Мне глядеть на белый свет.
Ведь бутылка непрозрачна,
Да к тому же не чиста.
Из бутылки пыльной, мрачной
Не увидишь ни черта.
Разве только обнаружишь,
Чтоб совсем не заскучать,
Грязь лепёшками снаружи, -
И за "факты" рад принять.
Столько сплетен, то бишь "фактов",
Сколько выдумать не лень.
Ведь заполнить надо как-то
В той бутылке мрачный день!

19 июня 1979

КАРТИНКА С НАТУРЫ

По квартире, как по клетке,
Ходит-бродит, ждёт-пождёт.
До чего ж бывает редко,
Если друг и впрямь придёт.
Схожий со звонком немного,
Тихий - либо мнимый - звук,
С нарастающей тревогой
Ждуше ловит слабый слух.
Открывая поминутно
Дверь в ответ на мнимый шум,
Ходит к лифтам, курит грустно,
Невесёлых полный дум.
Не стерпев метанья в клетке,
У подъезда ждёт-пождёт...
До чего ж бывает редко,
Если друг и впрямь придёт!

2 июля 1979

27 апреля 1990

24 августа 1993

5 июля 1996

ВЕРА В ЛУЧШЕЕ

Я долго жил как будто заколдованным.
Меня людские злоба и корысть,
При всем своём коварстве тренированном,

Коснуться не могли, как ни рвались.
Не думал я, что вот за этой стенкою,
Быть может, спор идёт из-за грошей,
Которые в кармане жидко тренькают,
Не обещая рай для алкашей.
Фаянсовую чашечку сервизную,
Разбитую - кому-то больше жаль,
Чем нервы близких нежные, капризные:
Порвать легко, связать же вновь - едва ль...
Я прожил пору добрую, наивную.
И в горький час познал я пьяный раж,
И злобу кухни мелко-неизбывную,
И ласку, что отсчитывал торгаш.
Но веру сохранил: как ни заношена
Подкладка жизни, - будет, чёрт возьми,
Отпорота, и в прошлое отброшена,
И сожжена хорошими людьми!

14 августа 1979

24 августа 1993

5 июля 1996

* * *

Схватился б за таблетки от печали,
Что помогли б забыть хоть на минуту,
В какое же болото мы попали -
В мещанскую возню и сплетен смуту.
Такие в повседневье коммунальном
Войны холодной межсоседской страсти,
Что места нет взаимному участию,
И вообще нет силы жить нормально.
А рядом - может, за стеною - быт
Другой, доверчивый и всем открытый,
Не ведающий кухонных обид,
Весельем, крепкой дружбою прошитый...

21 января 1980

ПЛАФОН

Что за грохот, что за звон?
С люстры сбит один плафон.
Сбит, у ног лежит,
Вдребезги разбит.
Обыватель тужит,
Панихиду служит:
- Уж убийцу мы в щипки,
В злые примем языки!
Уж его сведём
В сумасшедший дом!
Будут все персоны
Знать, как бить плафоны!

6 марта 1980

.

ДВЕ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

Посвящаю Б.М. Б.-Б. в благодарность
за самую действенную моральную
поддержку, оказанную мне в первые
годы моего пребывания в коммунальном
аду

ВСТУПЛЕНИЕ

Давно известно: у медали
Две стороны, - разъять нельзя.
Мы с мелочами воевали
В текучке нудной бытия.
Сначала - слёзы, боли свежестъ,
И ужас множества утрат,
И сердца сломанного скрежет,
Воспоминаний горький чад.
Потом - издёвка надо всеми,
А над собою - больше всех:
Притихшую настало время
Всё ту же боль поднять на смех.
Переживали мы сначала
Большую боль по мелочам.
Любая мелочь представляла
Всемирной катастрофой нам.
Но этот "мир" - в одной квартире,
И вот другая сторона,
И в горькой, яростной сатире
Нам мелочь мелочью видна.
Так написал я две поэмы:
В одной метался и страдал;
В другой - на ту же точно тему, -
Нарыв издёвками вскрывал.
Но вот, готовые, предстали
Не две поэмы предо мной, -
Две стороны одной медали,
Два рукава реки одной.

ЛИРИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПРОЗРАЧНОЕ СЧАСТЬЕ

ЛИРИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Не равнодушный фотоаппарат -
Распахнут настежь неотрывный взгляд,
Порабощённый полною луной
Над чёрной иссык-кульскою водой.

Где мелководья ласковое дно,
Где пляж, - всё одинаково черно,
И только справа яркий лунный свет -
В воде манящий, недоступный след.

Чудесный вечер! Тоненькую грусть
На Якова наводит лунный путь.
И Яков сел на лодку, что ничком
На пляже отдыхала кверху дном.
Без боя хрупкой грустью покорён,
О Чёрном море вспоминает он,
Как был там вечер в точности такой...

Они втроём гуляли под луной.

Луны дорожка, как мечта светла,
По чутко дремлющей воде плыла.
Чуть слышно плещет море в парапет.
Сквозь чёрную листву чуть виден свет
Шагающей по набережной всей
Цепочки редкой тусклых фонарей.
Захар был мрачен, как сама беда,
А Яков шёл задумчив, как всегда.
Призналась тихо Рита:

- Не пойму...

Такая грусть, не знаю почему...

Ну, не сказать, что так уж грустно мне, -
И грустно чуть, и хорошо вполне.

Захар в усмешке скривился, вздохнул,
Рукой пренебрежительно махнул:

- И грустно, и приятно! Курам смех!

Другим бы эту грусть, - счастливей всех
Тогда считать могли б они себя.

Им не в новинку бездна горя вся,
Видали и трагедию самую, -

И то ничуть не ноют. Не пойму,
С чего тебе-то ныть? что за пожар?

- Не понял ты, не ною я, Захар...

Обида оборвала голосок.

Шуршал под дремлющей волной песок.

Тогда вмешался Яков:

- Моралист!

Нравоученья, как увядший лист,
Не стоят ничего. Откуда спесь?
Вот у больных такое свойство есть...
Они в больничном коридоре ждут,
Когда к врачу кого-то позовут.
И там любой из них - как тот кулик,
Что на своём болоте лишь велик.
Своей болезнью там кичится всяк,

А все болезни прочих - так, пустяк,
И лишь его болезнь - вот это да:
Ещё страшней не слыхана беда.
Чего не понял - хаять не спеши,
И тонкие движения души
Всё ж отличить попробуй от нытья.
Я понимаю Риту: у меня
Такая грусть, приятная тоска,
Довольно частый гость. Она легка,
Бывает по хорошим вечерам.
Её не просто выразить словам,
Неточно называть её тоской...
Скорей она - лирический настрой,
когда стихи послушать - благодать,
И хочется их самому писать.
На лунную дорожку посмотри,
На тусклые сквозь листья фонари,
Прислушайся, какая всюду тишь...
Неужто сам чуть-чуть не загрустишь?

КУХОННАЯ ФИЛОСОФИЯ

Поднялся ветер, волны разогнал,
И Иссык-Куль в ночи забушевал, -
Ряды шипящей пены он на штурм
Береговой твердыни бросил, хмур.

Очнувшись, Яков с днища лодки встал,
И взад-вперёд по пляжу зашагал,
Вдоль самой пенной кромки зашагал,
Как на смотре вдоль фронта генерал.

А Иссык-Куль волною берег бил,
На ноте "фа" песок с шуршаньем рыл,
Да гимн шипел извечный всех морей, -
Тем безысходней, чем удар мощней.
Бессилье берег штурмом сокрушить,
И всё ж упорство без конца долбить,
Бесить врага назойливой волной, -
Всё в этом гимне вылилось тоской.
И Яков, весь напрягшись, как струна,
Понять старался, что поёт волна.

Он думал: "Сплетня, добрая на вид,
Как эта пена, точно так шипит,
Летит, провалы чёрной лжи прикрыв,
Как прячет пена чёрных вод прилив".

Недобрым словом сплетни помянул,
В недавнем прошлом мыслью утонул,
Тоска, проснувшись, душу вновь щемит, -
Открылись раны старых злых обид...

На днище лодки Яков сел опять,

И начал сам себя воображать
С позиции мещанского кружка,
Знакомых кухонь скудного мирка.

Счастливчик! Лишь жены недостаёт.
Окончил ВУЗ и при деньгах живёт.
Но он какой-то не такой, чужак:
Одет, причёсан, выбрит кое-как.
Всё у него не так, как у людей.
Собрал такую мебель - двух вещей,
Да чтобы под один и тот же цвет,
Под стиль один, - в его жилище нет.
Нет своего - уважил наш бы вкус...

- Стиль радуги, - смеётся этот гусь.
- Зато стеллаж какой - на три стены!

Одни лишь книги для него важны.
Попробуйте, поговорите с ним!
Всё с идеалом носится своим,
Когда все люди будут, мол, творить, -
Без творчества не смогут просто жить.
Не горстка золота в речном песке, -
Тогда талантливыми станут все,
Машинам, говорит, передадут
Несложный, скучный, монотонный труд,
А что поинтересней, посложней,
Должно посильным стать для всех людей.

- Совсем неважно, - разбубнился он,
- Как долг будет путь до тех времён:
Иначе всё достигнутое зря,
Иначе людям просто жить нельзя.

Чем думать всё о том, чему не быть,
Ему костюм по моде бы купить,
На импортное не жалеть рублей, -
У нас хороших вовсе нет вещей...

"РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНИЦА"

А впрочем, что уж кухню презирать...
Она добра, как бабушка и мать:
Всегда накормит. Правда, жаль, что нос
К плите на веки вечные прирос.
Но в этом не вина её - беда...

Бывает много хуже иногда.
Случается, из двух друзей один
В другом нежданно злобу возбудил,
И тот условия ставит:

- Выбирай!
Его бросай, или со мной - прощай!
Так оба друга дороги, близки...
Обоих ты до гробовой доски

Не бросил бы... Ну как тут выбирать?
Причину разногласий где искать?

В подобной переделке Яков был.
Захар Настасью без ума любил,
А той Настасье, видно, тесен мир:
Захару ни к чему второй кумир.

Захар был дружен с Яковым, с Петром.
Зудит Настасья тайным шепотком:
Душа не нараспашку у Петра...
Разоблачить его давно пора...
Неискренен, секретничать горазд...
Вас с Яковым, голубчиков, продаст.
Кому? - Да покупателей найдёт!
За дурней двух недорого возьмёт.
Но ты намного Якова умней...
(Петра, как видно, мало было ей.)
Доверчив Яшка, чересчур простой:
Всё говорит Петру, что за душой.
Будь осторожней с Яковым, милоч!
Потребуй: пусть прозреет дурачок!
Да пригрози: пускай порвёт с Петром,
А нет - с тобою дружба кувырком!

Нетрудно ложь за правду выдавать:
Лишь фактами сумей обосновать.
А факты громоздить - какой же труд?
Легко в системе ложной факты врут.

Не верит уж Захар своим друзьям,
А верит фактам с ложью пополам,
И с Яковым доходит до угроз:
- Порви с Петром, не то - со мною врозь!

Под тем нажимом Яков заболел,
Но рвать с Петром не мог и не хотел.

С Захаром он в квартире жил одной,
И это стало лишнею бедой,
Как вспыхнул мелочной вражды пожар...

Однажды в ванной углядел Захар,
Что не впервые Яшкой свет забыт...
Бедя: копейка лишняя горит!
А Яков приступ одолеть не мог.
Лежал он в кресле, левый щупал бок:
Ползла по нервам к сердцу не впервой
Проныра-боль шипящею гюрзой.
И тут Захар явился - бледен, зол
(Ругаться время лучше не нашёл):

- Кто за тобою должен свет гасить?!
Две трети будешь за него платить!
Плетётся Яков, прячет приступ свой,

Свет выключает, видя гнев такой:
Захар не пожалеет, не поймёт,
А приступ отговоркою сочтёт.

Так шла у них по мелочам война.
Хирела дружба, тяжело больна,
Взамен росла могучая вражда, -
Придаться можно ко всему всегда.

РАЗРЫВ

Гнилая осень. Без конца дожди.
По серым дням маячат впереди
В жару простудном ночи без луны,
Бессонным одиночеством полны.
В промозглые такие вечера
Согреться б Якову, как у костра,
В кругу друзей... Да нет их, не пришли:
Их тени только чудятся вблизи.

Поздний вечер, еле освещённый
Равнодушным фонарём.
До костей тоскою охлаждённый, -
Не согреться и стихом.

В черноте мелькают рядом тени
Словно вымерших друзей.
Даже черноты гнилой осенней
Тени кажутся черней.

Обратился б он и к тени с речью,
Да какой же в этом прок?..
Всё равно теплей не станет вечер
На любой кратчайший срок...

И Яков по Захару тосковал,
Из комнаты соседней в мыслях звал
К себе его, угрюмого сыча,
Молчальника, что дружбу сгоряча
Топтал, терзал живьём по мелочам
По тем осенним чёрным вечерам.

Какая боль!.. Но что ж его винить,
Влюблённого?.. Любовь - такой магнит,
Что самой крепкой дружбы посильней.
Захар, Захар!.. Кто был тебя нежней,
Когда с тобою были мы друзья?..
Но кто жесточе, кто подлей тебя
Сегодня, в эти злые вечера?
Зачем ты бросить требуешь Петра?!
Клевещешь, до безумия влюблён,
Что Петя - и предатель, и шпион...
А Петя - друг, какого нет нигде:
Помощник первый в творческом труде.
Пойми, ни с кем не хочется мне рвать.

Мне вас обоих жалко потерять.
Мы разные, Захар. Но вспомни сам:
Различья раньше не мешали нам.
Так что ж сегодня, объясни, страслось,
Что мы с тобой чем дальше - больше врозь?..
Нам друг без друга жить немыслимо,
А вместе жить немоготу.
С тобою мы друзьями числимся,
Но в склочном уж давно бреду.
Считали важным только общее,
Его искали у себя,
А отличительное прочее
Прощали радостно, любя.
И что ни год - сближались более.
Болели болью мы одной.
В одно сплавлялись общей долею,
Одной мечтой, одной борьбой.
Прошло то время... Горе грянуло,
И непохожесть наша вдруг
Сегодня дружбу насмерть ранила,
А мы - разнять не можем рук.
Нам друг без друга жить немыслимо,
А нас различья тянут врозь.
И мы друзьями только числимся,
Сердца же боль сверлит насквозь...
И день и ночь в душе своей больной,
Как будто с мёртвым, говорю с тобой,
Всё не могу никак наговориться,
Наспориться... А ты живой, живой!
Живой - но для меня как будто мёртвый.
Живой - но даже вежливостью чёрствой
Друг друга мы не смеем оделить, -
Хотя бы самой скудной, нищей горсткой...

В ту осень состоялся их разрыв -
Прорвался боли раковый нарыв.
Что толку выяснять, кто виноват?
Свалить ведь каждый на другого рад
Свою вину: других судите, мол,
А я лишь отпущения козёл,
Иль вовсе прав во всём и навсегда, -
Не по моей вине страслась беда...

НЕЖНОСТЬ ПОД ПАНЦИРЕМ

Совсем сковала Якова печаль.
Но вдруг он с лодки встал, взгляделся вдаль:
За Иссык-Кулем, точно две луны,
Два огонька отчётливо видны.
Что там горит? Быть может, теплоход

Сквозь волны где-то напролом идёт.
А впрочем, оба огонька стоят...
Понятно: километров шестьдесят
Отсюда берег дальний, говорят,
И там две группы фонарей горят.
Две группы фонарей - и два села...
В два робких огонька их даль свела.
Надеждой светят эти огоньки,
Но, как мечта, безмерно далеки.
Надежда наша вечная - найти
К людскому счастью верные пути,
К мечте, которой имя - Гуманизм.
Пушай бушует Иссык-Кулем жизнь,
А всё равно по самым злым волнам
Переплывём к манящим огонькам!

"Куда меня зовёшь ты, огонёк? -

Опять затеял Яков монолог.

- Не так ли нежность у людей горит
Сквозь панцирь сплетен, грубостей, обид,
Сквозь мелочность призывным огоньком?..
Содрать бы к чёрту панцирь тот на слом!

Я мало жил - всего лишь четверть века,

И жил я много - двадцать пять веков.

Я занят был познанием человека -

Его сокрытых, внутренних основ.

Не раз мой друг сходил от боли с рельсов,

Не раз я сам по шпалам тарахтел.

Куда наш добрый, умный стержень делся?

Что за исток жестоких слов и дел?

И образ друга мучил неотступно,

Вставал и днём и ночью предо мной, -

Какой-то без кровинки, бледный, трупный,

Какой-то замороженный бедой.

И я мечтал за образ тот проникнуть,

Постичь мученья друга изнутри,

Не дать ему непонятым погибнуть,

Его беду с собою унести.

Живи, родной, не знай отныне боли.

На целый мир по-доброму взгляни.

Согрет людскою дружбою на воле,

Скорее панцирь с нежности сними!

А вежливость?.. да это суррогат!

Я вежливости на безлюбье рад,

Но маску вежливости снять пора, -

Нам нежность подавайте на-гора!"

В свои права давно вступила ночь.

Остаться б Яков до утра не прочь,

Да ветер ледяной продул насквозь...
До завтра, Исык-Куль! Приятных грёз!..

БОЛЬ-МЕЧТА

Великолепный видел Яков сон...
Кругом свечений красноватых сонм
Мелькает, и порхает, и горит,
А Яков с изумлением глядит.
Решился, руку протянул, - и вот
Свечение тоже руку подаёт.
Заговорил, - и получил ответ...
Так началось общение двух планет.
То был, как мы, такой же человек,
Но век его - для нас миллионный век.
Неспешно гас пришельца красный свет.
- На звездолёте к нам?
- У нас их нет.

На что нам черепаха-звездолёт?
Быстрее тела нашего полёт.
Но это было не всегда - увы!
Свой путь мы раньше начали, чем вы,
И с притяжением своей Земли
Когда-то сладить тоже не могли.
Всё было: самолёты, космофлот.
Но сами не летали мы. И вот
Открыли способ, как летать самим:
Пространство телом побеждать своим.
Теперь для нас планеты навещать -
Ну, то же, что для вас в лесу гулять.
- Вот мне бы научиться... Можно?
- Да.

Научим без особого труда.
И вспыхнул Яков:
- Всё перенесу,
Чтобы гулять в космическом лесу!
Провал...

И, всплыв из сонной глубины,
Уж видит он себя со стороны
Таким же, как учитель, летуном.
Разбег, и вот пружинистым прыжком
Он сразу оторвался от земли,
И красным огоньком плывёт вдали
Всё выше, выше... В небе пустота.
Вздохнул, проснулся. В сердце - боль-мечта:
Ах, если бы все люди всей Земли
И в самом деле улететь могли
В эфир огромных творческих побед!..
Ведь выше счастья во вселенной нет.

А творчество - для всех открытый дом,
Куда, на жизнь рассержены, придём,
Побудем час-другой, - и, будто вновь
На свет родившись, каждый жить готов.

Ты измучен, истерзан
Мелочами в быту.
Болью взорвано сердце,
Весь в холодном поту.
До предела промёрзший
И душой, и умом,
Аж завидуёшь мёртвым...
Приходи в этот дом.
Тут весёлые люди,
Добротою полны,
Ни за что не осудят,
Не припишут вины.
Щедро делятся счастьем,
Жизнелюбием тут.
Двери, души - всё настежь:
Тут открыто живут!

Не замыкайся в глупых мелочах!
Они - дороги дальней жалкий прах.
В ночной дороге не видать ни зги...
Так творческий пожар в себе зажги,
Согрейся, друг, дорогу освети,
И - в добрый час! Счастливого пути!..

ПРОЗРАЧНОЕ СЧАСТЬЕ

На Иссык-Куле ветер не стихал.
Он брызги с пенных гребешков срывал,
И слал на штурм неведомых высот, -
В их первый и последний перелёт.
Как тех пришельцев огненный парад,
Они под солнечным лучом блещут,
И Иссык-Куль во весь простор горит -
Глаза холодным пламенем слепит.

Вода-то утренняя вечно - лёд.
Рукой с размаха волны Яков бьёт,
Плывет, спешит попасть на глубину,
Чему-то вслух дивится:

- Ну и ну!

Солёный лёд пробрал его насквозь,
Но в теле пламя - вовсе не мороз:
Прозрачный холод, разгоняя кровь,
Смывает, гонит изо всех углов
Тоску ночную, щёлочи обид...
Ни пятнышка - всё чисто, всё блестит.
Как будто кто-то щёлкнул рычажком:

Горит волшебным мягким светом дом,
И за стеной исчез ночной туман,
И мир окрестный звонок и стеклян.
Но вскоре Яков здорово продрог,
И на песок, нагретый солнцем, лёг.
Прищуренно сквозь пальцы глядя ввысь,
Следит привычно, где витает мысль.
"Ты в самом деле, Иссык-Куль, живой!
Прозрачным счастьем - вовсе не водой -
И красотой ты полон до краёв.
И всем дарить сокровища готов,
Кто в суете житейской уберёг
Мечту - для счастья, для красы - восторг.
Ну как не вспомнить греков и других,
Кто расселял везде Богов своих!
Ты, Иссык-Куль - как тот Божок седой,
На глубине живущий под водой,
И счастьем заливающий друзей,
Лаская нежною волной своей.
Уверен: если выплыть далеко,
Туда, где очень-очень глубоко, -
Передо мной расступится вода,
Меня подхватишь бережно тогда.
И скажешь: "Рад, что ты поверил мне.
Не побоялся плыть на глубине.
Людской мне горек предо мною страх..."
Я долго был бы у тебя в гостях.
Тебе, как другу, я б открылся весь,
С мечтою самой дерзкой, что ни есть:
И телом и душою чистым быть,
Натянутым и звонким, будто нить
Стальная, что от счастья вся дрожит,
О счастье, а не о беде звенит!"

САТИРИЧЕСКАЯ СТОРОНА КОБРА СРЕДИ ЛЮДЕЙ

1.

В субтропических песках
Обитала кобра.
Белый свет в её глазах
Выглядел недобро.
Кобра пряталась от всех
В тёмной, узкой норке.
Если ж надо ей наверх -
Оглядится зорко.
Год за годом так жила,

Вроде не тужила,
Но, как молодость прошла,
Кобра зачудила.
Порешила со своей
Норкой распротиться.
Захотела стать добрей,
Меж людей обжиться.
Ну, гадать не будем зря,
Что там с ней случилось,
Только в женщину змея
Как-то превратилась.
Щёки толстые, и нос
Даже незаметен.
Вдоль спины поток волос
Самый длинный в свете.
Ходит, словно бы скользя.
Стан змеиный, гибкий.
Не мигнут её глаза,
Но щедры улыбки.

2.

Кобра в образе таком
С норкой распротилась.
В ближний город напрямиком
К людям заявилась.
Кобра в городе. Хотя
Ум у змей не острый,
Ясно ей, - нужны друзья:
К новой жизни мостик.
Но такие, чтоб змею
Поздно разглядели,
И, за жизнь дрожа свою,
Спорить с ней не смели.
Кобра дружбу простаков
Хочет заработать
Звоном-бряком льстивых слов,
Показной заботой.
Что ж, таких найти друзей
Кобре не задача,
И особая тут ей
Не нужна удача.
Меньше встретится других:
Что ни год, умнеют;
Кобру в образах любых
Распознать сумеют.
Только поздно иногда
Неторопкий разум
Разобраться, в чём беда,

Помогает глазу...

3.

Жили в общем-то в ладу
Мать, отец и дети,
И не чаяли беду
Очень скоро встретить.
Вышли как-то сыновья
Прогуляться малость.
В виде женщины змея
Парням повстречалась.
Слово за слово, и глядь -
С коброй так сдружились,
Что для них отец и мать
В "предков" превратились.
И змею домой ведут,
С "предками" знакомят,
Чаще заходить зовут,
Просят быть как дома.
Кобра хвалит всех подряд,
Не стесняясь лести,
А у матери ребят
Сердце не на месте.
Ей почудилось на миг
В беспокойстве смутном:
У знакомой-то язык
Раздвоенный будто.
Рассказала и отцу,
Но отец спокоен.
Отвечал, что не к лицу
Думать ей такое.
А мальчишки-сыновья
Дружбу водят с коброй.
Показалась им змея
Женщиною доброй.
И на ухо им плетёт
Кобра с тайной злостью:
- Вы талантливый народ,
Гениальный просто!
Будет плохо, дайте срок,
Всем, кто нас обидит. -
Ядовитый язычок
Изо рта чуть виден.
Раздвоенный, он торчит,
Как его ни прятать.
Чем подруга их грозит,
Неведомёк ребятам.

4.

Но уж убедилась мать,
Кто ребят подруга.
Стала деток просвещать:
- Это же змеюга!
Так похожа! Столько в ней
Непролазной фальши!
Вам держаться бы верней
От неё подальше. -
Сыновьям плетёт змея,
Непорядок чуя:
- Это мать чернит меня,
Вас ко мне ревнуя.
Мне-то что! В сердцах у вас
Много ль надо места?
Тесно матери как раз
Там со мною вместе. -
И мальчишки защищать
Гадину готовы:
- С кем дружить - лишь нам решать!
Тут за нами слово. -
И дают за коброй вслед
Правде непритворной,
Бедной матери ответ
Песенкой позорной:
"Эх ты, поборница единства,
Из мухи вздувшая слона,
И волю давшая бесчинствам
Грызни без края и без дна!
В сердцах у нас устроив давку,
Какой не ведало метро,
Другим хотела дать отставку,
Чтоб захватить себе весь трон.
Да вот великая досада:
Без трона спорные сердца.
Найдётся место всем, и надо
Друзей побольше, без конца.
А если всё ж кому-то тесно,
И локти он пускает в ход,
Себе от прочих чистит место,
Себе лишь требует почёт, -
В сердцах у нас зачинщик давки
Достойно будет награждён:
Другим мечтая дать отставку,
Отставку сам получит он!"

5.

В сто ручьёв рыдает мать,
И отец расстроен:

Всё не может он понять,
Что кругом такое.
Но слышал как-то он,
Что поют сыночки:
- Ах, недаром был мне сон -
Всё сбылось до точки! -
Снилось, что его семья
Под угрозой дикой:
Выползает к ним змея
Из дали великой.
Кобра длинная, - на глаз
В ней четыре метра.
- Что за дело ей до нас? -
Он спросил у ветра.
Только ветер промолчал:
В качестве ответа
В странном страхе убежал,
Затаился где-то...
Ну, а кобра всё ползёт
Неизбежным роком,
Не спеша, вперёд, вперёд, -
Вот уж недалёко.
Слепо верят сыновья
Сплетне ядовитой.
Прежде мирная семья
Сварой вся разбита.
Вот ужалила отца
Кобра, - отшатнулся,
И в предчувствии конца
С криком он проснулся.

6.

В сто ручьёв рыдает мать,
И отец тревожно
Начал сон свой проверять...
- Это невозможно! -
Он воскликнул. - До чего ж
Вид подруги деток
На мою змею похож!
Как же вышло это? -
- Как же вышло?.. Эх, отец! -
Мать заговорила.
- Разобрался наконец!
Раньше надо было.
Ладно: позже, да верней.
Ну-ка посоветуй,
Как же нам спасти детей
Вот от кобры этой? -

Как спасти?.. Оно и впрямь
Дело непростое:
Брякни правду сыновьям
Про змею, - пустое!
Не поверят ничему,
Лишь ответят песней
Про таких плохих, кому
В чьём-то сердце тесно.
Нет, тут надо поумней,
Чтоб сыночки в доброй
Сами в женщине своей
Разглядели кобру.
Только опыт вразумит,
Тут мораль бессильна,
Пусть придётся заплатить
Горем изобильно.

7.

Перед коброй сыновья
Сетуют на "предков":
- Ничего без них нельзя!
Дома, будто в клетке!
В общем мирно всё у нас
До поры, до срока...
Но застрянь в гостях на час -
Сразу град упрёков!
Да ещё того чудней:
Предки опекают
Нас и в области друзей, -
Всех-то проверяют.
Вдруг, мол, влезет к нам в друзья
Карьерист опасный... -
"Что же, - думает змея,
- Это всё прекрасно!
Значит, всё у них в семье
Только сверху гладко.
Клеветнуть немножко мне -
Мир и рухнет шаткий!"
- Ну, ребята, вам нужна,
Вижу я, свобода.
Мраком жизнь у вас полна,
Светлого - ни года.
За свободу воевать
Нелегко, учтите.
Но - могу вас поддержать
В этой правой битве.
Будь счастливой жизнь у вас,
Сносною хотя бы, -

Я б спокойно убралась:
Не нужна была бы.
А теперь вот не могу
Сгинуть с лёгким сердцем,
Если вам не помогу.
Вы уж мне поверьте... -

8.

И змея ребят зовёт
На совет секретный.
Там опять своё плетёт:
- Мне давно заметно,
Что и добрый ваш отец
С толку сбит мамашей.
Положить хотят конец
Крепкой дружбе нашей.
Вы же знаете, друзья:
Я - сама правдивость,
А меня ругают зря.
Где же справедливость?
Сплетни, дразги, что ни день.
Доведут до смерти...
У меня давно мигрень
Из-за них, поверьте.
Мне не надо ничего,
Кроме дружбы, право.
Но неужто торжество
Мы врагам доставим?
Над собою не дадим
Праздновать победу.
Или, может, промолчим?
Их поверим бреду? -

9.

- Я с тобой! - один сказал,
Кобру утешая.
Как невесту, приласкал,
Крепко обнимая.
- Мне с тобою лишь одной
В целом мире любо... -
- Дай же я тебя, родной,
Поцелую в губы. -
Он не знал, что яд проник
В рот его открытый,
И что стал его язык
Жалом ядовитым.
Только человеческий вид
От него остался...
- Ну, а вы? - другим шипит.

- Я не разобрался,
Вы за нас ли? Или вдруг
За врагов, за предков?
- Что-то ты бранишься, друг,
Чересчур уж крепко!
Кто враги? Отец и мать?
Но и вы друзья нам...
Не хотим ни с кем мы рвать!
- Так и мы не станем
С вами знаться! Вот наш сказ,
Вот последний выбор:
Кто не с нами - против нас,
Враг наш! Либо - либо.
- Станный выбор... Нет, шабаш!
Мать с отцом дороже!
Хватит глупых свар! Вот наш
Сказ - последний тоже.
Если примем этот твой
Наглый ультиматум -
Перестанем быть собой,
Всё своё утратим. -

10.

Вот собрал отец семью
С оборотнем вместе.
Начал совестить змею,
Воздавать по чести:
- Думал, ты умна, добра,
До конца правдива...
Не умна ты, а хитра;
Не добра, а льстива.
Ты сумела нам польстить,
К нам в доверье влезла,
Чтобы мир в семье разбить,
Чтоб семья исчезла.
Ты интригой занялась,
Клеветала смело,
И настроить против нас
Сыновей сумела.
Так уйди сама навек,
Или гнать придётся!
Ты и впрямь не человек,
А змея, сдаётся... -
Дальше лучше бы не знать
Сказку... Шея вздулась.
Мигом женщина опять
Коброй обернулась.
И кобрёнок вместе с ней

Угрожает жалом...
Было трое сыновей.
Только двое стало.
А отец и не успел
Отскочить немного,
Как внезапно побледнел, -
Был ужален в ногу.

11.

Двух детей зовёт отец,
Молвит:

- Вот, ребята,
Наступает мой конец.
Вы не виноваты.
Только опыт вразумить
Поздно или рано
Мог бы вас... Чего ж винить
Глупого барана!
Научитесь наконец
Раньше дела думать... -
Замолчал, вздохнул отец,
Простонал - и умер.
Голова змеи в лице
Ясно проступила,
Страшным жалом на конце
Словно всё грозила.
Братья над отцом стоят
Тихо, потрясённо.
Песня в их ушах вразлад
Стонет похоронно:

"Сердце - склеп.

Гулко, пусто, и нечем, и нечем заполнить его.

Глух и слеп

От тоски... Что ж ты делал, пока он был жив? -

Ничего.

Ниже гнись,

Гнись под грузом тобой нанесённых смертельных
обид.

И казись,

Повторяя задушенно: "Лучше бы я был убит!.."

Исправляй

Всё, что сможешь, да только ничем уж ему не
помочь.

Принимай

Без обиды проклятья день каждый и каждую ночь.

Ниже гнись,

Гнись под грузом тобой нанесённых смертельных
обид.

И казись,
Повторяя задуманно: "Лучше бы я был убит!.."
Ты - палач.
Ты нелепою склокой отправил его на тот свет.
Так не плачь!
Нету права на слёзы, и прав на прощенье нет.
Ниже гнись,
Гнись под грузом тобой нанесённых смертельных
обид.

И казись,
Повторяя задуманно: "Лучше бы я был убит!..""
12.

Смотрят - змей давно уж нет.
Только струйкой яда
На полу к порогу след...
Отомстить бы надо.
За убийцей сыновья
Бросились в погоню.
В виде женщины змея -
Глядь, - скользит спокойно.
Прямо к ним она скользит
С траурною миной.
Жала длинного торчит
Чуть не половина.
- Что ж вы бросили меня
В трудную минуту? -
Злобно им шипит змея
В правом гневе будто.
- Что за трудности, позволь,
У тебя, проклятой?
- Мне отца не жалко, что ль,
Вашего, ребята?
- Как! Самой отца убить -
И самой для виду
По отцу слезу пролить,
Справить панихиду?! -
Каждый палку в руки взял
Подлинней, покрепче.
Мигом с кобры снова спал
Облик человеческий.
Не мозоля больше глаз,
В первую же щёлку
Кобра спешно убралась, -
Хвост метнулся только...

13.

Как бы рад я на змею
Выпустить мангуста,

Чтобы он еду свою
С громким схрупал хрустом!
Да не встретил я зверька
Для такого чуда.
Кобры ползают пока
Между нами, люди.
Вовремя бы их суметь
Распознать, ухлопать...
Сам бы рад я поумнеть,
Да не впрок мне опыт.

28 августа 1979 - 1 апреля 1980

Последняя правка относится
к 28 июня 1997

ЕРАЛАШ

В нашем парке на эстраде -
Симфонический галдёж.
Что играют эти дяди -
Как ни слушай, не поймёшь.
Что на душу чёрт положит -
Каждый это и бренчит,
И трубит, как только может,
Барабанит и хрипит.
Кто-то реквием затеет,
Кто-то вальс, а кто-то марш...
Всяк играет, что умеет,
Ну а вместе - ералаш.
Дирижёр-то где? Что значит
Дикий этот разнобой, -
Не кошачий, не собачий,
И уж вовсе не людской?
Очень просто: музыканты
Слышат каждый сам себя,
Все соседские таланты
Справедливо невзлюбя.
Чем дивиться, лучше честно
Взглянем на себя самих:
Не в таких же ли оркестрах
Мы трубим без выходных?

1 июля 1980

* * *

Я ключи потерял от квартиры,
Липкий быт потерял под замком, -
И свободен от рухляди мира,
И со счастьем отныне знаком.
Все проблемы на кухне за дверью:
Коммунальная грязная боль,
Ко всему и ко всем недоверье
Через круглый стеклянный контроль.
Вот и славно! Из камеры пыток -
Отпуск хоть ненамного длинней.
Мне вольнее под небом открытым,
Мне под шубою дружбы теплей, -
От застенка не надо ключей.

12 сентября 1980

* * *

Ты меня отправила
Дальше преисподней.
Значит, ты слукавила
Предо мной сегодня!

Ну, куда же именно
Дальше? - Всё понятно:
Просто, значит, ты меня
Жить зовёшь обратно.

8 сентября 1981

* * *

Я исцелён: весь мир мне слышен,
Весь напряжённый жизни звон:
И плач и пенье ребятишек,
И взрослых речь со всех сторон.
Я исцелён: И звёзды вижу,
И выраженья лиц друзей.
Весь мир понятней стал и ближе,
Не скрытый под рукой моей...
Но вроде скучно жить без боли, -
Не настрадался левый бок.
Вот новости! Жениться, что ли?
Не ради счастья - ради склок?..

30 сентября - 2 октября 1981

* * *

У людей есть имена,
Клички - у животных.
У мерзавцев - "он", "она", -
Как и у влюблённых...

6 октября 1981

Наблюдение: имена мерзавцев называть избегают. В
ненависти, как и в любви, стараются обходиться
местоимениями. Крайности сходятся.

Потом прочитал частичное подтверждение у Цветаевой в
очерке "Чёрт": к любимому обращаются на "ты" - без имени.
Местоимения третьего лица - не для прямого общения, а для
рассказа другим.

* * *

Да ты кто? Хирург ты иль мясник?
Отсекай, соскабливай гнилое,
Но не тронь растущее, живое,
Трупным духом с толку сбит на миг.

19 февраля 1982

* * *

Какие мы неловкие, однако!
Что ценного и хрупкого ни есть -
Несём беспечно в засуху и слякоть,
Под мышкой через горы, степь и лес.
Споткнулись. Неохота в землю носом!
И руки врозь, а клад о камень - вдрызг...
И ищем виноватых: Нет вопроса

Важней на всю оставшуюся жизнь.

27 февраля 1982

* * *

Ищем, думаем: что за новости?
Что за сложности начались?
Где скопили мы столь суровости,
Столь предвзятости набрались?
Снова колкое одиночество
Наждаком раздирает врозь.
Ничего выяснять не хочется,
Да и нечего - врёт прогноз.
Как ужи от какой опасности,
Расползаемся по углам.
А всего-то душевной ясности,
Простоты не хватает нам.

3 марта 1982

* * *

Так мало жить! Не надо подозрений.
Ну что же делать, если я не тот,
Кто раз тебе приснился в час весенний,
И снился не один счастливый год...
От снов счастливых отрываться трудно.
А сон без сновидений - это смерть.
Но счастьем жизнь освещена так скудно,
И так друг друга нелегко согреть!..
Зачем же холод выдуманной боли,
Коллекции предвзятых мелочей?
Бед настоящих мало в жизни, что ли?
Без философских бы дружить затей...
Дружить... Да не текут обратно реки.
Упущенный не повторится срок.
И мне простить не сможешь ты вовеки
Признаний этих новых горьких строк.

3 - 4 марта 1982

* * *

Ах, никто не обязан меня понимать,
И не вправе я в том никого упрекать.
Я пожизненно должен терпеть эту муку:
Попытавшись дружить - снова дружбу терять.

18 - 19 марта 1982

* * *

Е.Г. Щ.

Я, не умеющий отличить
Женщину - от мужчины;
Я, научившийся только любить
Душу - из тела вынув, -
Я полюбил тебя с давней поры

Так, потихоньку, не очень,
Но остальных из твоей сестры
Любить и тихонько нет мочи.
Только тебя не боюсь - почти
(Если не врать нисколько).
Что потихоньку люблю - прости.
Не лучше ли, впрочем, - тихонько?..

27 августа 1983

* * *

Г.-Б. М.

О господи! Ну как с тобою быть?
Я атеист, и то молиться начал!
Ну ни о чём простом нельзя спросить,
Чтоб обошлось без ссоры иль без плача.
Кто мучает кого? Ответ простой:
Мы оба. Почему? Узнай попробуй!
Ну, иностранцы, что ли, мы с тобой,
Иль просто эгоисты слишком оба?!

22 сентября 1983

НАЗЛО

Г.Б. М.

1.

Меня калечили,
Ломали - вхруст -
На части - мелкие.
А я - держусь.
Смололи тщательно
Меня в муку.
И удивляются,
Что жить могу.
Ну, кто подобное
Понять бы мог:
С кровавым месивом -
Живой - мешок.
Сказать ли, сколь по мне
Смертей прошло?..
Не раз воскресшая,
Живу назло.

2.

Бегут не импульсы
По нервам - кровь.
Я знала ненависть,
Чуть-чуть - любовь.
Никто мне помощи
Не предложил,
Ни слова доброго
Не говорил.

За равнодушие
Друзей - добром!
Я мстила помощью,
Хоть пустяком.
Как одиночество
Ни тяжело, -
А я хорошая
Всему назло.

3.

Не в этом ли "назло" -
Твоей всей жизни зло?
Никак не разберу,
Кто друг тебе, кто враг...
Добро назло - злу.
Война за мир, - так?

12 июня 1984

* * *

Е.Г. Щ.

Ни розовые очки,
Ни чёрные - никаких!
Смелей по жизни беги:
Ведь руки мои - в твоих.
Невыспанную любя,
Спешащую вечно мать,
Как маленькую, тебя
На ручки бы - покачать.
Из детства сквозь грудку туч -
Мечтающий, добрый луч.
Вся светишься изнутри...
Погаснуть не смей - смотри!

16 июня 1984

ЛЮБОВЬ-ПЫТКА

За любовь к себе луплю.
Кровь струится.
Как умею, так люблю.
Лень учиться.
Да, капризами сгублю,
И - не охни.
Больно? Слёзы не терплю:
Живо - сохни!
Без пощады раздавлю
Прессом воли.
- В этом счастье, - заявлю.
- Счастье - в боли!

2 июля 1984

* * *

Я хочу, чтобы были дети,

Но боюсь, что будет жена,
И меня до дурдома и смерти
Доконает склокой она.
Идиоты, что вы наделали, -
Тьма родных, друзей и врагов!
Вы скандалами черно-белыми
Задушили веру в любовь.
Захлестнули удавкой сочувствия,
И дыхание прервалось.
И семья
 стала
 штука гнусная,
Проскандаленная насквозь.
А поверить в любовь так хочется, -
Полюбить и счастливым быть...
...Сердце в страхе скандалов корчится,
Не пуская нормально жить.

23 августа 1985

* * *

Я тебя полюбил -
 ни за что ни про что.
У тебя не спросил
 разрешенья на то.
Я наскучил тебе,
 чуть не спятил в разлуке,
Продолжая любить -
 несмотря ни на что.
29 - 30 сентября 1986
 "ДА" И "НЕТ"
Прощу вероятного читателя иметь в
виду свою трагедию, а не гадать,
какую и чью именно трагедию имел в
виду автор, мучаясь над
нижеследующими строчками
Робкая нежность, улыбка,
Чуткая доброта...
Держится сердце на нитке -
Тоненькой ниточке "Да".
Да! - Без конца интересный,
А для кого-то родной,
Ты вообще - чудесный,
Счастье - быть рядом с тобой.
Только - не верь нам сдуру,
Не ожидая бед.
Вдруг отвернулись хмуро,
Острым рванули "Нет".
Нет, вообще ты скушный,

Липкий, совсем чужой.
Все мы к тебе равнодушны,
Тускло жить рядом с тобой.
Сразу - растерянность, робость,
Слёзы обиды, стыда.
Сердце упало в пропасть:
Обрезали ниточку "Да".
Сам для себя ты потерял,
Вряд ли найдёшь когда...
Люди не очень-то верят
Поздним повторным "Да".

6 - 8 октября 1986

ССОРА С УТЮГОМ

Гладил я, отвлёкся,
Об утюг обжёгся.
Я отдёрнул мигом
Палец, а потом
Всей рукой задрывал,
Зашипел котом.
Больно... Вот ведь горе.
С утюгом я в ссоре.
Смел ещё поджаривать!
Спутал с кем чужим?
Больше разговаривать
Не желаю с ним.

31 октября 1986

* * *

От порога другу без опаски
Руки мимо всех он протянул.
Вот счастливчик! От приличий вязких
Чувствам дружбы волю дать дерзнул.
Я б тебя в объятия сграбастал,
Сдался бы - на миг - порыву чувств.
Но меня осаживали часто,
И теперь порывов сам боюсь.
И наружу робкому восторгу
Ходу нету в страхе ледяном:
Вдруг дадут в ответ на ласку в морду, -
То ли словом, то ли кулаком!..

8 ноября 1986

* * *

Наша дружба - в лохмотья драная.
Отчуждением мир раскромсан.
Между нами - стена стеклянная.
Мы об стену - больше не бьёмся.

9 ноября 1986

* * *

Думаешь: занят очень,
Просто - не до тебя?..
Скрытностью я озабочен,
Сердце в кулак сгребя.
Волей холодной, вязкой
Злостную боль сдавил.
Занятость - это маска
Загнанной, робкой любви.

10 ноября 1986

* * *

Старая дружба - в памяти горькой.
Новая дружба - в завязи только.
В разные души - разные двери.
Новым началом - конца не измерить.
Нет, не могу не сравнивать всё же.
С новым началом - старое схоже.
Как бы, к моей обновлённой печали,
Старый и новый концы не совпали!..

31 декабря 1986

* * *

Да, обидно: я - к нему,
Он же - ноль внимания.
Почему так - не пойму,
Только - до свидания.
Ухожу. Чужую спесь
Караулить нечего.
У меня же гордость есть, -
До поры - застенчива.

10 февраля 1987

* * *

Не видел я, как дружба возникала,
И миг её кончины проморгал:
От счастья больно было мне сначала;
Потом от горя боль преодолевал.

8 - 9 марта 1987

МНИТЕЛЬНОСТЬ

Молчишь... И я в молчанку поиграю.
Досадно очень, но - не возражаю!
Возможно, мы уже и не друзья...
Не знаю, чем обидел я тебя.
Я мнительный. Мне просто, может, мнится,
Что ты изволишь на меня сердиться,
И безуспешно хочешь это скрыть.
Но притворимся, будто всё как раньше.
На капельку добавим в жизни фальши,
Чтобы ни в чём друг друга не винить.

24 июля 1987, "Салют"

* * *

Здорового тиранить нечего
С больным сидеть из чувства долга.
Больному трудно же развлечь его, -
Сам хворью развлечён надолго.

2 января 1988

* * *

Я бы рад вас послушать,
Да не знаю, как разговорить.
В той беде мои уши -
Тугоухие - трудно винить.
То ль вам пальцы мешают, -
Заплетаются, пьяные как,
С мысли робкой сбивают;
То ли я помогать не мастак.
Мне бы прыть поубавить,
Что развил мой речистый язык,
И вопросы поставить
Поточней, не загнавши в тупик.
Онемели вы. Души -
Или пальцы за это корить?..
Я бы рад вас послушать,
Да не знаю, как разговорить.

3 января 1988

* * *

Л.Д. Ш.

Порождает массу фальши
Бесконечная грызня.
А, пошли вы все подальше!
Интригуйте без меня.
Что в чужих копать душах,
Отношенья выяснять?
Шёпот совести послушать
Дайте! Просьба - помолчать.
Где совсем уж недотрожно,
Там когтями расскреблись.
Этак и прикончить можно...
Из чужой души - брысь!

4 - 5 июля 1988

* * *

Л.Д. Ш.

Я сдуру душу открыл.
Медведя в душу впустил.
А он, беззлобно урча,
Терзать и кромсать сплеча
Стал самое недотрожное,
Запутанное и сложное, -

Когтями анализируя
То, что защищал от мира я.

19 сентября 1988

ЭНТУЗИАСТЫ

Строительно-Педагогическому
объединению "Радуга"

Мы пришли к твоим большим проблемам.

Мы помочь желание принесли.

Мы освободили наше время.

Пользуйся! Ещё мы что могли?

Говори, что делать! Для чего ты

В наши души хочешь заглянуть?

Наши знать зачем тебе заботы?

Справимся и сами как-нибудь!

17 октября 1988

* * *

Без конца - объяснять себя.

Всё точнее - выражать себя.

Но, боясь - потерять себя,

Непрерывно - терять себя.

21 января 1989

* * *

В жизни место своё потерял.

Заморочен, как в жмурки, совсем.

Самого же себя идеал

Развалился - не склеить ничем.

Нету ритма. Одни лишь рывки.

Как машина - в болоте застряв.

Жить я должен себе вопреки.

Каждый свой предлагает устав.

Без людей - это заживо смерть.

А с людьми - ничего не понять...

И бумаге - последняя твердь! -

Вроде незачем что-то верить.

Сил не стало - терпеть суету.

Хоть бы жизни - убавился срок...

Отлежаться - хочу в темноту.

Разобраться в себе - под замок.

22 января 1989

* * *

Видно, зд'орово кто-то его напугал,

Кто на нём прокатился когда-то,

Кто его научил от любых прилипал

Отлепляться - брезгливо-предвзято.

Только детям повиснуть на шее своей

Рад позволить, к груди прижимая, -

Осторожно и вежливо взрослых людей

По словам и делам изучая.
Безоглядно поверит во встречной толпе
И потянется сам к единицам.
Не однажды обманут, не даст на себе
Никому никогда прокатиться.

27 марта 1989

ТОСКА ПО ДЕЛИКАТНОСТИ

Довольно! Пощадите, право!
Я - как ребёнок-демократ,
В чьём сердце мудрецов орава
Творит разнузданный диктат.
Не так и действую и мыслю,
Не тех люблю, не тех сужу,
Не тех в однополчанах числю,
Не с теми дружбы завожу.
Каким бы мне усиьем воли
Задвинуть душу на засов,
Чтоб защитить от лишней боли,
Бесцеремонных дел и слов.
Простите все, кого напрасно
Обидел, - сам не свой давно,
Я одного хотел бы страстно:
В любое выскочить окно
От всех, кому чужие души
На свой манер почистить - сласть;
Кто лезет строить в них и рушить,
Ничуть хозяев не спросясь.
И хоть оно по-детски глупо,
А больше нету сил терпеть,
И легче деловой сугубо,
Поверхностный контакт иметь,
Души не смели чтоб коснуться,
И крепко думали сперва,
Каким отпором обернутся
Неделикатные слова.

13 апреля 1989

МИССИОНЕРКЕ

М.Б. М.

Я не гоню тебя. Но я тебя сильнее,
И, будь я жизнью заморочен меньше, -
Едва ли я нашёл бы что смешней
Попыток в душу мне пролить елей,
Чтоб я моралью тощей был утешен.
Ильенков, Духа моего Творец, - и он
Признал, что я на утешенья неподатлив:
С такой задачей справился бы вряд ли
Мыслитель самый лучший всех времён.

Не рвись мне в душу.

Я не та ледышка,
Что можно "Словом Божьим" отогреть.
Проблемами я теми занят слишком,
Каких тебе вовек не разглядеть.
Ты видеть их не хочешь, "не согласна",
И предпочла бы мнимыми считать.
Но есть они! Болят они ужасно -
Так, что нельзя их больше не решать.

8 ноября 1989

* * *

М.Б. М.

Умиляешься - своим умом.
Жертвенностью, добротой своей.
Что всё бросила, что вся - "в другом"...
А ему - лишь до своих затей,
Чтоб с детьми на пользу им дружить.
Ведь иначе - не для кого жить...
Жертвами его не проведёшь -
Дескать, им одним готова жить...
Всё равно - одной собой живёшь!
Восхищаешься - своим умом.
Наслаждаешься - своим крестом...
Так зачем с самой собой хитрить?

13 ноября 1989

ИСТЕРИКА

М.Б. М.

Езжу по Америке.
Хорошо зело...
Внутренне - в истерике:
Дома тяжело.
Трудно мне, безухому,
Трудно мне, безглазому,
Знанием, а не слухами,
Собственным жить разумом.
Есть одна - угодлива,
Чересчур заботлива,
Ставит вместо Бога -
Шагу не ступи...
- Этак жить - убого!
- Слюбится. Терпи.
Нет, не зря бессонница!
Всё - одна поклонница,
Всё - одно болото.
Вот ещё забота!
Лень меня заставила
Так убого жить.

Лучше - вместо Дьявола,
А не Бога - слыть!
Брысь! Катись подальше!
Я тебе не Бог!
Хватит этой фальши!
Я пока не сдох.
Место знай и меру.
Я чужим не верю:
Ни чужим глазам,
Ни чужим ушам.
Лишь - своим рукам.
Как ни трудно - сам.

10 января 1990, США

* * *

М.Б. М.

Прости, что я тебя жалел.
Прости, что я тебя терпел.
Что молча разрешил в мой дом
Войти - и поселиться в нём.
Добрее б - сразу отказать.
Честнее б - на ночь не пускать.
Чтоб не затягивать узла.
Чтоб возмечтать ты не могла.
Тебя с трудом я выносил.
Тобой - полузадушен был.
Два раза петлю снять хотел.
Да не сумел. Иль не посмел.
И вот - последний, третий раз.
Решений, действий пробил час.
Жить хочется - но без тебя.
Нельзя быть вместе, не любя.
Прости, что я тебя жалел -
И сразу выгнать не посмел.
Теперь, однажды уступив,
Я вынужден идти на взрыв.

12 - 13 февраля 1990

* * *

Милые мои, вы не согласны,
Что немилую решил я гнать.
Как объятья чуждые ужасны,
Хорошо б вам никогда не знать.
Только, даже если вы осудите,
Всем рискую, снова уступив.
Скоро гроб мой провожать вы будете,
Если путь мой не расчистит взрыв.
Жаль вам нелюбимую, немилую...
Разве я счастливее - её?

Сердцу не прикажешь, а насилуют -
Всё равно: с немилой - не житьё.

13 февраля 1990

* * *

Если жить не хочется
(Жилы - через силу),
Всё менять приходится:
Лишь бы - не в могилу.
С кем не будет лада -
Расставаться надо.
Кому сердце радо -
Добиваться лада.
Только бы условиться
Не забыть пословицу:
Дружбу - не навяжешь,
Сердцу - не прикажешь.
Если кто артачится,
Убегает, прячется, -
То любовь не ропщет:
Лишь бы жил, как хочет.

16 марта 1990

* * *

Таким я не был никогда могучим.
Но никогда и не был столь усталым.
Своим бессилием любить - измучен.
Не в силах удовлетвориться малым.
Да, рвусь к работе, как не рвался долго.
Весь в книгах, рукописях и раздумьях.
Столь мощного не знал я чувства долга.
Не знал и столь холодного безумья.
Мне говорят, что я любимцам нужен.
Не верится. На что им я - не вижу.
Слепой. Прозреть бы: с кем, о чём я дружен?
Кого, за что всем сердцем ненавижу?
Своё бы место в мире знать прекрасно.
А так - любая страсть в песок уходит.
И мнится, что в труде горишь напрасно.
С ума сомненья в смысле жизни сводят.

18 марта 1990

* * *

Мне с работой бы - поспевать,
Плодотворно - детей любить...
Перестаньте - меня терзать!
Прекратите - меня делить!
Написать, поскорей издать,
Душу перед людьми излить...
Перестаньте - меня терзать!

Прекратите - меня делить!
А кому же - отчёт давать?
Кто же вправе - руководить?..
Перестаньте - меня терзать!
Прекратите - меня делить!
Ничего не желаю знать.
Кем угодно - согласен слыть:
Перестали б - меня терзать,
Прекратили б - меня делить.

26 марта 1990

* * *

М.Н. О.

Весь вечер ты уклончив был.
Лениво, скучно ты острил.
И тем - уже не в первый раз -
Задет, испуган я сейчас.
Задумываюсь тяжело:
А вдруг доверие ушло?
И к делу, может, интерес,
Который был, исчерпан весь.
Плотнее, тяжелее грусть...
К тебе я в душу не стучусь.
Но и пустых не надо слов.
Я к этим играм не готов.
Прости, я очень огорчён,
Что ты, похоже, отчуждён,
Или чрезмерно утомлён,
Иль чем-то, кем-то отвлечён.
Ты слышал, нет ли мой вопрос?..
Ответы явно не всерьёз,
А то и вовсе немота.
По сердцу режет пустота...

7 июля 1990

* * *

Я в жизни много напетлял.
Всегда пред выбором стоял.
Люблю, дружу, готов к услугам...
Друзьям нехорошо друг с другом,
Хотят гордыню утолить -
И норовят меня делить.
Я им - доверчивый, наивный,
Неверный друг, слизняк противный,
Льстеца способный предпочесть
Тому, кто дыбом ставит шерсть.
Добьюсь ли наконец покоя?
На самом деле никого я
Не собираюсь выбирать, -

Мне только бы себя понять.
А впрочем, всем подряд спасибо,
Кто вынуждает делать выбор:
Всё будет лучше учтено,
Продумано и решено.

13 сентября 1990

14 марта 1991

9 июля 1997

* * *

Сейчас я пишу, потому что не спится,
А вовсе не потому,
Что чувство само не может не сбыться,
Строкой прорезая тьму.
А тьма - от усталости, глухoduшья,
Мелких корыстных страстей
И принципов, ради которых душат
Лучшие чувства людей.
В гуманной работе секундной заминки
Не стоит вся эта возня.
Испорченной - ни единой кровинки
Ничем искупить нельзя.

14 сентября 1990

* * *

Да, мы циники - ещё те.
Недоверчивы - к доброте.
Благородных - встречает всех
Издевательский, жирный смех.
Знает жизнь, кто в расчёт берёт,
Что людской - весь испорчен род.
А кто строит расчёт на другом, -
Тот наивным слывёт дураком.
От таких-то вот смехачей
Прячем тщательно, что добрей.
Ты добряк? О конфуз и стыд!
Нагло злобная спесь глядит.

15 сентября 1990

* * *

Годами вместе путь лежал.
Развилка всё же разлучала.
Каких друзей я растерял...
Тихонько мама горевала.
И мама робко, с кем ни есть,
Всё предлагает созвониться.
Никак ей не понять поднесь,
Чем не смогли мы поделиться.
Да в глубине души и сам
Никак того не разумею.

Но пригнетает грузный срам
Всё ближе плечи, ниже шею.
То не рисовка - стон больной,
Что жить мне всё невыносимей.
Ах, были б вы между собой
Хотя бы на волос терпимей!..

24 февраля 1991

* * *

Не житьё мне - доука горькая.
Дружба старая, да прогорклая.
Дружба новая, да непрочная:
Неизбежна кончина склочная.
В правоте своей все уверены.
Обещания все похерены.
Всем-то некогда, все торопятся...
В ноги, что ли, с мольбою хлопаться?
Чтоб делами горели добрыми.
Не грозили друг другу кобрами.

25 февраля 1991

* * *

Нет, у вас не слёзы - сопельки.
Или - вымученный смех.
Заверните-ка оглобельки.
Утешать - великий грех.
Не выискивайте странностей.
Не приглядывайтесь к нам.
Ни экзотики, ни пряностей, -
Просто - тьма банальных драм.

17 марта 1991

* * *

Снова и снова -
невмоготу.
Снова и снова -
речь - в пустоту.
"Жить надо молча!" -
снова клянусь.
Сжавшись от боли,
спрятаться тшусь.
Зверю подобно,
где-то залечь...
Все извиненья -
молча пресечь.

10 января 1992

* * *

М.Н. О.

Вслушайся и вникни терпеливо.
Постарайся поточней понять.

Не спеши оспаривать глумливо,
С толку собеседника сбивать.
Шуточка бывает неуместной,
А в ответ улыбочка - кривой.
Лучше вдуматься попробуй честно,
С искренней и доброй простотой.
Лучше понимать, вниманьем грея,
Вместе с собеседником скорбя.
Обижает, если ты рассеян,
Если слышишь только сам себя.
Лучше - молчаливое участие.
Жди, пока иссякнет монолог.
А потом - целебное бесстрашие...
...Впрочем, ты, конечно же - не Бог.

17 марта 1992

9 июля 1997

* * *

Л.Д. Ш.

Не надо, не предлагайте.
Несбыточно всё равно.
Сначала себя взнуздайте -
Закончите хоть одно.
Затеяно - под завязку,
Да кто бы работать смог?..
Доверься вам - станет вязко:
Блуждающий вы огонёк.

10 июня 1992

* * *

Не ломитесь - в открытую дверь.
Постарайтесь-ка лучше - понять.
Поищите - различья теперь.
В чём мы схожи - бесплодно искать.
С вами болью делюсь, а в ответ -
У меня, как у всех. Вот и злюсь.
Где подобье - проблемы там нет.
Акцентирует общее - трус.

10 июня 1992

* * *

О.В. К.

Твой любимый, невыносимый,
Неподъёмно тяжёлый груз,
Всею сутью твоей творимый, -
Он раздавит тебя, боюсь.
Без него тебе - жизнь без смысла.
Так бы радостно и несла.
Нет, под ним ты почти что скисла,
Поневоле в болезнь пошла.

Ценность груза ты осознала
Чересчур уже хорошо.
И сама себя - запужала,
Страхом выронить - ввергла в шок.
Да, оспаривать не рискую:
Ты в ответе - за всё и вся.
Но - ответственность эту злую
Честно делят с тобой друзья.
Порезвилась бы, сил не тратя,
День-другой - чтоб на год не пропасть.
Не волнуйся: друзья подхватят,
Не уронят работу в грязь.

29 сентября 1992, Евпатория

* * *

Кто счастлив - эгоист. Он не умеет
Сочувствовать страданиям ничьим.
Соболезнует он и сожалеет,
Сам будучи пока - слепоглухим.
Пока не грянет гром, и красный, жгучий
Петух его не клюнет в жирный тыл.
Пока не разрешатся горем тучи,
Чтобы он видел, слышал и любил.

1 октября 1992

* * *

Отбился я. Никто не смеет
Непрошенно меня спасать.
Никто, надеюсь, не лелеет
Надежду - мною управлять.
Досужие дурные толки
Меня порочить не рискнут.
Но как-то и друзья примолкли,
Следя бессильно мой маршрут.
Почти не слышен гул суждений.
Я предоставлен сам себе.
И если нет в себе сомнений,
Откуда чести быть в судьбе?
Ну вот, я на свою дорогу
Права себе завоевал.
Мешать не смеют и не могут,
А я - счастливее не стал...

22 ноября 1992

* * *

Не надейся - прощения нету.
Даже мать, что не взвидела свету
От несправедной строчки твоей, -
Не простила жестоких речей.
Не надейся - тебе не забыли.

Не надейся - тебя не простили.
И свершают, покуда живут,
Над тобою свой праведный суд.
Нет, обиды забвенья не знают.
Как ожоги - горят, не сгорают.
Вдруг за рюмкой напомнят, пронзят...
Зря надеялся ты, что простят.

12 декабря 1992

ДОМ

Ни капли не веря в чудо,
Кому-то молюсь порой:
- Возьмите меня отсюда,
Возьмите меня домой.
- О господи, - всё вздыхаю,
Расстроенный и больной.
Прошусь, но куда - не знаю:
- Возьмите меня домой.
Где мне разрешат в счастливой
Компании - быть собой,
Где не было бы надрыва...
Возьмите меня домой.
И где бы не приставали
С моралью ко мне любой,
На свой бы лад не меняли...
Возьмите меня домой.
Где добрые греют взгляды,
Где каждому каждый - свой,
Где сразу на помощь рады...
Возьмите меня домой.

17 января 1993

ПРОЩЁННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прости меня за день вчерашний глупый;
За то, в чём был неправ позавчера;
За тон несдержанный, невольно грубый;
За дефицит терпенья и добра.
Прости меня за весь мой срок минувший,
За каждый тот невыносимый час,
Когда в душе скребётся зверь уснувший,
Ворчать и злиться заставляя нас;
За раздражение мелкое, смешное;
За то, что не веду и не зову;
Что ни большого дела, ни покоя...
Прости, что так неграмотно живу.

2 марта 1993

* * *

Дальше своего не видя носа,
Рады в ус не дуть и не тужить.

А ведь жизнь - решение вопроса:
Для кого и как нам дальше жить.
Поначалу - как бы лишний разик
Маму невзначай не огорчить;
Не сломать чего, не напроказить,
И невзгод по попке не нажить.
Грамотной любви, надёжной дружбе, -
Кто посмеет этому учить?
Если плохо ценят нас на службе,
На потомства суд надеждой жить.
Схоронивши дружбу и надежду,
Для себя, не суетясь дивить,
Начатое, что успеешь, между
Жизнью и могилой завершить.
Наконец, не мудрствуя, что выйдет,
Позаботиться бы, услужить:
Кто на шею сядет - не предвидеть,
Отогреть, слезинку осушить...

2 апреля 1993

* * *

Постоянная, многолетняя,
Беспросветная тошнота.
Одoleет когда, победная,
И - внезапная хромота.
Подгибается непослушная,
Не держащая вдруг - нога.
Тошнотворная, вязко-душная,
Виновата в беде - тоска.
От насильственного анализа,
Ковырянья в душе - тошнит.
Аналитик - да чтобы сжалился?
Он себя одного щадит.
Он - непрошенный и не спрошенный,
В своих выводах слишком - твёрд.
Я - раздавленный, уничтоженный,
В пыль анализом этим стёрт.
В моей жизни - ни шагу вольного.
Управлял аналитик во всём...
Я - не я, а того сердобольного
Аналитика - бледный фантом.

24 мая 1993

* * *

Безалаберность - приелась.
Ни о чём уж не прошу.
Я бы счастлив - дело делать.
Суеты - не выношу.

16 июня 1993

* * *

Вот вопрос: зачем работать?
Копопиться? Хлопотать?
Силиться постигнуть что-то,
Сочинять и созидать?
Суесться ради денег,
Чтобы жить, пока в живых?..
Люди встали с четверенек,
Чтобы снова стать на них.
И звереют, еле сносят
Свой нелепый адский быт.
Нет проблемы, нет вопроса
В том одном, - зачем любить...

15 августа 1993

* * *

Скандалят - с наслаждением,
Злословят - с упоением,
Дерутся - с облегчением:
Уф-ф! - наконец-то можно
Избавиться от лишнего,
Культурного и книжного,
Того, что в нас Всевышнего,
Но с чем прожить - так сложно...
Хвастливые да шумные,
Драчливые, безумные,
Да подло хитроумные...
Кто любит - но не лупит?
О господи! - не веруя,
Вздохну, не лицемеря, я:
Когда же век доверия
И век любви наступит?

25 августа 1993

* * *

Век весьма различен у любви...
Бабочкин - едва успел влюбиться,
Ан, глядишь, уже пора проститься,
Как любимца страстно ни зови.
И бывает, любят много лет.
Не под силу разлучить и смерти...
Сколько ни любить - в любовь поверьте:
Ничего святее в мире нет.

1 сентября 1993

* * *

К чёрту всё. Ни в чём участвовать - не жажду.
У меня - непроворот своей работы.
Из себя начальство любит корчить каждый.
Всяк в приёмной рад заставить ждать кого-то.

Всем-то некогда - и суетятся очень.
Не хочу быть под ногами - сотым лишним.
Я - в сторонку; подходите сами; впрочем...
Не мешайте мне - беседовать с Всевышним.
Нет, не с Богом. Далеко не с безупречной,
С несговорчивою Совестью - вольнка:
С кем, когда и что такое - человечность?
Или - быть судьбы не может, кроме рынка?..

14 ноября 1993

* * *

Я горя много пережил.
Я горя много причинил.
Но от себя - не отрекался.
Я веру - не переменял.
И только этим, может быть,
Грехи всей жизни мне отмыть.
Я верен сам себе остался;
Не смог себя в себе губить.

24 января 1994

* * *

Грустно: другой - не дискета.
Жалко: другой - не кассета.
Грубость и глупость бесследно стереть
Сразу не сможет, пожалуй, и смерть.
Как - не обидеть случайно?
Выдержки - трудная тайна.
Разуму - бурю смирить - нелегко.
Самое трудное - проще всего.
Тот, кто не ведает бури,
Ввек не оценит лазури.
Волны в запруде привыкший гонять,
Шторм океанский не сможет понять.

6 - 7 апреля 1994

* * *

Понимают - кто во что горазд,
Часто ни черта не понимая.
Я - из тех, кто никому не даст,
Сердце пусть от сердца отрывая,
Оседлать - в отплату за добро,
Затиранишь - в той, в другой ли форме...
Покружусь на кольцевом метро,
Чтоб к душевной возвратиться норме.
В лес пойду. Поглубже заберусь,
Тщетно с одиночеством смиряясь.
Наплевать. работой обойдусь,
Никому в друзья не набиваясь.

21 - 24 апреля 1994

* * *

Лёгкий трёп - неинтересен,
А серьёзный разговор
Почему-то неуместен...
Где же выход?... До сих пор
Я выкручивался просто:
В гости книжку брал читать.
Разве лучше с миной постной
Лишней мебелью торчать?
Очень вежливую внешность
Трудно соблюсти подчас.
Так-то проще бы, конечно,
Не мозолить вовсе глаз...

26 - 28 апреля 1994

* * *

Как перестану вовсе приставать,
Так стану людям больше интересен,
И станут чаще у меня бывать,
Мир станет гуще населён и тесен.
Ни времени не станет, ни причин
Вздыхать, что в доме холодно и пусто.
Я не жил без друзей - совсем один;
Лишь от друзей вдали бывало грустно.

31 мая 1994

* * *

Кто-то, может быть, нас и простил,
Но никто ничего не забыл.
Мы под грузом растущей вины
Себя сами прощать не должны.
Если мы себя сами простим,
Мы со временем так нагрешим,
Что под грузом вины упадём,
Пригвождённые общим судом.
Снисхожденья к себе ни за что
Никогда не простит нам никто,
И припомнят нам сразу и всё,
Накипевшее бросят в лицо.

28 июня 1994

* * *

Перекройте-ка мне кислород!
Три дыханья всего у меня.
Если вдруг секретарь подведёт,
То на помощь приходят друзья.
Если даже друзьям недосуг,
Сумма мелких случайных услуг
Очень крупной услуге равна, -
И проблема, глядишь, решена.

Так что в угол меня загонять -
Только время и силы терять.

9 августа 1994

* * *

Мне страшно быть в хорошем настроенье.
Мне страшно, не к добру развеселясь,
Преступным стать неряхой в поведение,
Опять утратить над собою власть.
Нет мелочей для совести. Нет права
Быть хуже - о себе своей мечты.
За всё - одна кровавая расправа:
Лишь высшей меры требующий стыд.
Не может быть прощения за маму,
Обиженную воплем: "Где носки?!"
Вновь от стыда - скорей бы в лету кануть,
От лютой нарастающей тоски.
Молчать хочу - в ответ на оскорбление,
Капризный гневный зуд перетерпя;
Молчать хочу - из страха униженья;
Молчать хочу - чтоб не предать себя.

31 октября - 4 ноября 1994

* * *

Ёлки-палки! Только дураки
Ломят без оглядки напрямки,
О чужом зигзаге - свысока,
Своего не видя - тупика.
Умереть бы мне - для дураков,
Чересчур высокоумных лбов,
Кто не сомневается ни в чём,
Особливо же - в грехе чужом.
Промолчать бы, замолчать - навек,
Превратить бы чувства - в лёд и снег,
Чтоб не обижать, не обижаться,
За полночь в тоске не просыпаться,
За таблетки страшные хватаясь,
От обиды и вины спасаясь...

3 декабря 1994

* * *

Израненная душа.
Кровь хлещет - не задержать.
И чем бы - забинтовать,
Болячек не потроша?..
Тихонько, - не лезь, отстань! -
Менять самому бинты,
И тёплой струёй воды
Отклеивать их от ран.
Трястись, заживёт пока, -

Но кто-нибудь пальцем ткнёт,
Кровища опять хлестнёт,
А жизнь - - - коротка...
Хотел бы - пожить без боли.
Вся в шрамах душа - пускай!
Сплошные рубцы, мозоли,
Зато - не проткнуть невзначай.

4 - 5 февраля 1995

* * *

Рано или поздно - все почти
Крайне станут недовольны мной.
Разойдутся далеко пути.
Буду всем почти - совсем чужой.
Знать, моя "планида" такова:
Как ни дорожу - не сохраняю.
Дружба доверяется сперва,
А потом - спасается в броню.
Призраки - повсюду и всегда.
В жизни сплошь иллюзии - увы.
И в конце дороги - пустота.
Только на пороге - тень любви.

7 - 8 февраля 1995

* * *

Жизнь - борьба. Счастливчики - на фронте:
Слева, справа, позади - свои.
Ну-ка, беды, только суньтесь, троньте, -
Дружно встретим, поведем бои.
Хуже - круговая оборона.
В одиночку бьешься, жив пока,
Хмуро, без надежды, без резона,
С пальцем вечно около курка.
Но и так - еще не все пропало.
Воля к жизни есть, и есть борьба.
Вечность мига - без конца-начала,
Но в твоих руках - твоя судьба.
Хуже некуда - отказ от боя,
Паралич души, у горя плен,
Безразличие вечного покоя,
Пустота, бессовестная лень.
Рухнул фронт, проблемно перегружен.
Нет резервов, нет последних сил.
Счастье - если сносно. Чуть похуже -
Нечем крыть. Ты сам себя забыл.

13 - 14 февраля 1995

* * *

Она сказала,
А я сказал.

Она сбежала,
А я догнал.
Она плевалась,
Я материл.
Она кусалась,
Я в морду бил.
Вскочила шишка,
И льётся кровь.
Большая слишком
В семье любовь.
Развод?! Ну здрасте!
И не моги!
Кренятся разве
Твои мозги?

4 ноября 1996

* * *

Некому близко мною гордиться.
Некому мною без мамы хвалиться.
Кто-то гордится издали. Рядом -
Зависть: с фальшивым потупленным взглядом.
Рядом - зависимые чужие.
Подвиг свершают души родные -
Каждая - свой, - где-то далёко,
Так же устало и одиноко.
Изредка встреть душу родную,
Стану на время собой: не тоскую,
Временно стану свободен от полчищ
Мрачных мыслишек, от стылой жёлчи.
В этом быту, без мамы - мерзком,
Нежностью если согреться не с кем,
Книжка спасает - наркотик привычный,
С текстом невнятным порой, но зычным.

9 мая 1997

* * *

Каково растопить -
айсберг?
Сколько солнцу любить -
айсберг?
Чтоб от этой любви
лучистой
Ледяною слезою
чистой
Он заплакал, -
и, зацелован,
От арктических льдов
оторван,
В океане любви

бесследно
Растворился до капли -
победно.
1 августа 1997
* * *

Маленький, усталый старичок
Рад бы верить - и боится верить:
Как ни стыдно запирает замок,
Всё ж открытые пугают двери.
Невозможно верить всем подряд.
Никому не верить - невозможно...
Не настолько старичок богат,
Чтоб вести себя неосторожно.

26 августа 1997
* * *

Ты боишься похвалить, -
Вдруг не по заслугам?
Ты боишься побранить, -
Вдруг обидишь друга?
Что же делать? Замолчать?
Может, так и лучше, -
Только обо всём болтать
Жуткий зуд замучил.

2 марта 1998
* * *

Ну, вот оно и полное банкротство.
Я приручил. Любить - кишка тонка.
Не убеждения - одно юродство.
Бесплодна безысходная тоска.
Духовность, человечность, и так дальше...
Гордыня жить - никак не прозябать...
Чем вроде искренней, тем больше фальши...
С самим собою мира - не видать.
Мечты о вознесенье - дальний, ближний, -
Да тянет в преисподнюю вина.
Ни там - ни здесь. Ни смерти нет - ни жизни.
Тоскующий о Боге - Сатана...

3 мая 1999
* * *

Я не здесь. В сияющем просторе,
Стоя на коленях, я повис.
Подо мною - никакой опоры,
Но меня ничуть не тянет вниз.
Молча каюсь. С хмурым сожаленьем
Отголоски суеты ловлю.
Наблюдаю ближних копошенье.
Скорбно, отстранённо их люблю.

7 мая 2000

* * *

Ты по-прежнему - кричишь,
И тугой струной - звенишь,
Только больше - не ко мне,
Звон проходит в стороне.
Виноват я сам, дурак:
Не подумав, глупость - бряк,
И уныло - нос на грудь -
Без тебя продолжу путь...

20 января 2002

* * . 0 *

Ю.М. У.

Сухие, добрые - руки.
Внимательные - очки.
Скупые, точные - звуки:
Пронзительные - стихи.
Горе твоё - плавит.
Боль твоя - острой гранью
Затрепетать
заставит
Душу - любовью
раненую.
Струны гитары - СО-:
Со-чувствие, со-страдание;
Лишь бы - попасть в унисон
С тобою - Центром Мироздания.
Молчащая, ждущая - тайна,
Упругая, робко-нежная;
И страх - огорчить случайно;
И рост: душа - не прежняя...

15 мая 2002

* * *

Господи, как и чем
Смог я тебя обидеть?
Грузом каких проблем
Ты перегружен, лидер?
Может быть, ерунда, -
Только, беды не зная,
Чудится мне вина:
Чем огорчил тебя я?

24 мая 2002

* * *

К чёрту - плотина.
Кто я? Скотина?
Бывшее - было,
И - не уплыло.

Правильно, нет ли,
Только до петли
Хочется снова:
Было-то - клёво...

2 июня 2002

* * *

Ю.М. У.

Да, конечно. Ты классный лирик.
Классных лириков - много в мире.
Больше нет - педагогов таких:
Ты один - среди остальных.
Остальные тебя - не любят:
Тридцать лет уже сряду - губят.
Караулят: когда-нибудь
Поскользнёшься - и встать не дают.
Остальные, спеша, добивают,
А друзья тебе встать помогают:
Они связаны с тобой одной -
Общей Тропой, общей судьбой...
Либо - быть твоим другом, либо -
"Остальным", - вот и весь мне выбор.
В "остальные" - никак не хочу...
Другом быть - вдруг не по плечу?

5 июня 2002

* * *

Ничего не лелею.
Чему быть - тому быть.
Никогда не посмею
Ничего попросить.
Угадать удалось бы
Мне, о чём ты молчишь...
Ни вопроса, ни просьбы.
Ожидание лишь.
Я ведомый - и только.
Хоть бросай, хоть веди.
Но из жалости, долга -
Мне не надо любви.

19 июля 2002

* * *

А может, из жизни твоей
Уйду подобра-поздорову,
Пока не спалили мы в ней
Взаимной приязни основу.
Покуда жалеешь меня,
Уже отдаваясь тихонько,
И не было скорбного дня
Разрыва в том месте, где тонко.

Мне вовремя лучше уйти,
Покамест любовь ещё тлеет,
Чтоб след её был посветлее...
Спасибо за всё. И прости.

31 июля - 1 августа 2002

* * *

Прости, что сохну по тебе всё время.
Осточертел, наверное, по темя.
Ведь на твоём-то месте сам бы я
Такого воздыхателя послал бы,
И мнимо-деликатно избегал бы,
Сопливаю тоску едва терпя.
Пока не втрескался, мне было чудно,
Что можно унижаться так прилюдно,
Так не владеть собой, впадая в грусть.
Осталось уж недолго, слава Богу,
И ты меня спровадишь в путь-дорогу.
Делами неотложными займусь -
И, как любовь ни зла, перебешусь.

1 августа 2002

* * *

О Боже, спутано любовно всё.
И кто кого достал, и чем - не знаю.
Остановить бы это колесо,
А то где верх, где низ - не постигаю.
В стоячем мире ясен верх и низ,
А в крутеже - попробуй разберись...
Но мир стоячий - даже не болото...
В болоте тоже происходит что-то...
Постой-постой, стоит-то мир, но как?
И вверх тормашками стоять ведь можно.
Уж я ль - не деликатно, осторожно,
А мир перевернул-таки, чудак,
Иль я перевернулся, перебравши
Известной жидкости, да рано вставши,
А может, поздно... Кто ж её поймёт,
Любовь от Бога - иль попутал чёрт?..

19 августа 2002

* * *

Ю.М. У.

Бывает - не понимает.
Поймёт ли? Балда балдой:
На мнения все чихает,
Своею горд правотой.
А мы-то всего лишь устали.
С устатку - мозги набекрень.
Чёрт знает, откуда взяли -

Тень - на ясный день.
Так с Божьего благословенья
К чертям всех чертей пошлём!
Развеем - недоразуменья,
Друг друга точнее поймём.

24 августа 2002

* * *

От утра - до утра,
От утра до вечера...
Бесконечная мура
Требует диспетчера.
Надо вовремя отстать.
Ведь давно замечено:
Бесконечно продолжать -
Поселиться в печени.
Не сжигай любовь дотла,
Точно самокруточку.
Уходи из-за стола,
Не наевшись чуточку.

3 сентября 2002

* * *

В сияющем просторе чёрный крест,
Какой-то скособоченный, висит.
Взойдём с тобою и на Эверест,
Но при условии - никаких обид.
Обидой обессилен, кувырком
С обрыва всмятку шмякнуться готов.
За каждого вся Группа целиком
В ответе, - знаешь сам, Закон таков.
Я должен быть уверенным в твоей
Поддержке, чтоб не пострадали все.
Будь терпеливей. Группу пожалей,
А не меня - на горной крутизне.

27 марта 2003

* * *

Хрупкая близость. Хрупкая нежность.
Хрупкое счастье... Вроде чуть-чуть, -
Слова малейшая ли небрежность,
Как-то не вникли в зыбкую суть, -
Мышка бежала, хвост - как попало, -
А золотое - об пол яйцо...
Груда скорлупок... Тонок и хрупок
Мир, и бессмыслица - налицо...

12 декабря 2003,

четвёртый час утра

3. ТРАУРНАЯ СЮИТА

* * *

Постригли меня покороче -
Единственный вкус мой таков.
Густой и короткий покров
Напомнил мне грустное очень...
На кладбище ленинградском, -
На том, знаменитом, на братском, -
Могилы, где люди зарыты
По десять тысяч в одной,
И густо и ровно покрыты
Такой же короткой травой...

9 сентября 1973

* * *

Нет, я совсем не настолько сильный,
Чтоб не завидовать мертвецам.
Желанен изредка холм могильный,
Когда не видно пути к сердцам,
Когда не в первый уж раз за время
Короткой, длинной жизни моей
Встаёт мучительнейшая проблема -
Как стать любимцем среди людей.
"...Меня не любят, не доверяют..."
Пусть это чувство на деле - бред,
Но чувство это порой бывает,
И тошен кажется белый свет.
Тогда охота уснуть навеки,
Чтоб никаких никогда проблем:
Разнохарактерны человеки,
И полюбиться попробуй всем.

27 - 28 ноября 1974

* * *

Мне очень везёт на больных друзей.
Едва подружился - и нету.
Такая судьба настоящих людей -
Талантов тепла и света.
Но я даже мёртвых не разлюбил.
С друзьями беседую смело,
Поскольку давно и твёрдо решил:
Смертно - только тело.

17 августа 1975

НЕРВНЫЙ СРЫВ

Уйти из жизни, хлопнув дверью...
Как струны, нервы напряглись.
Подъём нелёгкок снизу кверху -

Легко скатиться сверху вниз.
Не уступить нельзя, опасно:
Сломаешь друга - берегись!
Уступка - ложь, а ложь ужасна...
Как струны, нервы напряглись.
Одно из двух, и оба - плохо,
И невозможен компромисс...
Конец! Рванул неслышный грохот:
Как струны, нервы порвались.

15 июня 1976

РЕПЕТИЦИЯ САМОУБИЙСТВА

Я Франсуа, чему не рад:
Ждёт правый суд злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает завтра шея.

Франсуа Вийон

Сижу, а на шее верёвка.
Повыше б куда закрепить,
И с помощью этой обновки
На шее свой вес ощутить.
Конец репетирую только,
Спектакля-то может не быть.
Ну как, не особенно больно?
Попробуем туже сдавить.
Понятно. Развязывай. Хватит.
Не будет возможности жить -
За горло с отчаянья схватишь
Себя, чтобы горе убить.

16 июня 1976

* * *

Да, это уже -
отчаянье,
А всё ж умирать -
нельзя.
Заявится смерть
нечаянно -
Ну, значит,
песенка вся.
Зачем торопить
события?
Покуда живёшь -
держись.
А вдруг
совершишь
открытия,
Что сделают
легче

жизнь?!

1 июля 1976

* * *

Кто мы такие? Понять не могу.
Утром и вечером, ночью и днём -
Мысль неотвязная бьётся в мозгу:
Умер - тебе дифирамбы поём,
Жив - беспощадней к тебе, чем к врагу...
Мёртвые... Им-то на всё наплевать.
Им не слышать запоздалых похвал,
Слёз крокодиловых им не видать.
Лучше б живого живой приласкал...
Кто мы такие - никак не понять...

18 - 29 июля 1976

16 мая 1998

* * *

Внезапной болью снова горе
Тебя нет-нет пронзит насквозь,
И настроений тайных море
Опять штормит от прежних гроз.

29 июля 1976

* * *

Когда уезжаешь с кладб'ища,
Разбитый воскресшей бедой, -
Угла только тёмного ищешь,
Для жизни чтоб сладить с собой.
Торопишься, болью гонимый,
Тот угол скорее найти, -
И как никогда ощутимы
Минуты, секунды пути...

30 октября 1976

* * *

Больному - всё вниманье,
Больному - весь покой!
А мёртвому - стенанье
И горе в час ночной.
Всё это - в знак признанья
Виновности своей
За все твои страданья
До счёта скучных дней.
Не лучше ль до постели,
Больничных скучных дней,
К здоровому на деле
Быть чуточку добрей?..

30 ноября 1977

* * *

Ты счёт ведёшь: полжизни остаётся,

Ну треть, ну четверть жизни впереди, -
Как будто знаешь срок, когда придётся
Тебя в гробу на свалку отвезти.
А может быть, до этой самой свалки
Тебе одно мгновение только жить.
Но будет ли тебя кому-то жалко?
Найдётся ли кому слезу пролить?

10 июля 1978

* * *

Пока ты жив, врагами не обижен.
Врагов всё больше, к смерти ближе, ближе...
Но вот ты умер. Все твои друзья.
Когда ты мёртв, друзьями не обижен.

16 августа 1979

* * *

Жизнь иссякла до проводов
На заслуженный отдых.
Не хвалили живого вас
При коллегах с работы.
И не плакали горестно
Вы на собственной тризне, -
Над своей добросовестно
Отработанной жизнью.
Не смогли вы, не выжили
Даже среднего срока.
Похоронных не слышали
Слов сердечных потока.
Всё, что сделано, признано,
Ничего не забыто,
Только болью пожизненной
Для живущих зал'ито...

8 января 1980

КРОВОИЗЛИЯНИЕ

Жизнь уходит никому не зримо
Через раны горя и стыда.
На обрыва край неотвратимо
Все сползаем - и летим туда,
Где не больно ни от бед несчётных
(Самых пустяковых и больших),
Ни от редких радостей пролётных, -
Потому что нету нас самих.
Тайный стыд и ужас, несомненно,
В трупе не даёт живым прозреть,
Что покрыта вся кровавой пеной
Нервная истерзанная сеть.

14 марта 1980

28 апреля 1990

16 мая 1998
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

I

Да, ничем не поможешь...
Попрощайся навек -
И живи, пока можешь.
Ты на то - человек.
Пусть под пылью улыбок -
Наслоения бед,
Вечной памяти глыба:
"А его уже нет..."

II

На работе ты в чём-то
Не успел. Кутерьма.
Выполняешь экспромтом
План работы ума.
На секунду авральный
Прекращается бред.
Вспоминаешь печально:
"А его уже нет..."

III

Из каких-то ошибок
Извлекаешь урок:
Был не очень-то гибок,
А порою жесток.
С кем-то в пух разругались...
И наводит на след
Беспощадный анализ:
"А его уже нет..."

IV

Что-то дерзкое начал,
А закончить робел.
Наконец-то удача,
Наконец одолел.
Но в торжественный даже
Час желанных побед
Ты вздохнёшь, хоть не скажешь:
"А его уже нет..."

14 декабря 1981

ПАМЯТИ ОТЧУЖДЁННОГО ЧЕЛОВЕКА

И в радость,
и в горе -
водочка.

Ты ею
насквозь
прожёгся.
Всю жизнь ты прошёл

под звёздочкой.
Под звёздочкой -
 и улёгся.
Ограблен
 историей
 дочиста,
Как многие -
 ныне
 и в прошлом.
Насколько
 позволило
 общество,
Настолько
 ты был
 хорошим.
Всего и оставила
 радости
История -
 миллионам,
Что марочной
 этой
 гадости
Со спиртом
 разведённым.
Всё чуждо,
 что ценного
 создано.
На форме
 и на бутылках -
Лишь
 звёзды
 повисли
 гроздьями.
Со звёздочкой -
 и могилка.
И в радость,
 и в горе -
 водочка.
Ты ею
 насквозь
 прожёгся.
Всю жизнь ты прошёл
 под звёздочкой.
Под звёздочкой -
 и улёгся.
19 декабря 1981
ПАМЯТИ ОТЦА

Не припомню голоса...
Только руки помню,
Стриженные волосы
Седенькие с тёмным.
Ты, всё больше сгорбленный,
Шёл солдатским шагом
Через годы скорбные -
Детям бы во благо!
Наконец нечаянно
Словно бы споткнулся:
Спать прилёг умаянно,
Только - не проснулся.

19 января 1982

* * *

Где-то в жизни, внутри,
Притаившись недобро,
Ждёт беспечной жары,
Чтобы выползти, кобра.
А в беспечный момент,
Когда радостям тесно,
Вдруг вонзит аргумент
Точно в мягкое место.
Дескать, как ни вертись,
Отвертеться от горя
И от смерти не тщишь, -
Собирайся, не споря...

24 февраля 1982

8 мая 1990

* * *

Мне бы силы - с ума не сойти,
Да по жизни - честнее пройти.
Не хочу выяснять отношений.
Для работы бы силы спасти!..

24 февраля 1982

8 мая 1990

* * *

Тебя призн'ают лишь тогда,
Когда навеки успокоят.
В тебе самом - твоя беда,
В твоих таинственных устоях.
Поди пойми, что в них не так,
Но ты себе - смертельный враг.
Пока живой, твои мечты
И тягу сердца к идеалам
Язвит предвзятой суеты
Враждебно-любящее жало.
Нет больше для дерзаний сил:

Ты сам себя похоронил.

24 февраля 1982

* * *

Быть равнодушным легче, проще.

Не надо ни о чём жалеть,

И можно фразой лживой, тощей

Учтиво отвечать на смерть.

И никаких вовек страданий

Ни за себя, ни за других,

Ни с кем ни встреч, ни расставаний...

Таков - мертвец среди живых.

18 - 19 марта 1982

8 мая 1990

* * *

Стало меньше одним индивидом.

Жить таким индивидам нельзя:

Чересчур они чутки к обидам;

С них листвой опадают друзья.

5, 9 апреля 1982

ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Посвящается светлой памяти Бориса

Ивановича Климова

Под кумачом -

сырые доски.

На крышке жесть -

звезды лучи...

Как тихо! вздох,

да кашель жёсткий,

Да редко всхлипы -

казнись, но молчи.

В пол-звука речь -

что взрыв какой-то.

И шёпот лишь

уместен тут.

Не проглотить

никак чего-то.

Застыли слёзы.

Глаза не мигнут.

Мигнёшь, и вмиг -

скатится шарик.

За ним другой

не удержать...

Не подведи!

Крепись, товарищ!

Чтоб и другие

могли устоять.

17 - 18 марта 1983

Борис Иванович Климов - начальник энергоучастка
фрунзенского отделения железной дороги. Был другом и
начальником моей мамы, интересовался моей судьбой, когда я
был ребёнком. Когда он умер, я как раз оказался во Фрунзе, и
похоронный марш - отклик на его смерть.

ПОХОРОННЫЙ МАРШ
(ПОДТЕКСТОВКА)

I

Тебя на всё
Не хватит, нет.
Чтоб до краёв
Наполнить жизнь,
Себя взнуздай,
Сожми, вгони
В ущелье-цель, -
Но в одно, а не в два и не в три.
Как много ни хочется -
Возьми расхоти.
Ненужное всякое
Себе запрети,
Чтобы твой
В жизни след -
Узок пусть,
Но глубок,
Как трещина в горах,
Как бездонный провал.

II

Внушая так,
Тебе добра
Друзья хотят,
Чтоб не был ты
Забыт людьми
За той чертой,
Где жизнь твоя
Оборвётся осенним листком.
Как речи ни добрые,
Обманные всё ж.
Искусственно суженный
Никто не хорош.
Так себя
Сам убьёшь
До черты
Ещё той,
И поздно звать назад,
Как и всех мертвецов...

10 марта 1984
27 сентября 1990

Подтекстовка - подгонка стихотворного текста под определённую, заранее заданную мелодию. Предыдущий похоронный марш тоже представляет собой подтекстовку под траурную мелодию, зазвучавшую в моей душе неизвестно откуда. А этот - к которому пишу примечание - под мелодию, хорошо известную мне с детства, когда я ещё слышал.

.

БОЛЬ

"Дорогой Гале - от Саши"
(надпись на траурной ленте к венку)

1. ФЕНИКС

Это неправда! Не верится!
Фениксы - птицы бессмертные.
В пламени пеплом становятся, -
Прежними всё ж возрождаются.
Да, девять раз умирала ты.
Девять же раз воскресала ты.
Ну а десятый, пророчица,
Назван тобой окончательным.
Ты называла уверенно
Срок окончательной гибели.
Вот и прощаемся... Всё-таки:
Фениксы - птицы бессмертные.

2. МОРОЗ

Жизни призрак на смертном поле,
Одинокий, продрог насквозь.
Это марш похоронной боли
Звонким стоном сверлит мороз.
Ты не знала ни полдня, ни полночи,
Без остатка себя воплотив
В возмущённый призыв о помощи,
В чуткий отклик на тот же призыв.
Нет, мороз не даёт передышки.
Промораживает до костей.
Без пощады к болезням и крышке
Приговаривает людей.
И у гроба подруги замученной
Замираю, дыша
едва,
А в сосульке души - беззвучные,
Замороженные - слова...

3. ВИНА

Как мы преступно небрежны друг с другом!
Как мы небрежны со всеми людьми!
Как не готовы к взаимным услугам!
Как мы взываем друг к другу:
"Пойми!"
Не понимаем...
А смерть, настигая,
Всё обрывает:
истёк

срок.

Как виноват пред тобою я, Галя!

Не уберёг...

Не устерёг!..

4. ТЕНИ

И останется - только тень.

Тени рядом - и ночь, и день.

Неотступные - до конца,

Тень подруги - и тень отца,

Тени всех дорогих людей.

Заселяется - мир теней.

Не придуманный, а такой,

Что при мне, пока я живой.

Безысходное - "Никуда".

Молчаливое - "Никогда".

Это память моя о них -

Обо всех, кого нет в живых.

Это горе во мне живёт,

Их молчанием - плечи гнёт,

Душу плющит - ночной тоской,

Как надгробной - глухой скалой.

11 - 13 февраля 1985

ОЗАБОЧЕННОСТЬ

Памяти Галины Борисовны Можяевой

Ты - культ. Безграничная личность,
Без маски прожившая вроде.
Тебя ощущают различно
(Своей сообразно природе),
И множество масок в итоге
Напялили вместо одной.
Так чувствуют разное в Боге,
Своей его мера судьбой.
Судьба - непосильное бремя.
Бог надобен слабым сердцам.
Но мне ты - не Бог, а проблема -
С начала была до конца.
И после конца озабочен:
Запомнилась людям какой?
Друг с другом бывало нам очень
И больно, и трудно порой.
Умела любить - но и вздорить,
Умела сдружить - и поссорить,
Разнять
 сцепление рук.
Была человеком - и Богом,
И Дьяволом, - всем понемногу.
А я не поклонник -
Друг!

25 апреля 1985

ПАМЯТЬ И СОВЕСТЬ

Сигарета - замена задержанных еле рыданий.
Так недолго и мистиком стать от последних
 прощаний!
Из пучины времён, поглотившей прощальный тот
 день,
Наблюдает как будто за мною любимая тень.
Неотвязное чувство: за мною следят молчаливо.
Чем я занят? И что за успехи? И нет ли где
 срыва?
Ободряют меня, упрекают, грустят и зовут,
И над каждою мыслью вершится в молчании суд.
Нет её, преисподней! Поповские сказки! - А всё
 же -
С безысходностью смерти опять примириться не
 можем.
И не в памяти только ушедшие в вечность от
 нас, -
Мы пред ними в ответе за каждый вновь прожитый

час.

А иначе нельзя. предадим и живущих иначе.
И позора не смыть запоздалым раскаянным плачем.
Кто в могиле, кто в урне... И всё же со мною

друзья, -

Моя память живая и совесть живая моя.

16 июня 1985

* * *

Умирующий в логове зверь...
Я квартиру на ключ не запру.
Лишь неплотно прикрою дверь
В глупый вечер, когда умру.
Не хочу в больничную нудь -
Умирание растянуть.
И не буду просить людей:
"Наберите ноль три скорей!"
Интересно, кто первый придёт -
И мой труп в квартире найдёт?
И когда? Через час? Через сутки?..
...Бросьте! Это ничуть не жутко.

23 августа 1985

* * *

А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в НарКомЗем.

А.Т. Твардовский

Плохо одному -
и в компании.
С кем же хорошо?
Да ни с кем.
Не настал ли час -
расставания?
Не пора ли мне -
в НарКомЗем?

10 - 11 октября 1986

* * *

Невыносимо -
Мельканье мимо.
Пройдут, заденут
Полой, как стену.
Остра обида -
Готов заплакать.
Но страшно выдать
Наружу слякоть.
А к жизни воли -
Лишён от боли.

17 - 20 октября 1986

ПОДАРКИ

Памяти Г.Б. Можяевой

Медики руками разводили:
Мол, по всем законам естества
Не таких больных бы схоронили,
А каким-то чудом ты - жива.
Ты друзей при жизни задарила.
Я стеснялся братъ, не мог понять:
Что ли нас подарками решила
Ты к себе покрепче привязать?
И не скоро после твоей смерти
Я постиг порыв твоей души, -
Почему ты на подарки эти
Тратила последние гроши.
А твоя корысть была простая:
Всю себя на память раздарить
Ты спешила, срок последний зная, -
Сколько именно осталось жить.
Чтобы мы, взглянув на те подарки,
Вспоминали про твою любовь.
В нашей памяти, в деталях ярких,
Чтобы ты сама жила бы вновь.

18 - 24 ноября 1986

17 мая 1998

* * *

Руку боюсь протянуть.
Тянется к людям сама.
Страшно:

вдруг обожгут
Тем, что рука -
не нужна.

Страшно:

пренебрегут
Дружбой моею - те,
Что и другим дадут
Висеть рукам в пустоте.
Сухо в усталой душе.
Сухо в слепых глазах.
Вот и стихи уже
Сушит застойный страх.
Вынужден жить, хотя
Силы ни капли нет,
Ибо у мамы я -
В жизни последний свет.

4 - 9 марта 1987

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Чтоб горе живое злорадно и гнусно
За слабость почестъ не могли,

Играл безразличие ты, как ни грустно, -
Ведь рядом были враги.
Враг сгинул. Себе разрешил ты чувства -
И чувства тебя сожгли.

10 июня 1987

НА ГРАЖДАНСКОЙ ПАНИХИДЕ

Памяти П.Я. Гальперина

Иногда хорошо, что не вижу,
И представить себе не могу:
Ведь не горем бы слёзы выжал -
Просто видом его в гробу.
По идеям - почти заочно -
Неподробно его я знал.
Уважение чистое, прочное
Привело меня в этот зал.
Отключившись несуетливо
От надгробных любых речей,
Без искусственного надрыва
Попрощаться - куда честней.

29 марта 1988

СУХОЙ ПЛАЧ

Счастлив я, что за себя мне стыдно.
За весь мир перед детьми обидно.
Счастлив, что нисколько не бесстрастен:
Что чужое душу жжёт несчастье.
Братские могилы - много значат.
Слёзы неуместны. Пусто слово.
Варвар - мимо кто пройдёт без плача
Трудного, безмолвного, сухого.

6 октября 1988

* * *

На рассвете
лучей
пляска.
От нейтронного,
что ли,
огня?..
Дайте мне
дочитать
сказку,
А потом -
убивайте меня.
Может,
атомный взрыв -
это;
Может,
сварка,

а может,
заря...
Дайте только
спасти
деток,
А потом -
убивайте меня.
Всё равно
на тот свет -
в яму.

Маме
горя добавить -
нельзя.

Лучше мне
пережить
маму,

Через миг -
пусть не станет
меня.

13 апреля 1989
* * *

У каждого из нас в душе
Любой пустяк рождает бурю.
А ум и чувства вообще
Замаялись обычной дурью:
Решают, кто из них главней.
Но чем стараются ретивей,
Вопрос великий тем острее,
Неразрешимей и противней.
И вечный отдых - идеал.
И сил ни капли - быть хорошим.
И от безверия - устал.
И веры нет - моралиям тощим...

11 июня 1989
ТРАУРНАЯ МЕЛОДИЯ

Памяти

Люции Викентьевны Марьиной

С'еево...
М'елко морос'янка сеет.
К'к росинки... С'еево...
К'апельки
В'ыжаты с труд'ом из тучи.
К'ак слезинки - к'апельки.
Ст'иснуты,
Спл'ющены все м'ысли, чувства,
Т'ихим горем ст'иснуты.
М'аемся,

Вн'утренне почт'и бесслѣзно
Кр'овью облив'аемся.

4 июля 1989

Сложилось во время похорон Люции Викентьевны Марьиной.
Знаками ударения (которыми служат апострофы) отмечен
траурный ритм. Стих представляет собой подтекстовку
простенькой траурной мелодии-всхлипа, откуда-то взявшейся и
звучавшей во мне с утра в день похорон.

Образы - соответствие погоды в день похорон (нудного
моросящего дождя) траурному состоянию.

* * *

В каждом из нас -
насильник.

Если нахрап
непосильный -

Всё,
что в душе
ни свято,

Будет нещадно
смято.

В каждом из нас -
убийца.

Коль нестандартны
лица, -

Не дали бы
отпора, -

Нож -
разрешенье
спора.

Критика -
гильотина.

Головы ждёт
корзина.

Все -
после казни -
схожи.

Все -
в одну кучу -
сложим.

15 - 19 августа 1989

ТОСКА ПО СВОБОДЕ

На роман уже времени, кажется, нету.
Расшифруйте, пожалуйста, сами - мой стих.
Мне покинуть хотелось бы эту планету,
Да сиротами жалко оставить своих.
Кабы не было выдумкой - вот хорошо бы! -
Взять и просто исчезнуть, - не смей, не зови:

Дай свободу от ревности, мелочной злобы,
От назойливой, неразделённой - любви.
К чёрту самого лучшего, доброго Бога!
Утешенья к чертям и загробную чушь!
Мы сработаться в жизни могли бы во многом,
Но не требуй, не жди - совмещения душ.
А не так - всё заветней мечта об уходе.
Не приемля чужого, в своё погружён,
От своей лишь любви не хочу быть свободен,
И своей только совести знаю закон.
Мне бы только - по-своему жить не мешали,
Мне своё бы достоинство только - сберечь,
Чтоб моё - не топтали, в моё - не плевали, -
Свой устав - соблюдай, но и мой - не увечь!

8 ноября 1989

ДРУГ

Это был... друг...

Р. Бах, "Иллюзии"

(Последние слова лётчика,
застреленного из дробовика)

Тот, кто решится - из дробовика -
Череп мой - разнести;
Тот, у кого - не дрогнет рука -
Хмурый курок - спустить;
Кто моё тело - души лишит,
Чем превратит его - в труп;
Разом проблемы мои - решит, -
Будет мой друг.

15 - 17 декабря 1989

ПОСЛЕ СМЕРТИ ДАНКО

Гори, моё сердце, гори!
Боли - до инфаркта, боли!
Не выгорит нежность - внутри.
Дотла меня чувства - сожгли.
И с грудью, прожжённой - насквозь,
Я, Данко, свалюсь, где пришлось.
Над трупом наследники - врозь:
Бушует - ревнивая злость.

17 декабря 1989

* * *

Конец болтовне - о личности.
Не личность была нужна,
А кукла - во всей привычности,
Покорности - без ума.
Удоборуководимая,
Из палочек вся и ниток,
Подстава - необходимая:

Взамен кукловода - бита.
В насмешку от куклы требует
Быть личностью - кукловод,
А с куклой шутить не следует:
Всерьёз она всё поймёт.
Легко было слово - вымолвить...
А кукла - решила жить:
Приказ кукловода - выполнить,
Чтоб личностью - вправду быть.
А в жизни - всякие мнения.
Ужаснейший - разнбой.
Терзают куклу - сомнения:
Решать-то надо - самой.
И чтобы в разные стороны
Не дёргаться - вот решение:
Все нитки к чертям - оборваны
Критичным - одним движеньем.
При столь бесстрашной критичности
Весь мир оказался шаток.
Из куклы не вышло личности, -
Лишь палочек беспорядок.

7 - 8 апреля 1990

ЗАСАДА

Беспомощно, как черепаха,
Упав, шевелишься едва...
Очнись, неведимый, от страха.
Отсрочено горе. Вставай.
Хрупко благополучье.
Лишь напугал человечка
Выстрел беды неминучей.
Не хорохорься - осечка.
Беда караулит в засаде.
Подставься, расслабься - и вот:
Расплющился - на автостраде;
Слетел под вагон - в гололёд.
Хрупко благополучье.
Лишь напугал человечка
Выстрел беды неминучей.
Не хорохорься - осечка.
А вдруг не осечка - звоночек?
Ты в очереди - погоди.
И в нежный живой огонёчек -
Нацелилась - жуть - впереди.
Хрупко - благополучье.
Вот и настиг человечка
Выстрел - беды неминучей.
И - навсегда - ни словечка.

26 октября 1991

* * *

Песню спеть,
ужаснуть -
и уйти.
Помнят пусть:
мальчик был.
Не финти.
Да, я был.
Я страдал -
оттого,
Что не мог
удержать
никого.
Что не мог
помирить
Никого.
Что не мог
подружить
никого.
Я любил.
Не хотел
потерять,
Да не мог
забияк
совмещать.
И любовь
до беды
довела, -
Я один/
ни двора,
ни кола.
Нет тепла -
душу греть,
раскрывать...
Что ж, молчать.
поскупей
отвечать.
Мне пора.
Допою
только песнь...
У кого
песне внять -
сердце есть?..
14 декабря 1991
* * *

Всё больше работы.

Всё меньше охоты
Болтать, суесться,
Куда-то стремиться,
За кем-то гоняться -
В друзья набиваться...
...А память - тревожней.
Тоска - безнадёжней,
Занудней и глуше.
Не мир - в мою душу,
А вязкая - вялость.
Поношен. Усталость...

25 февраля 1992

* * *

Памяти

Валентины Сергеевны Гусевой

Не довелось мне
проститься с вами.
Побыть у гроба.
Пройти, скорбя,
Последний путь
до последней ямы, -
Со всеми вместе
уйдя в себя.
Глаза сухие...
Но я заочно
Душою рваной
оплакал вас.
И с вашей тенью
Бессонной ночью
Бесстрашно встречи
искал не раз.
Узнал я поздно
о вашей смерти.
Но в самый день тот -
с чего бы вдруг? -
Тоскливо сжавшись,
исторгло сердце
Звонящий трауром
вышний звук.
Вся ваша нежность,
вся мудрость - прежде,
Из детства - всю
сохранили власть.
К живой, прийти к вам
я мог всё реже,
Но связь душевная -
не рвалась.

25 февраля 1992

Любимая моя загорская учительница. Мне пытались о её смерти сообщить, но я в эти дни был один в квартире, к телефону некому было подойти. А то бы во что бы то ни стало нашёл возможность проводить её в последний путь...

* * *

Прислониться бы мне душой
К безопасной душе другой,
Да боюсь ядовитых душ:
Кобра встретится вдруг - не уж.
Поначалу не разберёшь:
Встречный издали - всем хорош,
А пристроиться дай поближе -
Можешь до смерти быть обижен.
В одинокой душе - разброд.
Вечерами - тоска берёт.
Сам - ужалил себя - тоской,
А боишься - змеи чужой.

27 марта 1992

* * *

Измученно траурный - гул шоссе.
Прерывистый - сквозь одышку...
Рывками живут на планете - все,
Не сгинут пока - под крышку.
С избытком не тех, так других - проблем.
И если на рынке - пусто,
И если навалом - всего и всем, -
С чего-нибудь нам да - грустно...

1 мая 1992

* * *

Всё глубже загнан я в свою беду.
Всё твёрже - у покойников учиться
Намерен я: в молчание уйду,
Напрасным словом чтобы не казниться.
По-разному - покойники молчат.
Коль не мешает вам - неверья толща,
Прислушайтесь: они вас - ободрят,
А то - приговорят, осудят молча.
В молчании загробном - различить -
Сумеете - к делам живых пристрастье:
Тоску, что мало довелось пожить;
Обиду, гнев, подсказку и участие.
Чтоб меньше запоздало поправлять,
Или над тем, что не поправишь, охать, -
И мне красноречиво так молчать
При жизни поучиться бы неплохо...

9 мая 1992

* * *

Нет, не только трусы - многократно -
Гибнут, и не только на войне.
С кем прощаюсь навсегда надсадно,
Умираю в нём, а он - во мне.
Хоронил - и замертво, и заживо.
Много раз - оплакивал друзей.
Опалённый - расставаний заревом,
Веру я утрачивал в людей.
Только - доверяться осторожно,
Только - на сегодняшний момент.
Безоглядно верить - невозможно.
После всех прощаний - Бога нет.
С этим жгучим крематорным опытом,
В новых встречах трудно - воскресать.
Я - дистрофик. Доживаю шопотом.
Всё трудней - влюбляться и влюблять.

21 мая 1992

* * *

Люди привыкают - ко всему.
Нет живучей твари - потому.
Смысла нет? Заставит жить - привычка.
Улыбнётся - радость-невеличка,
Чуть рассеет - непроглядный мрак, -
Робкой той прельщённые улыбкой,
Люди тешатся - надеждой зыбкой,
Что порой - не так уж плох - Гулаг.
Так ли эта хороша - живучесть?
Какова была бы наша участь,
Если б меньше мы могли стерпеть, -
И, смеясь жестоко над садистом,
Нас крылом широким и тенистым
Сразу бы - освобождала смерть?..

9 июня 1992

* * *

Живу - на краю могилы.
Притягивает - она.
Глухою тоскою - силы -
Вытягивает - она.
Свинцово печальны - думы
О будущем, - был бы толк.
Надежды - мертвы. Угрюмый
Сковал меня с жизнью - долг.
Живи, ни на что не надеясь.
Пускай безысходна - грусть.
О смерти мечтать - не смея,
Влачи непомерный - груз.

Спеши, не тяни резину,
Что можно - вершить сейчас;
Хоть что-нибудь с места сдвинуть
Без пышных и лживых - фраз.

31 января 1993

* * *

Умереть бы мне - хотя б отчасти,
Если права нет - совсем пропасть.
Все бы в сердце извести бы - страсти.
Обрести бы - над собою власть.
И бесстрастно - дотлевать на свете.
Просто ждать, когда придёт - пора.
Пользы - ни в ответе, ни в совете.
Поскорей бы - кончилась игра.
А мудрец самовлюблённый будет
Демагогию плести о том,
Что не след - преподносить на блюде -
Помощь умирающим - ни в чём.

3 февраля 1993

* * *

Что за радость - маячить на свете,
Если сам - не могу ничего,
Если тем лишь - докучно заметен,
Что на помощь зову - хоть кого?
Добрести помогите, добраться
До еды - и вернуться назад;
Помогите - порой развлекаться
Тем концертом, которому рад.
А не лучше ли в самом-то деле -
Не тянуть бы резину сию,
И в подземной пуховой постели
Скрыть заботливо муку свою?..

8 апреля 1993

* * *

Ну, родился я на свет...
А зачем?
В школу привели в семь лет...
А зачем?
Не болев - ослеп, оглох...
Эх, зачем
Я тогда же не подох?
Ну, зачем?
Стал стишки я сочинять...
А зачем?
Стал в учёного играть...
А зачем?
День и ночь я среди книг...

А зачем?
В чьи-то мысли вроде вник...
А зачем?
Втрескался в чужих детей...
А зачем?
Сколько мне до смерти дней?
И зачем?

10 апреля 1993

* * *

Нет, по мне оркестр играть не будет.
Я - последний траурный оркестр.
В грязь давно вы уронили, люди,
Полумесяц, и Звезду, и Крест.
И сквозь горький смех мой похоронный
Слышу чей-то голос озлоблённый:
"Сгинь! Хватает нам своих забот.
Сгинь! Забит наш плотядный рот.
Сдохла в мире Совесть. Не буди!
Сгинь - и мертвечиной не смерди!
Полумесяцем, Крестом, Звездой, -
Нет, не станем цацкаться с тобой.
Сгинь! Гуманны в горле финкари.
Сгинь! Что слеп и глух - кротам соври".

15 апреля 1993

ПОДТЕКСТОВКА ПОХОРОННОГО МАРША

Откр'ытый д'о пред'ел'а"
Рот - в в'опле б'езгол'ос'о"м.
Жест'око ст'иснуты в'ек'и",
А р'уки в м'ёртвой сц'епк'е".
Сквозь ст'иснут'ые в'ек'и"
Слез'инки пр'оступ'а'ю"т.
А м'ожет, к'апельки ж'изн'и"
Уд'ушье 'отжим'а'е"т.
Оц'епен'ело т'ел'о".
В душ'е пог'асли 'искр'ы".
Уст'ал и 'умер от ж'изн'и" -
Бол'езни с'амой стр'ашн'о"й.

18 апреля 1993

За год с небольшим до инсульта, почти за четыре года до смерти - я уже предчувствовал мамин отёк лёгких. (В строках: "А может, капельки жизни удушье отжимает", как в стиральной машине.) Хотя непосредственно в данном траурном марше, разумеется, имел в виду прежде всего свою собственную усталость. Апострофами, которые использую в качестве знаков удара, отмечены удары барабана духового оркестра, играющего похоронный марш. По распространённой схеме: два редких удара, два более частых и два - в то время как

мелодическая группа тянет заключительную ноту - один за другим, и на заключительном ударе эта нота (последний гласный звук в строке) обрывается.

Этот самодельный похоронный марш звучал во мне 4 марта 1997 года в момент, когда я нёс урну с маминым прахом от крематория в колумбарий. - 24 мая 1998.

* * *

Миру нужны пессимисты.
Те, кто напомним всегда:
Так-то ли всё у вас чисто?
Всё ли тип-топ, господа?
Жаждете вы беспроблемья.
Только успехам и счёт...
Эфой стремительной время
В гроб вас досрочно сведёт.
Спите на лаврах спокойно...
Ну, оптимистик, ложись!
Горе скрывать - недостойно -
Всех - улучшающих жизнь.

1 мая 1993

* * *

Не болтайте, чего не знаете,
Жизнерадостные - вы!
Диалектику - как ни хааете,
Так уж строится жизнь - увы.
Переходит количество в качество
Не единожды - много раз.
Сперва плачется, после - прячется
В свою муку душа, томясь.
Ведь не только Москва - Вселенная
Верит крови, а не слезам.
Непосильна и нежность мгновенная,
Так как мы уж не здесь, а там.
Не понять нам натуры цельные,
Что мгновеньем живут, спеша.
Мы - живые, но запредельные:
На том свете у нас - душа.

26 мая 1993

* * *

Едет мертвец на праздник.
Добрый костёр - впереди...
Замысел, может, праздный:
Не отогреть, поди.
Радость наружная - мнима.
Глубже - во льду пласты...
Вряд ли уже обратима
Мёртвой души - стынь.

26 мая 1993

* * *

Сколько я прожил - жизнью?
Кто - сосчитает их?
Сколько до прошлой - ближней -
Дней ли, веков пустых?
Кем я не снился только!
Может, не спит во сне
Память дороги долгой
К нынешнему - ко мне.
Нынешний раз - последний?
Или же - проходной?..
...Хоть бы, как Мастер бедный,
Я заслужил - Покой...

4 сентября 1993

Имеется в виду булгаковский Мастер из "Мастера и Маргариты". Они оба заслужили покой, а не рай и ад. Не Свет и не Тьму. Я в стихотворении немного слукавил: на самом деле я предпочёл бы "заслужить" несуществование...

* * *

Ох, как я стучаться к вам устал...
Постучитесь вы ко мне теперь.
Безнадёжно тонус мой упал.
Где-то рядом чувствуется дверь.
Скоро дверь откроется сама.
Не прощаясь, за неё скользну.
В ужасе посх'одите с ума,
Гробовую сделав тишину.
Соберётесь вместе постенать,
Вспоминать и звать назад меня...
...Мне бы впрямь - ничуть не горевать,
Что чужая - ваша вся возня.

7 декабря 1993

* * *

Я не хотел бы никаких обрядов,
Когда умру. Исчезнуть бы хотел.
Чтоб рыть могилу было бы не надо.
Чтоб идеолог был бы не у дел.
Чтоб не было гражданской панихиды,
Церковной тоже - вовсе никакой.
Последней не чинили бы обиды,
Вгоняя крест могильный надо мной.
Живой в собачью чушь не верил если,
То места на земле не будет пусть,
Где с чушью бы ко мне посмертно лезли...
Иконой стать? Спасибо - обойдусь!

29 - 31 января 1994

Гм... Однако нишу в колумбарии рядом с маминым прахом
- купил. Да и куда исчезать?.. Впрочем, в "Средоточии боли"
(см. ниже) я от имени Ильенкова написал честнее: "Как хотите
- меня схороните. Ничего я не завещаЛ". Ритуал ведь нужен не
мёртвым, а живым. Даже если он завещан - завещают живые, а
не мёртвые.

* * *

Каждую ночь
 к моему
 окну
Чёрный,
 пустой
 приплывает -
 гроб.
И протекает
 сквозь тишину
Траурный марш
 миллионных
 толп.
Стонет
 огромный оркестр духовой.
В воздухе
 гроб
 меж домов
 плывёт.
Тени покойников -
 чередой.
Мой
 никогда
 не наступит
 черёд.
Лишь
 принимаю -
 ночной парад.
Тенью -
 не стану.
 В гробу -
 не замкнусь.
Капелькой
 (в мутном напитке -
 яд)
В космосе
 медленно
 растворюсь.
28 апреля 1994

* * *

Не хочется быть в тягость никому.

Звонить, проситься в гости, зазывать...
Жить - значит умирать. А посему -
Свет незачем собой обременять.
Кому, на кой сдались мои труды?!
Веселье безысходно. Лбы тверды.

30 апреля 1994

* * *

Его не слушают в салонах.
Он - неуместен. Но зато,
Когда сдадут его воронам,
Истреплют в пух его пальто.
Те неуместные идеи,
Что не давали вслух сказать,
По смерти автора - пигмеи
Начнут усердно - исказить, -
И повторять фальшиво, глухо,
Держа по ветру чуткий нос,
Тот звон, что где-то краем уха
Услышать сдуру довелось.
А чтоб за дурь не быть в ответе -
Цитировать невпроворот,
Произведя в авторитеты,
Чей был зажат при жизни рот.
Так осрамят его посмертно,
Чтоб схоронить свои концы,
Твердя особенно усердно:
"Не имут сраму мертвецы".

20 октября 1994

* * *

А я боюсь - боюсь поверить людям.
А я боюсь - уж больно всё тип-топ.
А может быть, друг другу врать не будем?
Но разве лучше - всякий мусор - в лоб?
Я по любви, по дружбе - справил тризну.
Отныне - в шахматы играю с жизнью.
Жестокий стыд, усталость и расчёт...
Ищу к могиле - следующий ход.
Могила неизбежна. Вся задача -
В могилу победителем сойти.
Неровен путь мой, полон неудач он.
Баланс бы окончательный свести...

2 - 3 декабря 1994

* * *

Смерть - когда перестают встречаться.
Смерть - когда перестают общаться.
Смерть - когда жив ё . Охоньки, здоровы,
Но дороги врозь...

Путь - всё тот же, да попутчик - новый.

Встретить привелось
На день, на год... И опять - разлука.
Только память горечи полна.
По ночам - воспоминаний мука.
Смерть зовёт, чернея у окна.

2 мая 1995

* * *

Родина там, где я дома.
Дома я там, где работа.
Горькая, злая истома.
Всё не хватает чего-то.
Жизни - нормальной, надёжной.
Всем - не хорошей, так сносной.
Скольким же - хуже острожной?..
Кризис... Безумие... Косность...
Твари, - заметил Шаламов, -
Нет - человека живучей.
Дни свои тянет упрямо
Там, где подохнуть бы лучше.

7 мая 1995

* * *

Насильно мил не будешь... Что ж, не лезь.
И если в дружбе тянет холодком, -
Пусть, как ни плохо, всё идёт, как есть,
Своим, никем не выбранным, путём.
Всё едино - ничего не избежать.
Не Природе и не Господу решать.
И не мне маршрут по жизни выбирать.
Просто в спину будет прошлое толкать.
Прошедшего неумолимый воз
Под горку напирает всё грузней.
Нет сил притормозить его всерьёз,
И на ногах держаться всё трудней.
Поначалу склон как будто и не крут.
Меж отвесных скал проходит мой маршрут.
Прямо в бездну - есть дорога, нет моста, -
С грузом прошлого сползаю... Чернота...

26 сентября 1995, ночь

* * . 0 *

Прочитав - обожгутся,
Но делами займутся,
И забудут... Напомни попробуй, -
Раздражённо взовьются,
От беды отмахнутся,
Подтолкнув тебя этим ко гробу.
Что ж, оно ведь удобней:

Не вникая подробней,
На икону твою помолиться.
Слишком в жизни был сложный,
Невтерпёж-невозможный, -
И святому с тобой не ужиться!..
Рад уйти бы, да _ 1НАДО . 0!
Долг - уходу преграда.
Компромисс намечается, впрочем:
От всего попытаться,
Как мертвец, отмолчаться;
На бумаге же - крикнуть погромче.

27 сентября 1995

Мое отношение к жизни, в том числе к собственному творчеству, всё пессимистичней, всё безысходней. Ну напишу, напечатаю, предельно остро поставлю все проблемы, ткнув человечество носом в его собственное дерьмо. Ну и что изменится? Люди останутся как есть. Может быть, прочитают. Может быть, размажут сопли по ланитам со слезами вперемешку. Дешевка всё это. А дальше вернутся к своим делам и будут жить как ни в чём не бывало. И попробуй напомнить о прочитанном, чтобы хоть в какой-то мере поставленные проблемы решать практически, - найдётся миллион "обстоятельств", чтобы ничего не менять, ничего не решать. А когда ссылка на "обстоятельства", по причине многократного употребления - злоупотребления! - теряет свою эффективность, - прямо говорят: надоело, отвяжись. Мне говорили это в течение жизни много раз, - иногда и те, от кого ни сном ни духом не ожидал. И не могу притерпеться. Каждый раз больно, как впервые.

Надоело? Прошу прощения! Постараюсь больше не беспокоить. Уж как-нибудь, уж с кем-нибудь... У меня тоже есть гордость, и чем я беспомощнее, чем зависимее в самых нелепых мелочах, тем эта гордость, естественно, болезненнее. Человека, однажды заявившего, что ему надоело со мной возиться, что все мои проблемы - не проблемы, а капризы, не то что у него, у которого вот действительно проблемы, - этого человека я и на краю могилы предпочту ни о чём не просить. Для такого человека я умер с той самой секунды, как он произнёс роковое слово: "надоело". Прошу прощения и - говорю "прощай", а не "до свидания". Говорю обычно не вслух. Про себя. Но это всё равно. Решение принято. А высказывать, декларировать его - незачем. Вздора хватает и без этих деклараций. Кому я надоел, для того меня больше нет.

Так называемое бессмертие - тоже невелика честь. Все там будем, все исчезнем, когда-нибудь просто некому будет нас помнить, потому что и само человечество рано или поздно рассыплется космической пылью. Разве что манеевская

биополевая протяженная формация сохранит о нас память, но кто, когда и как сможет расшифровать этот код... Да и он не безупречен. По гипотезе Манеева, при определённых условиях и на этом носителе информация может быть стёрта. Я пока прочитал один раз, и условий этих не помню. Да неважно, в конце концов, всё неважно. Буду жить, то есть работать. Буду, по выражению Чернышевского ("Письма без адреса"), "бить воздух словами". Только это от меня и зависит. Чернышевский, правда, за "битьё воздуха словами" угодил в ПетроПавловку. Ибо "адрес" у "писем" так-таки был - император собственной персоной, - и адресат в свою очередь сделал то, что от него зависело. Упёк своего корреспондента - всем известно куда. Ну, я не Чернышевский, такую честь едва ли заслужу.

Ну, а восхищение издали - ах какой герой, - ст'oit дешевле, чем машинально перекреститься на икону. Кстати, на иконах рисуют только покойников. Даже если покойник номинально жив. Поклоняться, преклоняться - значит погребать. Я это прекрасно понимаю, потому и не люблю, когда мне говорят, что передо мной "преклоняются". Это часто говорят чужие люди при случайной встрече. Ну, на то они и чужие.

Идея смерти при жизни, смерти не физической, а "общенческой", что ли, для некоторых партнёров по общению, - давно меня соблазняет. Вот только сложно осуществить. Слишком я для этого всё-таки живой - эмоциональный. А казалось бы, чего проще - подражать покойнику! Знай себе молчи в тряпочку, и ни "да", ни "нет", ни улыбки даже - ничего. Это хорошо получается в гробу, а как сознательный способ реагирования на некоторых обидчиков - не так-то просто. Разве что обидчик поможет и тоже замолчит...

Ну хватит. Уже низвёл, по обыкновению, трагедию до пошлого фарса.

* * *

Нечего всех стричь
под одну гребёнку,
Всех с ума сводить -
на свой вкус и лад.
Бред бы творческий -
каждому ребёнку;
Одержимость - пусть
хоть под лимонад.
Всем людьми расти
и нельзя, быть может.
В каждом грязь нужна -
чистоту познать.
Даже свой навоз

нежный нюх тревожит, -
Аж тринадцатый
угол поискать.
Если только свят -
ссохнешься от скуки.
Ангела творит,
искушая, чёрт.
Важно ль, почему
наложил ты руки, -
То ль от святости,
то ль - наоборот?..
7 мая 1997

* * *

Ныне мой успех -
пуля на излёте.
Хмуρο впереди:
лямка - и уход.
И шепнув: "Пора...", -
даже не мигнёте, -
Выплачу сполна
свой последний счёт.
1 августа 1997

* * *

Памяти

Олега Константиновича Дрейера

Жизнь - вокзал, и суета -
В зале ожидания.
Вот - последняя черта,
Навсегда - прощание.
Пусть - притихшая толпа
Возле гроба - шаркает.
Но бывает же судьба:
И посмертно - яркая...
13 октября 1997

Дрейера я знал только как главного редактора
издательства Университета Российской академии образования.
Когда он умер, и я в благодарность за изданные мои книги
напросился к Дрейеру на гражданскую панихиду, Борис
Михайлович Бим-Бад мне сообщил, что на самом деле это был
крупнейший учёный... Ну, что поделаешь, я не очень-то имею
возможность узнать, с людьми какого масштаба сводит меня
судьба. Но как главный редактор издательства УРАО этот
человек выпустил две мои книги и подготовил к изданию
третью, уже в больнице спешил сдать в печать сборник моих
статей под общим заголовком "Экспериментальная философия"..
Я всегда чувствовал в нём своего друга.

* * *

Вы себя ни в чём не обвинили?
Вам не стыдно? Вы себя простили?
И ни разу тех, кого любили,
Разве сдуру в гроб не торопили?
Не желаю бесконечной пробы:
Умереть - опять родиться чтобы;
К святости стремясь путём страданий,
Вновь и вновь поганый мир поганить, -
Самых близких, беззащитных гробить...
Самому страдать - куда ни шло бы,
Только - либо вовсе без мучений,
Либо ад - для всех без исключений.
Вырваться б из этой круговерти;
Заслужить покой бы после смерти,
Чтоб для новой жизни в новом теле
Не осталось никаких бы целей!..

13 ноября 1997

* * *

Я только слабый человек.
Не за того людьми я принят.
И паром обречённый снег
Мгновенно делает пустыня
Моей души. И этот пар
Туманом лёгким и бесплодным
Летит обратно. Глупый жар
Стыда за то, что я безродный,
Что я безвольный человек,
И что не за того я принят...
Нелепый, безнадёжный век,
Пока горячий, трупом стынет.
Нелепо вспыльчивым я был
И с той, кого любил и нянчил,
И вот мечту похоронил,
Что должен чище жить, иначе...
И неоплатный долг плачу
Тоской по святости нездешней.
Над трупом века бормочу,
Такой же безнадёжно грешный.
Ни жизни, чтоб любить себя,
Ни смерти, чтобы кончить пытку...
И, пивом с табаком смердя,
Пытаюсь вымучить улыбку.
И как ни странно, жалкой той
Гримасе - почему-то верят...
Отчасти я - для многих свой,
Отчасти же - для всех потерян.

10 апреля 1998

* * *

Порою кстати слепоглухота.
Булавочным укольчикам несчётным
Один ответ: не слыша ни черта,
Всё пропускаю мимо беззаботно.
А если б слышал - не сдержал бы гнев.
Достиг бы цели вызов смехотворный.
На сущий вздор, подумать не успев,
Ответ я дал бы - ещё больше вздорный.
Обычно спичкой вспыхиваю, жгу.
Опомнившись, тех вспышек стыдно очень.
А промолчать, сдержаться - не могу,
Задачей этой как ни озабочен.
Теряя вечно под ногами твердь,
В очередных увязнув пререканьях,
Отчаявшийся, - призываю смерть:
Всевышнее бесстрастное молчанье.
И, выходя из горя, в смерть вхожу, -
В последнее великое искусство, -
И словно бы со стороны слезу,
Как прекращают гвалт нелепый чувства...

19 сентября 1998

* * *

Не сумел я стать, кем стать бы мне хотелось.
Становления в душе иссякла смелость.
Извивается трусливая мыслишка -
Поиск повода, чтоб улизнуть под крышку
От всё более несносных обязательств, -
Совершив последнее из всех предательств.
Всё обильнее в душе осадок едкий.
Не пора ли возвращаться из разведки?
Не пора ли снять с души мне оболочку,
В данном мире наконец поставить точку?
Впереди ещё осталась часть дороги,
Да раздумчивей и спотыкливей ноги.
И не то чтоб сил ни капли, - в прежних смыслах
Я всё меньше вижу смысла. Жизнь - зависла...

14 июля 1999

* * *

В Энрофе остаётся только труп.

Даниил Андреев.

"Роза Мира"

В Энрофе остаётся только труп.
Он отслужил своё. Его сожгли, -
А может, в земляной зарыли струп,
Под памятник забвенью обрекли.
В Энрофе остаётся только труп.

В других слоях Шаданакара дух, -
За то, что примитивен был и груб, -
Как в море камень, в инфракосмос - бух.
В Энрофе остаётся только труп.
Но если дух работал над собой
И карму развязал, - под звуки труб
Возносится он в просветлённый слой.
В Энрофе остаётся только труп.
А в просветлённом слое мощный хор
Поёт "Осанну" тем, кто Свету люб, -
В себе любви разумной дал простор.

20 и 24 июля 1999

В стихотворении широко используется терминология "Розы Мира" Даниила Андреева.

Шаданакар - совокупность слоёв, планов, пластов, миров, составляющих космос планеты Земля. Всего их, как сообщает Д.Л.Андреев, более двухсот сорока.

Энроф - тот план, слой, пласт, _МИР_ Шаданакара, в котором живём мы. Как пишет даниил Андреев, светлыми (провиденциальными) силами Энроф вообще-то создавался для животных, но когда в Энроф вторглись демонические силы, для его спасения пришлось в пожарном порядке создавать в нём разумную жизнь - человечество. Энроф, таким образом - это мир, через который проходит линия фронта между Светом и Тьмой, Провиденциальным и Демоническим началами. Этим объясняется наша противоречивая природа.

Мы в Энрофе не можем не принимать ту или иную из борющихся сторон. Каждым своим поступком. Каждый из нас в чём-то помогает Провидению, а в чём-то и демонам. Совокупность этой поддержки обеих сторон (сознательной или бессознательной) составляет Карму - общий баланс добра и зла, Света и Тьмы в индивидуальной судьбе. Балансом этим определяется посмертие каждого из нас: то ли мы провалимся в Инфракосмос - в тот или иной демонический слой Шаданакара, то ли вознесёмся в Метакосмос - в тот или иной просветлённый слой. Смерть, по Андрееву - это переход из Энрофа в другие миры Шаданакара.

Как я отношусь ко всему этому? Конкретная андреевская разработка общих философских идей, что называется, на его совести. Я ничего не могу утверждать относительно демонических, просветлённых и "фронтowych" миров... На меня всё это производит огромное впечатление, но - чисто эстетическое, как самая фантастическая из всех сказок, какие мне довелось читать.

Однако у этой фантастики есть весьма серьёзное философское основание. Никак не приходится отрицать общую идею _МНОГОСЛОЙНОСТИ, МНОГОПЛАНОВОСТИ_ бытия. Конкретно

развернуть, реализовать эту идею в концепции, можно и так, как сделал Андреев... Тем более я очень серьёзно отношусь и к общему этическому смыслу его концепции, целиком его принимая.

Для меня лично, в моей этической практике, андреевская борьба провиденциальных и демонических сил - это более/менее успешные попытки БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, ЧЕЛОВЕЧНЫМ. Мы - люди постольку, поскольку получается быть человеческими, и н'елюди, в лучшем случае просто животные - постольку, поскольку человеческими здесь и сейчас быть не получается. На вопрос, человек я или нет, я не могу ответить однозначно, раз и навсегда. Ибо человечность - это переменная, а не константа. Я человек или не человек - смотря когда, смотря с кем, смотря в какой конкретной ситуации, в каком поступке, в каком действии или бездействии. Человечность удаётся или не удаётся утверждать, подтверждать в каждый данный миг. Человечность - не пожизненное звание вроде профессора или академика, а реальный смысл текущего момента моего бытия. И в каждый данный момент этот смысл либо присутствует - и тогда я человек, либо отсутствует... Стараюсь, конечно, почаще быть человеком, то есть человеческим, но это очень трудно, раз на раз не приходится, и кто его ещё знает, какой окажется общий баланс, итог - эта самая Карма... Очень жёсткая, максималистская этическая позиция - жёсткая прежде всего по отношению к самому себе.

* * *

Убивать себя - великий грех
Не во всех мирах, а только в тех,
Где Творенья Божьего печать...
А нельзя ли это обыграть?
Хоть и Богом сотворён сей мир,
В чёртов превратился он сортир.
Так зачем волынку в нём тянуть...
Очень я не прочь бы улизнуть.
Если ж после смерти на меня
Вздумает напаялить Сатана
Вместо тела каррох, - Даниил
Там самоубийство разрешил.
Каррох вдребезги расколочу,
В Тихий Свет какой ни есть влечу;
Лишь бы смочь - вернуть себя не дам
Больше ни на Землю, ни к чертям.

25 июля 1999

В просветлённых мирах и в Энрофе субстанцию (материал), из которой состоят наши тела, Андреев называет СИАЙРОЙ. В демонических мирах более плотная субстанция - КАРРОХ. Провалившись из Энрофа в любой демонический мир, мы

перевоплощаемся в каррох - наша плоть отныне состоит из карроха, а не сийры. Самоубийство как побег из демонического мира Андреевым допускается и одобряется. По его концепции, самоубийство - грех только в богосозданных мирах, в том числе в Энрофе, поскольку он создан провиденциальными силами. Ведь самоубийство в этих мирах направлено против Бога, потому и грех. В демонических мирах самоубийство - не грех, а наоборот: активное сопротивление демонизму, неприятие демонизма, следовательно, переход на сторону Провидения. Душа, совершившая самоубийство в Инфракосмосе, подхватывается Провиденциальными силами и возносится в метакосмос. Из некоторых инфракосмических миров другого исхода и быть не может: вновь и вновь воплощаясь в Энрофе, душа каждый раз возвращается в эти инфракосмические миры, пока не совершит там самоубийство. Это относится, насколько я понял, прежде всего к мирам сладострастия, разврата, похоти... Ведь там основа бытия - тёмные наслаждения, а не страдания, и чтобы оттуда вырваться, надо от этих наслаждений отказаться.

* * *

Ад - беспутство. В смысле - без пути.
Некуда и незачем идти.
Безразличье - сытое ль, голодное...
Так и так - бесцельное, бесплодное.
Нет надежды - скуку прекратить.
Нет надежды - голод утолить.
Могут - те, кто без стыда, без совести.
Совестливые - что могут, Господи?
Век об стену бьются головой...
Грех - разбить башку. Ни боже мой!
Им - лишь непрерывный ад - бессмертие.
Что ли, смерть - проявит милосердие?
Смерть - конец любых путей, тупик...
Лучше б не рождаться - ни на миг!

30 августа 1999

* * *

Провалюсь - или вознесусь, -
Жить не хочется мне, клянусь!
Надоело - себя искать,
Без конца - обретать, терять...
В лабиринте - одни углы...
Разрубить бы мне все узлы.
Хоть сквозь стену готов пройти,
Не найдя до дверей пути.
Плотный я чересчур предмет.
Просочиться - надежды нет.
Лишь размазаться по стене

Бледной тенью придётся мне...

27 сентября 1999

* * *

Я - чужой. Одни со мной добры,
А другие - вроде бы не очень.
Век я был снаружи, не внутри;
В обращении с людьми - неточен.
Потому ли, что слепоглухой,
Посторонним чувствовал себя я,
И спасался в мир особый свой,
Тщетно в мир чужой попасть пытаюсь?
Или до рождения сюда
Миссия дана мне в Мире Горнем,
И нужна мне слепоглухота,
Чтоб путём не соблазниться торным?..
Так ли, сяк ли, - только, много раз
Поступив наивно и беспечно,
Я, при всём честном народе в грязь
Угодив, мечтал уйти навечно...

2 октября 1999

* * *

В.Т.Ганжину

Простите любя,
Что в день, когда Вас хоронили,
Детишки меня
Из лагеря - не отпустили.
Когда Ваше те-
Ло в землю в гробу опускали,
В победной мечте
Больные ребята витали.
И Вы родились -
Не умерли вовсе! - и звонко
Смеялись, вились
В своих же поминках - ребёнком.
И творчества твердь,
Ближайшую видно дорогу...
Рожденье - не смерть!
Вам смерть не идёт - ей же Богу!

11 ноября 1999

Виктор Тимофеевич Ганжин - доктор философских наук, специалист в области этики. Консультировал меня при работе над докторской диссертацией (тема моей докторской диссертации - "Человечность как фактор саморазвития личности", этическая, в сущности, тема). Умер от рака 11 ноября 1999, когда я был в лагере Детского ордена милосердия. Оттуда я вернулся 10 ноября, узнал о его смерти и, не остыв от общения с детьми, поехал 11 ноября на

похороны... Было очень странное ощущение смерти - сквозь
детство...

* * *

Дьявол с ангелом в раздрае:
Тот - за смерть, а тот - за жизнь.
Чья возьмёт - Господь их знает,
Но покудова - держись.
Ах ты, хлюпик и гнилушка!
Слюни, сопли распустил...
Жизнь тебе - не безделушка:
Долг не всем ты уплатил.

16 ноября 1999

* * *

Моя сказка хорошо не кончится.
Я прокакал - поголовно всех.
И душа в стыде бесплодно корчится:
Нет, не искупить Иудин Грех.
Карма так инертна! Бездна косности.
Линию Судьбы не изменить.
Если есть посмертье - в Инфракосмосе
Мне столетьями придётся гнить.
Я при жизни - знамя милосердия.
Но себя не обмануть никак.
Потому - не хочется посмертия,
И в него я верить - не дурак.

14 ноября 2000

* * *

Б.М.Б.-Б.

Отпустите тормоза -
Горю.
Уподобится слеза -
Морю.
На луну истошный вой -
В плаче.
Тяжело... Но Вы - живой,
Значит.
Жизнь - бессвязный жаркий бред:
Чёрный.
Смерть - морозный яркий свет:
Горний.

21 декабря 2000

* * *

Опять и вновь - долой!
Устал я, Боже мой!
Где вечный мой покой?!
Опять и снова - долг.
Кому-то был бы толк...

Но голос мой - не смолк.
Опять и вновь - сквозь боль.
Любимая мозоль
Горит, а жить - изволь!..
Готов - опять и вновь -
Я ближним портить кровь
И проявлять любовь...
Опять и вновь - в скиту
Стеклянном, на виду,
За зыбкую черту, -
Опять и вновь - насквозь.
Куда? Прорвусь авось -
Там разберусь, небось.

20 февраля 2001

* * *

Там, на Том Свете,
Будет тоска - о тоске.
Там, на Том Свете,
Будет тоска - об ужасе.
Там, на Том Свете,
Будет тоска - о песке.
Там, на Том Свете,
Будет тоска - о ненужности.
Там, на Том Свете,
Будет тоска обо всём,
Что мы На Этом
Горем, несчастьем зовём.
Что уж о счастье
Там вспоминать... Вся мольба -
Небытиём бы
Смерть бы взаправду была!
Нет уж! Бессмертья
Даром не нужно! Отдам
Первому психу,
И уж подавно - Богам!

30 мая 2001

* * *

Возможность - уйти,
Возможность - прийти,
Возможность - найти:
Кого-нибудь...
И я - не один.
И нету причин,
Воскликнувши: "Блин!" -
Прервать - свой путь...

30 мая 2001

* * *

Я не знаю, чем кончится сказка.
Кто проводит меня - на тот свет.
Чья последняя робкая ласка
Успокоит - а может быть, нет...

20 января 2002

ДЕРЖИСЬ!

П. Е.

Крик разносится по Вселенной -
Проникающий звонкий крик.
Мой хороший, мой драгоценный,
Так я к миру и не привык.
Кровью плачу, и тексты кровью
Пропитались насквозь давно,
Но сливается кровь - с любовью,
И со светом ума - в одно!
Да, мы влипли, нас не спросили,
Обрекая на пытку - жить,
Но, быть может, нам поручили
Маяками в ночи светить.
Не спросили... Но мы не властны
Отказаться - какой ни страх:
Закапризничаем, погаснем -
Провинимся в других смертях.

4 февраля 2002

* * *

Если под личиною вопроса
Одному побыть меня попросят, -
Дескать, не хотите отдохнуть? -
Можно книжкою при всех прикрыться,
Но, пожалуй, нечего кукситься,
Усмирить гордыню как-нибудь.
Господи! За что терпеть я должен
Участь эту? Наконец, позволь же
Мне из мира вообще уйти.
В жизни я - в аду. За гробом ада
Не страшусь, и рая мне не надо.
Просто бы исчезнуть... От-пус-ти!

27 марта 2002

* * *

Ты создание не худшее.
Как тебя мне разлюбить?
Притяжение могучее.
Невозможно отпустить.
Нет, исчезнуть не получится:
Я, Господь, люблю тебя;
Так что обречён ты мучиться,
Жить, всё более скорбя.

2 апреля 2002

* * *

Грустным Богом быть неплохо -
Накопившиеся чохом
Слёзы впору все пролить...
Сонным Богом хуже быть.
Худо на людях - и в келье.
Всё натужнее веселье.
В жизни места - не сыскать,
Не видать и не слышать.
Чёрт, хочу развоплотиться.
Угораздило родиться
Мне из серости во тьму...
Руки в пустоту тяну.

30 мая 2002

* * *

Колода не виновата,
Что норка под ней змеи:
От страха пружинкой сжата -
Попробуй мимо пройди!
Хотел расколоть полено...
Но молнией чёрной гад
Метнулся ко плоти брэнной,
Чтоб выпустить душу в ад.
Укус - и душа отлетела.
А телу-то благодать:
Колодой - нехитрое дело, -
Вторую лежать, молчать...

7 июля 2002

* * *

Ничего мне от тебя не нужно.
Даже правды. Робкий зов мой смолк.
Боль свою попробую натужно
Скрыть, равно как прочих соплей полк.
Хоть и рядом вроде, мы - в разлуке.
Снова мной упущен шанс любви.
Господи, какая в сердце мука!
Дух мой в пустоту освободи.
Сколько можно громоздить страданья?
Чем я так уж тяжко согрешил?
До свиданья, друг мой, до свиданья!
И прости, что я тебя любил.

8 - 15 июля 2002

* * *

Поздно. Давно уже всё решено.
Скоро последние грянут итоги.
Был я слепой, и глухой, и безногий.

Это, простите, не жизнь, а дерьмо!
Даже любовью - хоть самой большой -
Не отодвинуть предельные сроки.
Все, что остались - посмертны уроки.
Бог отчитается передо мной,
Чем заработал я жребий жестокий!
Тожe мне вечный судья... Не смеши!
Знаю, встречал лицемеров подобных.
Ох, и схлопочешь ты суд мой загробный -
Суд моей перестрадавшей души!
Бросьте, попы! Не вызывайте ко Господу -
Был к моему бы он милостив ропоту!
Что о грехе вам крушиться моём?
С Господом мы разберёмся вдвоём.

7 - 8 августа 2002

* * *

Я выдержал много. И много,
Надежд не питая, не жду.
Хотя ещё длится дорога,
Обрыв её вроде в виду...
Стена черноты беспредельной...
А вдруг не обрыв - поворот?
Но жизнь моя станет бесцельной,
Коль в прошлое нежность уйдёт.
Коль буду лишь текстами занят,
И зов мой из склепа умолк, -
Иссякнет горячая память,
Вконец обесмыслится долг...
Всё новая нежность - впервые.
А там, на остаток пути -
Сиротские дебри глухие.
Куда, спотыкаясь, брести?..
Все эти проблемы, однако,
Мои - никого не держу.
Сгущаются тени. Из мрака -
Во мрак беспредельный - вхожу...

10 октября 2002

* * *

О!.. Черноту прожёт -
Окнами - дальний Свет.
Есть ещё некий срок -
Несколько сносных лет.
Должен продолжить путь
Старый седой бурлак.
Всё тяжелей тянуть.
Сбивчив усталый шаг.

10 октября 2002

* * *

В ответ иногда - рыданье.
Плывёт из-под духа - твердь.
Последний ответ - молчанье,
И хоть бы взаправду - смерть!
Не надо мне канители -
Рождаться в Вечную Жизнь.
Хочу умереть - на деле:
Рассыпаться весь - и вдрызг!

2 - 4 ноября 2002

* * *

Каждая минута,
каждая секунда,
Каждое мгновение -
полно лишь тобой.
Кит и рыба вместе,
Ах ты - Чудо-Юдо!
Нет прощенья мне -
до крышки гробовой.

12 ноября 2002

* * *

Похоронный марш по перспективе -
В черноте оставшаяся жизнь.
Сам, конечно, виноват в надрыве -
Просьбами перегрузил... Держись.
Дотерпи до недалёкой точки.
Домолчи до лязга буферов.
Только горем багровеют строчки
В пустоте простудной рукавов.
Робко руки ты тянул за лаской -
И остался, вот, совсем без рук...
Но души обрубок доброй сказкой
Очарован после всех разлук.

26 марта 2003

* * *

Я мёрзну изнутри. В твоих ладошках
Моё живое сердце - бьётся - чуть.
Согреться б нежностью твоей немножко,
Да стынь всё больше заполняет грудь.
На свете много нежности. Несложно
Согреться вроде, да не всё равно:
Твоей лишь нежностью согреться можно;
Меня утешить лишь тебе дано.
Нет, нежность не вымаливаю - где там!
И не надеюсь больше заслужить...
Надежда умерла. За нею следом
И мне пора. Лишь долг бы доплатить...

19 июня 2003
МЁРТВЫЙ СМЕХ

Года полтора - и пустота.
Кончится любовь, стихи, наука.
Отгорит и пеплом ляжет м'ука.
Впереди - провалом - чернота.
Светятся лишь года полтора,
А потом - нет смысла суетиться...
Идиот - осудит. Не решится
Умный вслух признать, что мне - пора.
Сколько можно на чужой планете
Маяться! Всё меньше, меньше сил.
Всё слабее тяга даже к детям,
И гримасой мёртвый смех застыл.

30 июня 2003

* * *

Телом - относительно здоровый.
Как ни странно, сердце не болит,
Хоть и холод в нём царит суровый,
Ядовитая тоска язвит.
Дни проходят - пыткой нестерпимой.
Мир противен, а не просто чужд.
Жизнь теряет смысл неотвратимо.
Всё - кобылий бред, собачья чушь.
Об уходе постоянно думать,
Нить за нитью с миром связь терять,
Равнодушие копить угрюмо, -
Это-то и значит - умирать.

2 июля 2003

4. САМОАНАЛИЗ

* * *

Ничего не умею руками.
Только двигать умею мозгами.
Никуда я не годен такой, -
Косорукий, с прямой головой.

1 мая 1974

Детский сад! Ничего себе "только"!

* * *

Тот, у кого заслуг наперечёт,
О них по всяким поводам поёт:
Не от стыда ль перед молчащим скромным,
Что потерял своим заслугам счёт?..

14 - 15 ноября 1974

27 мая 1998

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ

Идут слова транзитом через мозг,
Сцеплённые в составы-предложения.
А что за груз какой состав провёз,
Для мозга лишено уже значенья:
Все склады переполнены давно,
Кладовщики неслыханно устали...
Но грузам-знаньям это всё равно, -
Без них на пять экзамен сдашь едва ли.
Да ну его, экзамен! Три дадут -
И буду рад, что как-нибудь да скинул.
Составы мимо складов пусть идут:
Не всё грузить - нужна разгрузка ныне...

25 декабря 1974

* * *

...Как бы я хотел

В размерах уменьшиться максимально,
Чтобы никто меня не разглядел!..
И я б работал, тихий и печальный,
Обиженный на всех почти людей,
Стараясь быть как можно незаметней, -
В углу, который всех углов темней,
И для тоски поэтому приветней.
Но только в сказке, дуясь на людей,
Возможно стать на время лилипутом, -
А значит, поищи других путей
Борьбы с обидчивой и злой минутой.

25 февраля 1975

* * *

Укол пустячный где-то в сердце -

И сразу воешь: "Караул!"
Хвалился, что не трусишь смерти,
А сам врача чуть не надул.
"Нет оснований волноваться", -
Врач говорит. А ты не рад:
Не от инфаркта ведь - от симулянтства
Тебе, выходит, надо бить в набат!

30 января 1976

* * *

Нет, браниться ради брани -
Не хочу.
Нет, без толку критиканить -
Не хочу.
Разрушать, не созидая -
Не хочу.
Отрицать, не предлагая -
Не хочу!

19 марта 1976

ЭПИГРАММА НА САМОГО СЕБЯ

Ах, лежебока! Мочи нет!
Проспал и завтрак и обед!
Покуда гром не грянет,
С постели он не встанет.
Да что с такого, к чёрту, взять,
Когда привык ночью писать,
А днём зевать со стоном
От творческих бессонниц?

1 апреля 1976

* * *

Когда не варит котелок,
С тупым упорством изувера
Чужой премудрости кусок
В себя не впихивай без меры.
Пушай экзамен на носу, -
Пошли его к чертям собачьим,
И в ералаш стола засунь
Все неотложные задачи.

27 июня 1976

* * *

В высоком смысле был нормальным:
Он остроумьем щеголял,
И миной кроткой и печальной
Друзей доверчивых прельщал.
Но он не раз во дни крутые,
В борьбе сжигая все мосты,
Ножом анализа гнилые
С себя соскабливал пласты...

28 и 30 июня 1976

* * *

Не запрещенья только вновь и вновь, -
Тебе нужна разумная любовь.
Сам отвечай на глупое разумно -
И порть свою, но не чужую кровь.

1 июля 1976

* * *

Как метеор, как некий праздник,
Сверкнул на миг - и всё, пропал.
И долго ждут его напрасно,
И долго помнят стар и мал.
Вот так приходится порою
Дружить с людьми - с их большинством.
Не то - кровавою слезою
От клеветы всплакнёшь потом!

8 октября 1976

* * *

Зачем грозить разрывом с кем-нибудь?
Со страху и гюрза грозит куснуть.
Уж лучше отойти, не угрожая, -
Зачем перекрывать обратный путь?..

19 декабря 1976

23 апреля 1990

* * *

Зачем о любви говорить?
Пожар ведь мешком не гасить:
Прожжёт и прорвётся наружу...
Не лучше ли просто любить?

25 - 28 декабря 1976

* * *

Есть такие люди волевые:
Доброту включают, будто свет.
Пусть они актёры неплохие, -
К другу тяги безотчётной нет.
Доброта их - маска, а не чувство:
Нужен ты - они с тобой добры;
Веселят усердно, как ни грустно;
Ловят

жест и слово -

до поры.

Доброта - разменная монета:
Как ты с ними - так они с тобой.
Ни любви, ни искренности нету.
Есть расчёт бездушно-деловой.
А дружить невыгодно с тобою -
Извини, пойми и не взыщи...

Что же делать с этой добротой?
Вешаться на шею не спеши.
Ты тепла с рожденья ведал мало.
Вот тебя и тянет, где теплей...
Осторожней! Отличи сначала
Доброту от ласки торгашей!

16 марта 1977

24 апреля 1990

* * *

Да, словами убивать -
Очень можно.
Мир словами в клочья драть,
Лад - несложно!
Вот бы только сохранить
В драке вечной
И в себе не раздавить -
Человечность.

25 октября 1977

25 апреля 1990

ТОСТ ЗА СОБСТВЕННУЮ СМЕРТЬ

Пусть, час рожденья проклиная,
Скрипя зубами в маете,
Все подлецы и негодяи
Умрут от болей в животе.

Р. Гамзатов

Пусть я погибну этой смертью,
Раз я подлец и негодяй.
Ничьё отходчивое сердце
Не вспомнит обо мне пускай!
Помеха всем в нелепой жизни,
Мученья всем я доставлял.
Пусть никакой не будет тризны,
Уж сам я как бы ни страдал.
Пускай зароят, как собаку,
Пусть не хлопчут вообще,
И лишь дождю и снегу плакать
По мне придётся в злой судьбе.

20 мая 1978

* * *

Люди вещи тащат по кусочкам.
- Это вещь моя! - кричат. И точка.
Люди мысли тащат по кусочкам.
- Это мысль моя! - кричат. И точка.
Пусть хлопчут, делят! Тем скорее
Обладанье чем-то и ничем
Опротивеет, осточертеет, -
Всё, что есть, доступно станет всем.

25 декабря 1978

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Примета дедов предсказала
Счастливым, добрым новый год.
Ведь я стекла набил немало,
И счастья ждать прямой расчёт.
Разбиты склянки с валидолом, -
Здоровье, значит, впереди.
Разбит стакан - на зависть доля:
Удачи творческие жди.
Разбился вдребезги душистой
Водой наполненный флакон, -
Вдыхать мне, значит, самый чистый
Чужого творчества озон.
Не будет новых злых напастей.
Быльём все беды порастут.
Так выпьем за здоровье, счастье,
За наш совместный мирный труд!

29 декабря 1978

В наступившем, 1979 году умер Эвальд Васильевич
Ильенков...

Роберт Смитдас

ЖЕЛАНИЕ

(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ПО ПОДСТРОЧНИКУ,
СДЕЛАННОМУ Б.М.БИМ-БАДОМ)

Я мужества хочу всего сильней,
Чтоб сладить с жизненным любым ненастьем;
Качаясь на волне судьбы своей,
Постичь и овладеть несложным счастьем
Давать, но ничего не получать;
Любить, не требуя любви от ближних;
Спасать от горя, от сомнений лишних;
Сердца бесчувственные волновать.

3 августа 1980

Роберт Смитдас - американский слепоглухой поэт и общественный деятель. Я познакомился с ним на третьем всемирном имени Элен Келлер конгрессе слепоглухих в Ганновере в 1980 году. Он подарил мне книгу своих стихов, из которой Борис Михайлович Бим-Бад и сделал подстрочный перевод данного стихотворения, а я по подстрочнику загнал всё это в ритм и рифму.

ОТВЕТ РОБЕРТУ СМИТДАСУ

Спасать от горя, от сомнений
лишних...

Роберт Смитдас

Во всём я с вами соглашусь.
Один лишь пунктик расхождений:

От горя - да, но от сомнений
Спасать я близких не берусь.
Наоборот! Пускай побольше
Во всём сомненья их гнетут.
Сомнений меньше - пузо толще,
Сонливей ум, халтурней труд!

3 августа 1980

Я, как видно, всё же мало сомневался в жизни, раз к
пятидесяти годам встала проблема похудения...

ПОРА НАДЕЖД И ПОРА СВЕРШЕНИЙ

Весь мир мечтали удивить,
Всему грозили переделкой.
Пришлось те планы отложить
За склокой срочной, сварой мелкой.
Штормящей молодость была,
Но буря в блюдце бушевала.
И вот - пора надежд прошла,
Пора свершений - не настала.
Как тяжело держать дары
В руке, протянутой ребёнку,
И ждать безвестной той поры,
Когда он примет их в ручонку!
Пока в другой не проросла
Твоя душа - в ней проку мало.
Твоя пора надежд прошла,
Пора свершений - не настала.
А в суеде житья-бытья
Мечты тускнеют понемногу.
По мелочам сгорает зря
Запас силёнок на дорогу.
Болотным цветом жизнь цвела,
И к старости катилась вяло.
Давно пора надежд прошла.
Пора свершений - не настала.

21 - 24 апреля 1981

ВЫБОР

Есть два пути: терпеть стоически,
От сплетен отбиваясь вяло;
Как ни клеветают истерически -
К своим стремиться идеалам;
Не слыша словно воя злобного,
Что поднимает стая волчья, -
Молчать до скрежета зубовного,
Свою работу делать молча.
А путь второй - флажками красными,
Облавой стиснуть волчью стаю,
И пулей правды глотки грязные

Заткнуть бы... Так - предпочитаю.

25 - 26 мая 1981

* * *

В час, когда взорвётся монотонность,

В яркий час борьбы,

Оказаться взрыву посторонним -

Горше нет судьбы.

Все вдвигают будущего глыбу

В настоящий миг.

Что же ты, приятель, на отшибе

Головой поник?

"Я - слепоглухой. В разгар событий -

Я помеха всем.

Вот из строя и пришлось мне выйти, -

Рад помочь, да чем?..!

Всё, что знаешь, можешь, - вспомни честно.

И тогда найдёшь

Сам своё в большой работе место.

Прекрати скулёж!

9 - 10 сентября 1981

ВЛАСТЬ

Научиться давно бы я должен решать,

И умею - немножко, отчасти.

Да, труднее всего - головы не терять,

Как бы ни бушевали страсти.

От души размахнуться

и дать

сплеча

По бессовестной, жирной шее, -

Это разве решить? Это так. Сгоряча.

Это каждый алкаш -

сумеет.

Это вовсе не я.

Это страсть

меня

Оседлала -

и рысью

скачет.

А признаться,

какие подчас,

друзья,

Мы -

покорные страсти

клячи!

Нет,

по мне бы,

не глядя на масть,

на страсть -
На свою бы -
 узду покрепче.
Над собой бы -
 спокойную
 всадника власть.

Клячей будучи -
 хвастаться нечем...
 1 июня 1984
 27 сентября 1990
 30 мая 1998
 ДЯДЯ-ДУРАК

Видел дядю-дурака?
Посмотри - живой пока!
То ложится, то встаёт,
Скачет быстро взад-вперёд.
Как он мечется, смотри!
У него пожар внутри:
Уши - не ошпарены,
Так - проскипидарены.
Видел дядю-дурака?
Посмотри - живой пока!
Вот решил он поумнеть -
Табачищем не сопеть.
Но, здоровьем озабочен,
Бросить думал долго очень,
И дымить он перестал,
Как простудой захворал.
Вот полмесяца проходит.
Еле дух он переводит:
Рвётся копыт на простор,
Душит кашлем до сих пор.
- Что смотреть на дурака? -
Спросишь ты наверняка.
Поучись-ка, мой голубчик,
На чужих ошибках лучше,
Самому чтоб не глупить,
После волком чтоб не выть.

11 марта 1986

* * *

Плохо: нечем заполнить время,
Как ни хочется - вместе быть.
Может, лично моя проблема -
Что нам делать, о чём дружить?
Истерзался - куда уж хуже -
О простом догадаться чтоб:
Был бы сам по себе я нужен, -

Всё, что я предложил, сошло б.
Если так, прекрати канючить
Чуть вниманья - и отвяжись!
Хватит хныкать про невезучесть.
За работу давай садись.

10 - 11 октября 1986

* * *

Додумался. Сам же себе доказал,
Что встречи пустые со мной - ни к чему.
А может, я просто смертельно устал,
И надо от всех уползти в скорлупу.
Укрыться. Слегка отдышаться. Меж тем -
И власть обрести над собой...
А выдумал, будто не нужен совсем.
Встал в позу: обижен судьбой.

11 октября 1986

* * *

Если целый день с утра до вечера
Вместе проводить, -
Скоро вместе делать станет нечего,
Не о чем дружить.
Это тяжело. Гораздо легче -
Чутьточку тепла
При нечастой, но сердечной встрече, -
И душа светла.

11 октября 1986

* * *

Наконец, перестань скулить,
Что с тобой не хотят дружить!
Кто же в том тебе виноват,
Как не сам ты? - Признайся, брат.
Ты же занят собой одним,
Вот и скучно друзьям твоим.
Сам, как быть, - реши, рассуди,
Но скулить щенком - прекрати.

20 октября 1986

* * *

Какого чёрта! Все дела забрасывать,
Общение-болтологию размазывать,
А после слышать: "П'о уши в делах!
Прости, нам некогда с тобой беседовать".
Прощаю. Мне добра не жалко этого.
Ах я бездельник! Путаюсь в ногах!..
Не в этом ли причина всех загвоздок?
Я всем помеха, рано или поздно,
Во всём - порою мелком и смешном...
Тогда займусь-ка в самом деле - делом.

Пусть никто не смеет в мире целом
Отмахиваться: "Некогда! Потом!.."

23 октября 1986

* * *

Анализом вскрыты сложности.
Душевный нарыв - проткнут.
Пунктиром - на карте возможностей -
Намечен - по жизни маршрут.
И боль отступила - стойкая,
Что сердце полгода - жгла.
И тёплая нежность глубокая
На месте ожога - легла.

30 октября 1986

* * *

Счастье, счастье! Меня научи - не сдаваться.
Не пугаться - обидной небрежности.
От мелькания мимо - в тоску не срываться,
Не скрываться - в искусственной вечности
Среди книг и пластинок, хранящих гербарно
Вдохновение чьё-то - засохшее...
Мне обиду бы - шуткой встречать лучезарной,
Быть наружно - слегка толстокожее.

30 - 31 октября 1986

* * *

Ночью память - нельзя ворошить,
Чтобы старую боль - не будить.
Для истерики - поводов много.
Сохранить бы мне - волю дожить...

31 октября 1986

7 декабря 1990

САМОДОВОЛЬСТВО

Все хотят быть собою довольны.
Отрицать - лицемерить в лицо.
Одному своего предовольно
Бытия, чтоб глядеть молодцом.
Недовольство собой - с какой стати?
Он хороший - ведь это же он!
Что там с вечного взыщешь дитяти!..
Сам в себя беспричинно влюблён.
А другие - не могут беспечно
От рожденья до смерти пройти.
С целым миром торгуются вечно,
У себя же самих - не в чести.
Как ни бьются, бездумно не могут
Ни посориться, ни полюбить.
Их сомненья грызут всю дорогу:
Для кого и чего ради жить.

Им от собственной личности нужно
Постоянного - море огня,
Чтоб дремучую - выжечь бездушность
Безучастного к миру бытья.
Похвалить бы себя им хотелось,
Но цена похвалы высока:
Надо мир чуть разумнее сделать,
Став самим - человечней слегка.

31 октября - 1 ноября 1986

7 декабря 1990

30 мая 1998

* * *

Ничего не прозреть заранее,
Мысли в завтра как ни вперяй.
До свидания, до свидания...
А быть может, уже - прощай?
Вывод горек, да лишь бы честен:
Если нечего - делать вместе, -
Как ни жаль, надо врозь - побыть.
Не разрыв отношений - отдых
От нелепой, смешной заботы:
Что нам делать, о чём дружить.
Чтобы рваться к друзьям, как прежде,
Надо просто - встречаться реже.
Делу время, потехе час.
Мало времени. Жить - не вечно.
Я желал бы с тобой сердечно
Что угодно - но не скучать.

13 - 14 ноября 1986

* * *

Как уходить не хочется!..
Ещё бы секунду побыть...
Но я же решил: чуть кончатся
Вместе дела - уходить.
Чтобы блохой назойливой
Ты меня не считал.
Дел у меня через голову,
Только отдельных. Жаль.
Вздох осторожный, сдержанный.
Больше - торчать - нельзя.
Вместе - дела - исчерпаны.
Что уж - мозолить глаза!..

17 ноября 1986

ДОЛГ

Чёрт, как заманчива
ямка,
Что завершит

мои дни!
Жизнь моя нынче -
лямка.
Хочешь не хочешь -
тяни!
Чтобы гордилась
мама,
Дети росли
добрей, -
Должен я жить
упрямо,
Будь и в сто раз
тяжелей.
Грустно. Надежды -
зыбки.
Будет ли, нет ли -
толк?..
Пусть. Проживу -
без улыбки.
Жить - не каприз,
а долг.
29 ноября 1986
* * *

Праздник. Веселятся, кто как может.
Скоро уж - начнётся новый год.
А меня - тоска усердно гложет.
С крыши, чего доброго, спихнёт.
Что за чёрт! Чем больше чувством чистым
Тянешься наружу, тем меня
Больше чествуют эгоцентристом.
Ну, спасибо, мудрые друзья.
В новом бы году - была удача:
Научиться бы - с детьми дружить...
Пожеланья - чепуха собачья.
За ночь - ничего не изменить.
Кажется, от дружбы неумелой
Можно и загнуться невзначай.
До чего же - всё осточертело!
В скорлупу работы - полезай.
31 декабря 1986

В 1987 году я впервые в жизни поехал в обычный
пионерский лагерь - как говорил, "в большую детскую кучу" -
учиться дружить с ребятами. И началось новое большое счастье
в моей жизни...

* * *

Готов ошибаться!
Готов расшибаться -

В кровь!
Прослыть - скандалистом,
Ханжой, эгоистом, -
Готов!
Я мира не вправе
В покое оставить, -
И вновь
На битвы и пытки,
Учтя все ошибки,
Готов.

17 апреля 1987

* * *

В который раз сомнение гложет,
Всё тот же выбор предо мной:
Писать, и только, - или всё же
Суметь сдружиться - с детворой.
Каким бы выводом железным
Я сам себя ни запугал, -
Что слеп и глух, всё бесполезно, -
Я к жизни вкус не потерял.
Чушь, будто к детям не пробиться.
Ко мне же липнет детвора.
Всего-то мне освободиться
От лишней горечи - пора.
Не выбрать мне - полегче жизни.
Не будет легче, как ни плачь.
Ну так работай, а не кисни!
Не паникуй от неудач.

28 августа 1987

ПРОСЬБА О ЖАЛОСТИ

Пожалейте меня: мне трудно
Становиться - лучше себя!
Разрешите, меня любя,
На любовь оставаться скудным;
Не уметь от любимых отстать,
Если нечего вместе делать;
Всё назойливей - встреч искать,
Что-то лестное - бормотать,
Пока вырвутся: "Надоело!"
И работа, как всё, - каприз.
Отвлеките, посмейте только, -
Отругаю - за эгоизм,
За незнание - чувства долга.
Услужать капризам прошу:
Легче так, чем поспорить малость...
Но спасибо вам - не скажу -
За такую - глупую жалость.

31 декабря 1987

* * *

А странно подумать: наступит время,
Когда мои губы - уже старика, -
Любая сегодняшняя проблема
Лишь мудрой улыбкой тронет слегка.
И я б удивиться себе позволил,
Как можно беспомощно-робким быть...
Хватило бы жёсткой по-мудрому воли
Все трудности нынешние - пережить.

31 декабря 1987

* * *

Не хнычь! Не сетуй на удел!
Ну, кто-то видит, слышит лучше,
А в чём-то главном ты созрел
Иных добрей, честней и круче.
Они со страху слёзы льют,
Когда почти ещё не больно.
Как дети: что недопоймут,
То допридумают невольно.
Себя анализом ты вскрыл,
Ничьих не взяв на веру правил.
К самоубийству близок был,
Но хмуро жить себя заставил.
Ты начал жить, как на посту,
Поняв, что быть не вправе слабым;
Спешить не вправе за черту,
Пока ты с матерью хотя бы.
Ты жить обязан для детей,
Для всех, кому ты нужен рядом.
Вступая в коллектив людей,
Отречься от капризов надо.

4 января 1988

* * *

Надо знать - состав и свойства яда,
Чтоб - противоядие найти.
Быть - всегда лицом к несчастью надо,
Чтобы - к счастью отыскать пути.
Сквозь несчастий бездну -
 больно очень.
Легче - отвернуться и забыть.
Но маршрут - неумолим и точен:
Да, сквозь горе -
 счастье чтоб добыть.
Не себе добыть. Ведь сам, измучен,
Вряд ли сможешь - радость ощутить.
Дети бы росли - быстрее и лучше.

Детям, детям - счастье бы добыть.
Вкус теряя к жизни, будь упорен.
Нежностью ничьей - не воскресить
Сердца, пережёванного горем, -
Пусть и доведётся - победить.

6 января 1988

* * *

Некогда мне лечиться.
Нечего мне халтурить.
Сутками надо трудиться
В детях - и в литературе.
Круглые сутки - работа.
Вот моя вся забота.
Нечего - отвлекаться.
Надо спешить - состояться.
Видеть и слышать... Люди!
Я ль не мечтал о чуде?
Я ли не верил в чудо?
Но рассчитал я худо.
Выбор: по гроб отдаться -
Телу, его лечению;
Либо же - тем заняться,
Что не подвластно тленью.
Не суетой, а делом.
Тянет - неодолимо -
Только к бумаге белой
И к детворе любимой.
Вылечиться - едва ли...
Тело важней? Душа ли?
Жизнь коротка. Уходит.
Не отложить - на годик.
Так лишь - готов я лечиться,
Чтоб не мешали мне сбыться
В детях - и в литературе.
Хватит! конец халтуре!

3 января 1989

31 мая 1998

* * *

Каждый человек за справедливость,
Да её толкуют вкривь и вкось.
Кое-кто готов прожить счастливо, -
Пусть чужой бедой платить пришлось.
Слеп он если, а другие видят -
Должен мир ослепнуть остальной.
За обиду следует обида.
"Справедливый" счёт его такой.
Неведомёк бедняге, что в несчастье

Перед ним никто не виноват.
Каждый, преисполненный участием,
Знал бы в чём - прийти на помощь рад.
Справедливо быть открытым, добрым,
Как судьба ни хлещет самого, -
А не жаться злобно вроде кобры,
Жалящей безмозгло - чуть кого.
Каждый вправе жить, уж сам как знает.
Лишь одно усвоить бы прочней:
Меж друзьями - всякое бывает;
Не бывает счастья - без друзей.

1 августа 1989

31 мая 1998

* * *

Да, люблю вас... Но остаться можно
В логове-квартире - бирюком,
Если брякну что неосторожно
Глупым и бескостным языком.
Всё, что поздним вечером с устатку
Прошипит в обидчивой тоске,
Всё, о чём нам утром вспомнить гадко, -
Как у пьяного - на языке...

6 - 7 сентября 1989

31 мая 1998

* * *

Окружающий мир молчит.
Преподносит сюрпризы - молча.
Старушенция-богомолка
Сатану или Бога зрит.
Окружающий мир молчит.
А фантазию это злит:
За незнание, про что молчанье,
Глупой выдумкой - миру мстит.
Что с другой стороны молчания?
Что за тайны оно хранит?..
Как покойничек - ноль внимания.
Окружающий мир молчит.
Мне - брезгливо бы замолчать,
Отмолчаться - от лютой склоки;
Сплетни всякие да попреки
Тихой ненавистью - встречать.
Чушь придумывают - и тешатся...

Ну и пусть!

Как язык отвечать ни чешется -

Отмолчусь.

19 сентября 1989

* * *

Я долго думал, быть или не быть.
И наконец решил неумолимо:
Давно - увы - невыносимо жить,
А маму жаль - ещё невыносимей.
Но чтобы в тягость никому не быть,
И тягостностью этой не терзаться, -
С людьми как можно меньше говорить,
На обращения только откликаться.
А если душу хочется излить -
Захлопнуть дверь, ключом - два поворота;
Наедине с бумагой надо быть;
Недопустимо, чтоб врывался кто-то.

4 - 5 октября 1989

НАЕДИНЕ С СОВЕСТЬЮ

Нельзя играть - в решение проблем.
Что говорить, с огнём плохие шутки...
Решать серьёзно? - сил упадок жуткий,
И в разрешимость веры нет совсем.
А жизни быть не может без загвоздок,
И вроде рановато помирать...
От всех людей, кем ужас этот создан, -
Исчезнуть, без оглядки бы сбежать.
Ах, если бы нормально видел, слышал,
И главное - бесовестным я был, -
Из этой кутерьмы давно бы вышел,
В своё бы удовольствие зажил.
Но совесть - есть, и этак от себя же
Спасаться не даёт: стоит на страже,
Из долга жить велит, хоть глух и слеп,
Чтоб люди знали, что их мир за склеп,
И, ужасаясь, к лучшему менялись...
Стой, совесть! Кто такие мы с тобой,
Где столько мы нахальства нахватались,
Чтобы других учить своей судьбой?
...Эх ты, победитель, прошедший сквозь Альпы!
Под медные трубы, салютные залпы
Застыл ты в раздумье: да стоит ли жить,
Слова перевода скупого ловить?
Когда ж переводчик молчит "милосердно" -
О смерти мечтать, как о счастье запретном...

8 ноября 1989

31 мая 1998

* * *

Я от берега - отказался.
В океане я - растерялся.
Никаких тебе - маяков...
Я скулил: жить - неинтересно...

В инвалидном заливе - тесно...
Слиться с миром большим - готов.
Встречь течению, как ни трудно,
Я, отплёвываясь поминутно,
Выплыл, вырвался - за предел.
Горько, солоно... Тьфу! Невкусно.
На душе, как и во рту - гнусно.
А не много ли - я хотел?
Нет, сомнение это - вздорно.
Я зато - человек бесспорно.
Я зато, пока на плаву,
Прозябание - ненавижда,
Человеком - не инвалидом -
Через силу пускай! - Живу!

26 ноября 1989

31 мая 1998

ГРУСТНЫЙ БОГ

Я - грустный Бог, влюблённый в подопечных.
На всё готовый ради них, беспечных.
Не господин, а тайный верный раб,
Своей любовью - и силён, и слаб.
Я - грустный Бог, не выносящий шума;
Невидимо хранящий нежной думой
И постоянным греющий теплом
Любимцев, забывающих о нём.
Пускай с ума не сходят суеверы.
Не надо храмов, ни молитв, ни веры.
Я просто всех вас радовать готов,
И радоваться вам - без лишних слов.
А скажут, будто нет меня, - не дюже
И огорчусь: вам Бог ничуть не нужен;
Я полюбуюсь издали на вас,
Своим умом живущих...

В добрый час!

1 декабря 1989

* * *

Требуя прозрачности других,
Я непроницаем сам, весь мутный,
И в тоске закоренелой - нудный:
Той тоской - насквозь пропитан стих.
Друг, возможно, прав: бесперспективно
Творчество тоской заполнять.
Силы все работе позитивной
Надо, сколько наскребём, отдать.
А тоску - послать куда подальше.
С плеч долой - тоски ненужный груз.
Искренность не подменяя фальшью,

На худой конец дозволить - грусть.
Может, вправду - никому на свете
Никого унижить не дано.
Только сам я за себя в ответе,
За своё к другой душе окно.
Не избегнуть срыва-рецидива.
Закатив истерику не раз, -
Позже вспомню с трезвостью брезгливой,
Как ночной, больной бессонный час.

21 декабря 1989

31 мая 1998

* * *

Самовыдержки - ни черта.
Суесловие. Суета.
Отдал сам же себя под суд.
Сам истратился - в словоблуд.
Что же, кляп себе поищи.
Не в обиде - любя молчи.
Исповедуются - внимай,
А с допросом - не приставай.
Сам прорваться - не торопись.
Уважать себя - научись.
Чаще в дело мозги пускай, -
Глубже корня лишь - не вникай.

25 декабря 1989

31 мая 1998

* * *

Они болтают меж собой.
Свои жуёшь ты мысли рядом...
В бутылку глупо лезть. Не надо.
Без переводчика - не ной.
Работой Духа перегружен,
Попробуй, вроде мудрецов,
Спокойно ждать, как станешь нужен;
Очнувшись, отвечай на зов.

1 - 2 января 1990

31 мая 1998

ПРАВДОБОЙ

Хоть вывод мой и необычен,
Но если после зуботычин
Твой лучший друг на землю бряк, -
То это значит: ты добряк.

Автора не знаю

Врать не надо, но и лишней боли
Добавлять - на кой же это ляд?
Сдохнуть от чего - не всё равно ли?
Правдой - по башке, опеки - яд...

Правдой избивать, клевать до смерти, -
Этакой не дай Бог доброты.
Жить мне очень хочется, поверьте!
Даже в склепе слепоглухоты.
Правдобою не лечит, а калечит.
Обвинение чужое - бич.
Под чужие праведные речи
Сложно самому себя постичь.

10 и 19 января 1990

1 июня 1998

* * *

Если ты всегда печален,
Ни к кому не надо лезть.
Всех тревожит грусть вначале;
Позже - быстро надоест.
Отыщи себе пустыню
Для занятий в тишине.
На бумаге, свет покинув,
Исповедуйся вполне.
Не терзайся, что не тронет
Исповедь ничьей души,
Что умрёшь, никем не понят...
Сам себя понять спеши.
Растопить ничто не сможет
Область вечной мерзлоты.
Никого пускай не гложет,
Что всегда печален ты.

30 марта 1990

* * *

В отношениях с людьми - разруха.
В поражении - замкнуться глухо.
Молча доработать бы - затею.
В душу не пускать - чужой порядок.
Что поймут - надеяться не смею.
А безмозглой жалости - не надо.

8 апреля 1990

* * *

К жизни слишком твой подход - всерьёз.
Обо всём - наивен твой вопрос.
Верить ты всему готов спроста...
Даже пёс цепной - и тот умней,
Что, случайно взлаяв на друзей,
Притворился, будто - на кота...

8 апреля 1990

13 марта 1991

* * *

К тебе уже боятся прикоснуться:

Без риска взрыва - слова не скажи.
Ты, может, сам и не сумел замкнуться,
Зато других заставил... Не тужи!
На то, за что боролся - напоролся.
Придётся думать и тебе, и всем,
Кому небезразличен ты. - Вот польза
Проверки жизнью принципов и схем.

8 апреля 1990

* * *

Сам дурак! Своих проблем боясь,
Норовил ты на чужие плечи
Перевьючить хоть какую часть
Перепутанных противоречий.
Так как трудно думать самому
(Хоть и знал, что ум чужой - не сладок),
В собственном захламленном доме
Звал варяга - наводить порядок.
Чем богат, варяг и рад служить,
Выручить желая, не лукавя:
Мол, по моем'у попробуй жить,
Коли нету - своего устава.
Сам намалодушничал, дружок.
Сам чужих пустил - к открытым ранам...
...В общем, ясно. Душу - на замок.
Долг плати - из своего кармана.

19 апреля 1990

* * *

Словно посреди асфальтовых просторов,
Ослеплённый солнцем, без пути, -
Я блуждал наощупь меж людских раздоров,
Сдуру дружбу думая найти.
Виноватых, правых - ищет пусть, кто хочет.
В справедливый пусть играет суд.
Мне же прекратите - голову морочить.
Ни любви, ни дружбы. Только труд.
Я лишился милых. Разогнал немилых.
Надоел раздор, боюсь дружить.
Только для работы - время есть и силы.
Незачем - и нечем больше - жить.

28 апреля 1990

1 июня 1998

* * *

Слух не надобен - никакой.
Слушай... Слушай...
Даже если - совсем глухой.
Слушай... Слушай...
Суетою - не заглушай.

Слушай... Слушай...
Демагогией - не смущай.
Слушай... Слушай...
Гулок сердца - правдивый ритм.
Слушай... Слушай...
Соло совести - чуть звенит...
Слушай... Слушай...

3 - 4 мая 1990

* * *

Нет, покоя и света - не будет.
Сил упадок. Душевный надрыв.
С давних пор - не мечтаю о чуде.
Налицо - оптимизма отлив.
Больно много полемики зряшной.
Пререканий - о самом святом.
Идеалы забалтывать - страшно.
Разбирайся-ка с ними - молчком.
И не жди - понимания боли.
Сам других - постарайся понять.
На любимые чьи-то мозоли
По возможности - не наступать.
Я устал - без надежды на отдых.
Никакой санаторий - не впрок.
Продолжая - труды и заботы,
Всё же душу пора - на замок.

21 декабря 1990

* * *

Обрести пора бы - немоту.
Монологам хватит - в пустоту.
Откликаться - на вопросы только.
Спрашивать побольше - самому.
Не томиться, что молчанье долго.
Пусть болтают - тягостно кому.
Курс поднять бы - разговорных акций.
Чтобы, если уж заговорю,
Не пришлось ни разу повторяться.
Малословьем - уши отворю.

10 января 1991

* * *

Объясняться - себе дороже.
Слово за слово. Боль - за боль.
Объясниться - вовек не сможем.
Всяк свою - бережёт мозоль.
И задача - не в том при споре,
Чтоб друг друга - точней понять, -
На любимом бы только - вздоре,
Как на истине, - настоять.

А захочется объясниться, -
В словопрения - не вступай.
Лучший способ - стихов страница.
Мысли ближнего - пищу дай.

23 мая 1991

1 июня 1998

* * *

Какие мы большие - прокуроры,
Когда другому - надорваться впору!
Нет, чтобы ношу малость облегчить, -
Мы друга - рады - в дури - уличить.
Нельзя же упустить - удобный случай:
Восславить - разум собственный могучий,
Ославить - друга - редкостным ослом,
И снисходительно - помочь - потом.
Что про дела порой - поохать не с кем,
Сам виноват: все речи - в тоне резком;
Сам дурака сваял, наобещал,
А после - общий учинил аврал...
Ужасно я устал - об стенку биться.
На издевательства - бессильно злиться.
Всего я добиваться - должен сам.
Что слеп и глух - не оправдает срам.
...А не послать ли всех - ко всем чертям?!

4 июня 1991

* * *

Не пойду - замаливать грехи.
Встреч ни с кем - не буду - добиваться.
Жизнь - прошла. Но, смерти вопреки,
Доживаю - чтобы состояться.
Всё перегорело. Всё прошло.
Все мои желанья - в нежеланье
В гроб забрать душевное тепло,
Выплавленное при жизни знанье.
Если сам не позову друзей -
Нет надежд на появление вскоре.
Состояться - просто для людей.
Завещать - непонятое горе.
С детства горем очень я богат.
Нет, делиться горем я не рад.
Но добреть, похоже, больше нечем.
И делюсь - другим чтоб жить полегче...

9 октября 1991

1 июня 1998

* * *

Да, плохо всё то, что слишком.
Быть слишком уж честным - нечестно.

Не надо себя
мыслишкой
Углаживать - слишком уж лестной.
Не надо гордыню
тешить.
О нравственном долге
вспомнив,
Смиряется честный
грешник:
Он должен кругом - и скромный.
16 - 17 ноября 1991

* * *

Вся несбыточная мечта,
Вся забота моя проста, -
И сложнее любой другой:
Лишь хочу быть - самим собой.
Потому-то готов - молчать,
Лишь бы глупостей не болтать.
Не зудеть комаром. Не лезть.
Соблюсти молчаливо честь.
Но сначала - всю боль отдать,
Знали чтоб, где соломку стлать.
Если примете - хорошо.
Чем могу вам помочь ещё?..

9 июня 1992

* * *

Жил тянуть не надо из себя.
Как привык, так дальше и живи.
Горе детства растворить нельзя
В опоздавшей ни в какой любви.
С детства обходился ты один, -
Как цветок, засушен среди книг.
Что ж ты вылез нынче, зачудил,
Смертной тенью на балу возник?
Уходи, где с детства стал ты свой.
Прошибёшь ли стену - медным лбом?..
Вспомни: ты же - тяжелобольной.
Догнивай - за письменным столом.

11 августа 1992

* * *

Всё уже сказано. Делать осталось.
Хочешь свободы - люби одиночество.
Стань молчаливей - на малую малость.
Не извергай безудержно - пророчества.
Святость придумали - нищие духом.
Трудными думами - книги пропитывай.
Слёзы кончаются. Пусто и сухо.

Толпами понятым быть - не рассчитывай.

2 декабря 1992

* * *

Потвёрже будь. Достаточно оглядок.
Уйди, не сожалея ни о чём,
В огромнейший проблемный беспорядок -
Мыслителем, настойчивым творцом.
Чужую скуку чтоб развеять в играх,
Судьба другая - не твоя - нужна.
Недаром в детстве прятался ты в книгах
От мнимо-коллективного рожна.
Всё ищешь - не по разуму усердно, -
Заполнить чем - чужую пустоту.
Твори себя - в духовности бессмертной,
Скулящую отвергнув суету.

2 декабря 1992

* * *

Живи скрываясь.

Эпикур

Живи, скрываясь от власти.
Живи, скрываясь от страсти.
Живи, скрываясь от славы,
От слишком людной забавы.
Живи, скрываясь от лести.
Живи, скрываясь от сплетен.
Пусть мир, не знающий чести,
Да будет проклят - бездетен!
Живи, скрываясь от суеты.
Живи, скрываясь от пустоты.
О самом главном для всех людей
Стесняться думать - не смей! Не смей!

30 - 31 марта 1993

* * *

Ребёнком книжным - рос ты одиноко.
С самим собой играть - предпочитал...
Уйди в себя. Вернись - к своим истокам.
Непобедимость их - ты осознал.
От своего отречься вздумав детства,
Широкую общительность обрёл.
От пустоты не смог ты отвертеться:
О чём дружить - ты так и не нашёл.
Чужое счастье обернулось горем.
Пора к себе вернуться, к своему.
Читай, пиши, - и будь себе покорен.
Глумливого не слушай Сатану,
Манившего неясной перспективой,
Бросавшего на произвол судьбы, -

Прозреть заставив мнимость коллектива
Под непосильной тяжестью борьбы.
Лишь за себя отныне отвечая,
За крест чужой тщеславно не берись,
Что в одиночку не снесёшь до рая...
А нравится в аду - так суетись.
...Так-то так, да не со всеми
Стоит уходить в себя.
Трус, не прячься от проблемы.
Всех подряд не бойся зря.
Осторожничай мудрее.
Пробы ради - обопрись.
Есть опора - стань смелее.
Обманулся - отшатнись.
Как по льду: надёжен, нет ли...
Как по кочкам - через топь...
Осторожен и приветлив,
Проверяй: с кем - жить, с кем - гроб...

1 июля 1993

* * *

Если б можно было - будущее знать...
Если б можно - чьё-то счастье созидать...
Если б никогда ни в чём - не ошибаться...
...А зачем тебе так надо - Богом стать?

11 августа 1993

* * *

Недопомочь... Перепомочь...
Недолюбить... Перелюбить...
Да ну! К чертям! Сомненья прочь!
По мне бы - чище, проще - жить.
Мы не в аптеке, ей же ей!
Чего там - взвешивать ещё?
Не рассуждая, без затей,
Любовно - руку на плечо.
В глаза с участием заглянуть
(Хотя бы в переносном смысле),
Да поделиться чем-нибудь...
Но только, чур, - не будь, не будь,
Не будь, не будь, не будь - завистлив.

3 ноября 1993

* * *

(ПОДТЕКСТОВКА ПОД ПОХОРОННЫЙ МАРШ)

Горе без выхода в мире царит.
Счастье - нечаянным зайчиком солнечным -
Мелькнёт неожиданно
Сквозь пасмурность плотную,
Теплом на секундочку

Обманно взбодрит.
Вечною пыткой - тянется жизнь.
Нет палача. Не ищи виноватого.
Корыстью и глупостью
Ты сам себя мучаешь.
Ты злой и беспомощный.
Добру научись.
Слеп глухoduшный. В упор не поймёт
Горя чужого, - а сам развлекается...
Который к увязшему
На помощь кидается,
С беднягой на твёрдое
Себя - извлечёт.

18 ноября 1993

* * *

Я и рад бы - вымолить прощенье,
Только всё равно же - не простят.
За большое быть собой стремление -
Отчуждeньем в жизни отомстят.
К прежней близости пути закрыты...
Доскрипи вперёд уж до конца,
Чтоб хотя б от книг твоих защиты
Ждали одинокие сердца.

8 - 9 мая 1994

* * *

Жизнь идёт не начерно, а начисто.
Ничего вычёркивать нельзя.
А иначе - не избыть палачества.
Муки прежних поколений - зря.
Вместе - красоту - и безобразие,
Чистоту любви - и секса грязь,
Правды твердь - и топкость блудофразия, -
На учёт, серьёзно жить берясь.
Райский образ, адское исчадие,
Смерть - и жизнь, бессилье - и порыв...
Навсегда - твоё противоядие:
Изучая мерзость - будь брезглив.

20 мая 1994

* * *

Не очень старый, но занудный - очень.
Неизлечимо. Так оно и есть.
Диагноз - объективен, сух и точен.
Бессмыслен и смешон - любой протест.
Похоже, надо всё-таки смириться,
И в келье на остаток дней укрыться;
Хоть главное - до точки довести,
И незаметно, сдав дела, - уйти.

Не очень старьй, но меняться - поздно.
Финальная прямая - впереди.
И в волосах - всё более морозно.
И топка стьнет медленно - в груди.

2 августа 1994

* * *

Надо разучиться - огорчаться;
Разучиться - жить с больной душой;
Разучиться - в горе замыкаться;
НАУЧИТЬСЯ - быть всегда собой.
Безразлично, пусто или густо
В данное мгновение вокруг;
Всё равно, уютно или грустно, -
Важно, лишь бы не было прорух.
Научусь не замечать обиду,
Вязкую смертельную тоску, -
Тихим, просветлённым в люди выйду,
Жаться перестав на берегу.

11 - 13 ноября 1994

* * *

Простите, вы сделали всё,
А я продолжаю своё, -
Тайком иногда тосковать,
И в памяти сроки держать, -
И тот окончательный срок,
К которому - всё, что не смог, -
Оставшийся долг заберёшь,
И заново - не проживёшь,
Чтоб долг до конца заплатить,
Живых и себя не томить.
Плати же, покуда живой,
На срок не ропщи никакой,
Со всеми добром расплатись,
А зло допустил - повинись, -
И с лёгкой душою - простись.

2 мая 1995

* * *

Жизнь - моя, и мне решать,
Мне пред миром отвечать
За мои решения,
А не чьи-то мнения.
Вся забота у меня -
Не стыдиться чтоб ни дня
Изо всех оставшихся,
Как стыжусь умчавшихся.

4 января 1996

* * *

Б.М. Б.-Б.

Всё позади - всё впереди.
И снова - всё теплей в груди,
Но только больше - груз вины,
Что мы всю жизнь влачить должны:
Прощать себя - никак нельзя,
Иначе всё, что было - зря.
Вам нынче - пятьдесят и пять,
С чем Вас дерзаю поздравлять,
Обласкан Вами - и судьбой,
Прощённый Вами - не собой.

29 декабря 1996

* * *

Всю ночь казнюсь. Жую обиду.
И рад бы сплунуть, да никак...
Зажмурясь брёл, и панихиду
Теперь служу, слепой дурак.
Прозрей! Свою персону в знамя
Ты сам позволил превратить.
Сам друга не желал упрямо
От знаменосца отличить.
А знаменосец знамя носит
В торжественный момент, гордясь, -
И после в пыль тебя забросит,
Коль не уронит где-то в грязь.
На честь подобную не сетуй.
В грязь уронили - не смей,
Не пробуй призывать к ответу:
С друзьями сам себя тащи.
А нет - расхлёбывай похлёбку.
Доизвивался по кривой...
И впредь не обижай, где топко,
Друзей ослиной слепотой.

15 марта 1998

* * *

Соревнуйся - с самим собой.
Оглянись на других усмешливо,
Не ревнуя, но похвалой
Всех почти по порядку вежливо.
Кто как может... Я - для себя.
Пригодится кому - бог ведаёт...
Но, сомнения истребя,
Дотружусь, доживу как следует.
Непонятно, зачем живу...
Ближних наобижав бесчисленно,
Копошась червяком во рву,
Смысла жизни ищу бессмысленно.

24 марта 1997

ИСПОВЕДЬ

Вновь клонюсь, как Неваляшка, на бок.

Снова - нечем крыть.

Господи, прости меня за слабость,

Нежеланье жить.

Я брезглив. Кругом - вонючий мусор.

Хоть бы - за черту...

Господи, прости меня за трусость

И за тошноту.

Восхищаются неумолимо

Мужеством моим...

Господи, прости меня за мнимость:

Нет огня - лишь дым.

Я сгорел. Горящим не по праву

Всё ещё слыву...

Господи, прости меня за славу.

Дай склонить главу.

Сколько до Голгофы мне осталось

Тяжкий крест нести?..

Господи, прости мою усталость

Посреди пути.

5 января 2000

ПРОЗРЕНИЕ

Хватит шастать - мертвецом - среди живых.

От иллюзий бы - избавиться - любых.

Без иллюзий, правда, жизнь - не одолеть.

Жизнь - иллюзия. Развеять - умереть.

Без меня - неупреждение - у всех - проблем!

Носит чёрт ещё меня - на шею всем!

Я не вешалка, а висельник-вампир.

Срочно в келью! До могилы - в монастырь!

Жаль, что сразу - невозможно - замолчать...

Поскорей бы, что осталось, дописать...

Да кому нужны те книжки? - Суета...

Но иначе - без кропанья - пустота.

18 мая 2002, Туапсе

* * *

Чего испугался? Не трусь.

Что было - то было. Казнюсь.

Что будет - то будет. И пусть.

На том же хоть - не поскользнусь?..

Доверься: ближайших три месяца -

Устойчиво, ярко - светятся;

Хорошее что-то - встретится.

Потом - чернота: хоть повеситься!

Не прячься. Продолжи. Ну, влип.

Заслужишь - авось - привета.
Пускай - безнадежная зыбь:
Тот Свет - или всё ещё Этот?

30 мая 2002

* * *

Вряд ли выйдет - начать по новой...
Подытожена - лишь в три слова
Жизнь уложена: это СТРАХ,
КРАХ И ПРАХ.
СТРАХ - в который раз ошибиться.
Не заречься, не откреститься,
Как потом себя ни грызи:
Мол, где были мои мозги?
КРАХ - не первый, скорей последний.
Во что верилось - чушь и бредни.
Сам себя не знал. Муть и жуть.
Впереди - в ПРАХ ведущий путь...
Выбор есть ещё, кроме праха:
Копошиться - и после краха.
Что не так - виноват лишь я,
Потому что - люблю тебя.

31 мая 2002

* * *

Господи, ну что мне делать?
Бросить? Продолжать?
Вот проблема жизни целой.
Как её решать?
Бросить - значит: труп ходячий.
Склеп: я слеп и глух.
Продолжать - вниманье кланчить,
Как приём ни сух.
Понимаю, вы устали
От меня, друзья.
Может, меньше, - да едва ли, -
Маета моя...
Бросить - проще, но продолжить -
Всё-таки процесс...
Отступаться я не должен:
Жизни капля есть.

1 июня 2002

5. ВСЕОБЩИЙ РОДСТВЕННИК

* * *

Тёмные воды
 реки Ангары.
Лодка моторная
 мчится по ним.
Нету спасенья
 мальчишке от брызг, -
Ветер свирепый
 смеётся над ним.
Белую пену
 он рвет с буруна.
Брызги в ушах...
 Как вода холодна!
Даже и солнышку
 холодно, знать, -
Греется в облачной
 шубе оно.
Еле решается
 нос показать:
Светит сквозь шубу, -
 ни свет, ни темно.
Мальчик продрогший
 на берег глядит.
Берег то близко -
 и видится лес,
То далеко-далеко отбежит, -
Еле чернеет
 у края небес.

Май 1973

* * *

Тот летний вечер навсегда
Остался в памяти моей.
Блестела под луной вода,
И ветер волны гнал по ней.
Дышал спокойно Иссык-куль,
Лениво с берегом бранясь.
И еле слышен был тот гул,
Что в штормовой чарует час.
И от воды невдалеке,
Что спит своим некрепким сном,
Без дела лодка на песке
Скучала, лёжа кверху дном.

30 января 1974

В АВТОБУСЕ

Хорошо, немножко сонно
По дороге ехать горной,
Что змеей-зигзагом вьётся
Через лес.

Люди песни распевают,
А мотор им подпевает:
Он рычит на самой низкой
Ноте Ля.

Очень тихую грустинку
Эти песни в сердце будят,
А на сердце, как ни грустно -
Хорошо!

15 июля 1974

* * *

Сейчас, наверно, временный просвет,
В котором виновато бабье лето.
Тоска была недавно - хуже нет,
А нынче ни тоски, ни горя нету.
Но впереди - небесный мелкий плач,
Сырой простуженный осенний вечер,
Когда нельзя без маленьких удач, -
Иначе вновь тоска ссутулит плечи.

2 октября 1974

20 июня 1995

* * *

И снова грусть берёт меня за горло,
В котором песня до сих пор живёт.
Нежданная тоска дыханье спёрла,
На грудь и сердце беспощадно жмёт.
Вот так всегда: поёт ли мой приёмник,
Иль сам, работой занятый ручной,
Горланю всё, что без подсказки вспомню, -
Концерт одним кончается: тоской.
Откуда это, ведают лишь Боги,
Которых в мире не было и нет,
Но той неожиданной песенной тревоги
Приятен мне вечерний мягкий свет.

2 марта 1975

* * *

Что-то с погодой странно...
Слишком она постоянна:
В первой декаде апреля -
Солнце, тепло, что ни год.
Позже - глаза б не глядели:
Снег или дождик идёт.
Хмурится небо безбожно.
Сердцу тоскливо, тревожно,

Вечером плачу без слёз...
Так и свихнёшься всерьёз.
Впрочем, была бы отрада
Сердцу при небе любом,
Если б навёл я порядок
В дружбе, в работе, - во всём.

18 апреля 1975

* * *

Гни, дави траву,
И топчи траву,
Да не рви траву.
Выгнется трава,
Вдавится трава,
Втопчется трава.
Хоть лежит трава -
Не мертва трава:
Встанет вновь трава!
А сорвёшь траву -
И убьёшь траву.
Не губи траву!..

10 мая 1975

* * *

Пушистую живность люблю, -
Хвостастую, всю шерстяную, -
И вижу её, когда сплю, -
Лизучую, нежно-смешную.
Сегодня котёночек мне
Приснился худой и голодный.
Лежал между книг на окне
Мальш беспризорный, безродный.
Поспешно кормить я понёс
К столовой ближайшей малютку.
Я грел его мёрзнувший нос
На горле своём почему-то.
Накормленный сытно, живой
Немедля согрелся комочек, -
И лапками без коготочек
Играл он моею рукой...

17 - 18 августа 1975

* * *

Всегда берёт особая тоска,
Едва кого проводишь в путь-дорогу.
Она близка, но не в тебе, пока
Состав колёса вертит понемногу.
Но всё быстрее... И вот уж отзвенел,
Вдали пропал и стих вагон последний.
И ты внезапно тоже захотел

Уехать прочь от неги домоседной.

27 августа 1975

* * *

В детстве, бывало, обидают
Глупою шуткой какой, -
Мнилось, кровавым я видел
Мир, заслонённый слезой.
Кровью горели фигуры
Всех без разбора людей;
Стены домов были хмуры
В свете закатных лучей;
Даже в асфальте, в машинах,
В шелесте сада кругом,
В стуке копыт лошадиных, -
Кровь проступала во всём.
Так и сегодня бывает:
Зло посмеются когда,
Кровью весь мир запыхает, -
Кровью обиды, стыда...

8 - 9 октября 1975

20 июня 1995

* * *

Не только звери прощас нас -
И боги тоже прощас нас.
Мы полу-звери, полу-боги!
Мы - люди. Космос прощас нас.

30 января 1976

* * *

День прошёл - один из многих дней,
Тихий день труда и жизни новой,
День хороших, ласковых людей,
Любящих тебя, помочь готовых, -
День прошёл.

И вечер наступил,
Сыроватый вечерок весенний.
Тенью грусти сердце он накрыл,
В горле траур Вагнера включил
С Вальсом Штрауса попеременно.
Грусть приятна, только не пойму -
Грустно мне сегодня почему.
Это не обычная усталость.
Это мне от счастья грустно стало.

14 - 15 мая 1976

ВОЙ

Когда возьмёт за горло чувство,
Узнаешь подлинное рабство,
И только воем непрерывным

Немного душу облегчишь.
Ужасный вой, ни на мгновенье
Не прерывающийся, дикий,
Сбивает ритм любого сердца,
В гробу тревожит мертвеца.
Весь город воет безголосо,
И вся страна, и вся планета;
Да что! - Весь космос инфразвуком,
Сверхнизким басом нервы рвёт.
И мне сдаётся почему-то,
Что это вечная Жестокость
Во всекосмическом масштабе
Выдавливает вой из жертв.

2 февраля 1977

ВЕЧЕР

Как ёлки новогодние,
Дома кругом стоят.
Давно потёмки поздние
На улицах лежат.
И вечер грустью дразнится,
За сердце теребит:
Тебе какая разница -
Смеяться ли, грустить?..
А тишь такая хрупкая
Из тонкого стекла:
Сдавил чуть-чуть - и хрустнула,
Со звоном умерла.
И так уж изувечена -
Спокойно не поспишь:
На части режут вечером
Лирическую тишь,
Машины воют поздние
То громче, то слабей...
Как ёлки новогодние,
Дома полны огней.

7 - 9 сентября 1977

* * *

Даже не больничная
Ночь - резина длинная:
Сон меня бежит.
Эти доски плоские
Жуть, какие жёсткие, -
Вся спина пищит...

30 ноября - 2 декабря 1977

МАССАЖНАЯ СИМФОНИЯ

Сначала увертюра прогреваения,
Когда лежишь в постели электрической,

И жжение приятное, спокойное, -
Как ровный, очень долгий, тихий звук.
И пауза потом, довольно долгая,
Перед началом главного лечения...
Внимание! Массажная симфония! -
Вот осторожный, тихий первый такт.
Тихонько, нежно мускулы разглажены;
Быстрее, быстрее целебные движения;
Сильней, сильней нажимы, разминания, -
И буря ощущений началась.
Сплошной каскад! Обвал! Тайфун неистовый!
Но только не стихийный, разрушительный,-
Разумный шквал, здоровье создающий,
Срастающий дурацкий перелом.
Сперва идут бои вокруг да около,
А центр беды, где штаб врага находится,
Пока с расчётом хитрым не штурмуется, -
Он лишь надёжно, жёстко осаждён.
Но вот и штурм! И руки всё настойчивей
По центру жмут, по штабу неприятеля;
И штаб, осадой весь парализованный,
Без всякой боли, смирно сносит всё.
К концу идёт массажная симфония;
Отбили руки - палки барабанные -
Финальный дробный марш; теперь мелодия
Устало засыпает...

6 декабря 1977

* * *

К болезни - ракетой
Со скоростью света, -
Весь путь уместается в миг.
К здоровью - шикарным,
Больничным, плацкартным
Вагоном, где врач - проводник...

8 декабря 1977

* * *

По стенам сварка напролёт всю ночь
Мелькает пламенем живым. Точь-в-точь
Нам подадут сигналов кутерьму
Из будущего в нынешнюю тьму.
И чудится незримый, но земной,
Разумней и добрей мечты любой,
Грядущий человек - наш лучший друг,
Цель нынешней борьбы и горьких мук...

17 февраля 1978

АКРОБАТИКА

Через стройки чтоб ходить,

Акробатом надо быть.
По-собачьи делай стойку,
Тростью шарь не торопясь,
Где грозят болота стройки
Или доски через грязь.
Целься как ни можешь метко,
Чтобы новая доска
Приняла, как белку ветка,
После ловкого прыжка.
Через лужу переправа -
Самый мелкий брод найди,
Помяни христову славу,
Точно посуху пройди.
Через стройки чтоб ходить,
Акробатом надо быть...

26 марта 1978

НЕ ДО ЛЮБВИ!

Вот и марта самый хвостик,
Вот и новая весна.
Только песню петь не просто
О любви, как ни складна.
Есть тропинки - сколько влезет,
Есть достаточно аллей
В бестенистом, странном лесе
Из столбов для фонарей.
Солнце светит ярче, жарче.
Снег растаял торопясь.
Привалило счастье в марте, -
По колено всюду грязь.
Стал поэт в недоуменье:
Уж любить, так в чистоте!
Есть весна, а вдохновенье
Для любовных песен где?

30 марта 1978

СТРОЕНИЕ МИРА

Объект, вещь - это "вихрь"
внутренних процессов, уравновешенных
на "поверхности" вещи процессами
окружающей среды. Линия
уравновешивания образует как бы
"контур" вещи.

С.Л.Рубинштейн

Тайфуны процессов, энергии сгустки...
Напрасно вещей не ищи - не найдёшь.
Все рамки для вихрей энергии узки,
И стержень любой разнесёт - не спасёшь.
Да нет и тайфуну свободы, простора, -

Тайфунов таких же кругом круговерть.
Зато на поверхности вечного спора -
Предметного мира надёжная твердь.

24 мая 1979

ЛУЧШИЙ ЛЕКАРЬ

Б.М.Б.-Б.

Лекарь, наверное, лучший -
Это оркестр духовой.
Жизненной пыткой измучен,
В звуки ныряй с головой.
С нервов мелодией сняты
Ржавчина, плесень и гной.
Жизненной пыткой измятый,
В звуки ныряй с головой.
Счастье душевного взлёта -
Вместе со звонкой мечтой.
Жизненной пыткой измотан,
В звуки ныряй с головой.
Рокот прохладный и круглый,
Как предрассветный прибор.
Жизненной пыткой обуглен,
В звуки ныряй с головой.

19 июня 1979

ВОСПАЛЁННАЯ НОЧЬ

Воспалённая ночь...

Рад бы спать, да невмочь.

Воспалённые мысли
В воспалённом мозгу
Сон и дрёму прогрызли -
Отогнать не могу.
Память лютого перца
Сыплет в чёрную кровь.
Раны старые сердца
Воспаляются вновь.
Эти старые раны
Заставляют опять
Воспалённые планы
Новых книг сочинять.

Воспалённая ночь...

Рад бы спать, да невмочь.

А в окошке вагонном
Вереницы огней,
Что горят воспалённо
Вдоль дороги моей.
Во все рёбра колёса
Учащённо стучат,
Словно спрыгнуть с откоса

Воспалённо грозят.
Но, на стрелках бессонных
Перестук оборвав,
В тишине воспалённой
Замирает состав,
Весь дрожа в нетерпенье
Снова мчаться вперёд:
Воспалённое пенье
Встречный поезд несёт.
Воспалённая ночь...
Рад бы спать, да невмочь.

19 - 21 августа 1979

5 июня 2000

* * *

Снова я в речке с какою-то странной водой, -
Очень тягучей, лениво текучей, густой.
Нет! Это время ночное течёт понапрасну
Не запряжённой в работу бессонной рекой.

15 ноября 1979

* * *

Давай-ка, сердце, поговорим,
Давай-ка, сердце, вперёд заглянем.
Ты было двигателем моим,
Но архаичным - скрывать не станем.
Тебя бы надо пересоздать
Так, чтоб не только на самолёте,
Не только в грёзах я мог летать,
Ни даже в творческой лишь работе, -
А Невозможностям всем назло,
Нас обрекающим на бескрылье,
Чтоб сердце тело поднять могло
Ветрам навстречу в простом усилье.
В поток воздушный легко влетим,
Как входим нынче в морские волны...
Давай-ка, сердце, поговорим,
Обсудим путь в атмосфере вольный.

24, 29 декабря 1979

НОЧНИК

Он в виде избушки на ножке куриной.
Он скромно горит в уголку на столе.
Он рядом, но словно за снежной равниной -
За грудой бумажною в комнатной мгле.
Не сказка ли древняя бабушкой милой
Печально сияет седой головой,
Наивной придумкой и грозною силой
Тоски по свободе и правде людской?
Ведь все мы хорошие люди, ей-богу.

Жить мирно хотим, понимания ждем...
Но важные сыщутся вечно предлоги
Приятеля сделать заклЯтым врагом.
И вот сувенирный ночник этот слабый
Бессонную совесть мою бередит:
Мол, мирным трудом обезвредить пора бы
Бессмысленной сварой заполненный быт.

3 февраля 1980

28 апреля 1990

ВЗДОХИ

Что ещё поэту остаётся
в жизни, кроме как вздыхать?
Ах, как редко, трудно удаётся
Самых близких понимать.
Где-то рядом, но, до солнца словно,
До тебя не добрести.
Знаю, что живёшь не бездуховно.
Где к душе твоей пути?..
Что ещё поэту остаётся
В жизни, кроме как вздыхать?
Ах, как время бешенно несётся!
Упустил - не наверстать.
Для работы запасной минуты
В день не выкроишь никак.
А часы меж пальцев почему-то
Щедро льются на пустяк...
Что ещё поэту остаётся
В жизни, кроме как вздыхать?
Ах, как тропка творческая вьётся!
Поворот не угадать.
Протянул творцу-собрату руку -
Не дотянешь. Пустота.
Вдруг сольются тропки, давши крюку, -
На минуту? Навсегда?..

10 марта 1980

28 апреля 1990

АСКЕТУ

Что изводишь себя, аскет?
Почему истязает тело?
Или радостей больше нет -
Болью тешиться то и дело?
Боли разные: та сверлит,
А другая горит пожаром;
Эта ноет, а та скулит
В позвонке - в недолome старом.
Все сомнения разреши.
Может, это, себя увеча,

Нестерпимую боль души
Ты физической болью лечишь?..

21 апреля 1980

4 мая 1990

20 июня 1995

БЕЛЫЙ ПОЕЗД

Опять больничная бессонница.
Лежат соседи по палате,
Которым больно, а не стонется,
И стонут вместо них кровати.
А свет настенный - ослепительный,
Закрытые глаза сверлящий:
Пока не выключат - сомнительно,
Что сон заявится пропащий.
А мысль - плохая, монотонная.
А чтения - не хватает вечно.
А боль, уколом приглушённая.
А ночи этой бесконечность...
На взводе нервы многострунные,
И сердце мечется в набате,
И одиночество чугунное
На всех одно, одно в палате.
Как будто молния далёкая,
То здесь, то там взорвётся спичка:
В дыму табачном ночь глубокая, -
Идёт бессонниц переключка.
Так раненый в войну последнюю
Солдат в вагоне затемнённом
Ночной махрой, особо вредною,
Дымил под стук колёс бессонный...
Больница вся полна страданием,
И к жизни острою любовью,
И чьим-то с жизнью расставанием,
И общей битвой с разной болью.
Окно - по-летнему открытое...
О жизни хрупкой беспокоясь,
Сквозь ночь, бессонницей пробитую,
Идет больничный белый поезд.

31 мая - 3 июня 1980

4 мая 1990

20 июня 1995

ШАГИ

Под неотрывный солнца взгляд
Ложись на доски пирса.
Послушай, как шаги звучат
То медленно, то быстро.
Снуют купальщики вокруг -

И в воду, и обратно.
Шагов их пёстрый перестук
О них судачит внятно.
Сперва - кто в лес, кто по дрова, -
Смешенье разных ритмов.
А вот как будто и слова -
Вибрирует не слитно...
Что за стопудовый урожай?
Грузный шаг, упорный и неспешный,
Доски так и гнутся... Отползай -
С треском их проломит центнер грешный.
Чей бы шаг?... Рабочий пожилой
Так, видать, грядёт неотвратимо.
Ну и грузный марш! Любой устой
Должен рухнуть под таким нажимом.

А этот - зрелых лет, наверно,
Не пожилой уже никак.
В пехоте был. Ну что за мерный,
Прицельный, хладнокровный шаг!
Вот - в таком же ритме точно -
Профтехнический юнец.
Лёгкий шаг, парящий, срочный,
Чистый, светлый... Молодец!

Неуклюже,
Быстро-быстро,
Поскорей!
Это стайка
Пробежала
Мальшей.
Солнце, ветер!
Через воду -
Как чудно! -
Видно близкое
И ласковое
Дно!

Каков хозяин - шаг таков.
Подъём! Ну как, доволен?
Понравился концерт шагов?
Пойдём купаться, что ли...

21 августа 1980

4 мая 1990

ПЕСНЯ ВОЛНЫ И ВЕТРА

"О-у-а-уу!" -
Ветер устойчивый песню поёт.
"В праххх сокрушшшу!" -
Волны шипящие к берегу шлёт.
"Трах! Ну ещё!" -

Горстку песка утащили на дно.

"О-у-а-ooo!" -

Камни засыплют в столетье одно.

"Нет, не прощщу!" -

Пенной любовью пропитан раздор.

"О-у-а-ууу!" -

Это, наверное, близится шторм.

22 августа 1980

СЛУШАЯ "МАРШ СУВОРОВЦЕВ"

Молодой ломающийся голос

Удержать не может долгий звук,

И дрожит напыщенно весёлость -

Но веселья не уловит слух.

Только зычный грозный окрик:

- В ногу!

На параде шире шаг! Быстрее! -

Нагнетает чёрную тревогу

Этот марш воинственный детей.

Да, на взгляд чужой у вас красиво -

Слитный шаг, парадный строй красив...

Дух казармы! Музыка визглива,

Точно плача скрытого прорыв.

Нам бы поглядеть на вас поближе,

Нам бы в душу вашу заглянуть.

Может, насмерть кто из вас обижен,

Под литавры, визги ноет грудь.

Может, жёсткий внешний распорядок

Волю вашу грузно размолот,

Чтобы шли, куда начальству надо,

Точно танк безмозглый - напролом.

1 - 8 сентября 1980

4 мая 1990

19 декабря 2001

ГОРОД

Много людей

вокруг.

А подружиться -

с кем?

Каждый -

товарищ

и друг.

Каждый

далёк

меж тем.

В доме -

сотни квартир.

В каждой -

особый
мир.
Каждый -
товарищ
и друг.

Нет
никого
вокруг...

7 октября 1980

21 июня 1995

ВРЕДНАЯ ЗИМА

Что за вредный у зимы характер!
В точности как у иных людей.
Всё успеем, мол, когда-то, как-то, -
Срок большой, в запасе много дней.
И дивятся на неё народы:
То ль зима, то ль осень на дворе?
То мороз и снег везде, то броды
Ищешь через лужи в январе.
Чуть не все три месяца халтура,
Спохватилась - скоро март! аврал!
Сколь осталось, выдала все бури,
И мороз ударно затрещал.
Для отчета созидает факты:
Я как все - не мягче, не лютей...
Что за вредный у зимы характер!
В точности как у иных людей.

6 марта 1981

КОНЦЕРТ

Посвящается фрунзенскому
Духовому оркестру парков

Волны вальса меня подхватили.
Звуковертью закручен фокстрот.
Звуки щедро весь вечер залили
Звонким светом волшебных высот.
В мягком свете мелодии звонкой
Горной речкой под полной луной
Рокот круглого ритма негромко,
Плавно катит оркестр духовой.
Из всего, что хорошего было,
Да забыто отчасти давно,
Возникает неясное, милое,
Знакомое чем-то _ОНО_.
Вот оно! Это в детстве играли,
Я учил наизусть на лету;
Это годы на склады убрали -
В подсознательную темноту.

И теперь всё запомню - не сразу,
А со взрослыми скрипами, - пусть!
Полюбив музыкальную фразу,
Сам себе пропою наизусть.

1 - 2 августа 1981

5 мая 1990

МАЛЬЧИК СО СВИСТУЛЬКОЙ

Десятилетний мальчик со свистулькой
В кусты забрался и свистит вовсю,
Качаясь в люльке музыкальной, гулкой,
Уверенный, что он один в лесу.
Пусть одна у той свистульки нота -
У мальчика в душе звучит оркестр:
Выводит нежно вальсы и фокстроты,
Походным маршем оглашает лес.
Его никто не слышит - и не надо.
Ему не скучно одному ничуть.
Он в этот час выходит вон из ряда.
Он выбирает свой по жизни путь.
Ведя беседу с лесом, с миром в целом,
Он учится - пока в игре простой, -
Владеть, наверно, самым сложным делом:
Быть человеком самому с собой.

8 августа 1981

5 мая 1990

МЕЧТА

Тут не меряна глубина.
Нитка берега чуть видна.
Красный катер трясётся, прыгает, -
Как булыжник, тверда волна.
Славный щедростью Иссык-Куль
Все сокровища развернул:
Солнце, брызги всецветной радугой,
Ветра встречного ровный гул.
Вновь мечтаю: если бы весь
Так же искрился мир, как здесь!..
Смыть бы чистой волной прозрачною
Всё, что мутного в людях есть!

12 августа 1981

5 мая 1990

* * *

Как вокзал составами забит!..
Средь электровазов и вагонов
Поезд наш стоит, ползёт, стоит,
Вновь ползёт, - всё нет как нет перрона.
Теснота - час пик, ни дать ни взять!
Насмерть мы в час пик друг друга давим,

А взгляни, как вежливы составы:
Их закон - дорогу уступать.

3 октября 1981

* * *

Нет больше места на земле для счастья.
Всё гуще горе, непролазней грязь.
Недоумённо замечаешь часто,
Что с головой в болоте вдруг увяз.
Всё больше надо чистоты прозрачной,
Прогретой солнцем дружбы и любви,
Твоей работе редкостно-удачной
Жестокою солёностью сродни.
А впрямь, давай уйдём в пучины моря,
Чтоб обновить заношенную жизнь;
С морской солёной чистотой не споря,
Соорудить подводный гуманизм.

25 - 26 февраля 1982

21 июня 1995

* * *

Я жду себя. Когда же я приду
Из тьмы веков, из будущей эпохи,
Двадцатую кромешную беду
И век двадцатый кончить лёгким вздохом?
О чём жалеть? Всё это сон дурной -
Всё это, именуемое жизнью.
Хочу домой, в мой век сороковой,
Назад к естественному гуманизму.
Хотя бы в отпуск... Чуть передохнуть.
А после снова - в этот ад двадцатый,
Чтоб освещать глухой подземный путь
Из черной предыстории треклятой.
Я нынешний - позорно слаб и мал,
А завтрашний - могуч и неизбежен.
Я жду себя. Я в будущем застрял,
И не спешу на выручку себе же.

17 марта 1982

8 мая 1990

21 июня 1995

Естественным "по умолчанию" обычно считается биологическое и - шире - природное, а всё, чего коснулось человеческое "искусство" (то есть любое мастерство - сапожника ли, философа ли, - так понимается искусство в античной философии, см. хотя бы диалоги Платона) - это "искусственное". На самом деле для человека естественно, то есть сообразно его "естеству", именно то, чем он отличается от любой другой "твари". Поэтому скользнувший в моём стихотворении термин "естественный гуманизм" не надо

понимать как "первобытный". Наоборот, чем более развит гуманизм, чем человечнее отношения, тем естественнее - с точки зрения "естества" человека как разумного существа. Так что "естественный гуманизм" - это гуманизм на очень высоком уровне развития. Я бы сказал - "на самом высоком", но есть ли пределы совершенству?

* * *

Едешь в отпуск -
робкая радость
С легкой тревогой.
А на службу -
жесткое "надо",
Пуговиц много...
Застегнули
н'аглухо душу
Делом - и только.
Воротник же
штампами душит
Чуждого долга.

17 - 18 декабря 1982

* * *

Мне в этом мире места нет пока.
Я рано добротою воспитался.
Висит протянутая мной рука:
Найти опору - номер не удался.
Мне для опоры мало одного,
И миллиардного не хватит друга.
Мне надо, чтоб не стало никого,
Кто б от людей шарахался в испуге.

30 июня - 1 июля 1983

* * *

Лёд тает на солнце и плачет,
Стекая с горы ручейком.
А чаще бывает иначе -
Лёд не растопить нипочем.
Жаре никакой не даётся -
Становится лишь холодней.
Но солнышко чуть отвернётся -
Тоскует уже без лучей.
И сетует громко на холод,
Что мало кругом доброты,
На зверский общения голод...
Скажи, не таков ли и ты?

3 июля 1983

* * *

Нет, не думай, я не устал
На застольном твоём концерте.

Просто песню в себя впитал.
Переполнено песней сердце.
И протяжный народный стон
Из души выпевает стужу.
Растревожил и выжал он
Затаённую боль наружу.
Ночь. Никто уже не поёт.
Но я замер, сцепивши руки:
Через жизнь мою напролёт
Так и тянутся, тянутся звуки...

21 сентября 1983

* * *

Ночь давно. В груди щекотка.
Форточка открыта,
А за ней снежинки-чётки
Падают неслитно.
Пусть и мысленно, а всё же
Их перебираю.
Я привычно тем встревожен,
Что - себя не знаю.

9 марта 1984

* * *

Вот и кончились дни полу-пьяные,
Полу-сонные, полу-рабочие,
В юбилейности пышной упрямые,
Тайно будущим озабоченные.
Так же море волнуется искренне
В пене шумной, торжественной, винной,
Всё под солнцем старательно искрится -
Над застывшей тоской глубинной.

13 марта 1984

ВМЕСТО СОЛНЦА

М. Т.

Мы шли под дождём,
порой - под ливнем.
Твердили друг другу:
- Не унывай! -
Мы сделать пытались
празднично-дивным
Промокший, продрогший насквозь
Первомай.
Смеялись: разверзлись
небесные хляби,
А тут поливалки-машины
ползут,
Асфальт увлажняя старательно,
дабы

Дождю облегчить
его тяжкий труд.
Воздушным шарам
в стратосферу бы взвиться,
А дождь не пустил.
Как палой листве,
Им рваной резиной
осталось кружиться,
Тонуть потихоньку
В реке Москве.
Счастливым под солнышком быть -
не штука.
От ливня под крышей
нетрудно спастись.
Но сыты мы буднями,
К черту их!
Ну-ка,
Сама вместо солнышка
вся засветись!
1 мая 1985
* * *

Вот бреду... Прикоснулись легко.
Оглянулся рукой - никого.
Но будь вежлив, немного постой:
То кусты говорят с тобой.
24 августа 1985
* * *

Проводы... Мокрым снегом
Плачет прощально небо,
А проводили гостей -
Стало ясней, ясней,
Вот и почти не плачет...
Вслед улыбается, значит.
4 ноября 1986
БОГ

Легковая машина последней модели
В зале выставки на постаменте блестит.
И у зрителя даже ладони вспотели,
И слюна возжеления пеной кипит.
Обступил потребитель
и молится Богу.
Все запасы любви
в жертву Богу принёс.
И души наскрести
на живое не могут:
Где же душу извлечь
из-под Божьих колёс!..

30 ноября - 1 декабря 1986

КОТУ

С позиций твоих кошачьих
Я - жалкое существо.
Притворщик, меня дурачишь,
Как будто глупей моего.
Смотри: ни хвоста, ни шерсти,
Ни острых втяжных когтей.
С рожденья до самой смерти
Мне столько нужно вещей!
А хвост у тебя - пропеллер.
Антенны - твои усы.
Притворщик, на самом деле -
Добрей и богаче ты.
Мы - рыщем, чего-то ищем;
Твоё - не отнять никому.
И незачем, сонный дружище,
Тебе затевать войну.

13 и 15 декабря 1986

НОЧНИК

Хочу вернуться к избитой теме
Волшебной рак'ушки заокеанской,
Что светится в лунных лучах пейзажем
Страны латиноамериканской.
А если, вслушиваясь терпеливо,
Приникнуть к рак'ушке прилежным ухом, -
Она застонет кубинским прибором
Отчётливо, хоть отдалённо-глухо.
Но в эту рак'ушку волшебник флотский
Вселил беспощадный электроразум:
Воткнёшь в розетку лапки "лягушки" -
И тени экзотики сгинут разом.
А дальше придумывай что угодно,
Хотя бы при помощи книг случайных, -
Под зорким надзором электромысли,
Без надоевшей стандартной тайны.

18 октября 1987

"Лягушка" - жаргонное название одного из типов
электрической вилки, которое я узнал от делавших эти вилки
рабочих.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Ох, тяжкая это работа -
Из уха тащить бегемота.
За хобот из глаза слона
Тянуть - задача сложна.
По пальцам через макушку -
Из мозга киты на просушку.

Внутри меня чистый звон:
Уходят болезни вон.

23 октября 1988

ЗЕМЛЯК

Породы Русской, хоть и Синей,
Мишоль в загранку угодил.
Но от меня стремглав не сгинул,
Когда его я разбудил.
Куда там! Учинил проверку
И языком и носом кот:
Хвостом и задом взмывши кверху,
Пустил свои все чувства в ход.
В карман за пазуху нагрудный
Залез усами: что там есть?
Сплясал на жёстких лапах чудно,
Крутясь юлой и вздыбив шерсть.
Прямохождение затеял:
В рукав мне когти запустил, -
Со мной, нисколько не робея,
Нос к носу снюхаться решил.
А хвост какой самолюбивый!
Трубой взлетит, задень едва, -
Как русский гонор наш чванливый,
Сварливый, глупый иногда.

17 декабря 1988

* * *

В восторге обоняние
Подсказывает здесь
Банальное желание -
Воспеть осенний лес.
Тихонечко смеющийся -
Сквозь слёзы- листопад.
Увядших листьев льющийся -
Тактичный - аромат.
Петляю с удовольствием.
Ни-ни, не заблужусь!
И доброму спокойствию
У осени - учусь.

9 сентября 1991

* * *

Любимой музыкой - не делюсь,
Стиха - любимой строкой.
Не лезь, не трогай! Святая грусть
Должна остаться со мной.
Ты не оценишь моё, заснёшь,
Кичиться будешь своим...
Тебе тяжёлый твой рок хорош,

Ну и глуши себя им.
Я - слушать вальсы - уединюсь.
Замрёт моё существо...
Ничьей ухмылкой - не осквернюсь.
Не позову никого.

20 ноября 1991

* * *

Время тёмное, позднее -
После жаркого дня.
В небо летнее, звёздное
Завернули меня.
Льдинки свежести звонкие
В душной той темноте,
Точно звезды далёкие,
Промерцались везде.
Грёза чистая, зыбкая...
Где же я, пробудясь?..
...ТЬфу, целебная, липкая,
- Ух, волшебная грязь!

25 - 26 сентября 1992

* * *

И. П.

А всё ж обаятельна тайна!
Так хочется, чтоб не случайно
Присутствовал кто-то незримо, -
Разумных безумцев помимо.
Не Боги, но всё-таки - тени
Бесшумных ночных привидений;
Не с неба, с планеты далёкой, -
Земные, из тайны глубокой.
Ведь разум - он должен быть разный:
И более нашего ясный,
И менее нашего страстный,
И тёмный пока что, бессвязный.
Нет, мы не одни на планете.
Непредубеждённые дети
Дыхание чувствуют чьё-то:
Поблизости пристален кто-то.
Мне чудился низкий, утробный,
Не молкнувший вечно, ознобный,
Пронизывал звук монотонный
Меня - и весь космос бездонный.

19 ноября 1992

* * *

Смертное томление.
Белое вторжение.
Холод от окна...

На мороз не хочется.
Всяк в одеждах корчится
Дома, что копна.

31 декабря 1992

* * *

Вязко. Погружаюсь, как в болоте,
В неотвязной день и ночь тоске.
Не горю, а тлею на работе,
Сжать не в силах волю в кулаке.
Дело дрянь. Пока ещё заочно,
Но совсем уж где-то близко смерть.
Жив пока - тягач бы нужен срочно:
То бишь марш, чтоб выволок на твердь.
Потому на грани поражения
Марши я победные включил.
Прекратилось вроде погружение...
Вспомнить бы, с чего я, бишь, грустил?
Если б не одна лишь фонограмма,
А живые люди помогли...
Если б рядом не грустила мама,
Гости пообщаться бы зашли...

6 февраля 1993

* * *

Чёрное веселье.
Дробот тысяч ног.
Вот вам и похмелье:
В сердце - умер Бог.
Примитивом распят.
Был не бал - дебош...
Вместо Бога - паспорт.
Вместо рая - грош.

11 - 12 февраля 1993

* * *

Нашёлся тоже - лезешь переделывать,
Не разбирая толком, что к чему!
Не тронь, дурак, неведомого целого!
Развей самоуверенную тьму
Идей, теорий, идеалов собственных;
Не сетуй, если и любовь пройдёт, -
Но ощути, что ты - всеобщий родственник,
И пусть без спешки всё само течёт.

6 июля 1993

* * *

Стылая квартира.
Нет воды горячей.
Я совсем один.
Нет, со мной полмира:

Добротой означен
Каждый гражданин.
Хоть бы отогреться
Мне горячей ванной
И теплом друзей.
Что нас ждёт - взглядеться
Думой постоянной
Из ремонтных дней.

1 сентября 1993

* * *

Ну что вы все какие-то - чёрные,
Передо мной застывшие, скорбные?
Что за беда стряслась у вас, милые?
Предчувствия дурные бы - мнимые.
Должны бы все вы, души, мне - сродные,
Как лампочки мерцать - новогодние,
А не чернеть в глазах - перегасшими,
Нечистой совести в укор - вставшими...

10 сентября 1993

* * *

Ю.Б. Н.

Лампа - душа - сгорела.
В доме - в груди - темно.
Дружба,

Любовь

и Дело -

Ждут не дождутся. Но -
Воли не стало - к жизни
(Смысла - хоть отбавляй).
Где настоящий - ближний, -
Мой провожатый - в рай?
Нужен монтер, способный
Волю дожить - вернуть:
Здесь ли он, загробный, -
Лишь бы светила - грудь.

25 января 1995

* * *

С детства над Волгою в поезде тесном
Езжу туда и сюда.
С детства манила некрасовской песней
Волжская чудо-вода.
Ух! Я давно босиком не купался!
Ласковый твёрдый песок.
Вот исполнения мечты и дождался
Матушки-Волги сынок.
В тёплой воде кувыркаюсь беспечно.
Гонит волну ветерок.

Как же меня обнимает сердечно
 Левой рукою поток!..
Солнечный глаз притуманенно-нежен,
 Дымной слезою прикрыт.
Дышит любовью прогретая свежесть, -
 Степь ароматная спит...

2 августа 2003, "Лукоморье"

СКАЗКА ВОЛГОГРАДСКОГО МОРЯ

За камыш я потянул.
Чуть не крикнул: "Караул!"
Водяной поднялся дед,
Недовольный на предмет,
Что его я разбудил.
Старичина забубнил:
"Говори, чего хочешь,
И, дурак, не трожь камыш, -
Это волосы мои.
Чего надо, говори!"
Отплываю, где песок.
Отвечаю: "Нет, сморчок,
Ничего не надо мне.
Спи спокойно в глубине".
"Я - сморчок?! Ну погоди!
Лишь до берега дойди!"
Вот и на берег пора.
Облепила мошкара.
Дед смеётся водяной:
"Не шуткуй уж со мной!
Это - мой приятель Зуд,
На расправу скор и лют.
Кровососы хоть мелки -
Одевайся да беги!"
И покуда я бежал,
Энту сказку сочинял.
Всё в ней правда, а не ложь:
Спина чешется - не трожь!

5 августа 2003, "Лукоморье"

6. РОСПИСЬ НА ЖИЗНИ

* * *

Как хочется быть незаметным, маленьким,
Как видеть, слышать всё вокруг мне хочется,
И жить каким-то невидимкой сказочным,
Что знает всё, а сам - никем не знаемый!..
Как дураком порой казаться хочется,
А самому под маской той дурацкою
Вмещать в свою всю душу человечества,
Все радости его и все страдания!..
И жизнь понять, и заключение вывести:
Куда идём? Куда придём наверное?
На суд людей все эти знания вынести
Стихом своим и прозой - всеми средствами...

4 февраля 1972

МНЕ ХОРОШО!

I

В осенний тёмный вечер или зимний
Я с мамой шёл из яслей иль детсада
Домой, и часто слёзы лил ручьями,
А почему - давным-давно забыл.
Луна в моих слезинках отражалась
И фонари, а мне тогда казалось,
Что сходятся, как стороны дороги,
Во тьме далёко ярких два луча.
И было грустно мне. Но с этой грустью
Я почему-то не хотел расстаться,
И грустная мелодия звучала
В моей душе. Мне было хорошо!

II

Когда я в школе для слепых учился,
Не ладил я с ребятами со всеми,
И, одинокий в многолюдье, время
Свободное за чтеньем проводил.
Но мало было книг, и чтобы скуке
Не поддаваться, сочинял я сказки:
Метался взад-вперёд по закоулкам -
И сказку вслух рассказывал себе.
А после ссор с ребятами садился
На лавку во дворе просторном школьном, -
И не писал, не сочинял, а просто
Присутствовал при школьной суете.
И чудилось, что всё кругом в закате
Тончайшим слоем крови покрывалось,
Но проступала прежняя фактура

Сквозь кровь почти без всяких перемен.
Кровавый слой зловещим мне казался -
Ведь эта кровь моей была, наверно,
Что вместе со слезами вытекала,
Пропитывая чуждый школьный двор...
Тоскливо было мне, но и с тоскою
Опять же не хотелось расставаться;
Тоскливая мелодия звучала
В моей душе. Мне было хорошо!

III

И вот сейчас весёлым днём по делу
Иду в Москве. Во все остатки зренья
Смотрю на вид московской магистрали
И на воздушный яркий океан.
И чудится опять: дома в закате
Покрыты все тончайшим слоем крови, -
Но проступает прежняя фактура
Сквозь кровь почти без всяких перемен.
И снова грустно мне. Но с этой грустью
Я ни за что бы в жизни не расстался.
Звучит в моей душе мотив печальный -
Основа всех стихов. Мне хорошо!

31 января - 1 февраля 1974

24 декабря 2001

* * *

Нету дела для меня труднее,
Чем о школе для слепых писать.
Нету боли для меня больнее -
Жизнь мою в той школе вспоминать.
Я тогда со всей не ладил группой,
И немало пролил детских слёз.
Но забыть и пользу было б глупо,
Что период этот мне принёс.
Там во мне большая грусть развилась.
До сих пор она в душе гремит
Оглушительной оркестра силой -
И стихи той музыкой родит.
Там кротом я закопался в книги,
И с тех пор всё глубже залезал.
И о том четырехлетнем миге
Позже я нередко тосковал.
В годы те вернуться мне б хотелось,
На себя взглянуть, каким я был;
Разобраться, в чём там было дело -
Почему недружно с группой жил;
Каковы на деле те ребята,
С кем давным-давно уж связи нет...

Почему взволнован я - понятно:
Встречи жду с товарищем тех лет.

2 февраля 1974

24 декабря 2001

ЛЕС ЦИТАТ

Бреду, пробираюсь почти наугад
В дремучем и тёмном лесу цитат.
Ничто впереди не укажет пути.
С одной интуицией надо брести.
И вот интуиция мне говорит,
Что где-то далёко солнце горит;
На ровной равнине факты лежат;
Вся эта равнина - памяти склад.
Те факты копились и ждали там,
Что станет понять их мне - по зубам.
А как без теории что-то понять?..
Вот мне и приходится книги терзать,
И должен брести я почти наугад
В дремучем и тёмном лесу цитат.

4 февраля 1974;

12 апреля 1990

Цитаты - выписки, от которых я долгое время боялся
оторваться, чтобы не перевернуть реферируемый, трудный для
меня текст. "Популярные изложения" - рефераты с переводом
научного текста на привычный мне разговорный язык. Как можно
точнее, но по-другому, своими словами, со своими, из личного
опыта взятыми фактическими иллюстрациями теоретических
положений. Учёба по линии наибольшего сопротивления. - 12
апреля 1990.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДРУГ

Единственный друг
меня никогда не обманет.
Единственный друг
Всегда меня радовать будет.
И этот мой друг -
не самые близкие люди,
А книги - магнит,
что всюду к себе меня тянет.

10 июля 1974

* * *

Я устал не от науки -
От учебниковой скуки!
Ведь наука - это споры,
Очень часто - прямо бой!
А в трудах научных - горы
Информации пустой,
Ибо драки никакой.

Для чего писать про то,
С чем не ссорится никто?

14 декабря 1974

* * *

Что ждёт меня в жизни?

Удастся ли книгу создать,

Что после меня

Поколения будут читать?

Пока же тружусь

Над фундаментом книжной вершины,

О коей нахально

себе позволяю мечтать...

17 мая 1975

* * *

Когда учёный к истине находит

Пути - его счастливей не найти.

Когда художник к красоте находит

Пути - его счастливей не найти.

Когда артист роль по себе находит,

Тогда его счастливей не найти.

Когда пишу, и хорошо выходит,

Тогда меня счастливей не найти!

20 июля 1975

ЖЕЛАНИЕ

Волны берег яростно штурмуют.

Белой пеной брызжут и шипят.

Грудью встречу силу озорную,

Что толкает к берегу, назад.

Бью её по шапке белопенной -

И уже с другой дерусь волной...

Хлопнув берег с силою отменной,

И она отхлынула за мной.

Вот уже один из тех чурбанов,

Дальше коих в море плыть нельзя, -

И, меня подталкивая рьяно,

Волны помогают плыть назад.

Вот на дно встаю ногами вскоре

И пускаюсь по волнам бегом...

Я доволен, что царю над морем.

Мне бы так царить и над стихом!

16 - 17 августа 1975

* * *

Веру в эту жизнь теряя снова,

Не уйду, не вымолвив ни слова.

На бумагу вылью боль и гнев, -

Вдруг добро усилю против злого!

31 декабря 1975

* * *

Хайам считал вино вернейшим из друзей,
Но я обязан жить значительно трезвей.
Из всех моих друзей надёжней всех бумага,
И как себе, могу довериться лишь ей...

1 января 1976

* * *

То, что даётся с трудом,
Тянет за нервы и жилы,
После чего мы потом
Чувствуем близость могилы, -
Пусть неудачней оно,
Хуже иного, быть может:
Трудное нам всё равно
Ближе, роднее, дороже...

27 марта 1976

Б.М. Б.-Б.

Любая строчка мукою дрожит,
Огромной болью за людей живущих.
И сердце строчкам в унисон болит,
Да так, что краски все как будто гуще.
Вот это стих! Такой вздымает ввысь,
Сердечной резкой болью разум будит,
И бьётся мысль об эту стену - жизнь, -
Не спится людям, выход ищут люди...

30 сентября 1976

ПОСЛЕДНИЙ ГОС

Какая бездна вдохновенья,
Какая бездна красоты
Пропала в деле и безделье
Учебной жуткой суеты!
Сдавая тысячный экзамен,
Я безнадёжно наблюдал,
Как замысел, что я годами
Лелеял, тихо угасал.
Бедой и радостью рождённый,
Затем оставленный навек,
Он угасал невоплощённый,
Как одинокий человек.
Свою формальную учёбу
Я проклинал не раз, не два,
Когда роман, поэму гробил,
Что были начаты едва.
Последний Гос... Теперь, пожалуй,
Я всё же руки развяжу.
Начну творить и жить сначала,
И разной разности рожу:

Трудов научных, но не скучных,
Стихов и прозы полный воз.
Скорей бы лишь благополучно
С горба свалить последний Гос!

11 - 12 июня 1977

Это был государственный экзамен как раз по специальности - по психологии... И я не постеснялся преподнести эти вирши экзаменационной комиссии. Вместе с точным перечнем тех экзаменационных билетов, которые знал полностью (все три вопроса - такой попался один), неплохо (два вопроса - большинство), плохо (один вопрос) и не знал совсем (один билет). Витис Казисович Вилюнас, который консультировал нас при подготовке к этому самому ответственному экзамену, сказал, что вынутый мною билет - из плохих, то есть я был уверен лишь в одном из трёх вопросов. Поднатужившись, я, к своему удивлению, справился со всеми тремя. Ну и стихи подарил на память экзаменаторам: мол, настоящая учёба теперь только и начнётся! Думаю, они были со мной в этом вполне согласны...

* * *

Ах, жизнь!..

С тобой расстаться жутко,
Не расписавшись на тебе
В беде и счастье болью чуткой,
Борьбой и мукой в той борьбе.
Ты хороша, полна событий,
Ты интересна донельзя,
А и скучна - не уходите:
Живём-то раз, пускай и зря.
Ты для меня - одно проклятье,
Как вспомню слепоглухоту.
Но идеал, и цель, и счастье -
В тебе мне воплощать мечту.

12 июня 1977

ОТЛИЧНИКУ

Ты, переводя страницы чистые,
Всё твердишь непонятые истины,
Как молитву, тупо глядя вниз.
Потому твоя строка не искрится
Смелой мыслью в слове точном, искреннем,
Сколько с вредной фразой ни возись.
Бездна истин за века истрёпана.
По канонам, как по плитам, топаешь,
В Лету бухнешь под конец пути.
Даже память намертво закована:
Ведь внезапное сравнение новое
Может мысль из плена увести...

19 марта 1979

РАЗНОЕ ВРЕМЯ

Время застывшее жизни пустой
Лишь календарь отмеряет:
Хмуρο бессмысленный путь круговой
Стрелки часов проползают,
Месяцев числа, недельные дни,
Годы ползут бесполезно...
Вряд ли и скуку заметят они:
Сравнивать не с чем - всё пресно.
Но если творческим трудом
Вся жизнь полна предельно,
Часы - неточный метроном,
И тесен цикл недельный.
Скорей, скорей - успеть, успеть
Задумки все исполнить.
Прервёт на полуслове смерть.
Век долгий - всё неполный.
Не календарь, а мысли пульс,
Кипенье слёз и смеха
Измерят твой по жизни путь,
Где миг - этап и веха.

28 мая 1979

* * *

Мы слышим делом жизни - не ушами,
И видим делом жизни - не глазами.
Пусть природа нас лишит всего, -
Всё творческим трудом добудем сами!

1 декабря 1979

* * *

Не лезет чувство ни в какую
В рассудочный научный текст.
Но что не высказать впрямую
(Как ни пытайся всё учесть),
Вольётся в точный образ некий
И станет ясным до конца,
И красотой мечты навеки
Согреет и пленит сердца.

23 декабря 1979

* * *

Что интересного в фигуре,
В ланитах, персях да устах,
Да в пышной женской шевелюре,
Да в прочих внешних чудесах?
Пусть рядится, как угодно, -
Со скуки лишь с ума сведёт.
А что, душой она свободна?

Знаком ей творческий полёт?
Способна ли понять поэта:
Его за слово тяжкий бой,
Его восторг, когда - победа
Над еле сдавшейся строкой?
Способна ли на подвиг сущий -
На тихий фанатизм творца,
На добровольный, горький, жгучий
Костёр сомнений без конца?
Способна - значит, интересна,
Красива высшей красотой,
Которой тайна тайн известна -
Для всех быть вечно молодой!

13 января 1980

Недавно меня спросила одна женщина-психолог, почему я так и не женился, такой-сякой. Я усмехнулся, вспомнив, как надо мной подтрунивали в молодости: если Суворова и угораздит жениться, то он от молодой жены в первую же ночь после свадьбы на люстру удерёт. А эта женщина-психолог, не дослушав моей байки, предположила, что я в первую же ночь молодой жене вслух читать буду что-нибудь, и крайне буду удивлён, что ей надо что-то другое... Предыдущее стихотворение как раз подтверждает её правоту - похоже, я именно так бы и сделал... Иначе, вишь ты, было бы скучно.

ТВОРЧЕСКИЙ ФАКЕЛ

Слушай, сердце, пособи немножко:
Поточнее слово подскажи,
И к удаче творческой дорожку
Этим точным словом укажи.
- Факел! - подсказало сердце стуком.
Весь насквозь пропитанный смолой
Человечьей радости и муки,
Будь горящий факел в тьме ночной.
К фонарю, что светит у дороги,
Каждый из ночной степи придёт.
Факел творческий потомок строгий
Сразу в бездне времени найдёт.
Пусть, обжёгшись, однодневки тщатся
Этот факел срочно погасить.
Однодневок нечего бояться -
Надо лишь получше осветить.
Чтобы им всё меньше удавалось
Притерпеться к будущим векам,
Вызывай презрительную жалость
У потомка к этим существам.
Чтобы всех людей (пускай не скоро -
Не о сроке ведь мечта и речь),

Отскоблив от всяческого сора,
Факелами творчества разжечь!

29 мая 1980

* * *

Ел он с мыслями вприкуску,
Вдохновеньем запивал, -
И, как следует по-русски,
Втык за это получал.
Дескать, время знай и место,
Знай, когда творить и где...
Нет! Творить, так надо честно:
И во сне, и при еде,
И всегда, и везде!

21 августа 1980

* * *

Темнота... Безделье наступает
Молчаливо, хмуро, будто ночь.
Вспыхивая, тут же угасают
Огоньки работы... как помочь
Разгореться им, пожаром взвиться,
Время сделав реактивным "Ту"?
Ждёт сердито чистая страница,
В кои веки к ней я подойду.

28 сентября 1980

4 мая 1990

ПОЭТ

Идёт он по берегу моря,
В горах - ледниками скользя.
В пустыне, солёной от горя,
В рот каплет своя же слеза.
Идёт без дороги, без броду,
В пожизненной тяжкой борьбе.
Он ищет тропинку к народу,
Тем самым - тропинку к себе.

13 января 1981

ВООБРАЖЕНИЕ В МИЛИЦИИ

В милицейском управленье
Рассердились не шутя:
- Гражданин воображенье!
Жить без паспорта нельзя.
Без воен-и профбилета,
Без прописки проживать
Не положено. За это
Вам придётся отвечать.
Приглашаем Вам явиться
К нам в одиннадцать ноль-ноль.
В кабинете номер тридцать

Встать под строгий наш контроль. -
Все газеты приглашенья
По Союзу разнесли,
Чтобы до воображенья,
Где ни шляется, дошли.
А на тот возможный случай,
Коль неграмотно оно, -
Голос радио могучий,
Телевизор и кино.
Не избежать заполненья
Многочисленных анкет,
И пришло воображение
В милицейский кабинет.
Там профессор Нудов - тёртый,
Аккуратный бюрократ,
Эрудит большой кроссвордный, -
Всё всегда заполнить рад.
Имя, отчество, фамилию,
Год рождения и пол,
Тут же творческие крылья, -
Всё заносит в протокол.
Все заслуги, все проступки
Записал, не пренебрёг,
Смежные в чернильной ступке
Все науки истолок.
Творчество, что есть и было,
По графам распределил,
И в учебнике унылом
Педантично изложил.
Этим нудным сочиненьем
Труд достойно увенчал,
И его "Воображенья
Психологией" назвал.
И готов шикарный паспорт,
Всё готово - получай!
Оказался только распят
Получатель невзначай.

19 - 20 июня 1981

5 мая 1990

ПОЭТ И АД

Ты знаешь безжалостный Дантов Ад,
Звонящие гневом терцины?

Г.Гейне

Да, Гейне прав: что Ад Господень
Тиранам и лакеям их?
Для адских целей больше годен
Звонящий гневом вечный стих.

Проклятье вечное поэта
В гробу настигнет подлецов.
Но раньше самого со света
Они сживут, не тратя слов.
К тому же бодрую цензуру
На миг не стоит забывать.
Да и редактор спустит шкуру -
И сдаст растерзанным в печать.
Да, сносных нет как нет условий
Для стихотворного суда.
Другим посмертный ад готовишь -
В аду при жизни сам всегда.

29 - 30 сентября 1981

5 мая 1990

* * *

Мы ссориться готовы ч'уть чего.
Иначе разве жить нельзя?
А что, попробуем у Тютчева
Учиться доброте, друзья?..

1 - 2 октября 1981

* * *

Твистун известный и певица,
Чё всё искусство - наглый секс, -
Вся эта накипь испарится,
Поймав вниманья краткий всплеск.
Как шар воздушный, знаменитость:
Чуть критикнут - и ей капут.
Но уцелеет деловитость.
Не страшен ей потомства суд.
Пока живой и весь в работе,
Творцу помеха лишний шум.
В тиши колдует он чего-то,
Храня до срока тайны дум.
Конец пути - и жизни тоже.
Творец на лаврах опочил...
Идут века. Но мир не сможет
Забыть, что он когда-то жил.

5 декабря 1981

Б.М. Б.-Б.

К сорокалетию со дня рождения
лучшего моего друга

Автор

Человек ты грешный и земной,
А не ангел, - только, что ни год,
Прорастают крылья за спиной -
Крылья затеваемых работ.
Всё мощней и шире взмах крыла,

Выше и уверенней полёт.
До чего Вселенная мала!
Прорастают крылья, что ни год.
Силы есть - так и лети, лети!
Не снижайся. Высоте - почёт.
Сколько б лет ни прожил, не грусти:
Прорастают крылья, что ни год.

7 - 9 декабря 1981

* * *

Малыш стихи увидел чьи-то.
От жгучей боли взрослых строк
Отворотился он сердито, -
Не понял их, понять не смог.
Что за нытьё такое, право!
Ему неясно, почему
Нытьё в стихах великой славой
Гремит по свету по всему.
Но вот налёг ему на плечи
Миллионотонный жизни вьюк.
Сутол, душевно изувечен,
Узнал он цену взрослых мук.
Упал, один во всей Вселенной.
Куда идти, каким путём?..
И те стихи, что он надменно
Когда-то обозвал нытьём,
Ему опора и отрада,
Звенят надеждой впереди,
Призывом: "Ошибайся, падай,
Но если жив - опять иди!"

23, 25 - 26 марта 1982

ОТЕЦ И СЫН

Явился труд физический
Взглянуть из уголка
На труд теоретический -
На своего сынка.
А тот на заседании
Рабочий тратит пот:
О тайнах мироздания
Какой-то бред несёт.
На сына жизнь дремучая
Из глаз отца глядит, -
Все годы невезучие
Не понятых обид.
Обид, совсем не понятых
Никем, - и им самим,
Чужою волей донятым,
Умом, рублём чужим.

Со скукою привычною
Он гнул покорно горб,
Чтоб сын мог с умной личностью
Молоть безумный вздор.
В затылке озадаченно
Скребёт отец: - Хорош!
Трепаться насобачился -
С поллитрой не поймёшь!

9 апреля 1982

* * *

Мой мальчик, не тужи, что к людям
Тебе печатных нет путей.
Пока и тем довольны будем,
Что говорим с планетой всей.
Про то планете неизвестно,
Да нам с тобой что за беда?
Важней, что в сердце чувствую тесно,
Что горячо в груди всегда,
И в голове к тому ж не пусто...
Давай беседу продолжать,
А там когда-нибудь пропустят,
Что побеззубей, и в печать.
А там - не идеал, так идол, -
Авторитетом освятят,
И что бы ты в печать ни выдал -
Любую чушь твою съедят!

15 апреля 1982

* * *

Всё в мире неведомо
В начале пути.
Кроватку и комнатку
Глазком обвести,
Квартиру обследовать
Ползком - нелегко.
Туда, где мы не были,
Идти далеко.
И город, и пригород,
И люди подчас, -
Всё рядом: изучено,
Привычно для нас.
Глядишь, и прискучило
Иным - познавать...
Туда, где мы не были,
Далёко шагать.
Далёко ли, близко ли,
Привычно иль нет, -
Во всём, что бы ни было,

Вопрос и ответ.
А ну-ка ты, серенький,
С дороги! Пусти!..
К тому, что неведомо,
Нельзя не идти.

25 января 1984

* * *

Они рисуют словами
уиденное глазами,
И это они называют
поэзией.
Им хочется, чтобы и я
рисовал словами
уиденное глазами,
Забыв, что глаза мои
почти ничего не видят.
Они рисуют словами
услышанное ушами,
И это у них тоже -
песня, поэзия.
Им хочется, чтобы и я
рисовал словами
услышанное ушами,
Забыв, что и уши мои
мало что слышат.
Зачем рисовать словами
уиденные руками,
Услышанные руками
обрывки чужого мира?
Мой мир не увидеть глазами,
Мой мир не услышать ушами,
мой мир не ощупать руками,
Но мир мой живой,
не бесчувственный,
и прячется в нём поэтому
сверхчувственная поэзия.
О чём? Из чего? Не знаю!
И - разрешите не знать!
Но, пробуя выразить словом
свой невыразимый мир,
Тем самым, хоть робко,
ищу свою тайную сущность -
Сверхчувственную поэзию.

18 октября 1987

* * *

Лжетеоретики! Вас бы подальше!
Ох, мастера вы стоять над душой

Практиков мирных, покорно глотавших
Ваши советы и гонор пустой.
Хвастались якобы знанием дела:
Знанием о деле догадок чужих...
Хватит болтать! Вот попробуйте сделать!
Практики, что же вы терпите их?!

1 января 1988

* * *

А чего со стихами к издателям
Приставать?

Если нужен читателям,
Со стихами моими страница
У неизвестных друзей сохранится.
Строчки просто приятно выласкивать,
А в редакции тошно протаскивать,
Да эстетскую критику слушать,
Разрешая плевать себе в душу.
Нет уж, дудки! Немало хорошего
Уцелело от опыта прошлого,
Но средь более важных потерь
Не заметят стихов моих смерть.

4 января 1988

* * *

Т.И. К.

Долой самовлюблённое эстетство,
Вокруг творцов завистную возню,
И знанием всяких тонкостей - кокетство,
О методах и жанрах - болтовню.
Не для монарха и не для генсека,
Не для невежд, кому на всё - начхать,
А для того живого человека,
Способного смеяться и страдать,
С кем общая духовная природа,
Кто наши чувства может разделить, -
И только в этом смысле - для народа,
Для человечества всего творить.
Творим, живые, для себе подобных,
Две трети жизни всей - устало-скорбных.
Вот наша вся платформа и программа.
Эстетства в ней бесплодного - ни грамма.

28 августа 1989

* * *

Как чудесно - помолчать,
Суею - не заглушать
То, что Муза мне лепечет,
Совесь елє слышно шепчет!..

21 - 22 октября 1989

* * *

Не поэт, не художник слова я.
Не играю в слова в тиши.
Боль и старая, боль и новая
В документах моей души.
Не настолько я жизнерадостен,
Чтоб шутить, как шутил Джалиль, -
Если жизнь - преподносит гадости,
Если кровь - из раскрытых жил.
Если не в чем - пролиться нежности.
Нечем думать, хоть есть мозги.
Уж загробной-то безмятежности
Не нарушат ничьи стихи.
Стихотворные мои жалобы -
Биться чтобы в сердца душой,
Выжить чтобы - да не мешало бы
Выжить всем заодно со мной.

10 ноября 1989

* * *

Моя душа воплощена
В строке, что стонет старомодно.
Оценка снобов - не нужна;
От суеты строка свободна.
Кому созвучно - издавать
Для них. От имени народа
Не вправе в душу мне плевать
Эстеты всяческого рода.

30 ноября 1989

* * *

Никого я не хотел обидеть,
Но стихи - хозяева мои:
Чувства, что никто не должен видеть,
Не задушишь волей, как ни жми.
Прожигают напрочь всю утробу.
В ритмах, рифмах рвутся полыхать.
На бумагу не пусти, попробуй -
В Ящик можно запросто сыграть.

19 января 1990

* * *

Начинается осень.

Пора

урожай собирать.

Надо книги дописывать,

чтоб не пришлось

преподать

Человечеству

пр'ожитой жизни

жестокий урок
Через век
или два,
когда я бы
сейчас уже
мог.
Кое-что
не дозрело,
Но времени много пока.
Начинается жатва.
Дорога ещё далека.
Да ведь я -
человек.
И за многие годы
вперёд
Всею жизнью
готовится
мой неизбежный
уход.
22 августа 1990
* * *

Хмурый друг мой, ещё поймёшь:
Ты и вещь в себе - хорош.
Напечатанный - вещь для нас.
Мечен смачным плевком подчас.
Под плевков - наготу души...
Нет, печататься - не спеши.
Почему в тираж стремятся люди?
Самым искренним ответом будет:
Каждый - просто потому, что пишет.
Глас в пустыне кто-то вдруг услышит...
Ах, какой я умный! Что за добрый!
Что за чуткий! До чего способный!
Да какой ранимый - самый-самый!..
Есть потребность воздух бить словами,
Рассылать безадресные письма
В пользу своего родного "изма".
1 января 1991
* * *

Я хочу быть головною болью
Каждому - больному добротой,
Чтобы обездоленному долю
Добывали страстью волевой.
Выдать накопившееся горе.
Жутким сгустком мир ошеломить.
Не участвуя в возникшем споре,
Будничной любовью тихо жить.

В буднях духом биться напряжённо,
Как в те жилки, что стучат в виски, -
Затаённо и уединённо:
Я - не я, и не мои стихи...

8 марта 1991

* * *

Куда уж - быть известным повсеместно!
Гордыня эта нынче неизвестна:
Уж больно много развелось поэтов.
Вчитаться в каждого успеть - ну где там!
Словечко для друзей вернуть бы кстати,
На память краткую пропеть - и хватит.

10 августа 1991

* * *

Слушайте, слушайте
Ясной душой.
Чувствуйте, чувствуйте
Вместе со мной.
Друг - опечалился.
Шторм - стих.
Не для анализа
Мой - стих.

20 ноября 1991

То-то что именно для анализа... Для моего
собственного... Вся разница - не литературоведческого, а...
философского, психологического, ещё какого-то... Словом,
документы души, подлежащие анализу - именно в качестве
таковых.

* * *

Я хотел свои стихи пояснить -
Вдруг читатели неверно поймут...
Но поэзия должна отразить
Скорби многих - через авторский зуд.
Боль зудела. Я чесался в стихах.
От укусов комаров - душу в кровь...
Весь во мнимых мелочах - комарах,
До истерики навзрыд - вновь и вновь.
Я зануден. Год за годом - одно.
Через жизнь одни мотивы - насквозь...
Мало что за много лет решено,
От чего в стихах мне плакать пришлось.
Чтобы как-то выжить - вынужден быть.
Нужен вой - невыносимый кому...
Я хотел свои стихи пояснить.
Кому надо - всё, что надо - поймут.

23 января 1992

* * *

Приснилось мне, что я монах китайский,
Какой-то вроде иерарх буддийский,
В повозке конной мирно путь свершавший
Тому назад столетий десять - двадцать.
Заехал в лес. Стемнело. Нет дороги.
Вдруг лошади все три захохотали -
И вмиг исчезли. Вспышка, взрыв и пламя.
И сверху на меня - бумажный пепел.
Сгорело всё, что я писал когда-то.
Обсыпан искрами, сгорел я тоже.
И сразу в тёмном небе затерялся
Звездой - одной из многих... И проснулся.

10 июня 1992

* * *

Чего мудрить? Съедобно - ешьте.
Не обессудьте, если нет.
В конце концов, всё это внешне -
Какой я в чьих глазах - поэт.
Какой я в чьих глазах - мыслитель.
А может, вовсе - никакой...
Кто я? И жертва, и мучитель.
Я - крот. Как все - слепоглухой.

10 июня 1992

* * *

Эх, некому ободрить...
Оставить - или убрать?
Прямей - изложенья нить,
Да жалко - зигзаг терять.
Хороший такой зигзаг...
Как будто бы - не про то,
Ан смотришь - через абзац
Выводит статью в очко.
Ну ладно... Потом, небось,
Редактор - посрежет всё,
Что вкривь у меня и вкось.
Не жалко - ведь не своё.

10 июня 1992

* * *

Да брось ты! Рвёшь и мечешь. Не хотят
Одни - другие мимо не пройдут.
Одни, не зная, хвалят и бранят;
Другие не поверят - и прочтут.
И вдумаются в мысли, смех и стон
Мыслителей, поэтов всех времён.
Завистливый невежда-нигилист
Не сможет с толку сбить, как ни речист.
Предвзятого цепного лая муть

Да схлынет! - и наружу выйдет суть.

14 июня 1992

* * *

Я вашу жизнь отверг.

Я больше не могу.

От вашей суеты

укрыться убегу.

Никто не нужен мне,

раз сам я - никому.

И наконец - приму,

что быть мне одному.

Не надо ничего

зачем-то затевать.

Не надо никого

к чему-то призывать.

Покуда есть о чём,

намерен я писать, -

Огарочком свечи

едва-едва мерцать.

11 августа 1992

* * *

Провинился в жизни я во многом

Перед очень многими - нет слов.

Если не в тупик моя дорога,

Буду всё же прав - в конце концов.

Если вникнут люди в хмурый голос -

В зрячеслышащую правоту,

То недаром сердце исколосось

О слепоглухую суету...

13 - 15 августа 1992

* * *

"Вы читать его хотели,

В мысли с чувствами вникать...

Он подлец на самом деле.

Время незачем терять.

Мы за вас уже копались

В том навозе - и шабаш!

Ни к чему вам свой анализ.

Лучше слепо верьте в наш".

Будут пачкать сладострастно.

Будут видеть только срам.

Воздадут мне громогласно

По неверным лишь делам.

И в восторге принародно

Мой покажут грязный путь.

Всё, что чисто, благородно,

Грязью той перечеркнут.

Да, наделал я ошибок.
Правду ощупью искал.
Ведь заранее не знал...
Ну, и вышел путь мой зыбок;
Тем он вам и помешал.

10 сентября 1992

ПОХАБНАЯ ТЕОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

На кой всё наше творчество?
Скажу, но чур - не морщиться.
Чего мы ради писаем?
Чего мы ради какаем?
Страстями так и мыслями
Торопимся, калякаем,
С утра строчим опять,
Ночами чтобы спать.
Стихи - нуждишка малая;
Трактат - и густ и крут:
Душа кряхтит усталая -
Никак не протолкнуть!
Освободиться следует...
На чьи мозги - Бог ведает.

10 - 11 апреля 1993

* * *

Да о чём же ты книги-то пишешь,
Не умея с людьми ни черта?
И духовно-то мало что слышишь,
И духовно - слепее крота...
Что за глупости - думать о чувствах, -
Не с налёта выплёскивать их!
Не с ума ли большого - так грустно,
Что нет мочи - влачиться в живых?..

25 апреля 1993

* * *

А, да не надо мне ваших званий!
Вас-то, маститых, время забудет.
Ну, а со мной захотят свиданий
После меня ещё долго люди.
Выплачусь времени весь - в жилетку.
Выкричусь - в слепоглухое пространство.
Словом надрывным, точным и едким
Раню - до доброго постоянства.
Сделано дело. Сказано слово.
Жизни хватило б - в культурную память
Вставить анализ и вывод суровый
Без редакции - своими руками.

28 апреля 1993

* * *

Да всё равно! В стихах все слёзы выплакал, -
Ну, так в натуре начал слёзы лить.
Какой же вывод? Ни фига не выгадал:
Стихами слёзы, зная, не заменить.

1 мая 1993

* * *

Я прожжён до доньшка
Горем бытия.
И чего ты, солнышко,
Смотришь на меня?
Намертво прикрученный
К чистому листу,
Правдою измученный,
Подвожу черту
Подо всё - без разницы,
Подо всё - подряд...
А бумага дразнится:
"Кончишь ли?.. Навряд...
Есть остатки трусости, -
Кончить не дадут
Следствия о гнусности
Жизни. Зряшен труд.
Для себя - пожалуйста.
Для людей - нет-нет.
Слишком уж - безжалостно.
Легче думать - бред!"
Так какого дьявола
На страницах кровь?..
Сердце в горе плавало
С детства - вновь и вновь.

17 августа 1993

* * *

Тёмная комната. Очень устал.
Я показал себя. Тлеет запал.
Время домой - к повседневным баранам...
Память оставил о лекторе странном;
Детям в любви объяснился - одним;
Стал ненадолго игрушкой - другим...
Тлеет запал. Разгорается пламя.
Скажется в будущем добрая память...

19 - 20 января 1994

* * *

Я живу, готовясь уходить, -
Уходить как можно меньшей частью,
Чтоб как можно больше прослужить
Мыслью озабоченной и страстью.

24 - 31 мая 1994

* * *

Это счастье: я весь в работе,
Как подлодка на глубине,
Да такой, что при развороте
На поверхности - ряби нет.
Я торпеды не трачу даром,
Сочтены до минуты дни:
По редакциям, семинарам -
Выступления и статьи.
Сон развею, покой нарушу,
Благодушье авось пробью,
И проблемами чью-то душу
Переполню - я так люблю!

23 - 24 марта 1995

* * *

Не хотите - как хотите.
Где там - не лукавлю.
Как ни жутко, загляните, -
Всё равно заставлю.
Загляните в мою бездну,
Под мою улыбку.
Это очень вам полезно:
Ваше счастье - зыбко.
Гляньте сами, как непрочны,
Убедитесь в этом.
Ужасаю вас нарочно -
Горем, адом, бредом.
Может, станете мудрее,
Строже, осторожней.
Может, станете добрее,
Чутьточку надёжней.

3 мая 1995

* * *

Нечему завидовать. Всё это -
Суета, и вовсе не моя.
Кто-то пусть объездит части света.
Победитель всё же буду я.
Никого никак не представляя,
Головы мороча простакам,
Дома и в гостях надоедая, -
Крахнут неизбежно здесь и там.
Мне-то что! Сидеть спокойно дома,
Дописать, впервые написать,
И заполнить три - четыре тома
Тем, что невозможно забывать.
И расти стремительно духовно,
Набираясь мощи у людей,

С человечеством сродниться кровно
Горечью и парочкой идей.
И заставить целый мир в итоге
С русского меня переводить...
Я - в своей извилистой дороге.
Мне счастливым в суете не быть.

24 - 25 мая 1995

* * *

Опасен безотчётный мой порыв.
Так стыдно - мочи нет, - наговорив
Немало вздора в спешке, в суматохе.
И впору бы навеки замолчать,
Но всё же что-то хочется сказать
На память долгую своей эпохе.
Зачем? Не обойдутся без меня?
Любая мудрость, как и болтовня,
Бесследно в вечности равно утонут.
И не изменит мудрость на чуть-чуть
К всеобщей гибели ведущий путь,
Хоть пальцем тычет в близящийся омут.
Тогда - скорей! И никаких проблем.
В живых не отличаемся ничем
По косности от остальной природы.
Замкнётся круг. Сойдутся к одному
Начала и концы, и никому
Не вырваться, не обрести свободы.

14 - 15 июня 1995

* * *

Мои стихи пока ещё под спудом,
И образности в них особой нет.
А всё-таки понадобятся людям,
И души опалят, оставят след.
Кому чего... Кто проще, кто сложнее;
Кто образней, кто лепит прямо в лоб.
Но разным людям разное роднее,
И разное в себе несут по гроб.
В конечном счёте, все мы дилетанты,
И нет такой профессии - поэт.
Из чуткости рождаются таланты,
В созвучии людских похожих бед.

16 июня 1995

* * *

Начинается отдаление.
Руки к людям ещё тяну.
Продолжается вознесение -
И падение в глубину.
Чернь освистана ненавистная,

Суэта показных сует,
Дурно пахнувшая, нечистая,
Беспросветная - мочи нет!
Ты всё ближе к концу заветному -
И всё дальше от всех и вся.
Проболевшему сердцу бедному
Трепетать надоело зря.
Ни с кого ничего не взыскивать.
Не выдумывать новый "изм".
На несбыточный случай - высказать
Всё, что выстрадано за жизнь.

11 января 1996

* * *

Что-то мне не до стихов...
Всё прочней душевный стержень.
Всё я выдержать готов, -
Навались беда теперь же.
Что-то мне не до стихов...
Просто, видно, стал сильнее.
Я спокоен и суров.
Мой по жизни путь - яснее.

19 марта 1996

* * *

Голова прохладная, пустая.
В голове гуляют сквозняки.
Утром на работу добираясь,
Реже в голове кручу стихи.
Без особых мыслей и волнений
В электричке и в метро дремлю.
Стал я труженик обыкновенный,
И немножко уставать - люблю.

2 апреля 1996

* * *

А.А. Бодалеву

Ребёнком - капризен, обидчив.
Лишь к маминкой жался груди.
К оркестрам да песням прилипчив...
Вершина была впереди.
А в школе я стал книгоголик.
Не ладя с другими детьми,
Фантазии вечно мусолил...
Вершина была впереди.
Науку - свихнёшься при этом, -
Жуют всухомятку мозги.
Не стать ли в науке - поэтом?..
Вершина была впереди.
Я к жизни из книг потянулся,

Хоть книги не меньше влекли, -
И к детям в любовь окунулся...
Вершина была впереди.
Проблемы скрипели натужно,
И гнула вина до земли.
Заслуги считать - недосужно...
Вершина - всегда впереди.

9 - 12 апреля 1996

РАССТРОЕННЫЙ КЛАССИК

Площадь имени моего,
И подземный дворец метро.
Мной гордится детский отряд,
Учреждений различных ряд.
Только я-то вам незнаком,
И моих сочинений том,
хоть на полке у вас форсит, -
Вами вряд ли бывал раскрыт.
Поклоняйтесь поменьше мне,
Но, забыв суету вполне,
Хоть на пять, да моих минут, -
Постарайтесь вникнуть в мой труд.
Не молящейся паствы стадо, -
Вы же люди в конце концов!
Говорить мне с живыми надо.
Скука смертная - у Богов.

1 - 2 ноября 1996

* * *

И рай - решение проблем -
Едва ли снится.
Решать обязан между тем,
И ждёт страница.
Глумится, чистая, зовёт:
Ещё попробуй!
Лови-ка истину за хвост -
В жару, в ознобе.
И грех упорно искупай -
Неискупимый,
Потоком крови истекай -
Неистоцимым.
Поток широк, без дна - глубок.
Плыви! Запомни
Бесплодный тысячный урок,
Вопрос нескромный.
И не пищи! Ответ ищи
Неторопливо.
Сам выбрал путь. Не повернуть
Меж двух обрывов.

10 марта 1998

* * *

Ну вот и всё...
И снова - монастырь.
Я снова - инок, в муках страсти к Свету.
И снова тексты заслоняют мир,
Опять - всё более чужой - аскету.
И я смиряюсь. Больше не ропщу.
Свою пытаюсь обустроить келью.
К ничьей любви тропинок не ищу,
Засыпанных январскою метелью.
И только пол вибрирует порой
Далёким эхом праздника чужого.
А я к мыслителю припал душой,
Пророческое впитывая слово...

7 января 1999

* * *

Я убеждён лишь в том, что убежденья - вздор, -
Любимый нами вздор, который мы лелеем.
Пророчествуем вздор, ведём смертельный спор,
Чтоб осчастливить всех своим родным елеем.
Из дикой кутерьмы, из вздорной схватки - мне
Хотелось бы спастись, - пускай не без урона.
Кому и чем смогу помочь в родной стране?..
Молчанье - золото, да не удержишь стога.

20 сентября 1999

РЕДАКТОРУ

Чего боитесь? Лучше напрямую
Со мной свяжитесь - я не людоед,
И сам себя великим не трактую;
Готов признать, что ляпам - счёту нет.
За ректора, пожалуйста, не прячьтесь.
Я верить фирмиаму не привык;
Всегда считал несбыточной удачей -
С редактором схлестнуться напрямик.
Я приглашаю Вас домой с дискетой.
Проблемы все решим, попьём чаёк.
У ректора хлопот хватает, Света,
Без нас, - его бы разгрузить чуток...
И для меня свет клином не сошёлся
На этой книге, право же, ничуть.
Есть от зигзага та хотя бы польза,
Что свой понятней магистральный путь.

21 декабря 1999

* * *

Друзьям моим атеистам
Удобней меня щадить.

Иначе - лишь гневом мгlistым
Останется исказнить.
А так - схоронил-де маму,
И, горя не пережив,
Сорвался он, бедный, в яму
Мистическую... Тот срыв
Простителен... Время лечит.
Рассеется эта мгла,
И прежние будут речи,
Как раньше пойдут дела.
В полемику с ним некстати,
Как психом любим, вступать...
Возможно, что я и спятил,
Но с детства, - так вашу мать!
Я верил, что сказки - правдивы,
До смертной мечтал тоски.
В Таинственный Мир прорывы -
По сути - мои стихи.
Унылый запрет науки
Забудешь, как сон дурной:
В стихах не прожить без штуки,
Что вечно звалась - Душой!

4 января 2000

* * *

Мы читаем либо - сверху вниз,
Либо - снизу вверх...
Эй, Зазнайка! Подобрей! Очнись,
Мелкий изувер!
Эй, Поклонник! Книгам не молись -
Бог един у всех.

Мы читаем либо - сверху вниз,
Либо - снизу вверх...

7 января 2001

* * *

Всё равно ведь это никому не нужно.
Каждый свой вынынчивает бред.
Так на кой же чёрт вымучивать натужно
Текст, изобретать велосипед?
Вновь глухою ночью от тоски не спится.
Люди - что они за существа?
Так останься чистой, чёртова страница!
Только... голова пока жива...
2 декабря 2003,
пять часов утра

7. ЖИВАЯ СОВЕСТЬ

МЛАДЕНЦУ

Приятен ты, покуда слаб,
Покуда нежен всем строеньем,
Пока приличьям ты не раб,
Предельно близок к дню рожденья.
Приятен ты, покуда мал
И многого не понимаешь,
Покуда зла ты не узнал,
И лишь добро ты в мире знаешь.
Приятен ты младенцем лишь,
А кто ты после - неизвестно:
Новинкой мир ты удивишь,
Иль пузу век прослужишь честно?

17 февраля 1972

ПОЛУ-ШУТКА, ПОЛУ-СЛЁЗЫ

Нам для урока
Строго задали,
Чтобы учебник
Мы прочитали.
Только зачем мы читали?
Нам всё и так рассказали.
- Вы поняли, дети?
- Поняли...
- А может быть, не поняли?
- Не поняли!
Нам для урока
Снова задали,
Чтоб сочиненья
Мы написали.
Только зачем мы писали?
Нас и без них обругали!
- Вы поняли, дети?
- Поняли...
- А может быть, не поняли?
- Не поняли!
Разного много
Нам задавали.
Мы выполняли,
В память пихали.
Только зачем мы страдали?
Мы ведь экзамен не сдали!
- Вы поняли, дети?
- Поняли...
- А может быть, не поняли?

- Не поняли!

5 июня 1975

КАК ОДИН ТРАМВАЙ
ВОСПИТЫВАЛ ОДНОГО БАЛБЕСА

Был Трамвай не из железа,
А из мяса и костей.
Он воспитывал Балбеса,
Что уж вырос из детей.
Вот звенит:

Трамвай

Послушай, Саша,
Человек ты или нет?
По утрам не ешь ты каши,
Днем не ходишь на обед.

Балбес

Ладно, ладно...

Трамвай

Что за "ладно"? Безобразье!
Что в котёнке ты нашёл?
В учрежденье детском разве
Место кошкам? Произвол!
Эгоизм первостатейный!
Столько блох, глистов и вшей!
Да какой же ты партийный?
Заразишь тут всех детей!

Балбес

Ладно. Ладно...

Трамвай

Нет, не "ладно"! Вот заладил!
Ты же всё-таки большой!
"Ладно" - значит, будешь гадить.
Отвечай мне "хорошо".
Образумься, дурачина,
Исправляйся поскорей.
Как положено мужчине,
Не себя - других жалеи!

Балбес

Ладно, ладно!

1 октября 1976

КОТЁНКУ

Ты спал со мной, ночной разбойник,
Пушистый, маленький коток.
Ты не давал мне спать спокойно,
Мой неуёмный игрунок.
Когда храпел я что есть мочи,
Своих не чуя задних ног,
По мне ты прыгал среди ночи,

Брал мочку уха на зубок.
А есть хотел ты - на коленях
Мяучил, слезы проливал,
И палец, точно грудь младенец,
Кусал, просительно лизал.
Тебе я был и мать и мячик,
Ты бегал за моей рукой...
Малыш мой милый, так ты начал.
Но как же кончишь, бедный мой?!
Не может добрым тот считаться,
Кто любит якобы людей,
А всякой живности чураться
Привык, что леших и чертей.
Тебе, малыш, грозят такие,
Тебя выбрасывать велят.
Но ты не бойся: люди злые
Моей любви не победят!

6 октября 1976

ЕЩЁ КОТЁНКУ

Прощай, моё душевное здоровье!
Лети, малыш, за тридевять земель,
Где будешь под моей родимой кровлей
Взамен меня на сколько-то недель.
За то, что в дни крутого озлобления,
Душевной черноты и пустоты,
Как первый лучик солнечный весенний,
Моих замёрзших бед коснулся ты;
За то, что сделал нежным, бескорыстным,
Каким себя увидеть я мечтал, -
За всё тебе спасибо, друг пушистый,
Моей любви когтистый идеал!

18 октября 1976

Котёнка мне подарили ребята из школы глухих. Я предполагал переправить его к моей маме, потому с ним и прощался... Но переправить не удалось.

* * *

Где ты, счастье детское,
В книгах так воспетое?
Где веселье детских лет?
Счастья нет. Веселья нет.
Будни же - суровые,
Обижать готовые.
Только книга - верный друг -
Отвлечёт от ранних мук...

3 - 4 октября 1977

БОРОДА

Внука очень удивляет:

Куда бороду деваает
Дед во сне усталом, -
То ль под одеяло,
То ль на одеяло?
Точно дед сказать не мог.
Просит внука: - Дай-ка срок:
Ночью - прослежу,
Утром - расскажу. -
Вот пора на боковую.
Сунул бороду седую
Дед под одеяло, -
Нет, щекотно стало!
Спать щекотка не даёт.
Ладно! Бороду кладёт
Дед на одеяло, -
Нет, прохладно стало!
Так и этак не выходит.
Утром дед насилу бродит,
Аж плюётся: - Тьфу ты!
Не поспал минуты. -
Всё лицо намылил дед.
Бритву взял - острее нет.
Бороду - долой!
Стал как молодой.
С той поры без бороды
Дед не ведает беды
Безо сна лежать, -
Может сутки спать!

13 декабря 1977

ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ И НУЛЬ

Не смириться мне с ужасной бездной
 между мною и детьми.
Жить привык я запредельно дерзко.
 Так же пусть живут они!..
Но едва с грамматикой русской
 Ладят эти малыши.
В их бескнижье, беспроблемье узком -
 Нет простора для души.
Чуть змеится горькая улыбка
 На губах учителей:
"Не у нас - тут у тебя ошибка
 С запредельностью твоей.
Нет, бесспорны наши достижения!
 К нам когда их привезли, -
Одного культурного движенья
 Мы добиться не могли.
А сейчас у нас идёт беседа;

Учимся - пускай не вскачь...
Неужели это не победа?
Разве нет совсем удач?
Пусть не эрудиты наши дети,
Высших взлётов ждать нельзя, -
А попробуй, милый теоретик,
Воспитай-ка от нуля!"
Что мне спорить? Нет нуля в помине.
Да весенний краток срок...
Прозевал - и в жизненной пустыне
Нет дороги к творческой пучине.
Глохнет мысли ручеёк...

23 марта 1981

* * *

- Кем ты станешь, малыш? -
Надрывается сердце в тревоге.
- В чём ты нас убедишь?
По какой зашагаешь дороге?
То ли к людям пойдёшь, -
Добрый, светлый? Увидят все люди,
До чего ты хорош, -
И любить тебя многие будут.
То ль собьёшься с пути,
Злым и хитрым животным поверив,
И таким же, прости,
Станешь злобным, бессовестным зверем?
Кем ты станешь, малыш, -
Резвый нынешний слабенький козлик?
И кого водружишь
На рога свои, сильный и взрослый?..

15 - 17 октября 1981

РЕБЁНКУ

Я втащил бы тебя на свой берег,
Только что бы ты делал на нём?
Ты на слабеньких ножках - уверен, -
И с одним бы не сладил шажком.
Отсидев у меня за плечами
Ноги собственной гордой судьбы,
Ты прохлопал бы сонно глазами
Путь на берег весёлой борьбы.
Сам карабкайся неторопливо!
Я лишь руку тебе протяну.
И не бойся сорваться с обрыва -
Хватит силы не кануть ко дну.
Потому что закон тут железный:
Тем уверенней ты и сильней,
Чем вскарабкался выше над бездной.

Здравствуй! Дальше вдвоём веселей...
...Что за бездна и что тут за берег?
Разбирайтесь уж сами, друзья.
Я всего объяснять не намерен,
Да всего объяснить и нельзя.

26 декабря 1982

ПЛЕМЯННИКУ

Мой маленький, нежный,
чего испугался?
Ну кто тебя смеет
душить?
Я только твой голос
нащупать пытался,
И горло потрогал
твоё...
Не бойся! К себе я
тянул твою ручку,
К гудящему горлу -
и всё.
Ты разве не понял,
малыш, что и сам ты
Всегда точно так же
гудишь?
Не понял? Ну ладно.
Поймёшь, несомненно, -
Пускай только время
пройдёт.
Тогда эти строки
Ты примешь, как будто
Из прошлого века
письмо.

1 января 1983

ПЕСНЯ ПРОВОДНИКА

Маленький, не надо, не грусти.
Я тут, я тут.
Неразлучны мы с тобой в пути.
Я тут, я тут.
Чтобы взял ты свой подъём крутой,
Я тут, я тут.
Чтобы стал и ты самим собой,
Я тут, я тут.
Я - твой старый верный проводник.
Я тут, я тут.
Хочешь окунуться в море книг?
Я тут, я тут.
Хочешь в звуках песни воспарить?
Я тут, я тут.

Хочешь сам что-либо сочинить?
Я тут, я тут.
Не умея сам, хоть ободрю.
Я тут, я тут.
Я тебе всего себя дарю.
Я тут, я тут.
Чтобы взял ты свой подъём крутой,
Я тут, я тут.
Чтобы стал и ты самим собой,
Я тут, я тут.

Конец июля 1983

* * *

Я без крыльев умею летать.
Высоко - не боюсь!
Вам и с крыльями-то не поднять
Ваш чудовищный груз.
Абажуры, и телебардак,
Тряпки, всякую снедь...
Экий, господи, универмаг!
Ни за что не взлететь.
Молча мимо - кому-то назло.
Склочный клёкот: - Чтоб их! -
До чего же вам не повезло
На себя же самих.
Нет, и с крыльями вам не поднять
Ваш чудовищный груз.
Я могу и без крыльев летать:
Лёгкий -
ввысь
так и рвусь!

Мне в лицо загляделся малыш -
Ждёт каких-то чудес.
Ты, конечно, со мной облетишь
Мир фантазии весь.
Мир великой и доброй мечты,
Правды, как ни горька.
Ты меня, если можешь, прости,
Что мечта - далека.
Что никак её не различу
Далеко - впереди.
Потому о деталях молчу...
Подлети, разгляди!

28 - 29 сентября 1983

ПЕВЕЦ

Племяннику

В основном обычное застолье -
Именинное - уж позади.

Тянут женщины о трудной доле
Песню - стон протяжный из груди.
На диван ко взрослым примостился,
Подпевая, мальчик лет пяти.
В хоре детский голос растворился,
Потерялся, - мне б его найти!..
Хорошо, я рядом с этим принцем.
Руку осторожно - к малышу;
Горло робко трогаю мизинцем, -
Голос по вибрации слежу.
Очень точно тянешь в общем хоре.
Не отстанешь и не упредишь.
Ёжишься, с моим мизинцем в ссоре...
Я же тихо трогаю, малыш!
Петь со взрослыми тебе не внове.
Знаешь ли, какой счастливец ты?!
В городе Загорске, в Подмосковье,
Так вот петь - нелёгкие мечты.
Там детдом. Ребята как ребята.
Недоступны звуки им и свет.
К горлу взрослого рука прижата, -
Способа иного слушать - нет.
Несмотря на это - будет время,
Пусть десятилетия пройдут, -
Так же запоют они со всеми.
Может, даже лучше запоют!

29 октября - 1 ноября 1984

НЕВЕДОМЫЕ ОШИБКИ (СТИХОИЗЛИЯНИЕ)

Посвящается соседскому мальчику
десяти - одиннадцати лет

Врач. На что жалуетесь?

Больной. Часто и надолго прерывающийся, поверхностный сон. Неровное сердцебиение, боль в сердце. Причина мне ясна - психоэмоциональный стресс.

Врач. Что случилось?

Больной. Так... Расклеились отношения с одним значимым человеком. Подробности, надеюсь, не нужны?

(Из разговора в кабинете невропатолога)

_ 11. ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА _ 1(ПОДТЕКСТОВКА)

Как

хорошо!

Что есть мочи ты в свирель

Дул-дудел.

Песню в ухо мне свистел,

Свиристел,

Пел сви-

ристел.

Как

хорошо!

Чуть щекотно дул, и пусть,

Ну и пусть!

Знаю песню наизусть,

Наизусть,

Всю на-

изусть!

Как

хорошо!

Оставаясь без тебя,

Без тебя,

Эту песню помню я,

Слышу я

Внутри

себя.

Как

хорошо!

Будто снова ты в свирель

Задудел,

Песню в ухо засопел,

Засвистел,
Засви-
ристел.

7 марта 1986

_ 12. ПОД КОНТРОЛЕМ

Яркоглазый, всё замечающий,
Запрокинув лицо, отступя,
На меня ты смотрел изучающе,
Как на будущего - себя.
Знаю, видно всё неудачное.
Без прикрас под прищуром стою:
Чувства хуже волос разлохмачены,
И на ближних порой плюю.
Бестолковый болтун прилипчивый,
На болячки свои несмотря, -
Беззаботно-лениво-сбивчивый
С физкультурой, с режимом дня.
Я такой - отпираться нечего.
Но такой - далеко не весь.
Умоляю, пусть будет замечено,
Что во мне и хорошего есть.

13 июня 1986

_ 13.

Бывает страшно иногда
С тобой наедине.
Ты кто? Во взрослые года
Твои прозреть бы мне.
Малыш. Загадка бытия.
Вопрос растущий мой.
Я знаю, что люблю -
тебя.

Но кто же

ты
такой?!

22 июля 1986

_ 14.

Я на улице встретила... Явно слепой,
Троостью щупал асфальт кое-как.
По лицу его слёзы стекали порой,
Он дрожал, и неровен был шаг.
Я спросила его: "Что за горе у вас?"
Ни словечка в ответ инвалид.
"Вас куда проводить? Я могла бы сейчас..."
Он бредёт, и дрожит, и молчит.
Подойти я решилась вплотную к нему.
Прикоснулась. Тогда он сказал:
"Я не слышу. Мне надо побыть одному".

Как-то ласково руку мне сжал.
И побрёл. Я не стала к нему приставать.
Только взглядом следила за ним,
Как шатался, мучительно плача опять,
Под неведомым горем своим...

2 - 3 сентября 1986

_ 15.

Я брёл без цели. Начинался дождь.
На остановке - лавка под навесом.
Забился в угол. Прекратилась дрожь,
Но сердцу трудно, больно, как под прессом.
Прогулочка... Так можно околеть.
Да что с тобою? Шевелишься еле.
Любить, сам знаешь, надобно уметь,
А ты совсем не мастер в этом деле.
Хотел бы с ребятишками дружить,
Но дела общего найти не можешь.
И бегаешь на улицу тужить,
Пугая мастеров любви прохожих.
Ну что, просох? Тогда шагай домой,
Учись любить и попусту не ной.

2 - 3 сентября 1986

_ 16.

Что ж, прости меня, если можешь,
Если знаешь, за что прощать.
Страшно снова тебя тревожить,
Скучной дружбой надоедать.
Как же это я дружбу сглазил?
И отрезал обратный путь?
Не умею по спецзаказу
Быть весёлым - не обессудь.
Видно, опыт общенья зыбкий,
Ненадёжный... Прости, родной,
За неведомые ошибки,
Раздружившие нас с тобой.
Я наказан за них сурово -
Заскучал ты со мной, малыш...
Без игрушки, затеи новой
Вновь ко мне ты не прибежишь.

11 сентября 1986

_ 17.

Мой мальчик, мне работать надо.
Моя ошибка в том, видать,
Что - лишь бы ты резвился рядом, -
Готов я к чёрту всё послать.
Всем существом, как зверь из клетки,
К тебе я рвусь - и надоел.

Я должен быть как праздник редкий,
Просвет меж многих срочных дел.
Я жить своею жизнью должен.
В судьбу чужую не ломаясь,
В свою зову детей побольше
Влетать, у двери не топчась.

11 сентября 1986

_ 18.

Пока, малыш! Всё реже видимся.
И нету смысла разбирать,
Кто на кого из нас обиделся;
Всё проще: не во что играть.
Я предлагал - ничто не принято.
Насильно же не будешь мил.
Вот отрешённо и покинуто
И жду, что т'ы бы предложил.
Вихрь нежности в душе уляжется -
Начнётся творческий прибор.
Ведь я перебесился, кажется:
Могу прожить без встреч с тобой,
К тебе тянусь не так уж... Терпится,
Но днём ли, ночью ли - увы, -
Вокруг тебя все мысли вертятся:
Не выкинуть из головы.
Мне лучше бы всего желанного
Тебе вконец не надоесть,
Сдружиться в новых играх заново,
Побольше книг с тобой прочесть...

13 сентября 1986

_ 19.

Не принял ты робкой ласки.
Отпрыгнул к дверям в ответ.
Спасибо, малыш, за встряску:
Я вспомнил, что я - поэт.
Ведь я-то ещё до встречи -
До первой - тебя люблю.
И раз ты отпрыгнул, кузнечик, -
Я в этом себя виню.
Я так огорчён, однако,
Тем шустрым скачком блохи,
Что впору завывать собакой,
Не то что - писать стихи.

13 сентября 1986

_ 110.

Нет, стихи не сочатся кровью.
Они суть эта самая кровь,
Что сочится из душ, любовью

Сплошь израненных - вновь и вновь.
Из души протекают сами,
И, до капли стекут пока,
Ни лекарствами, ни трудами
Их не высушить родника.

15 сентября 1986

_ 111.

Нечем видеть мне тебя, мой мальчик,
Слышать речи и дела твои.
Не подходишь - тебя нету, значит,
Пусть на деле где-то и вблизи.
Наблюдаешь, может, чем я занят;
Слушаешь, что говорю другим...
Ты - о прошлых наших встречах память,
Не возмёшь пока моей руки.

15 сентября 1986

_ 112.

За дружбу тебе спасибо,
Как вышла ни коротка.
Уверенность лишнюю сшибло
С меня - хотя бы слегка.
Я думал, что знаю немного
Детей, да куда там знать!
Любому своей дорогой
Ко взрослой жизни шагать.
Спасибо за время вместе,
Что ты уделил мне сам.
До боли ты был прелестен,
Карабкаясь по стеллажам.
А как до десятого пота
Гонял меня быстрой ходьбой!
Спасибо за эту заботу,
Единственный тренер ты мой.
До самой минуты смертной
Я в памяти сберегу,
Как верил в меня ты безмерно,
Что всё - захочу - смогу.
Но я-то дружил неумело,
И дружбу не смог сберечь.
Не смог ни игрой, ни делом
Надолго тебя увлечь.
Играли, читали вечером,
Но скоро ты заскучал,
И стало вдруг делать нечего,
И ты от меня сбежал.
Как пищу, ты пробовал только
Играть и читать со мной,

Но вкуса не понял толком
Ни в чём - дегустатор плохой.
Мне горько до боли сердечной,
Почти не спится давно...
Спасибо, учитель беспечный,
За этот урок всё равно.
Разбитое вряд ли удастся
Когда-нибудь склеить... И пусть:
На опыте этом несчастном
Дружить наконец научусь.

15 сентября 1986

_ 113.

Я лирику писать задумал прозой.
Не тут-то было! Взбудоражен так,
Что разразился тошнотворной дозой
Стихов плаксивых: мол, я не мастак
С детьми дружить, а потому дурак.

15 сентября 1986

_ 114.

Малыш, я проиграл с тобой игру.
Пока ли, насовсем - не разберу.
Любя тебя серьёзно чересчур,
Я был, когда смеяться надо, хмур.
Любил бы я чуть меньше, - в самый раз, -
С тобой бы мы играли посейчас.
Такой вот поучительный урок
Я из игры проигранной извлёк.

16 сентября 1986

_ 115.

Нет худа без добра. Мы не играли,
Зато стихи о нашей дружбе есть:
Как дружбу мы случайно потеряли,
И как я изошел тоскою весь.
Спасибо, юный друг мой, за сиротство,
За то, что время дал на рифмоплётство.
Но время лучше б я провёл с тобой,
Не сочинивши строчки ни одной.

17 сентября 1986

_ 116.

Боль пронзила меня насквозь.
Я от боли устал безумно
В те недели, что были мы врозь, -
И теперь отдыхаю бездумно.
Кто там первый к кому подошёл,
Выяснять я не стал бы, право.
Мальчик мой, нам опять хорошо,
Потому что мы вместе, - правда?

Хоть я в будущее устремлён,
Хоть обычно мне в лучшее верится,
Но сегодня боюсь: это сон,
Что в осеннее утро развеется.

21 сентября 1986

_ 117.

Раньше просто был незнаком.
Юным другом ты стал потом.
Друга вдруг не видеть - в другом
Или в прежнем? - в тебе самом.
По-другому теперь чужой.
Раньше был ты - ещё не свой,
А теперь ты - уже не свой, -
Без условий, совсем чужой.

9 октября 1986

_ 118.

Чужой... А днём и ночью мысли
Все как-то связаны с тобой.
Ищу для нашей дружбы смысла
В затее, выдумке любой.
Возможно, точку ставить рано.
Пока мне больно от любви,
Нельзя назвать меня чурбаном, -
И всё, возможно, впереди.

10 - 11 октября 1986

_ 119. ССОРА

_ 1(ПЕРЕВОД С ДЕТСКОГО)

Я не твой, а ты не мой.
Я тебе совсем чужой.
Ты хороший ли, плохой, -
Очень скучно мне с тобой.
Я с тобой играть хочу.
Я тебя играть учу,
И командами верчу,
И порой в сердцах кричу.
Шепчет нежности язык
Твой, а ты в игру не вник.
Взял надулся на мой крик
Бестолковый ученик.
Ходишь хмуро стороной...
Ты партнёр в игре плохой.
Фильм смотреть бегу домой.
Я не твой, а ты не мой!

22 - 23 октября 1986

_ 120. БОЛЕЗНЬ

_ 1(ПЕРЕВОД С ДЕТСКОГО)

Больно... Больно... Не люблю болеть!

Отпустите на морозе бегать!
Как умею, буду здороветь, -
Строить-рушить крепости из снега.
И не трогайте меня совсем.
Есть хочу, но предложите кушать, -
Ничего не выпью и не съем!
Сказок ваших не желаю слушать!
На живот - на боль - я молча лёг,
Да не вдоль кровати - поперёк.
Просто мне так нравится лежать!
Ничего не смейте замечать!

24 ноября 1986

_ 121.

Ты не мой, говоришь?.. Успокойся: не твой.
Никогда и не думал владеть я тобой.
От меня ты свободен, малыш. Ну, а сам я
От тебя не хочу быть свободным: я твой.

26 ноября 1986

_ 122.

Слушай, малыш, для чего же
Всё усложнять, дорогой?
Я же люблю тебя всё же!
Рад быть подольше с тобой.
Радость должна быть взаимной.
Надоедать не хочу.
Скучен ли? Прямо скажи мне.
Не уклоняйся, прошу.
Если же скучен тебе я,
Скуки моей не терпи.
Прямо скажи, не жалея,
И прикажи мне уйти.
Раз я дружил неумело,
Должен уйти без обид.
Но - не твоё уже дело,
Очень ли сердце болит.

27 ноября 1986

_ 123.

Говорят, что дети к взрослым прилипают.
Сам таких и правда иногда встречаю.
Но с тобой иначе: я к тебе прилип,
И не ты мне, мальчик, - я тебе мешаю.
Если даже ты и вправду одинок,
Не ко мне бы сердцем потянуться смог.
Видно, как ни трудно, мне уйти придётся
От тебя на долгий - бесконечный - срок.
Бесконечный - ибо не придёшь незванно.
И наступит время: вспомнить будет странно,

Что к тебе я плёлся, все свои дела
Срочно бросив ради встречи долгожданной.

28 ноября 1986

_ 124.

А в сердце у меня всё безнадежнее,
Опустошённое и толстокожее.
Наверно, скоро уж конец терзаниям,
А вместе с ними - стихоизлияниям.
Что научусь играть - давно не верится.
Малыш, моим упрямством дружба держится,
Но я на мир гляжу совсем устало.
Упрямства рядом быть - почти не стало.
И вот я дружбе подвожу итог.
Ты много дал понять мне и почувствовать
Забавного и очень-очень грустного.
А я тебе едва ли в чём помог...

29 ноября 1986

8 января 1991

_ 125.

Около двери квартиры моей
Только что присланных книг - завал.
Что для моих малолетних друзей,
Что для себя - я почти разобрал.
Нет, не заметил я, кто и куда
Мимо меня из соседей прошёл.
Может, и ты - моя беда,
Счастье и полузатихшая боль.
Не подошёл по-соседски ко мне,
Не поздоровался кто-то... И пусть!
Я повернулся лицом к стене.
Книжным завалом опять займусь.
Горький мой друг! Если б ты знал!..
Вырастешь, впрочем, - узнаешь тогда.
Нет, я нарочно не замечал,
Кто это был и вошёл куда.

11 декабря 1986

_ 126.

Ну, спасибочки, милый:
Заскочил, передал,
Что сказать попросили, -
И немедля удрал.
Мальчуган, что за срочность?
Ни "привет", ни "пока".
Ты ведёшь себя, точно
Оскорблён на века.
Что и думать, не зная,
Неподвижно сижу.

Чем обидел тебя я?
Нет, ответа не жду...

18 декабря 1986

_ 127.

Знаю, мальчик: за ласку сурово
Ты накажешь меня, дурака.
Но при встрече мне хочется снова
Тронуть нежную щёчку слегка.
Если трону - котёнком отскочишь.
Чёрт не сыщет, куда ускользнёшь.
И разыскивай, дядя, как хочешь, -
Всё равно ни за что не найдёшь.
Неуклюжие дяди не словят
Подвижное, как ты, существо.
...Да, люблю! Что в любви-то плохого?
Всех детей! И тебя - одного...

20 декабря 1986

_ 128.

"Вот не дам же руку,
И как хочешь плачь!
Будешь знать, как скуку
Нагнетать, палач!
Продразню до смерти,
Прошучу до слёз.
Чтоб тебя все черти
Жгли в аду насквозь!"
Знаю, ты не понят
Мною. Всё равно:
Я собою донят,
Осуждён давно.
Сам за то, что скуку
Ты со мной терпел,
Присудил я муку
Адскую - себе.
Мука, что не должен
Я с тобой дружить.
Вряд ли черти больше
Могут досадить.

24 декабря 1986

_ 129.

Ты взял моё сердце, мальчик,
Немного им поиграл, -
Но, вымазав кровью пальчик,
Швырнул в болевой провал.
А сердце обратно хочет
В ладони твои, как в дом;
По капле в тоске кровоточит

Горячим густым стихом.

8 - 9 января 1987

_ 130.

Убегу... Пускай поищет,
Погоняется за мной.
Пусть бормочет, пусть ручищей
Воздух щупает пустой.
Что же он уселся в кресло,
Стал читать, осёл такой?!
Так играть неинтересно!
Я тогда пошёл домой!

21 января 1987

_ 131.

Возились мы под окнами твоими.
Возможно, видел нашу ты возню -
И злился, что мне весело с другими,
И убегал в квартиры глубину.
А может, ничего ты и не видел.
А может, всё равно тебе и впрямь.
Я не назло! Любую клятву дам.
Рад буду, если к нам возиться выйдешь...
Но, точно муху, гнал меня ты сам,
И звать боюсь тебя. Придёшь без зова -
Удастся, может быть, сдружиться снова.

9 марта 1987

_ 132. ПАМЯТНЫЙ УРОК

Меня твоё тревожит имя,
Разочарованный твой взгляд.
Я познакомился с другими,
И тем ребятам тоже рад.
Надеюсь, будет с ними легче.
Пусть реже встречи, но полней.
Дружить мы будем дольше, крепче,
И жить мы будем чуть сносней.
Давно ты вырастешь каким-то -
Безмерным счастьем иль бедой.
Но в сердце, горечью пробитом,
Десятилетний облик твой.
Он не тускнеет, не стареет
С теченьем времени, пока
Любовь к детишкам жжет и греет
Насквозь поэта-чудака.
Сквозь новую любую радость,
Сквозь дружбы новые мои
Ты издали печальным взглядом
Хранишь и жжёшь меня с детьми.
Да, ты мне вечным стал упрёком,

Уроком, как нельзя дружить.
С тобою опыт вышел боком.
Тебя мне, мальчик, не забыть.
12 декабря 1986 - 27 сентября 1996
_ 133.

Не сам ты, а явно прислан -
Вернуть с благодарностью вещь...
К каким же ты бякам причислен,
Несчастный, что снова здесь?
Узнал я тебя не сразу.
Стараясь вежливым быть.
Не ссорились мы, но базу
Утратили, чтоб дружить.
Недавно имел я счастье
Надеяться, дорогой,
Что дверь в твою душу - настежь,
Да я не попал - слепой.
Теперь ты, как взрослые, должен
Быть холодно-вежлив - и всё.
Надежд не питаю больше.
Закрылся ты на засов...

29 мая 1987

_ 134.

Помнишь, как нелепо мы расстались?
Просто я не выдержал тебя.
Я в письме дурацкий дал анализ...
Кто ж анализирует, любя?!И не раз я кровью на страницах
Закреплял с тех пор стихи мои.
От тебя я думал излечиться
Дружбой со всё новыми детьми.
Только не было подобной вспышки
Нежности и боли с той поры.
Правда, больше стали ребятишки
На привязанность ко мне щедры.
Как мы оба держимся несмело!
Как я виноват перед тобой!..
Пустяковое найдётся дело,
Сделаем - и сразу я домой.
Вместе пять минут. Обидно мало.
Целых пять часов, а то и дней,
После у меня всегда бывало
На душе тоскливей и теплей.
И когда мне руку жмёшь при встрече,
Чувствую безмолвный твой порыв,
Потому что жмёшь - куда уж крепче...
Значит, я в твоём сердечке жив.

22 апреля 1989

_ 135.

А ведь зд'орово! Всё прошло.
До чего же мне повезло,
Что влюбился я не шутя
В замечательное дитя.
Встреч боялся с ним - и искал.
Вовсе голову потерял.
За стихом сочинял я стих...
Перечел эти строки - и
Рассмеялся вдруг от души:
Откровенный, наивный псих!..
Всё прошло. А любовь жива.
Но - прохладнее голова.
Нежность, как никогда, мудра.
Ко мне тянется детвора...
Ты, малыш, меня проучил.
Я б умнее сейчас любил.
Смог бы дать много больше, но -
Без меня ты вырос давно.
Не исправишь ничем бывшего.
Виноват я перед тобой.
Наказал ты меня сурово,
И за это - поклон земной.

28 сентября 1996

ВОСПИТАНИЕ

Влияние - не симфония:
Разгромная - какофония.
С привычками наготове,
Всему, что не мы, вопреки,
Живём без учёта условий, -
Блаженные дураки.
Во встреченного ребёнка
Немыслящие тела
Привычная жизни гонка
Воткнула - не сберегла.
И вдребезги детство раннее.
Осколки дробятся опять.
Вот это и есть - "воспитание".
Вот это и значит - "влиять".

12 октября 1986

* * *

Окрики... Нудно визглива мораль
Кодекса, в собственной жизни забытого.
Взрослая тупость прочна, как асфальт:
Вечно одёргивать - значит "воспитывать".
Освободиться бы от забот
Долга, привычностью жёсткой тяжёлого.
Просто дружить бы с детьми... Да вот -
Страх идиотский: "Сядут на голову".
Больно, что нежность - вынужден скрыть.
Больно от тайного одиночества.
Невыносимо больно - любить,
Но без любви - опустеешь дочиста.
Вдребезги бы - не разбить у детей
Воображения доброго, дерзкого, -
Тупостью взрослой... Всего больней -
От безразличия вялого детского.

26 октября 1986

* * *

Не прощая скуки безбрежности -
Что я выдумщик в играх плохой, -
Избегают несмелой нежности,
Не хотят водиться со мной.
Неумело, уныло любящий,
Уходящий в себя молчун,
Я, наверное, хуже Будущим,
Чем муштрующий грубый крикун.
Хоть какую-то догму - не истину -
Он вколотит в детей, бранясь.
Лишь сочувствие дряблое выстону

Им неслышно, погладить боясь...

26 - 27 октября 1986

ГЛАЗА

Мне внушил эту песню грустную
Обжигающий детский взгляд.
Я не вижу его, но чувствую,
Потому что люблю ребят.
Ослепительно яркими, ждущими
Неизвестно каких чудес,
А за скуку обидой жгущими,
Я глазами изучен весь.
Где бы ни был я, в чьё бы творчество
Ни вникал, с пустотой борясь,
Исковерканный одиночеством, -
Под контролем всегда у глаз.

1 ноября 1986

НАЧАЛО

Жутко - слеп и глух - необычен.
В первый раз - наутёк готов.
Всё же издали - симпатичен.
Весь - до кончиков пальцев - нов.
Интересно: ничуть не жалок!
Знать бы только дактильную речь...
...Начинается всё сначала -
Упоение первых встреч.
Что-то будет потом?.. Увянет -
Неизбежно - вся новизна.
Скоро дружба со мною станет
Утомительна и скучна.
Необычности только мало,
Чтобы дружбу надолго сберечь...
Но пока опять - всё сначала.
Упоение первых встреч.
Как ни выйдет, так пусть и выйдет.
Нам бы, чтобы дружить не зря,
Души наши суметь увидеть,
Друг у друга, что лучше, взять.
То, что взято, пускай хоть мало
В жизни греет нас из-за плеч, -
Из сегодняшнего начала
Долгих либо коротких встреч.

4 ноября 1986

Дактильная речь - пальцевый (дактильный) алфавит для
беззвучного общения.

ДОМАШНИЙ И КАЗЁННЫЙ

Ещё один вывод - к прочим,
Влюблённого сердца взбрык:

Жалует ласку не очень,
Кто к жизни с мамой привык.
Из жёсткости школьной, казённой
К маме домой спешит
Счастливый домашний ребёнок,
Что лаской по горло сыт.
Домашний - поэтому дикий.
Он вмиг ускользнёт, как ртуть,
Когда погладить с улыбкой
Его по головке дерзнут.
А мы-то без передышки
В казённом уюте живём.
Не может быть ласки слишком,
Когда дисциплина кругом.
Всегда под угрозой взбучки, -
Нарушишь режим, нашалишь...
Охотно ко мне на ручки
Идёт казённый малыш.
И дома, конечно, может
За дело и так попасть.
Но мама же любит всё же,
Как там ни бранит подчас.
Вольготно и дома не слишком.
Да вовсе ведь не гульни,
А мало казённым детишкам
Беспорности нашей любви.

24 ноября 1986

* * *

Нету любви. Вожделение
Голых телес только есть.
Ну, и притом выделение
Клейких - хе-хе- веществ.
С "шуткой" такой утробной
Жизнь на помойку брось!
Даже понять неудобно,
Что полюбить удалось.
Маленького ребёнка
На руки страшно взять:
Некто заметит тонко
Лаской прикрытый разврат.
Сволочи! Как испохабили
Слово - из лучших слов!
Ржанием жирным изгадили
Чистое чувство - любовь.

12 декабря 1986

* * *

Чтоб я на колени мир сажал?!

Чушь! Я возле бы себя собрал
Со всего бы мира малышню...
Только чем их дружбу сохраню?

23 - 24 декабря 1986

* * *

Я выстрадал, и выплакал, и высказал
Стихом и прозой боль, как мог точнее.
Но та же боль всё так же сердце стискивает
От неумения любить детей.
Привлечь могу, но нечем их удерживать
У своего неяркого костра.
Всё хорошо по новости, по первости,
А дальше - вновь маячит пустота.
Я выдержу любое одиночество.
Я без чего угодно обойдусь.
Без детской только дружбы жить не хочется,
Да вот никак дружить не научусь...

24 декабря 1986

* * *

Я фантазировал только
Вслух - ведь язык без костей.
И не вживался я толком
В общие игры детей.
Руки остались незрячи -
Были в игре ни к чему.
Как же теперь-то в ребячьи
Общие игры войду?
Нынче выходят мне боком
Все мои детские "не".
Детство моё, педагога
Ты убиваешь во мне.

24 - 25 декабря 1986

* * *

Не было солнца, но ярче не надо.
День осветили - вы.
В снег я сначала нечаянно падал,
Ну а потом - для игры.
Сердце теплеет пока осторожно.
Тянется к детству рука.
Мальчик, скажи, а к щеке твоей можно ль
Мне прикоснуться слегка?

26 декабря 1986

* * *

Знаю теперь, что такое любовь.
Это - когда ребёнок
В сердце с разбега устроит кров,
Ярок и смехозвонок.

На двухнедельные времена
Сердце - его квартира.
Он озирается из окна
В новых окрестностях мира.
Мне - разучиться от нежности спать,
Маленьким принцем грезить;
Всё опасаться: вот-вот опять,
Как появился - исчезнет...

26 - 27 декабря 1986

СТРАХ

Неужели опять всё то же?
Взрыв любви, ребятишки - друзья.
Как ни бит, я не понял всё же:
Всё во взрыве сжигать нельзя.
Как болело! Но снова - безделье,
Разделённое с детворой;
Но веселье на час, а похмелье -
Снова длительный шок болевой.
Не крепиться - от скуки, по счастью,
Не получен последний удар, -
А с холодной, стремительной страстью
Надо срочно гасить пожар.
Всем готовы заняться покуда,
Лишь бы вместе со мною быть...
Нет уж, больше теряться не буду,
Что нам делать, о чём дружить.
Бойся, бойся беды грозящей!
Нужен долгий совместный труд.
Пусть ребята смеются чаще
В общем деле - не как-нибудь.

27 - 28 декабря 1986

У многих это получается... Но не у меня...

* * *

Ниоткуда не ушёл.
Никуда я не пришёл.
И прийти не должен.
Прыгать, бегать хорошо, -
Так чего мне больше?
По словам учителей
И других моих друзей, -
Взрослых, умных очень, -
Должен я расти скорей,
Хочешь там не хочешь.
Я и так уже большой!
Словно шарик надувной,
Шар планеты знаю.
Пред учебной новизной

Рот не разеваю!

13 - 19 января 1987

* * *

Ну брось! Не долдонь! Чего ты
О скучных делах твоих?
У взрослых всегда заботы,
Да нет нам дела до них.
Зачем о твоих проблемах
Мозги нам с тобой ломать?
Забудь ерунду на время.
Давай-ка лучше играть.
Ищи нас, лови, потей,
В гоньбе на весь двор пыхтя!
А взрослых у нас на шеях
Довольно и без тебя.

13 марта 1987

* * *

В. М.

Хорошо мне тебя облапить,
Прикоснуться к твоей щеке,
По головке тебя погладить,
И признаться в любви к тебе.
Смыться сразу тебе неловко,
А удрать бы давно готов...
Знаю сам, это всё дешёвка.
Скука с ласками - не любовь.
Поиграть бы, да вот надсада, -
Не осилить её никак, -
Если быстро придумать надо,
В голове у меня сквозняк.

18 апреля 1987

* * *

Позабыл
все пути,
Что прошёл однажды, -
А берусь
довести,
Как нахал не каждый.
Я там был.
Я тут есть.
Горе - брёл в тумане.
Как сумел
сам добрость -
От меня же в тайне.

21 апреля 1987

15 февраля 1991

* * *

До сих пор я не был педагогом -
Только лириком сопливым был.
Сам себя судил за это строго,
Но с детьми сам грелся - не учил.
Хорошо во мне бы хоть немного
Педагог поэта потеснил!..

22 апреля 1987

27 сентября 1996

ТРОЛЛЕЙБУС

В лагере везде дорога.
Значит, бездорожье.
Мне ходить - нужна подмога,
Но я скромный тоже.
Я за нитку ухватился
И в троллейбус превратился:
Помогает путеводная нить
Умывальник самому находить.

6 июля 1987, "Салют"

"Салют" - первый в моей жизни пионерский лагерь в
Лужском районе Ленинградской области. Был ещё "Салют" в
Евпатории. Если ниже после даты написания стоит название в
кавычках - это название лагеря, где написано данное
стихотворение.

ЦЕПЬ

Мне мальчик самодельную
Вдруг дарит - цепь.
Что делать с ней? Заведомо
Вопрос - нелеп.
Кто скукой в жизни мается,
Тот глух - и слеп.
Всю скуку бы - навечно бы -
К столбу - на цепь!

7 июля 1987, "Салют"

* * *

В безделье - зевотой рот
Свело. Голова пуста.
Тогда барабанщик бьёт
Тревогу - и неспроста.
Отбейте тревожный марш
По этой башке пустой!
Девиз беспощадный наш:
"Из жизни скуку - долой!"
Не вол, покорный судьбе, -
Большой мечты властелин.
Всегда, во всём и везде -
Готовность номер один.

19 - 20 июля 1987, "Салют"

ДВЕ СКАЗКИ

Из жуткой сказки, почти беззвучной,
Бесцветно тусклой, безмерно скучной,
Из страшной сказки хочу в другую -
Хочу в "салютовскую", смешную,
Беспечно яркую, озорную,
Певунью звонкую хоровую,
Бесстрашно добрую, просто нежную,
В красивой выдумке безудержную.
...Брось! не морочь себе головы.
Ты не сквозной персонаж, увы.
Закрыты наглухо все пути:
Из сказки в сказку - не перейти.
И то спасибо, и то награда -
С нормальным детством пожил ты рядом;
Узнал, какое оно должно быть
У горькой доли детей особых, -
Как ты, из этой же сказки страшной
О том, что жить иногда и зряшно.

26 - 27 июля 1987, "Салют"

ДВА БАЯНИСТА

Баянист-виртуоз!
Ты же мастер, судьба твоя в пальцах.
Сам себя перерос
Ты в любимых частушках и вальсах.
Я готов тебя слу-
Шать, когда настроенье случится.
Но в нору заползу,
Если вдруг отчего-то всхандрится.
Ну, а если баян
В неуверенных пальчиках блеет
(Музыкантик не рьян,
Потому что еще не умеет), -
До себя не дорос-
Шего слушать готов терпеливо.
Как растет виртуоз,
Примечая по шатким мотивам.

19 октября 1987

25 февраля 1991

* * *

Под осторожной рукою моей
В смехе раздвинуты щёчки детей.
Что за причина веселья ребят?
Знаю одно: это я виноват.
Нет, не насмешка. Уверен вполне:
Добрая радость навстречу ко мне.
Подслеповатым умом не дойду,

Чем заработал я их доброту.
Ум - хоть инсульт! - не постигнет никак,
Что доброта и любовь - просто так.

21 - 22 октября 1987

БЕССОННИЦА

Кончилась дневная суетня.
З'а полночь. Пора бы отключиться...
Только не дают покоя лица -
Дорогая сердцу ребятня.
Снова сердце бьётся напряжённой,
Заряжаясь памятью ладоней,
Словно пальцы наяву скользят
По щекам, губам полуоткрытым,
Волосам, расчёскою забытым,
Всех живущих на земле ребят.
Все вы кровная моя забота,
С вами нет ни ночи мне, ни дня...
Обступило, требует чего-то
Будущее мира - от меня.

10 декабря 1987

БЛАГОДАРНОСТЬ

В.М.

Нельзя благодарить, а то,
Спугнув, жалеть придётся зря.
Спасибо, мальчик мой, за то,
За что благодарить нельзя.
Спасибо, что к себе позвал,
Ни капельки не заскучал,
За трудной шахматной игрой
Весь вечер проведя со мной.
Спасибо (пусть нельзя!) тебе,
Что меньше моего робел,
Что добрым, терпеливым был...
Я б сам вниманья не просил.
Я в робости своей упрям.
И если б не пришёл ты сам,
Читал бы я, или писал,
А сердцем - оледеневал.
...Но сегодня я обогрет.
Снова сносен мне белый свет.
И, обласканная, проста
Зеленеет опять мечта:
Самого себя детворе
Высшим призом вручить в игре.
Я, не выигранный никем,
Сам себе не нужен совсем.

30 - 31 декабря 1987

* * *

В детстве по-русски я говорил.
Славно язык мой подвешен был.
Даже придумать пробовал стих.
И не терзался ничуть о других,
Что иностранцами рядом росли,
Толком двух слов связать не могли:
Каждая фраза им - тяжкое бремя...
Это была не моя проблема.
Прежней беспечности больше нет.
Клином на детях сошёлся свет,
Всем бесконечно мне интересных,
Только глухих - потому бессловесных.
Нет у меня заботы важней,
Чем ословеснить этих детей.

31 декабря 1987

* * *

В.М.

Приди, поиграй со мной рядышком, если не
трудно, -
Мне просто тепла твоей близости недостаёт.
Займись чем угодно. Мешаться не буду занудно:
Тошнит меня от воспитательских взрослых забот.
Я жёсткий: из тех, что не всякими тронешь
слезами.
Покуда ты маленький, сил нет - быть жёстким с
тобой.
Прошу разрешить - не могу потому что глазами, -
Подушками пальцев тихонько следить за игрой.
Прекрасная, хоть и досадная взрослым, повадка:
От скуки малыш убежит - не удержишь ничем.
Как всякой игрушке, мне может быть очень не
сладко.

Игрушек, сердиться умеющих, нету совсем.

2 января 1988

* * *

Скоро мне - тридцать пять. Вновь тринадцать - не
будет.

Барабанщику, грамоту мне не присудят
За безвестные доблестные дела,
За активность (которая, значит, была).
Награждающим ведомо, несомненно,
Что меж прочих я самый обыкновенный,
И в такой же казённый, но не праздничный час,
Мне припомнят обычность мою не раз.

2 января 1988

РОБОСТЬ

В.М.

Ты, в углу застывши отдалённом,
В полумраке, не включая свет,
Загляделся, как я увлечённо
На бумаге закреплял свой бред.
Ты приблизился. Нашупав руку,
"Что?!" - тебя вопросом я смутил.
"Ничего!" - меня ответом стукнул,
И хотел немедленно уйти.
Милый мальчик, "ничего" - неправда.
Ты о чём-то попросить хотел.
Знаешь, говорить мне правду надо,
Чтобы я тебе помочь сумел.
Верить сам хочу, что ваш до гроба,
Что на помощь вам всегда готов.
И откуда в вас, ребята, робость -
Грубая, из острых вся углов?

2 января 1988

СУЕТА

Скуку детям бы разогнать,
Умной ласки бы им добавить...
Нет, сначала - довоевать,
На колени врагов поставить.
Зная, что нам враги должны,
Сами долг свой не платим взрослый.
Не закончим никак войны
За детей, что давно в забросе.
Сорняками растут они,
Пока взрослые суеются.
Протекают за днями дни;
Хватит - и годы уже промчатся.
Передачи, журнальный шум,
Речи - нету конца дебатам...
Суета захлестнула ум...
...Отпустите меня к ребятам!

1 февраля 1988

* * *

Слишком ты нежный, брат.
Юмор твой где же, брат?
Очень ты скушный, брат.
Ну-ка расслабься, брат!
Брось размышленья, брат.
Брось ожидания, брат.
За руку тронул - кто?
Сразу отпрыгнул - кто?
Словно обжёгся - кто?
Что же ты вздрогнул, брат?

Что вмиг напрягся, брат?
Мальчик играл, - ты рад.
Слёзы в глазах - так рад...
Больно ты нежен, брат.
Слишком ты скован, брат.

5 мая 1988

4 октября 1996

* * *

Очень глупо искры высекать,
Раз пожар не думал угасать.
У меня пожар любви к ребёнку.
Положи на сердце мне ручонку.
Слышишь? Пульса взвинченная рысь.
Видишь? Из-под пальцев - веер искр.

2 июля 1988

В ПОЕЗДЕ

Вот мы и в пути, моя совесть, -
Живая, на верхних полках.
Мы вместе опять, моя совесть,
На месяц - на очень долго!
Защиты прошу, моя совесть:
Мне склока

выходит боком.

Совета прошу, моя совесть, -
Прощенья -

за отчуждение.

Я прожил ужасный год,
Бессмысленных полный забот,
Отравленный склокой и сплетней,
Бессовестный - то есть бездетный.

30 июля 1988,

Москва - Ленинград

* * *

Мальчик воду прошел -
этажи затопил.
Он прошел и огонь -
дом едва не спалил.
Ну, а медными трубами
Нас не пугайте, -

Парня

глоткой лужёною

Бог наградил!

19 ноября 1988

* * *

Просто так...

Приеду поболтать,

С детворой немножко повозиться.

Просто так...

А как им будет житься,
Когда взрослыми придётся стать?
А какое им под силу счастье?
Что уменья хватит одолеть?
Лишь не превратились бы в запчасти
Для конвейерных бездушных лент!
Лишь бы сбросить гробовые крышки
С будущего взрослого ребят.
...Глубоко же в сердце ребятишки
Сладкими занозами сидят!..

19 ноября 1988

* * *

Как хорошо любить немного издали
У края лагерной купальни-пристани.
А на другом краю рыбачат мальчики.
И лески донок чутко держат пальчики.
Колдуют, с рыбой и рекой беседуют,
На лёгкий ветерок беззлобно сетуют,
Что лески чуть колышет (им же чудится:
Вот-вот рыбацкая мечта их сбудется).
Но через лески, точно ток по проводу,
Течёт в их души радость, - не по поводу,
А просто так - беспечная, бездумная...
"И хватит с вас", - решает рыба умная.

29 июля 1989, "Салют"

* * *

Вот играют мальчики "в руки".
Заменяют руки весь мир.
Не предложит лучшей игрушки
В мире никакой "Детский мир".
У ребят не семь на неделе -
Сорок девять пятниц с утра:
То каприз и плач, то веселье;
Взрослым - тучу с неба убрать.
Милый мой живой беспорядок...
Бродят пальчики - по лицу...
Ребятишки были бы рядом -
Больше ничего не хочу.

10 - 11 августа 1989, "Салют"

* * *

Не сдержала мать боли и гнева:
"Лучше б девочка умерла!"
Шла ногами вперёд из чрева.
Не жилища уже была.
Тяжело простудилась крошка.
Не помогут молитвы ничьи.

Чтобы выручить хоть немножко,
Залечили её врачи.
Внутривенно - в височную жилку -
Дрянь кололи от воспаления...
Не пустили малышку в могилку,
Да лишили слуха и зрения.

17 октября 1989

* * *

Вас бы радостью мне согреть,
Чтобы детство добром помянули.
Мне-то в цирке нечем смотреть,
Нечем слушать...

Я в вестибюле

Поработаю, подожду,
Пока выскочите в антракте.
Вашу радость в руках подержу, -
Моё счастье - в этом контакте.

16 ноября 1989

* * *

Кто там первый, кто второй,
Кто - придумал, кто - проделал...
И - всерьёз - делёж такой
Среди взрослых! Надоело!
Сам "контактовец" я, но -
Не могу поверить в чудо:
Дети рвутся не в кино,
А туда, где очень трудно.
Дети - детям - помогать -
Инвалидам - рвутся честно.
В человечность поиграть -
Это очень интересно!
Труд-игра второй уж год
В человечность - не в другое.
Сам себя разинул рот:
Да возможно ли такое?!
...А поглубже загляни:
Чуда нету. Дело чисто.
Ну, откуда же они
Среди взрослых - гуманисты?..

17 ноября 1989

* * *

Фестиваль детей-инвалидов...
Сгусток жуткий горя всех видов:
Паралитики - и глухие,
тугодумные - и слепые.
Посмотрите, как много можем!
Убедитесь: мы люди тоже.

Не держите нас на отшибе,
Обрекая наш дух на гибель.
И увечий наших не бойтесь.
Не обуза мы - успокойтесь.
Нет, не кланчим ваше участие.
Сами можем дарить вам счастье.
Мы на равных сдружиться можем.
Лишь поверьте: мы люди тоже!

19 декабря 1989

* * *

Ах ты, мальчик, - комплекс ручек, ножек!
Позже - комплекс страха и обид!
Быть самим собой никак не можешь.
Крепко в маску взрослого забит.
Всё понятно. Беззащитны дети.
Мир души доверчиво раскрыт, -
И гуляет в нём влюблённый ветер,
За доверие благодарит.
В мире детском - свежий воздух только,
Да неяркий, ровный, добрый свет...
Но насмешка жирная надолго
Оставляет в нём зловонный след.
Всё в тебе-де неоригинально,
Всё прямолинейно - примитив,
По-телячьи эмоционально, -
Ну, ты недостаточно фальшив.
Ни за что и ни про что обхаркан,
Душу глубже спрятать норовишь:
Может быть, подобного "подарка",
Спрятав душу, легче избежишь.

21 января 1990

ВЗДОХ

"Война! Бомбят! Горим!" -

И как в окно сигали,
Не раз потом за жизнь
 расскажете, смеясь.
Вы только б игровой,
 ребята, дым глотали, -
От шашки дымовой
 с утра в подъёмный час...
Спокойно старости
 любой из вас достиг бы,
Не превращённый взрывом
 в людоедский фарш...
Ах, если б от войны
 остались только игры,
Да песня грустная,

да строгий бодрый марш!..
17 августа 1990, "Дзержинец"
МАЛЬЧИКУ-СИРОТЕ

Ты - сирота. Но мир - он всё же твой,
Как ни жестоко поступил с тобой.
Для нас же, потерявших слух и зрение,
Мир навсегда, наверное - чужой.

22 августа 1990, "Дзержинец"
КУЧА МАЛА

Люблю за то, что это - дети:
Единственная добродетель;
Не нужно для любви другой.
Детьми со всех сторон обсажен,
Облеплен по макушку даже, -
Так притянул их Штраус мой.
Держу кассетник возле уха.
Все, у кого хоть капля слуха,
Ушами тянутся и льнут.
Меня за ними и не видно.
Аж комарам лесным обидно:
Мной ужинать им не дают.
Кто на коленях примостился,
А кто на плечи взгромоздился,
А кто с боков меня сдавил...
Кассетник маленький, негромкий,
На диво оказался ёмкий, -
Ушей с десятков разместил.

22 августа 1990, "Дзержинец"

* * *

Врачи обследуют
Детей как следует:
Учитель, жалуйся,
Возьми, пожалуйста,
Что диктовал, -
Врач справку дал.
Ни для родителя,
Ни для учителя
Нет горшей участи -
"Синдром бегучести".
Ищи-свищи...
Где малыши?
Успокоительных
Пилюль сомнительных
Учитель требует:
С уроков бегают
Малыш, - держи!
Ау, врачи!

15 - 16 сентября 1990

* * *

Г. Д.

Ты моё сердце заполнил, Гриша,
Как никогда до тебя никто.
Не понимаю, как это вышло,
Но мы с тобою теперь - одно.
И то сказать! О подобных детях
Я безнадёжно мечтал порой, -
Способных петь обо всём на свете,
Что ни увидят перед собой.
Для зрячеслышащих ты - болтуша.
Подарок неба ты мне, дружок.
Какой ребёнок настолько душу -
Свою - прозрачную - сделать смог?!
Боюсь надеяться; лишним словом
Боюсь большую мечту спугнуть:
Ты внук не чей-то - Мещерякова;
И вдруг - на дедовский вступишь путь...

12 - 16 июня 1991, "Солнышко"

Александр Иванович Мещеряков (1923 - 1974) - доктор психологических наук, заведующий лабораторией изучения и обучения слепоглухонемых детей Научно-исследовательского института дефектологии Академии педагогических наук СССР. Вместе с Ольгой Ивановной Скороходовой (слепоглухим кандидатом педагогических наук) добился открытия Загорского детского дома для слепоглухонемых детей, научным руководителем которого и был до самой смерти. Вместе с другими крупными учёными - своими друзьями, - добился поступления на факультет психологии МГУ четырёх выпускников загорского детдома, среди которых был и я. Умер в разгар этого учебного эксперимента.

МОЛИТВА АТЕИСТА

Г. Д.

Господи! Тебя хотя и нет,
Больше не у кого мне спросить.
И за что мне в жизни этот Свет?
Чем сумел я счастье заслужить?
Лапочка ты моя.
Лампочка ты моя.
Мой голубой светлячок.
Господи, помоги!
Господи, разожги
Добрый светлей огонёк.
Так никто ко мне не присыхал.
"Я с тобой!" - сто раз не повторял.
Так охотно - не сопровождал.

Так - сверх детских сил - не помогал.

Лапочка ты моя.

Лампочка ты моя.

Мой голубой светлячок.

Господи, помоги!

Господи, разожги

Добрый светлей огонёк.

Полною взаимностью согрет,

Сам любовью светлой смог любить.

Господи! Тебя хотя и нет, -

Помоги мне счастье сохранить.

Лапочка ты моя.

Лампочка ты моя.

Мой голубой светлячок.

Господи, помоги!

Господи, разожги

Добрый светлей огонёк.

10 июля 1991, "Солнышко"

* * *

Г. Д.

Меня должны привести.

А сам не могу прийти.

И наши встречи с тобой

Прослоены ватной тьмой.

Едва мерцает, чадит,

Совсем погаснуть грозит,

При встрече вспыхнуть не смог

Моей любви огонёк.

Густеет ватная тьма.

Обида сводит с ума.

Взорвать бы - заживо склеп,

В котором - глух я и слеп,

Откуда - рвался, зывал...

Смириться? Смолкнуть? - Устал...

13 ноября 1991

* * *

Г. Д.

Я простуженный. Вряд ли знаешь

Ты, беспечный, что день и ночь

У постели моей витаешь,

Чтоб сиянием - мне помочь.

Ощущаешь ли раздвоенность?

Ты физически - у себя,

А душой своей просветлённой -

Стережёшь, бережёшь меня.

Ты присутствуешь молчаливо:

Столбик света - порхать готов.

И всё дальше я от обрыва...
Меня лечит - моя любовь.

17 ноября 1991

ПЛЕМЯННИКАМ

Вы добрей, тактичней взрослых, -
Одного не бросите...
Копошитесь где-то возле,
И вниманья просите.
Замороженное сердце
Чутьочку подтаяло.
Робкой нежностью согреться
Вовсе уж не чаяло.

10 января 1992

* * *

А дело-то сделано, кажется.
Теперь уже - не пропадёт.
Друзья мои с ним не развяжутся,
Доделают, хоть и вразброд.
Сочувствием кто-то мучительно
Больным ребятишкам горел,
А кто-нибудь славы сомнительной
Тайком от себя возделел...
Но так ли всё было, иначе ли,
Кто чист, кто не очень - душой, -
Мы дело великое начали
С отдельной от нашей судьбой.

26 апреля 1992

Великое дело - движение детского милосердия.

* * *

Я сошёл уже с поезда. Снова ребёнком не стать.
Никогда мне по-детски всей жизни своей не
объять -
День и ночь, год за годом, - одной бесконечною
сказкой,
С утонувшей давно в бессознательном мраке
завязкой.
Ну и ладно. Взамен иногда я веду дневники.
Раскалёнными строчками мозг прожигают стихи.
Не обыгрывать больше мне жизнь, да и навык
утерян;
Да и жить всё труднее, - ни в чём и ни в ком не
уверен...

9 - 10 июня 1992

* * *

Всё дело в том, кто любит малыша.
Кто любит, тот и есть - его душа.
Мешают все - родные и друзья, -

Один другому в нём слепить себя.
Толпятся; каждый оставляет след;
И вот - ничей ребёнок не портрет,
Но вместе все, кто любит малыша -
Его, ни с чем не схожая, душа.
Малыш при этом в общий ералаш
Включается, как главный персонаж:
Меняет на свои чужие "так", -
Себя он тоже любит, как-никак.

10 июня 1992

* * *

Ж. М.

Милый мальчик, ты пока наивно
Под гипнозом почестей и званий.
Но боюсь изнанки негативной:
Нет ли тайных властных упований?
Мишура - все почести, регалии.
Дело случая. Как повезёт.
Упоение - лишь дорваться дали бы! -
Властью - до добра не доведёт.
Дела суть - в сочувствии страданиям.
Цель - не власть: жилось добрее чтоб.
Не почёт, а труд без воздаяния.
О проблему колотись по гроб.

14 июня 1992

* * *

Серость - уходит в прошлое.
Туда и дорога сволочи...
Только - привычка пошлая:
Чтоб не зазнаться молоди.
Чтоб - не дай бог - не выделить
Девочку либо мальчика.
Слабость простят родителям,
Но - погрозы им пальчиком.
Нет! Не хочу быть кувалдой -
Ребёнка в толпу вбивать!
Размажу плевком по асфальту -
Ужас: избаловать.
Нос задирать - не стыдно.
Было б гордиться чем...
Быть нелюбимым - обидно,
И - не хвалимым никем.

19 июня 1992

КОРОЛЮ МАТИУШУ ПЕРВОМУ

Разучился смеяться мальчик,
Бит сиротством немилосердно.
Понял он неизбежность фальши

В жизни, тяжкой неимоверно.
Всё же сам не желал фальшивить.
Как ни трудно - собой остался.
Если изредка был счастливым,
Грустно-грустно лишь улыбался.

11 августа 1992, "Рассвет"

* * *

Всё дело в том: я перестал любить.
Погасли вспышки прежних увлечений.
Связующая истлевает нить
Без новых встреч, без новых натяжений.
Обрывки этих связей, наконец,
Меня опутывают всё плотнее.
Всё меньше детских любящих сердец,
И сам я на влюблённость всё скупее...

11 августа 1992, "Рассвет"

* * *

Если нет возможности встречаться,
Вместе быть хоть несколько недель, -
Вынужден я в Бога превращаться,
Разводить по почте канитель.
На ответ надежды не питаю,
Весть благую в письмах доведу,
А рассчитана та Весть Благая -
Лишь на молчаливый отклик душ.
О любви, что в сердце грустно тлеет,
Малыша найдёт Благая Весть.
Сомневаться пусть малыш не смеет:
Чёрт ли, Бог, но я на свете есть.

16 августа 1992, "Рассвет"

ГИМН ДЕТСКОЙ ПОПКЕ

Взрослые внимательны весьма
К детской попке, как малыш рождается:
Мама моет попку сама,
Если он в пелёнки осрамится.
И когда сосёт младенец грудь,
Мама попку шлёпает чуть-чуть
С нежною блуждающей улыбкой.
Надо ли шутливо приласкать,
Или невозможно устоять
В гневе на гуманной почве зыбкой, -
Сразу к попке тянется рука
Дать разнообразного шлепка.
Террорист, захватчик мой прелестный,
На ушах доверчиво стоишь...
Трудно "а-та-та" не дать, малыш, -
Эльф, амур и ангел мой небесный.

19 августа 1992, "Рассвет"

* * *

Я оказался очень дик.
К толпе я так и не привык.
Шесть лет прошло, и снова
Стал избегать массовок.
Мне плохо в массовой игре,
Мне плохо на концерте.
И, как ни тянет к детворе,
Толпа мне - хуже смерти.
Мне ненавистен перевод.
Что нужен он - мне горько.
Куда бы спрятаться?.. И вот -
Отдельная каморка.
В толпе пробыв совсем чуть-чуть,
Уже готов спасаться.
Отныне только с кем-нибудь
Одним я рад общаться.
От суматохи я устал.
Я одинок - с оравой.
Отстаньте! Не тащите в зал!
Кончайте пытку, право!

22 августа 1992, "Рассвет"

* * *

Я в собственной работе лишь посредник.
Зову на помощь детворе весь мир,
А дозовусь - мой радостный наследник
Меня забудет пригласить на пир.
И я, как бедный родственник, в сторонке,
Ненужный, хмурый, издали любя,
Кряхтеньем хриплым смех встречаю звонкий,
Не видя места в деле для себя.
И снова добрый мир тревожу зовом -
Спешить на помощь малышам больным;
Энтузиастом очарован новым,
Вновь буду непричастным и чужим.
Но лучше так, чем без друзей ребятам
Сидеть по специальным интернатам.

6 сентября 1992

* * *

Лагерь бегают - по составу.
Полон детством - любой вагон.
Не удержишь улыбку, право,
Тихой нежностью - одолён.
Ребятишки друг другу в гости
Из вагона в вагон - снуют.
Проводницы - шипят от злости,

И, прогрев чертенятам кости,
Адски топят - не продохнуть.

10 октября 1992,
Евпатория - Москва

* * *

На них зелёная одежда.
На них у доброго надежда.
Дороги злему не дадут.
Король у Эльфов - добрый мститель,
Берущий слабых под защиту, -
Вожатый Костя: Робин Гуд.
Идущий убивать и грабить
В лесу дороги не найдёт,
А если ты больной и слабый -
Тебя спасёт лесной народ.

28 декабря 1992, "Улыбка"

* * *

Нет, счастливой взрослости не чаю
Для моих слепоглухих ребят.
Дела никому не будет, знаю,
Что не горе мыкать - жить хотят.
Никому до них нужды и дела.
Ни о чём не спросят по-людски.
В помощи откажут им умело:
Мол, вас нянчить - мы не дураки!
Так чего же ради суетиться?
Для того ли нам ребят учить,
Чтоб могли тем горше убедиться:
С ними людям некогда дружить.
Что гадать?.. Как выйдет - неизвестно.
Но пока, сомненьям вопреки,
Что считаешь нужным - делай честно;
В чём сегодня можешь - помоги.

30 января 1993

* * *

А зачем нам встречаться?
Рассуди, дорогой.
А о чём нам общаться?
Шевельни-ка мозгой.
Очень тянет друг к другу.
Вот бы вместе побыть...
Но зачем? Чтобы скуку
Пополам разделить?
Подрасти. Может статья,
Жизнь сведёт нас всерьёз, -
И, о чём нам общаться,
Не возникнет вопрос.

30 апреля 1993

* * *

Я увлечённо пробовал себя.
Вдруг понял, что с собой расстался где-то.
Отчаянно, беспомощно любя,
Способствовать мечтал я счастьем деток.
Намучившись, решил я отступить
В ту молодость, на тот рубеж исходный,
Откуда начал я детей любить,
Где перестал быть внутренне свободным.
Хватился поздно я себя искать,
Тиски противоречий раздвигать.
Но счастливы со мной не будут дети,
Пока себя свободным я не встретил.

6 июля 1993

* * *

Всё хорошо...
 Поскольку - безысходно.
Всё хорошо...
 Тупица - и тупик.
Всё хорошо...
 И вечно - чужеродно.
И я, пожалуй, к этому привык.
Всё хорошо...
 Гордиться будут после.
Всё хорошо...
 А мне страдать - сейчас.
Всё хорошо...
 Моё проклятье - взрослость.
Я не был маленьким. Побывать хоть раз...
Всё хорошо...
 Но счастье - недоступно.
Всё хорошо...
 Один бы на один.
Всё хорошо, уютно, дружелюбно,
А быть побольше вместе - нет причин.
Привык дышать я в книжной горней сфере.
Всё нет как нет умения любить.
С людьми я мнителен и неуверен,
И в детство, как ни бьюсь - не воспарить.

24 августа 1993, "Солнечный"

* * *

Опять один - в желанной, окаянной
Берлоге творческой, - без вас, ребят...
А вы в глазах стоите постоянно,
И слёзы у меня в глазах стоят.
В ушах - беречь обрывки ваших песен,

Руками - чьи-то руки вспоминать...
Просторен мир души моей - и тесен,
Любовью переполненный опять.

30 - 31 августа 1993

* * *

Улыбнись, пожалуйста!
Что такой серьёзный?
Думали безжалостно:
Рано или поздно
Брать в насторожённую
На весь мир дружину?..
Жизнь - прими солёную:
Сладкой - нету ныне.

31 августа 1993

* * *

Колени - на скамейке электрички.
Спиной к вагону встал непринуждённо.
Ребятам во всё горло подпеваешь,
Мне резко дирижируя рукой.
Таким тебя мне предстоит запомнить, -
Сфотографировать, как многих прочих,
До дней последних в памяти влюблённой...
За нежность непонятную - прости.

31 августа 1993

* * *

Право, не было ещё такого...
Раньше - отсыпался битый месяц.
А теперь - в глазах маячат снова,
Друг на друге гроздьями развесясь.
Оторвался от ребят я с кровью.
После лагеря - не растерять бы...
Снова тяжело ранен я любовью, -
До несбыточной, конечно, свадьбы.

31 августа 1993

* * *

Чёрт возьми! Ну, точно знаю:
Я тобой давно забыт!
Что ж тебя всё представляю, -
Образ твой в глазах стоит?
Ёлки-палки, очень глупо.
Ты-то сам в себе, малыш.
Мне - в простуде носом хлюпать,
Привиденье гнать: кыш-кыш!

1 сентября 1993

* * *

Что, малыш, ты потерял в парной?
Маленьким таким туда нельзя.

До чего доверчив ты со мной, -
За руку меня спокойно взял.
Тянешь в душ. Мне вовсе не туда.
До предбанника довёл тогда.
Мы едва ли встретимся ещё...
Так и дальше - подставляй плечо.

3 - 4 сентября 1993

НЕ РОБЕЙТЕ!

Готов к труду и обороне - днем и ночью.
Так не робейте! Убеждайтесь в том воочью.
Переступайте смело мой порог,
Хотя бы дрыхнул я без задних ног.
И можно самым маленьким свободно
Меня заместо скакуна седлать.
Всегда у ребятишек было модно
Так сонных взрослых к жизни пробуждать.

24 июня 1994, "Орлёнок"

* * *

Ты у меня спасаешься от скуки,
Когда в отряде у тебя "окно".
Люблю твои застенчивые руки,
Тревожные и ласковые... Но -
Тебя не задержу ни на секунду,
Не попытаюсь удержать ничем.
Согласен: якорем спасенья буду,
Когда деваться некуда совсем.
И в этом честь особая, пожалуй,
Когда ко мне последнему бежишь:
Я грелка для твоей души усталой.
Спасибо за доверие, малыш!

27 июня 1994, "Орлёнок"

* * *

У воспитанного малыша
Далеко запрятана душа.
Пульс на горлышке его кипит.
В страхе он заранее дрожит:
Вдруг не захотят - и не поймут?
Вдруг, найдя ошибку - засмеют?..
Где обвальный массовый азарт,
Общий крик неистовый, базар,
Мечется огромная толпа, -
Там малыш и прячет сам себя.
Если спрятанную сам найдёт,
Под ногами душу подберёт, -
Принести прошу в ладошках мне:
Крылья ей расправлю в тишине.
Постараюсь, милый, как-нибудь

За доверие - не обмануть.

2 - 3 июля 1994, "Орлёнок"

* * *

Строгий лик ребёнка...

Я молюсь тихонько.

Если занят делом -

Пальцем в мире целом

Чтоб никто не трогал:

Отстранится строго.

Без улыбки глянет,

Острым взглядом ранит:

"Я при исполнении.

Что за обращенье?

Нечего - с руками..."

В сердце, точно в храме,

Промерцался звонко

Строгий лик ребёнка.

4 июля 1994, "Орлёнок"

* * *

Завершение праздников славное:

Как ни хочется детям служить,

Но собою не хочется - главное! -

Никогошеньки - обременить.

Как ни мучаюсь в поисках смычки,

Как ни лезу - из кожи вон, -

Разлетаются Божии птички:

Снова пусто - со всех сторон.

От меня устают, может стать.

Значит, отдых спеши - предоставь!

Для чего же из кожи-то рваться?

Пригодится ещё - не дырявь...

Чтоб ничья голова не болела,

Никого не тревожил твой сплин, -

Сделай вид, что ты занят всецело.

Чем ни сможешь - займись-ка один.

5 июля 1994, "Орлёнок"

* * *

Ни в каких Богов не буду,

Не уверую спроста:

Ни в Зевеса и ни в Будду,

Ни в Аллаха, ни в Христа.

Нет ли, есть они на свете -

Совершенно всё равно.

Мои Боги - это дети.

Мне иного не дано.

Их не задушить проблемам,

Что удавами сползлись.

Бог мой - будущее время.
Бог мой - будущая жизнь.
6 - 8 июля 1994, "Орлёнок"
* * *

Не катание - так купание.
Не купание - так вздыхание.
Не вздыхание - так ворчание.
Не ворчание - так прощание.
Вот и смена идёт к концу.
Труд и отдых ребят - к венцу.
За неделю уже грущу,
Расставания не хочу.
Дорогие мои, хорошие,
Мои ласковые, пригожие,
И заботливые, и робкие,
Терпеливые, неторопкие.
Долго будет вас не хватать.
Долго буду вас вспоминать.
Дрогнет голос, и глаз мигнёт,
Палец быстро слезу смахнёт.

8 июля 1994, "Орлёнок"

ТРЕТЬЕМУ КЛАССУ ИНСТИТУТА ВЗАИМНОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Сядьте поближе. Пусть будут ясней
Волны тепла.
Нет вообще заурядных детей.
Колокола.
Вы - колокольчики. Робкие все.
Дзинь-передзинь.
Каждый из вас в мировом колесе -
Только один.
Волны тепла - это волны любви.
Благодарю.
Где колокольчик-солист? Прозвени
Зорю-зарю.
Хор разливается, точно апрель,
Точно капель.
Надо на жизненной ранней заре -
Яркую трель.

10 июля 1994, "Орлёнок"

Школа взаимной человечности - одна из программ Детского ордена милосердия. Попросили сами ребята на лагерных сменах общения, когда возникли трудности взаимопонимания между инвалидами различных категорий и относительно здоровыми. Название программа получила по первой моей книге, несколько глав из которой я предоставил задолго до издания книги как основу для разработки учебных программ в Школе взаимной

человечности.

Институт взаимной человечности - один из первых вариантов Школы взаимной человечности, опробованный в лагере "Орлёнок" под Туапсе. ИВЧ действовал на смене общения в этом лагере и был, по сути, основой плана всей смены (руководили ею супруги Нина Олеговна и Владимир Александрович Поспеловы, Екатеринбург). На смене было пятьсот человек, и учащиеся ИВЧ были разделены на классы. С каждым классом я провёл по одному занятию, а третий класс попросил дополнительное - у ребят ко мне возникло много вопросов. Мы это занятие провели на свежем воздухе, на скамейках летнего театра (или как называются эти площадки, где ряды скамеек и сцена, для проведения массовых мероприятий). Я был тронут просьбой третьего класса о дополнительной встрече. Сидели мы очень тесно, так что я чувствовал исходящее от ребят тепло. Переполненный нежностью и благодарностью после этой встречи, я вечером и написал стихотворение "Третьему классу ИВЧ".

ГИННЕС-ШОУ

Самая густая шевелюра.
Самая объёмная фигура.
Самая дурацкая гримаса,
И нахальная упругость глаза.
Кто из нас кого перечихает?
Самый длинный анекдот - кто знает?
Громче и протяжней всех - кто рявкнет?
Кто слюной как можно дальше харкнет?
Кроме шуток: чья душа добрее?
У кого душа - всего щедрее?
Самая глубокая натура?
Самая высокая культура?..

31 июля 1994, "Надежда"

* * *

В. С.

Маленький ты человечек.
Чмокающий - сказкосос.
Скоро уж ночь, а не вечер.
Месяц в окошке подрос.
В лунном луче зароились
Стаи застенчивых снов.
Губы во сне распустились
Вроде волшебных цветов.
Все короли, Аладины,
Неугомонный Синдбад,
Эльфы, волшебники, джинны,
Гномы, разбойники, - в ряд.
Благополучна развязка.
Кто там зевает тайком?..

Вот и прощается сказка.
Завтра опять позовём.
7 - 9 августа 1994, "Надежда"
* * *

Продолжения счастья - не жди.
Все надежды мои - позади.
В новый лагерь поеду, и вновь
Разгорится к ребятам любовь.
Я живу в параллельных мирах.
Первый мир - в малышах, в лагерях.
А второй - в повседневном труде.
В зыбкой, вязкой, больной ерунде.
Снова должен я быть на посту -
В беспросветно-бездетном быту.
Продолжения счастья - не жди.
Все надежды мои - позади.
Потому - адресов не прошу.
Не письмо, а стихи напишу.
И в полёт бесконечный пошлю
Весть о том, что навечно люблю.
10 августа 1994, "Надежда"
* * *

Маленький, косолапёный,
Плачем лицо обесформил.
Боже, какой же он слабенький -
В это мгновение скорби.
В голос ревёт, спотыкается
И языком, и ногами...
Вот как с вожатой прощается
Общий любимец упрямый.
14 августа 1994, "Надежда"
* * *

Ты сказал, что помнишь и соскучился.
Благодарен я тебе, малыш.
Я-то, грешным делом, перемучился:
С глаз долой - из сердца вон... Шалишь!
Облепили - словом перекинуться -
Те, с кем раньше был я в лагерях,
А другим поближе бы придвинуться...
Солнечная ванна! Весь в лучах.
В безошибочной своей безгрешности
Забирают, вместе мы пока,
Семена моей усталой нежности, -
Кто вплотную, кто издалека.
Был бы толк... Напрасные терзания.
Наши встречи зря не пропадут.
Семена любви и понимания

Добротою тихой прорастут.

27 - 28 марта 1995

* * *

Много-много... Много-много...

Коллективное тепло...

Как ни медленно - по слогам, -

Но общение пошло.

Иногда скрипуче, нудно, -

Рядом все - и никого...

Ощутить отдельно трудно

Хоть кого-то одного.

25 июля 1995, "Светлячок"

"Светлячок" - лагерь Полевского завода (того самого, из сказов Бажова) в Полевском районе Свердловской области. Там проходили смены Свердловского областного Детского ордена милосердия (президент - Нина Олеговна Поспелова).

Свердловский ДОМ - огромная эпоха в моей жизни, на его смены я ездил до 2001 года, поэтому в межрегиональном Детском ордене милосердия (президент - Галина Владимировна Никанорова) мог работать в основном на коротких каникулах в середине учебного года.

Данное стихотворение написано накануне прорыва, буквально в день прорыва рано утром. В этот день исчезли последние остатки детских "гляделок" (так я называю, когда дети ко мне присматриваются, не решаясь подойти), и дети повалили ко мне валом. Я ещё не верил своему счастью, говорил взрослым, что чувствую себя как Апостол Пётр, который, попросив разрешение у Иисуса Христа пойти к нему навстречу по воде пешком, и получив это разрешение, пошёл было, но испугался и начал тонуть. Извлекая незадачливого ученика на поверхность, Иисус упрекнул его: "Маловерный! Зачем ты усомнился?" Вот и я боялся усомниться и не утонуть, - нет, я жаждал утонуть в детях, - а оказаться в одиночестве. Но с этого дня до конца смены всё шло отлично. Видимо, я оказался не столь "маловерным", как Апостол Пётр...

* * *

С. Е.

Рад бы, но удерживать не буду.

Лишь тайком, когда уйдёшь, вздохну.

Мне бы выжечь из себя Иуду.

Не закончу с ним никак войну.

Если бог на свете существует,

Он, должно быть, совершенно прав,

Что соваться к людям не рискует,

Свой навязывая им устав.

Любит всех, а люди всю дорогу

Чтой-то всё не могут поделить,
И никак врагов своих не могут
По завету бога возлюбить.
А над богом Сатана смеётся, -
Над заветами любви, добра...
Де, любовь-то людям не даётся,
Хоть давно им в ангелы пора.

28 июля 1995, "светлячок"

Посвящение тайное от самого мальчика и всего лагеря. Он очаровал меня с первой же встречи, но я боялся, что упорхнёт, и клялся себе, что даже не попытаюсь удерживать. Насильно удерживать около себя сколь угодно приятного человека - тоже ведь предательство любви... Отсюда вроде бы ни к селу ни к городу всплывший образ Иуды. Но мальчик никуда не делся, мы дружили до конца смены.

Это его я попросил переписать для меня по Брайлю переданные кем-то в поезде маме стихи, но перепутал бумажки, и на следующее утро прочитал следующее:

"Александр Васильевич!

Ещё раз поздравляю Вас.

Убежден, уверен, что программа, которую мы коллективно наметили, будет перевыполнена.

Обнимаю. А.Бодалёв. -

От меня.

Для Вас это действительно стихи.

Серёжа."

31 июля серёжа прибежал ко мне за помощью. Дело в том, что на областном фестивале он читал стихи Есенина, и теперь его попросили сочинить стихи в честь Прекрасной Дамы для предстоявшего на следующий день детского Рыцарского Турнира. Я предложил ему попробовать что-то сочинить самому и написать мне по Брайлю, а сам тоже занялся придумыванием "Гимна", как обычно, на память. Через полчаса он показал мне своё творение:

О, Прекрасная Дама!

Ты прекрасная очень!

И к твоим-то, ногам-то,

Принесу я победу!

А победа та будет

Уж великой, могучей!

И тогда ты, надеюсь,

Меня не помучишь!

Я пошутил: "не надо было тревожить на фестивале память Сергея Александровича", - имея в виду Есенина. Серёжа сетовал, что по заказу трудно писать. Я согласился, но сказал: "Выход есть: надо облегчить печёнку, вдоволь поиздеваться над заказчиком". Свой "гимн" в этом

"издевательском" - скорее шутливом, конечно, - духе я и выдержал. А серёжин отредактировал так:

О, Прекрасная Дама!
Ты горда и упряма.
Я на подвиги еду,
Завоюю победу.
Той победой могучей,
Ради женщины лучшей,
Я добиться надеюсь,
Что меня не помучишь!

Я отпечатал на зрячей машинке как серёжин отредактированный мною опус, так и свой:

* * *

Круть - верть!
Круть - верть!
Трогать пальчиком не смей!
Эти косы так прекрасны -
В бой за них, и умереть!
Говорят, такие косы
Под водой русалки носят,
Здесь же, на сухой земле -
Ведьмочки на помеле.
Я за ведьму, за русалку
Об соперника всю палку
Изломаю на турнире, -
Нет славней победы в мире!

31 июля 1995, "Светлячок"

Серёжа сказал, что оба опуса - и его отредактированный, и мой - были использованы на турнире и помещены в стенгазете.

Узнав, кого мне предстоит посвящать в Прекрасные Дамы из взрослых, я срочно соорудил другой гимн:

* * *

Благородство в рыцаре - в наличии.
Есть доспехи. Разные отличия.
Но загвоздка: надобно по правилам,
Чтоб на подвиг женщина отправила.
Рыцари утешились несчастные:
Нынче дамы есть у них прекрасные!

1 августа 1995, "Светлячок"

* * *

Хочется в Огонь Неугасимый,
В Пекло вечное большой любви,
Чтоб руками тёплыми, сухими
Опираюсь на руки твои,
Не боясь молотъ любого вздора,
Не тревожась, если тенью - грусть:

Никуда не денется опора,
В одиночество не провалюсь.
Но костёр мой требует подтопки;
Чтоб не чахнул, дров не напасть;
Кажется, что я ничейный, робкий...
Кажется? Тогда перекрестись.
Ты ли не в Огне Неугасимом,
Не в Геенне Огненной Любви?
Вспыхивай, сгорай неугасимо,
Воскресай из пепла - и живи!

31 июля 1995, "Светлячок"

* * *

Снова плывёт, плывёт голова,
Даже когда в постели,
Словно я водки стакана два
Хлопнул...

На самом деле -

Снова я в храме; кругом божество
Ищет себя, копошится;
В душу я вслушиваюсь его,
В чём-то боясь усомниться.
Вечно в груди - жёсткая грусть,
Всё тяжелеющий камень.
Хочется верить, верить боюсь, -
Снова сдаю экзамен!

7 ноября 1995, "Жемчужина"

* * *

Лесть - в глаза. Под лестью - змейка
Извивается.
- Ты меня поймать сумеешь-ка! -
Издевается.
- В лагерь просишься? Похвалим
(Это - дешево).
Отговорочкой ужалим
Вдруг хорошего.
Мол, ни базы нет, ни денег, -
Очень простенько.
К детям нет тебе ступенек,
Нет мостика.
Лестью грубой или тонкой, -
Что за разница? -
Изолируем тихонько, -
Змейка дразнится.
- Опочить на лаврах сладко
Да на званиях, -
Вот и все тебе - украдкой -
Пожелания.

24 мая 1996

* * *

Описаний природы - не будет.
Дела нет до её мне красот.
Разрешите шепнуть вам о чуде.
Наклонитесь пониже... Так вот:
Я карабкался. Взлёты. Паденья.
Тьма. Просветы. Опять чернота...
И последняя бездна. Сомненья:
Перепрыгну ли? Рухну ли?.. Там,
По ту сторону - светится что-то.
Я рванулся - и вдруг полетел.
Наслаждение свободным полётом.
Беспредельность - теперь мой удел.
Отгадайте... Простая загадка...
Сам ровнее, всё ярче светясь,
Я в ладошки уральским ребяткам
Дух измученный вверил сейчас.

26 июля 1996, "Светлячок"

* * *

Н. М.

Что ты, девочка, гарцуешь,
На лошадке джигитуешь
На невидимой такой?
Не волнуйся: за тобой
Я гоняться не намерен.
Подскакал твой странный мерин -
Рад по холке потрепать.
Отскакала? Путь счастливый.
Как грозу, твои порывы
Постараюсь переждать.

26 июля 1996, "Светлячок"

* * *

О. П.

Дай ладошки, милый мальчик.
Над моими поддержи.
Где, какой теплее пальчик, -
Не стесняйся, покажи.
Никакой... Тепло кружочком
Точно в центре рук твоих.
Что свернулся ты клубочком?
Успокойся: нет чужих.

26 июля 1996, "Светлячок"

ТАМАРЕ ИВАНОВНЕ КУЗНЕЦОВОЙ
В СВЯЗИ С ПОСВЯЩЕНИЕМ ЕЁ
В ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ
СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО

ДЕТСКОГО ОРДЕНА МИЛОСЕРДИЯ

Эту даму я знаю давно...
С первой встречи я стал распрямляться.
Распахнулось темницы окно.
Цепи ржавые начали рваться.
И на волю я вырвался вдруг...
Твой я рыцарь с тех пор - и навеки.
Не найдёте подобных подруг -
Обойдите все горы и реки!
Дорогие украсит черты
Пусть хоть этот ничтожный букетик...
В мире лучшие жизни цветы,
Наше счастье, - уральские дети!

26 июля 1996, "Светлячок"

Тамара Ивановна Кузнецова была председателем Свердловского областного правления Всероссийского общества глухих (с 2001 года на пенсии). Одна из самых близких моих друзей, которой я обязан знакомством - поистине судьбоносным - и с супругами Пospelовыми.

В Свердловском областном Детском ордене милосердия есть взрослая организация, состоящая из наиболее активно работающих взрослых друзей Ордена. Мужчины - Рыцари, а женщины - Прекрасные Дамы. Меня, как самого первого Рыцаря, несколько раз (кажется, трижды) просили на лагерных сменах посвящать в Прекрасные Дамы, в том числе и Тамару Ивановну.

* * *

Июлята, августята...
С днём рождения, ребята.
Вам привет от июнёнка -
До последних дней ребёнка.
Господи, что пожелать бы?
Долгих дней? Удачной свадьбы?
Выше хвост, мои котята -
Июлята, августята.

29 июля 1996, "Светлячок"

* * *

Встреча душ - и высверки.
Сердце - по частям.
Разлетелись - искорки -
Взрывом - по домам.
Мотыльками реяли
Восемнадцать дней,
Да опять рассеялись -
Не собрать друзей.
Обдавали нежностью.
Грели добротой.
Вновь пустыней снежною

Жизнь передо мной.
Нет, недаром брызгали
Стутками любви, -
Чтоб друг друга издали
Греть, беречь могли.
Осенью чугунные
Давят вечера.
Но уральцы юные
Вспомнятся с утра.
Искорки восточные
Разожгут зарю.
Вновь - дела бессрочные,
Вновь живу - горю...

6 августа 1996

В день возвращения из "Светлячка".

"Искорки восточные" - мои уральские малолетние любимцы.

* * *

Взрослые думают, пишут о детях.
Тянем-потянем, а дело ни с места.
Нелюди в будущем, люди ли светят?
Как убедиться, каким таким тестом?
Любим, - На счастье ли только? К несчастью?
Страшно увязнуть, где вроде бы твёрдо.
Не обернётся ль забота - напастью?
Иль залюбуемся взрослыми гордо?
Спать уложили. Замкнёмся утрюмо:
Чем накормить их - для многих проблема.
Вещи в себе! Беспокойная дума:
Что-то покажет бесстрастное время?

6 августа 1996

* * *

Д . . 0 Б .

Милый мальчик, всё, что накопил
В сорок с лишним выстраданных лет,
Я в твою бы душу перелил
С радостью, - но этой власти нет.
Власти, мощи нет, - увы, увы, -
Чтобы мудрость детскую мою
Достояньем юной головы
Сделать, - и о том весьма скорблю.
Мудрость - не грудное молоко.
Не зерно цыплятам: "ко-ко-ко!"
Как ни грустно, надо самому
Жить, осмысливая кутерьму.

20 - 21 августа 1996

* * *

Караул! Замолкает душа.

Впрягся в лямку, тяну не спеша, -
И, без отдыха переустав,
В гужевой превращаю свой нрав.
Вдохновение реже, слабей,
Без особенных вспышек, затей, -
И душа, не надеясь на взлёт,
Замордованной клячей бредёт.
... Чуть задремлется - вновь детвора:
Снова лагерь, работа, игра...
Вряд ли с устали вешаю нос.
Может, лагерный просто наркоз?..

29 августа 1996

* * *

Светлая полоса - позади.
Я в лучах победителя - отблистал.
Густеет, клубится туман впереди.
Я очень устал.
Я перешёл к обороне. Пока
Двигаться дальше - нет сил.
Не откатился бы - даже слегка.
Взятое бы - сохранил.
Дети... Кем-то они растут?
Животными - либо людьми?
То ль развлекаться всю жизнь предпочтут?
Господи сохрани.
То ли своим проживут умом?
Смогут ли?.. Как ни крути, -
Тем или этим пойдут путём, -
Третьего нет пути.

3 - 6 января 1997

Написано на зимней смене межрегионального Детского
ордена милосердия. Туман впереди клубился недаром - в лагере
я заболел (сильно простыл), а через месяц умерла моя мама...

* * *

Очередной Артём.
Очередная Нина.
Бреду, ищу с трудом
Дорогу к Буратино.
Из прихоти порой
Искать мне помогают.
А чаще: - Бог с тобой!
Нам некогда! - вещают.
И вновь тогда один
Мучительно штурмую
Твердыню из твердынь, -
Улыбку - хоть кривую.

7 января 1997, зимний лагерь

* * *

Хочу присутствовать незримо
Во всех палатах.
Мне искрой тлеть необходимо
Во всех ребятах.
С невольной грустью любоваться
Сопящим носом.
Чуть-чуть от нежности смеяться
Над ртом-вопросом.
Легчайшим ветерка порывом
Волос касаться.
Являться в детском сне правдивом,
Преображаться.
Всё это я - кто ребяташкам
Приснится добрым,
Да неуклюжим, робким слишком -
И тайно скорбным.

7 января 1997, зимний лагерь

* * *

Вечно беспомощный ты с детьми.
Слабый, растерянный - перед детством...
В слабости сила твоя - пойми, -
И прекрати наконец кокетство.
Трудно, - а жаждущих в детстве чужом
Лёгкого счастья - сам презираешь.
Так зарабатывай счастье трудом.
Смена закончилась - и вздыхаешь.
Вздых облегчения - и тоски.
Прошлое - в прошлом. Прорвался - и ладно.
Счастье - ура! - состоялось. И -
Сразу же хочется к детям обратно.

8 января 1997, зимний лагерь

* * *

Мне в Москве уж очень душно летом.
Ощуаю город, как тюрьму.
Я живой, пока пускают к детям.
Никакой не идол никому.
Детскими наградами увешан,
А к живым ребятам ходу нет...
Ну, и тянет в колумбарий, грешен, -
Всем из урны мой немой привет.
Некого мне гладить по головкам,
И по попкам шлёпать... Ей же ей,
Объяснять начальникам неловко:
Я живой, пока среди детей.
Впрочем, что начальникам за дело?
Ищет, так найдёт - в могилу путь...

Голова своя бы не болела.
От своих проблем бы отдохнуть.

3 июня 1997

* * *

О . . 0 П .

Ах ты, юный психотерапевт...
Справа-слева, то бишь райт и лефт,
Неуютно в лагере пока, -
Без друзей хватает сквозняка.
Губки, чуть не плача, ты надул,
И ко мне спастись сиганул.
Ничего, появятся друзья...
Греясь на коленях у меня,
Тельцем всем взывая: "Помоги!", -
Дух мой лечишь от тупой тоски.

9 августа 1997, "Ласточка"

* * *

Куда там - производство в рядовые!
Меня разжалуют в передовые,
Присвоят чин, с каким не приземлиться,
А кувырком свалиться и разбиться.
И по заслугам: знаний маловато,
Чтоб в собственной работе быть солдатом,
Всю жизнь в ребячьей куче копошиться,
Диагнозом не слишком ошибиться,
И за ручонку тонкую ребёнка
К нормальной жизни подвести легонько...

14 августа 1997, "Ласточка"

* * *

К. Б.

Тебя не подчинила чернота.
Взяла в блокаду. Светишься задорно.
С тобою не поделать ни черта
Коллективизму вязкому, бесспорно.
По моем'у совету уступил,
А если что - себя не сдашь без боя.
Покуда юн - не понял, не простил
Старперам бесконфликтного покоя.

7 августа 1998, "Кировец"

СТАРШИЙ БРАТ

Ветер слаб, да зыбь крепка:
От неожиданного тычка
У мальчика - озорника -
Перепутались бока.
Это море - старший брат, -
Озорует невпопад,
Как мальчишки в Тихий час

На ушах стоят подчас.
Море лезет в нос и в рот.
Даже в уши воду льёт.
Обнимает всех волной
Тёплый братец озорной.

10 августа 1998, "Кировец"

ГРЯЗЕЛОВ

Сперва я был медузоловом -
Удачливым и озорным.
Теперь же стал я грязеловом -
И, к сожаленью, неплохим.
Попался мне пакет с мазутом,
А прочей дряни - до черта.
Помойка, а не море! Круто
Так не бывало никогда.
Обрывки пакли, чурки, палки...
Вода тепла... Восторг - сперва,
Но где же свежесть?.. В этой свалке
Сама вода - полумертва.

16 июня 1999,

"Морская прохлада"

ОБРАСТАЮЩИЙ БРИТОГОЛОВЫЙ

Голова - босиком:
Ярко ночью, гладко днём!
Нет, не удержать ладошку -
Лысую погладить кошку.
Чудо-юдо - бритый ёжик:
Вот массаж отличный тоже.
А пушистого цыплёнка -
Как не потрепать легонько?
Голова - босиком:
Ярко ночью, гладко днём!

21 июня 1999,

"Морская прохлада"

Перед лагерем я обрился, и всю смену ребята, особенно маленькие, гладили мою обрастающую макушку. Мне так понравился этот массаж, что в середине смены я опять обрился, к восторгу ребят. Зато за всю смену голова не болела ни разу!

Все образы в стихотворении - ребячьи. Свежебритого, с гладкой макушкой, они называли меня лысой кошкой. (Кошкой, потому что гладили.) Когда появлялась щетина, я становился "бритым ёжиком". А когда щетина превращалась в пушок, меня сравнивали, конечно, с цыплёнком... Ну, а "голова босиком" - это из Корнея Чуковского, "От двух до пяти".

* * *

Тихий, Ласковый Ангел-хранитель.

Терпеливый - всегда под рукой.
Теневой, ненавязчивый зритель,
Пока я - с остальной детворой.
Но как только останусь один я,
Заблужусь ли инде - тут как тут
Спутник мой на маршруте недлинном,
Хоть на десять счастливый минут.
"Где болит? Не стесняйтесь же, право!
Хоть на пляж отведу вас к врачу.
Я - Антон, я - Наташа. я - Слава,
Я - Марина... Помочь вам хочу!"
Не успел загрустить я - на ручки
Взгромоздился мой ангел, - и всё,
И улыбкой развеяло тучки...
Ах ты, свечка моя, чудесо!..

3 июля 1999

* * *

Изнываю от тоски.
Изнываю от любви.
Икс Всевышний, помоги
Искру заронить... Увы!
Детским непростым судьбам
Я помочь бессилен.
Прикасаюсь к волосам
Будущей России...
21 февраля 2000, Екатеринбург,
школа глухих #89

* * *

Кровь течёт по этим нежным тельцам,
Без похабщины пока внутри.
Набирает ход судьба по рельсам.
Ты судьбу за всё благодари.
И за вынужденное безделье,
Озлобление на всех и вся.
За любое горькое похмелье
Не благодарить судьбу - нельзя.
21 февраля 2000, Екатеринбург,
школа глухих #89

* * *

К. Б.

А знаешь, я тяжёлый.
Хочу родить сынка.
Вот, мальчик мой весёлый,
О чём моя тоска...
Замучило беремя
Увесистой души.
Да не пришло время.

Зачем мозги сушить?
Тебя я любомудром
Готов бы сотворить;
Мозги обсыпать пудрой,
А после воду лить.
Но страшно изувечить,
Желаючи добра...
Для настоящей встречи
Придёт ещё пора.

23 февраля 2000, Екатеринбург,
школа глухих #89

Имеется в виду духовное сыновство и отцовство, моё
содействие в личностном росте, особенно в формировании
мировоззрения. Но в этом, наверное, проще помогать студентам
и наиболее "продвинутым" старшеклассникам... Потому и говорю
в конце о "настоящей встрече", когда понадобятся мои услуги
не только в качестве Детской Вешалки, но и в качестве
Учителя - Духовного отца.

* * *

К. Б.

Тик-так, тик-так...
Пульс бурлит под пальчиком.
Тик-так, тик-так...
Тяжело быть мальчиком.
Тик-так, тик-так...
Заставляют, требуют...
Тик-так, тик-так...
Школьную нелепую
(Тик-так, тик-так...)
Нудь - куда подальше бы!
Тик-так, тик-так...
Хоть поменьше фальши бы!..
Тик-так, тик-так...
Поскорей бы вырасти!..
Тик-так, тик-так...
Слёз и прочей сырости -
Тик-так, тик-так, -
Больше чем достаточно.
Тик-так, тик-так...
Сие непорядочно!
Тик-так, тик-так...
Взрослым не прощается.
Тик-так, тик-так...
Детство - защищается.

28 февраля 2000,
Екатеринбург - Москва

* * *

К. Б.

В этой шестёрке буковок -
Детства очарованье.
Не считаешь луковок,
Прячущих проростанье.
Эти шесть букв - Кирилл.
Имя. Недаром это.
Русских Кирилл учил
Азбуке - коду Света.
Азбуке детской любви
Ты меня учишь тоже.
Мальчик, прости! Позови!
Что тебе в выпендрёже?
Шутки навыворот - дар.
Пусть не всегда - удача.
Губы - надутый шар,
Тайного полный плача.

28 февраля 2000,
Екатеринбург - Москва

* * *

Не ревнуйте! Я - ничей.
Разве что - свой собственный...
Я влюблён во всех детей,
А в иных - особенно.
Я живой! Делить любовь -
Как же - одинаково?
И люблю я вновь и вновь
По-другому - всякого.
Не мешайте нам, прошу, -
Сами разберёмся мы.
На ребят едва дышу,
Думами искромсанный.

28 февраля 2000,
Екатеринбург - Москва

* * *

Безграничность - в ограниченном объёме.
И, чем дальше, тем страннее, незнакомей
Тайна детская пульсирует, мерцает,
Мне на ручки прыгнув, жить повелевает.
Перед детскою загадкою бездонной -
Виновато и коленопреклонённо,
Между небом вечным и землёю бренной, -
Я в молитве трепещу, как лист осенний.
И когда глубокой ночью спят ребята,
Дух мой любящий витает по палатам.
Никому в своём могуществе неведом,
Ночь невидимым пронизывает светом.

8 ноября 2000

* * *

Между мной и мальчиком - стена.
Не видна, но дьявольски прочна.
Свет струится между нами - и,
Сидя рядом, всё же ты - вдали.
Из космического далека
За тобой следит моя тоска.
В этот мир тыходишь. Мой маршрут -
Всё ясней - на выход. Я не тут.
Кем бы ты ни вырос - будет пусть.
Маленькому - я тебе молюсь.

4 мая 2001

* * *

Мне навсегда - двенадцать лет.
Солидности - ни капли нет.
Люблю побаловаться
На транспорте. А цаца,
Упрятав руки в рукава,
Сжимает губы в нитку.
Другие могут скрыть едва
За пазухой - улыбку.
Мне навсегда - двенадцать лет.
Толкаются? Свисток - в ответ!
Ворчу, почувяв давку:
"С дороги! Брысь под лавку!"
И расступается народ:
Подростку вечному - почёт!

8 мая 2001

* * *

Не мне воспитывать вас любовью.
Случайно встретились на бегу -
И ни к чему вас не готовлю,
Ни от чего не уберегу.
И жить вам некогда - суетитесь.
Жестоких шалостей - тусклый пыл...
Вам нужен Светлый Небесный Витязь,
Что постоянно бы вас хранил.

26 июня 2001

* * *

Тик-так, тик-так...
Горе моё горькое.
Тик-так, тик-так...
Сердце моё зоркое.
Тик-так, тик-так...
Я устал, мой маленький.
Тик-так, тик-так...

А на грёзах - валенки.

Тик-так, тик-так...

Топают неслышимо.

Тик-так, тик-так...

Надо спать, малыш ты мой...

21 февраля 2002

ПОРАЖЕНИЕ

Как приеду домой - напьюсь...

День рожденья?.. - Да нет, поминки -

По надежде, мечте, тропинке

К сердцу детскому... Ну и пусть.

Поражение пора признать.

Чисто книжной займусь работой,

Ибо надо же делать что-то -

Прозабавление заполнять...

27 мая 2002

* * *

Научись-ка, брат, молчать,

Болтовнёй не заполнять

Паузы в беседе.

Пусть попробует пацан

Поддержать беседу сам,

Впереди поедет.

И не страшно нипочём

Помолчать порой вдвоём, -

Так мы скажем больше,

Сидя вместе до утра

У дымящего костра -

И мечтая молча.

2 июня 2002

* * *

Я жду, когда вы нагуляетесь,

Налазаетесь - по горам.

И вот, когда вы разъезжаетесь

По всей России, по домам, -

Тогда свистки перекликаются,

Что я вам с умыслом дарил.

В моём компьютере встречаются,

Кого я летом полюбил.

Стеснительности, ни развязности

Не надо: лишь себя понять.

Мне не хватало только ясности

Вопроса, чтобы отвечать.

И не беда, что не всемогущий.

Кого утешу, а кому, -

Пускай он не просил о помощи, -

Сверх "невозможно" - помогу...

18 августа 2002

ГИМН ДЯДЬКИНОМУ ПУЗУ

Взрослые внимательны весьма

К детской попке, как малыш рождается...

Но ребёнок тоже без ума:

- Дядька с пузом! Можно прокатиться?

Шлёп ладошкой - звонкий барабан!

Может быть и лучшею подушкой...

Дядька не в обиде: - Мальчуган,

Я согласен быть твоей игрушкой.

Худ или пузат -

Я люблю ребят!

10 марта 2003

СУДЬБА

О. Г.

1.

Эк, на басах гармонь губная страстно,
Что твой орган, гудит волнообразно!
То ветер с моря дал концерт на счастье.
Куда мне до него! Волшебный мастер!
Держу в руках Эолову гармошку.
Обычно сам пиликаю немножко;
Сейчас на пляже слушаю сонату,
Гармонь подставив, как ловчей, собрату.

21 мая 2002

2.

Взрывом чувств - приподняло меня.
Я - взлетел на воздух - и повис.
И теперь - ни ночи мне, ни дня.
Невесомость. Невозможно - вниз.
В кои веки вызваны стихи
Не великой болью (кровь - ключом), -
А бессонным трепетом любви,
Звонким ослепительным лучом.
Мрак развеян Светом Горних Сфер.
Из темницы вознесён я в рай.
По лучу - Благая Весть: поверь;
В нежности опору обретай.

21 мая 2002

3.

Идём - ладонь - в ладонь.
В твоей - горит - огонь.
Мою - прожёт - насквозь...
Стучит, как сердце - трость.

23 мая 2002

4.

В зените - солнце.
Открыл оконце
В морскую свежесть -
И в лязг, и в скрежет...

25 мая 2002, в электричке
по пути из Туапсе в Сочи

5.

Где ты, Боже? Слово "Бог" - затаскано:
Кем - заблёвано, а кем - заласкано.
Сердце - орган (говорят) духовности.
И на нервно-лёгочной неровности, -
Естество когда от боли корчится, -
Руки ввысь тянуть к кому-то хочется.

Хоть, как древние, навстречу солнышку,
Что прогреет и простит до доньшка...

26 мая 2002,
на туапсинском пляже
6.

Море выбросило камень.
Ты нашёл его - тот самый,
Что назад четыре лета
Обронил в горах ты где-то
В речке. Ах, как было горько!..
Ты запрыгал от восторга,
Обретя обратно в руки
После стольких лет разлуки
В форме сердца этот камень, -
Не такой же, а тот самый.
Одинокой ночью зимней
Талисман любви взаимной
Мне в твоих руках приснится -
И намокнут вдруг ресницы.

1 июня 2002

7.

Дорогой Олень -
Горный Самолёттик!
Брежу ночь и день
О Тебе - в полёте.
И в мечтах брожу
Вдоль аэродрома,
Встречи ОЧЕНЬ ЖДУ
Я - СМОРОДКИН РОМА!
Ну же, приземлись -
И открой мне дверцу!
В облаках прижмись
К любящему сердцу.
Господи! Прости!
Вечное спасибо!
На клятом пути -
Осчастливил ибо.

16 июня 2002

Мальчик-Самолёт и его парализованный друг Рома
Смородкин - главные герои сказочной повести Владислава
Крапивина "Самолёт по имени Серёжка".

У меня с самолётом по имени Олень действительно
сложилась отношения, похожие на те, что между героями
Крапивина. Я плохо хожу, к тому же не вижу и не слышу, и
водить меня и по городу не просто, даже на асфальте вроде бы
на ровном месте могу подвернуть ногу (на самом деле - попав
ногой на край мелкой колдобины, на которую сопровождающий не

обратил внимание). А в горах вообще непонятно, куда ногу поставить. И именно Олень взялся провести меня по горам, и успешно решил эту задачу. Нам обоим, конечно, помогали, чем могли, и ребята и взрослые, но основная тяжесть моей горной Тропы легла на плечи именно этого подростка. Поэтому вполне оправдана проведённая в стихотворении параллель между ним - и Серёжкой-самолётом, с одной стороны, и между мной - и Ромой Смородкиным, с другой. Тем более, что ещё до горного похода мы тренировались на крутых улочках Туапсе, и уже тогда эта параллель у меня в мыслях мелькала...

8.

Успокоился, что ли, я?
Нет, как прежде, мечта моя
Непрерывно летит к тебе,
Ищет, где ты там на Тропе.
Нет, я не перестал скучать,
Но тебя мечте не видать.
Раньше грезился наяву...
Где твой образ теперь? Ау!
Не забыл ли ты обо мне -
В гор заоблачной вышине?..
...Впрочем, что я! Да ради Бога -
Забывай! Пусть порвётся нить.
Мне же в келье моей убогой
Тебя д'о смерти не забыть.
...Что за паника? Чушь какая!
Ну, куда ты исчезнуть мог?
Ох, как тяжело в преддверье Рая!..
Но всё близится - встречи срок.

21 июня 2002

9.

Утром здороваться я подходил.
Я наклонялся, и нежная кожа
Пахла, как яблоки. Слабо, но всё же.
Чудо, каким ароматным ты был..
Нынче, наверно, пропах ты костром.
Скоро уж месяц - палатки и горы..
Весь прокоптился... И я туда скоро..
Как-то мы встретимся?.. Кажется сном..
Камень-сердечко - твой дар - возьму.
К сердцу его своему - прижму.
Сразу же ярче и ближе твой облик..
...Фу ты! Прости идиота за сопли!..

2 июля 2002

10.

Близится, близится - дата.
Сна - ни в одном глазу.

Сойду на перрон, и ребята
Встретят меня внизу.
Пока - с талисманом на горле -
Связи ищущ с тобой.
Всё ли, мой мальчик, в норме?
Мир без тебя - пустой.
Мой Самолётик, где ты?
Ищет руки - рука.
Нет, не начнётся лето,
Не встречу тебя пока.

3 июля 2002

11.

Ну что, самолётик? Пора из Астрала -
В физический мир.
Как будем здороваться в центре вокзала?
Решай, мой кумир.
За пальчик? За ручку? А что, шевелюру
Взъерошить нельзя?
Таблетки едва не оставил я сдуру,
Чтоб сдюжить - тебя!..
Да только ли?.. Сдюжить бы каждого надо.
Себя - не теряй...
Проклятье ли вечное, ждёт ли награда?
Со-рай ли, сарай?..

5 июля 2002

"Со-рай ты мой, со-рай" - радостно потрясшее меня выражение из одного из педагогических эссе Ю.М.Устинова, которые я читал через компьютер перед приездом на Тропу (как раз Устиновым и проводимую). Чего только нет в этом каламбуре - "со-рай"! И - рай вместе, и отзвук известной сентенции "с милым рай и в шалаше", и обыгрыш этого самого шалаша - "сарай"... Я ехал в горный палаточный лагерь впервые, и беспокоился, то ли там у меня получится этот самый "со-рай" - совместное счастье с ребятами, то ли я окажусь изолирован в "сарай" - отовсюду "выпаду"... Ещё во время предварительной поездки в Туапсе, когда Олень тренировал меня на горных улочках этого города, я беспокоился, куда мне деваться в горах, когда все заняты? А я уже знал из предоставленных мне текстов, что там заняты все и всегда.

- На Тропе ведь все всегда заняты... - начал я скулить.

- В том числе и тобой! - перебил мой скулёж Олень.

Что тут было возразить?.. Но всё же я беспокоился, что и выразилось в комментируемом стихотворении перед самым отъездом на Тропу.

Ну, как видно будет и из дальнейших стихов цикла, в конечном итоге получился-таки "со-рай", и хотя я чувствовал

себя в горах, как нигде и никогда беспомощным, обузой себя не чувствовал. Оленьё обещание, что все будут заняты в том числе и мной, было выполнено, можно сказать, на двести процентов. Занимались мною все.

12.

Закрутился - то да сё:
Окопать палатку,
Да дрова, да костёр, -
Тьма забот вприсядку.
Наконец-то я с тобой.
Талисман не нужен.
Не астральный, а живой,
Ты готовишь ужин.
В тех заботах я не прочь
Как-то пригодиться,
Да лишь тем могу помочь,
Чтоб не суетиться...

6 июля 2002, Тропа

13.

Милый. Единственный. Неповторимый.
Как никогда ещё в жизни - любимый.
Чистый. Прозрачный. Бездонно глубокий.
Стойкий спасатель. И труженик бойкий.
Так энергичен, что доброй, счастливой, -
Пальцем коснусь тебя, - жжёшься крапивой.
Нежности, чуткой заботы ожоги...
Ну, а где надо, бываешь и строгим.
Взрослые нежности к детям боятся.
Дескать, на голову сразу садятся.
Судят о вас по себе, не иначе...
Впрочем, садись. Покажи, куда скачем?

30 июля 2002, Тропа

14.

Грелся б я возле бы всех равномерно,
Если б не ты.
Кем-то другим бы увлёкся чрезмерно,
Если б не ты.
В горы забраться - плохая потеха,
Если б не ты.
Я бы сюда ни за что не поехал,
Если б не ты.

2 августа 2002, Тропа

Когда меня спрашивали, как я решился на такую авантюру, я отвечал, что доверился не себе, а самому Устинову и, больше всего, Оленю.

Во время предварительной командировки в Туапсе я спросил у Юрия Михайловича:

- Ты уверен, что Тропа мне по силам?

- Абсолютно!

- Вся? В течение всего лета? Олень говорил, что в последние недели две будет какой-то дальний и быстрый поход по горам...

- Ну, во всяком случае, середина. Июль и начало августа.

- Хорошо, так и постараюсь приехать.

Олень же ещё в переписке со мной по электронной почте выкинул лозунг:

- А слабо провести по горам без травм!

Во время тренировочных прогулок по крутым горным улочкам Туапсе я убедился, что ему - "не слабо". Растяжения связок не в счёт - мелочи, это со мной случается постоянно, этого не избежать...

Словом, я доверился мальчику, что кто-кто, а он меня проведёт. Только у него одного был наработан опыт сопровождения меня в сложнейших условиях горной ("морщинистой", как он однажды выразился) местности, и он был уже достаточно взрослым (четырнадцать лет), чтобы физически это выдержать. Потом разработали способ сопровождения меня по горной тропе целой группой, но это было уже на самой Тропе. А когда мы в течение трёх дней карабкались к верхнему палаточному лагерю, где мне предстояло жить, мальчик вёл меня за руку, и это был, без преувеличения, подвиг. Требовалась не только чисто физическая выносливость, но и адское терпение, чтобы дожидаться, пока я нащупаю тростью, куда поставить ногу, или пока отдышусь, обняв за ствол дерево... А каменистые броды через горную речку, где избежать растяжения связок практически невозможно!..

15.

Спи...

Если тронул случайно - прости.

Спи...

Под дождём раскисают пути.

Спи...

Барабанит, стучится, как БОМЖ, -

Спи, -

В тент палатки назойливый дождь.

Спи...

Редкий молнии выскерк - в ночи.

Спи...

Нам-то сухо. Снаружи - ручьи.

Спи...

Охранять разреши мне твой сон.

Спи...

Я стихи запишу, а ты со-

Пи...

Спи...

Сопи...

5 - 6 августа 2002, Тропа

16.

Господи Боже...

Нет, не которому молятся в храмах карги.

Господи Боже -

Спящий Ребёнок. Божественный сон береги.

Господи Боже,

Ты на плече моём сладко, доверчиво спишь.

Господи Боже!

Сердце, потише! Под ухом у Бога стучишь!

6 августа 2002, Тропа

17.

Был ребёнком - Богом был.

Человеком быть придётся,

Чтобы с жизнью побороться,

Сколько хватит слабых сил.

Что, не хочешь взрослым быть?

Так расти Гигантом Духа!

Ни пера тебе, ни пуха -

Мудро, творчески любить!

Мой пушистый юный друг,

Не волнуйся - не разлюбим

Лишь за то, что голос грубый.

Будь надёжен и упруг.

А пока прижмись ко мне

Грозовой ночью горной;

Не отбрасывай упорно

Одеяло в бурном сне...

6 августа 2002, Тропа

18.

Из меня хранитель сна -

Как из мухи. Ну-ка, тронь-ка!

Как ни ползает легонько -

Провались к чертям она!

В мухе вроде миллиграммы,

Да щекотка - невтерпёж!

Чёрта лысого уснёшь.

Мне бы видеть - не руками...

Размечтался... Знай лежи -

И руками не жужжи!

7 августа 2002, Тропа

Жил я на Тропе в двухместной палатке. Ребята спали со мной по очереди, иногда по двое, несмотря на тесноту.

Оставлять меня на ночь одного было нельзя - вдруг понадобится помощь, чтобы отойти в сторонку от лагеря... Так что с самого начала были установлены "ночные дежурства". Стали дежурить по двое, когда однажды мне и в самом деле понадобилось выйти, а до своего "дежурного" я не добудился... И заблудился в ночном лагере, сидевший у костра Устинов помог мне найти свою палатку. Но втроём в двухместной палатке всё же тесно, и я старался, чтобы необходимость ночных выходов не возникала, - например, как можно меньше пил вечером...

19.

Если гора не идёт к Магомету,
То Магомет к непокорной идёт.
Если к тебе приглашения нету,
Вдруг бы - устроиться наоборот...
Так ли, иначе ли, только тебя мне
Встретить как можно скорей - невтерпёж!
Очень с холодным невесело камнем,
Пусть и на сердце тот камень похож.

24 сентября 2002

20.

В пятнышке света
под потолком
Ангела любящий дух
прозреет.
Светится мальчик крылатый, реет,
Над подопечным завис
ничком.
Взгляд неотрывный, кроткий, печальный.
Крылья, всё ярче светясь, распустил.
Куполом Света меня защитил
Друга далёкого образ астральный...

30 сентября 2002

21.

Ты встретишь поезд. Руки положу
К тебе на плечи. Шопотом скажу
С усталой нежностью слова привет.
И подбородка острого коснусь,
И сквозь печаль при мысли улыбнусь,
Что осенью продолжим наше лето...

1 октября 2002

22.

Нет, малыш, я не помощник в этом.
Бросить школу? Милый, Ни-ни-ни!
Даже самым бескорыстным бредом
Оправдать такое не могу.
Весь я твой - до самых до печёнок,

И помочь готов тебе во всём,
Но в самоубийстве, мой ребёнок,
Не помощник - в чём-нибудь другом!

4 декабря 2002

23.

Солнышко, ты возшло,
Сердце во мне зажгло,
И уж который месяц
Греешь, небрежно свесясь.
В скважину вставлен ключ:
В сердце - отвесный луч.
Солнце - всегда в зените.
Это не объясните.
Нет, не полярный день:
Солнечный мой Олень.

10 декабря 2002

24.

Приворотное зелье. Почтой -
Электронной - приворожён.
Позже - личная встреча. То, что
Было явью - сумбурный сон.
Я не сырость развёл, не слякоть -
Это слёзы любви к тебе.
Вместо ссоры по-детски плакать -
Что плохого в такой судьбе?
Хоть в астрале - сцепить нам руки...
Мне бы знать всегда - что с тобой...
Вечный ропот - разлуки-муки...
Где ты? В сказке теперь какой?..

11 - 12 декабря 2002

25.

Ты - без пятен солнце. Мочи нету -
В школе доучиться. Ну и что?
Разве тем утетишься, что это -
Не твоё, а школьное пятно?..
Камень преткновения. Застенок.
Школа унижений. Адский форт.
Всякий, кто посмеет встать с коленок,
Полетит за социальный борт.
Трап верёвочный приладить впору -
За бортом изгоев не плодить...
Где химчистка, чтоб сию контору
Пятен формализма бы лишить?
Мальчик мой, что делать, раз без фальши
Для тебя нам школу не найти?
Ведь не мыкаться в изгоях дальше?
Обходные были бы пути...

14 декабря 2002

26.

Чтоб костёр до утра поддерживать,
Сухостой напилили днём.
Пусть горит потихоньку дерево.
Хорошо нам с тобой вдвоём.
И вошло надо мною солнышко,
И припал я к его лучу,
И прогрелся под ним до доньшка,
Но всё мало - ещё хочу!

26 января 2003

Да, как ни было физически трудно на Тропе, но там я был
счастливым на редкость. Ещё хочу!

27.

Я работал, скитался по лагерям,
А судьба моя прыгала по горам,
И из будущего под дверцей
Не сквозило в сегодня моё совсем,
А судьба моя каменное меж тем
Находила, теряла сердце...
И я встретил судьбу в предрешённый час,
И на пляже морском пропажа нашлась,
Под подушкой моей хранится.
А живое, не каменное моё,
Я доверил судьбе, чтоб в ладошках её
Продолжало бы сердце биться.

26 января 2003

28.

В жилах бродит вредный сок.
Производит кувырок.
Кувыркается подросток -
Будет взрослый мужичок.
Ты не понял сам себя,
Отношения губя.
Всё равно люблю, мой мальчик,
Не свободу, а тебя.

25 марта 2003

29.

Прости меня, что косолапый,
Что телом, да и духом - слабый;
Прости за пот и полноту;
Прости за храп неудержимый...
После меня хоть руки вымой...
Я сам себе противен - тьфу!

3 июня 2003

30.

Воробей мой, ворожей,

Чудодей мой, чародей,
Ты меня приворожил,
Напрочь я себя забыл.
Где я? Кто я? Сколько лет?
Меня больше - просто нет:
Растворился я в тебе.
Покорился - ворожбе.
Я от века - это ты,
И недаром лиц черты
Наши схожи, говорят...
Каждой встрече - как я рад!..

22 июня 2003

31.

Разгорается костёр.
Распускается цветок.
Жгуч, и ярок, и остёр,
Развернулся лепесток.
Онемев от полноты
Красоты и высших чувств,
Примостился рядом ты,
К моему припал плечу.
Лагерь спит, а мы вдвоём
Перед огненным цветком.
Света круг, и ты, мой друг,
Тихая влюблённость рук...

22 - 23 июня 2003

32.

Ну, какого лешего
Лез я в горный лес?
Слушать страха вещего
Не хотел, балбес.
Хоть самостоятельно
Шагу не ступлю, -
Действую сознательно:
Я тебя люблю!

4 июля 2003

33.

Баю-бай, пушистый мой.
Спать давно пора бы.
Горный склон,
лес ночной,
Веет ветер слабый.
Духотища. Комары
Прям остервенели.
Есть баллон:
веер брызг
Точно бьёт по цели.

Ночью - молния и гром,
Ливень по палатке.
Спи, сынок,
 Всё путём,
Всё у нас в порядке.
Будет солнышко с утра,
Склон подсохнет быстро.
А пока -
 спать пора,
Мой Олень рысистый.
Кем захочешь, - подрастёшь, -
Быть, конечно, сможешь.
Спи! И так
 ты хорош,
Баю-бай, пригожий...

28 июня - 4 июля 2003

34.

Я лазил в горы за своей любовью.
Но коль встречаться можно и внизу,
То больше нету смысла харкать кровью,
На эти кручи больше не вползу.
Но за тебя, мой горный мальчик жгучий,
Спасибо навсегда кавказским кручам.
А если всё же надо, за тобой
Непроходимой вновь пройду тропой,
Лишь кликни. Ибо ты - не только горный,
Но для меня в каком-то смысле Горный,
И можешь достучаться потому
За помощью и к Богу самому.

5 июля 2003

35.

Мой мальчик, ты пока - мой праздник:
Недолгий, редкий, - но - как знать? -
Войдёшь и в будни, мой проказник, -
Плечом надёжным поддержать.
Пророком быть не претендую.
Но в час, как жизнь мою задуют,
Тебе прощальный вздох pošлю
О том, что до конца люблю.

20 июля 2003

36.

И опять
 двадцать пять:
Мы расстались, и опять
Подбородок острый твой
Днём и ночью предо мной.
И опять

двадцать пять:

Сладко море вспоминать,
Как пушистой головой
Ты бодался под водой.
И опять

двадцать пять:

Сочинять, изобретать,
Где, под вывеской какой,
Снова встретиться с тобой.
И опять

двадцать пять:

Твой бы поезд не проспать;
Снова праздник, мальчик мой,
Дни завертятся юлой.
И опять

двадцать пять:

Снова поезд провожать;
Талисманы под щекой
Будут связывать с тобой.
И опять

двадцать пять:

Поезд мой придёшь встречать;
Заведя на склон крутой,
Станешь вновь моей судьбой.

5 августа 2003, "Лукоморье"

37.

Дожидался я весточки даром.
Электронная почта примолкла.
Ты свернулся светящимся шаром
На контактах системного блока.
Не решаюсь, из страха ошибки,
Пренебрёг я заветною кнопкой.
Ох, надежды на весточку зыбки,
Всё же тешусь надеждою робкой...
Ты светящимся шаром свернулся
На контактах системного блока.
Но компьютера я не коснулся:
Вдруг на весточку нет и намёка?..

20 октября 2003

38.

Что за бред кобылы сивой?
Дай прижать тебя к груди...
Если что во мне и живо,
Это - сполохи любви.
И заглазно, и воочью -
Ищет импульс твой душа,
И не спит глухою ночью,

Каждым фибром трепеща.
Где ты, жгучий-кувыркучий?
Преподай ещё урок...
Мой капризный, самый лучший,
Мой - пусть названный - сынок!..

3 декабря 2003,
семь часов утра

8. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

МАМА

Я не наслаждался словом "мама".
Просыпаясь утром в интернате,
Я хочу, хочу до боли прямо,
Чтоб будила мама - не ребята.
Не хватает странной и обычной
Ласки, что у мамы лишь бывает.
Настроеньем утренним, отличным
Ласка нас до ночи заряжает.
И хочу, хочу до боли прямо,
На казённой койке в интернате
Вдруг позвать полупроснувшись: "Мама!" -
И придёт она, а не ребята.

7 марта 1972

МАМА И АВТОБУС

По часу и более ждут
Автобус у нас в захолустье.
Начальство, шофёров клянут
Этажно, с привычною грустью.
И мне приходилось не раз
Страдать на стоянках бесплодно.
За этот потерянный час
Пешком я дошёл бы свободно.
Но мама в больнице была.
Мы часто её навещали.
Все нужды, заботы, дела
Домашние с ней обсуждали, -
Что нам она очень нужна,
Её убеждая тем самым.
Успешней лечилась она
Любовью семьи, чем лучами.
Я к маме тянулся всегда.
Мне времени встреч не хватало.
И тут ожиданья беда -
Автобуса - радостью стала.
Пусть нет его час и другой.
Я с мамой моею покуда -
С любимой, хорошей, родной, -
Подольше, подольше побуду!

31 июля - 1 августа 1974

У мамы были злокачественные опухоли на горле под
родинкой и над правой лопаткой. Её едва успели спасти, ещё
бы немного - и начались метастазы. После тяжелейшей операции
её целый месяц облучали. И она прожила ещё двадцать два с

половиной года.

МАМА

Пластинки приёмника нашего,
Что брошены музыколюбам,
За них убирает; развёрнута
Внимательная голова.
(Всегда она так поворачивает
Голову эту внимательную
В сторону собеседника...)
Мама чего-то кричит -
Должно быть, лентяев отругивает,
Что разные джазы слушали,
А после пластинки бросили, -
Мамочка, убирай!
Взглянул я в лицо любимое,
Назад максимально развёрнутое,
И жалость резнула п'о сердцу:
Такое это лицо
Усталое, побледневшее,
Такие глаза посветлевшие,
От вечного горя ослепшие,
Пролившие столько слёз!..
Морщины лица глубокие,
На шее они глубочайшие.
Когда повернёт она голову,
Чудится мне наяву:
То не морщины, а высохшие
Руслы, слезами проложенные, -
Горьким солёным дождиком,
Частым у мамы моей.

7 сентября 1974

У меня светоощущение сохранилось. Различаю, например, горит свет или нет, вижу солнце и тени... Любил в молодости вглядываться в лица, в том числе в своё в зеркале, пытаюсь увидеть тёмные глаза на светлом фоне лица. С мамой не получалось - её глаза уже были светлые. Но я вглядывался, а она не выдерживала моего взгляда, начинала отворачиваться и ворчать. И я в приливе нежности целовал её в эти невидимые для меня, но такие мягкие и тёплые для губ глаза...

ПРОВОДЫ

Солнце сияет сквозь реденький дождь.
Тронется поезд вот-вот,
Что комсомольскую молодёжь
В новую жизнь увезёт.
Встал на перроне папаша седой -
Дочку пришёл провожать.
Дома бранился всегда с родной -

Сильно любил её, знать.
В гейзере словно крутой кипяток,
Нежность отец затаил.
Вот и подходит прощания срок -
Гейзер любви забурлил...
Тронулся поезд... И, как никогда,
Вырвалась нежность навверх.
"Доченька, милая, ты куда?!" -
Старый заплакал при всех.
29 - 30 сентября и 12 октября 1977

ТАЮЩАЯ МАМА

Таает снег. Пустило солнце
По сугробу ручеек,
Что к земле промыв оконца
Начал сразу, как потёк.
И сугроб, недавно гладкий,
Молодой, в расцвете сил,
Весь осел в морщины-складки,
Одряхлел, совсем оплыл.
Точно так же таает мама,
Что от сына вдалеке.
Горьких мыслей шифрограмму
Слёзы пижут на щеке.
Сын собою слишком занят,
В недосуге с головой, -
И без писем мама вянет:
Как сыночек? Ещё живой?..

18 июля 1978

МАТЬ И СЫН

- Мама, что с тобою?
Где твои глаза?
Чем, какой тоскою
Выжата слеза?
На работе, может,
Что-нибудь не то?
Что тебя тревожит?
Не обидел кто? -
Обняла печально:
- Всё, сыночек, нормально.
Для тебя, сыночек,
Удалось чуток
Раздобыть сметанки, -
Вот, домашней, в банке.
Хочешь, с хлебом дам? -
- Да, спасибо... Мам,
Всё же не обманывай,
Всё же не хитри:

Что с тобой - выкладывай,
Правду говори! -
- Всё нормально... Только,
Погостив, опять
Ты, сынок, надолго
Должен нас бросать.

18 января 1980

Я потерял зрение в три года, поэтому в семь лет пошёл в школу слепых. Между вторым и третьим классами (в девять лет) резко упал слух. В школе слепых я ездил домой на субботу и воскресенье - она была в том же городе, где мы с мамой и остальными членами семьи жили. С пятого класса, в сентябре 1964 года (мне было одиннадцать лет), я был переведён в Загорский детский дом для слепоглухонемых детей. С 1971 по 1977 годы - учёба на факультете психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Дальше - работа в качестве младшего научного сотрудника Научно-исследовательского института Общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. Домой к маме наезжал в отпуск. Вот во время одного из первых таких отпусков и написано комментируемое стихотворение.

МАТЬ

И снова после краткого свиданья
Со мной прощаться время настаёт.
Какое безысходное страданье
Из тёплых мягких глаз её течёт!
Закономерно: подрастают дети,
И едут жить, работать кто куда,
И сами за себя теперь в ответе,
Своя у них и радость и беда...
А мать стоит, следит прощально, скорбно,
Как её сердце в образе детей
Скрывается в дверях аэропорта
И врёт, суля писать почаще ей.

20 января 1980

МАМА

Мой утренний клич:

- Мама! -

И целый день:

- Мама! Мама! -

И вечером, на ночь:

- Мама! -

И даже во сне -

мама.

Любовь ли в призыве -

"Мама!"?

Иль как на слугу:

- Мама!

Подай, принеси,
 мама!.. -
Заботой жива
 мама.
 10 августа 1980
 4 мая 1990
 * * *

Снег сверкнул напоследок -
И надолго погас...
До обидного редок
Зимний солнечный час.
Словно мама гостила
У сынка в отпуску,
Так и солнце светило
Только час на бегу.
И в сыновнем оконце
Снова зимняя ночь.
Тьму рассеять без солнца
Звёздам дружбы невмочь.
А бывает беззвёздно,
Небо низко висит
В одиночестве мёрзлом
И в метели обид.

18 - 21 ноября 1980

Мама ко мне тоже приезжала в отпуск. Я всегда очень о ней скучал, и это стихотворение написано вскоре после очередного её отъезда.

* * *

В окне светлеет,
 в окне темнеет, -
Хлопочет мама
 весь долгий день.
И в поздний вечер
 лицо желтеет:
Усталость -
 или
 от лампы тень?
От глаз поблёкших
 текут морщины, -
Наследье жгучих,
 солёных дней.
А руки варят,
 стирают,
 чинят, -
На ошупь вены
 ясней,
 видней...

Она в ответе
 за всё на свете.
Всё тоньше,
 тоньше
 бескровье губ.
Жилось бы только
 получше детям, -
Как на хорошее
 свет ни скуп.
Пред ней пигмеем
 предстанет даже
Державший небо
 титан Атлант.
За всё в ответе...
 Огромна тяжесть.
Терпенье -

 мамин
 святой талант.
 30 декабря 1981
 7 мая 1990

ЮБИЛЕЙНАЯ ШУТКА

Юбилей - ужасный шум:
Нету времени для дум,
 Суета сует...
Всё устрой да приготовь,
Сколько б ни было годов,
 Хочешь или нет.
Разряжён, как попугай,
Речи слушаешь: Вай-вай!
 Расхвалили в прах!..
Пожеланий целый воз.
Хоть бы что-нибудь сбылось
 В добрых тех словах...

 6 марта 1984

ЦИРК И МАМА . 0

Огни как будто скачут - так мелькают.
Аплодисменты, и свистки, и звон.
И музыку весёлую играют,
И общий детский смех - как хором стон.
Что делать в цирке мне? Я мог бы возле
Приткнуться где-то, почитать журнал.
Потрогал бы улыбки ваши после,
И вашим счастьем сам бы счастлив стал.
Твоим уходом праздник весь порушен.
Ребятам не испортить бы хотя...
Куда ты, мам? Ушла, не стала слушать.
Мне цирк не нужен! Место - для тебя!

Уехала. Вот не было напастей!
Попробуй жертву глупую прими!
А то бы душу отвела, на счастье
Моё, - повеселилась бы с детьми.

10 июня 1987

* * *

- Ох, и длинная дорога!
Ой, совсем не ходят ноги!
Ну куда же ты, сынок?
Санаторий наш далёк. -
- Что ты, мам! Плетёмся еле.
Все кафе мы осмотрели.
Я бы в море погулял...
Должен быть уже причал...
Повезло бы с теплоходом, -
Пусть нежаркая погода. -
Повезло! Билеты есть.
Выбираем, где бы сесть.
Мама, ты назад хотела,
А теперь повеселела:
Ноги больше не болят,
Пальцы рук уж не ворчат,
Губы сами по ошибке
Расплываются в улыбке...
Ты как маленькая, мам!
Я тебе грустить не дам.

4 октября 1987, Геленджик

СОЧУВСТВЕННОЕ

С кухни мелким-мелким шажком
К телефону мама летела.
Трубку всё-таки не успела
Снять перед последним гудком.
"Ну, звони же!.. Вдруг это - он:
Сын, которого нету рядом!.." -
Мама вп'илась молящим взглядом
В недождавшийся телефон.
Но бесчувственная коробка
И не слушает просьбы робкой.
Где безмозглой постичь, как тяжело
На душе у мамы, бедняжки!..

14 декабря 1987

25 февраля 1991

МАМЕ

Ох, ворчунья моя!
Ты жилами
Небогата -
мягкая вся.

Ты богата
 добрыми силами
Одолеть,
 что другим
 нельзя.
Ничего
 не выскажу нового...
Только мне,
 молодому,
 стыд:
Как работает мама
 здорово!
Еле ночь её
 угомонит.
Перед болью
 не остановишься.
Не раздавит усталость
 плеч...
Дорогое моё
 сокровище!
Как же мне тебя
 уберечь?!
19 ноября 1988
 * * *

Расскажи считалочку,
Пробурчи бурчалочку:
Мама - на скакалочке,
А сынок - на палочке.
Мама - прыг-скок:
Догоняй, сынок!
А сынок - бух!
Прямо в лужу - плюх!
21 ноября 1988
 СОН

Я в Ленинграде,
В гостинице "Октябрь".
Каким-то чудом в Ленинград попала мама.
Она пройти ко мне в гостиницу хотела,
Да не пустили её даже в вестибюль.
Стоит старушка, мягкая, в морщинах,
Мой невысокий, косолапый колобок, -
И скорбно смотрит вдаль, в просвет проспекта,
Лицо немного к небу запрокинув.
И по морщинам щёк, как по оврагам,
Проложенным великим прежним горем,
Стекают снова слёзы, -
Ну точно капли крупные дождя.

Вдруг мама, плача, затянула песню -
Протяжную народную тоску.
А у меня на пятом этаже
Болит во сне, вот-вот взорвётся сердце.

18 апреля 1989

* * *

Где бы силы
взять бы - утром встать?
Сделав три попытки, всё-таки встаёт.
И на кухню -
завтрак сочинять -
На негнущихся больных ногах бредёт.
Мама тело
катит кое-как.
Косолапит с боку на бок, торопясь,
Но сдвигает
семенящий шаг
Колобок вперёд по чайной ложке в час.
Потихоньку
всё же разошлась.
День хлопочет - не утомнишь её...
И откуда
только ты взялась,
Чудо-юдо ты бесценное моё!..

4 - 5 марта 1991

25 марта 1997

* * *

Ты сжала мою руку, потянула,
И усадила рядом: "Не скучай!"
И глубоко, беспомощно вздохнула.
Под пальцами моими шевельнула
Губами - слёзы хлынут невзначай.
И у меня глаза на мокром месте:
Сейчас мы пять минут побудем вместе;
Вернёшься скоро - суток через пять, -
Но тяжело всё ж тебя мне отпускать.
Сейчас ты вся охвачена тревогой:
Мол, как один пять суток перебыюсь?
Побольше вспомнить, сделать пред дорогой
С утра хлопочешь, подавляя грусть.
Продукты накупила, пол помыла.
И вот сидишь, прощаешься, грустя.
Едва ли ты бы на день отлучилась,
Да не один я, мама, у тебя.

7 марта 1991

В 1986 году мама с сестрой и братом переехала в
Смоленскую область - обменяли квартиру в Киргизии на

меньшую. С тех пор мама в основном жила у меня, но время от времени наезжала к сестре и брату в Смоленскую область. Я чаще всего оставался в Москве. Момент одного из таких отъездов мамы и описан в стихотворении.

* * *

Утро. Окна сильно посветлели.
"Мама!" - начинаю громко звать.
Либо сам иду к её постели, -
Сморщенное чудо поднимать.
Ах ты, мой любимейший ребёнок,
Самый непосредственный из всех.
Как ты нежно бьёшь меня спросонок,
Бормоча, - и смех с тобой и грех.
Рвёшься, точно с привязи срываясь:
Трудно сесть, ещё труднее встать.
И - запереваливалась, маясь,
На негнущихся ногах - сновать.
Точно вертолёта приземленье,
Медленно присядешь иногда,
Тщательно примерившись к сиденью, -
Мучает тупая боль в ногах.
Вся замрёшь, коленки тщетно глядя,
Болью подытоживая жизнь,
Затуманенно в пространство глядя, -
И печаль струится из морщин...

29 декабря 1991

* * *

Мамочка! Невзначай
Всякое может сбыться.
Так что - не убегай.
Рядом беда таится.
Палец ли прищемишь
Дверью, - а то и хуже...
Мама, куда спешишь?
Горе стоит снаружи.
Кровь, и от боли вскрик, -
Вдруг не кошмар, а в яви?
Мама, тебя на миг
Страшно одну оставить.

17 января 1992

Написал ночью, после кошмара, в котором мама прищемила палец (правый указательный) дверью в поезде "Алма-Ата - Москва", при переходе из вагона в вагон. Меня разбудил мой беспомощно-отчаянный вопрос: "Мама, ну почему нам так не везёт?!" С каким облегчением я проснулся!..

ПРОБУЖДЕНИЕ В ПОЛНОЧЬ

Мама! Пока ты в больнице,

Траур не должен звучать.
Что там с тобою творится,
Чтобы мне ночью не спать?
Всё хорошо, всё нормально, -
Врач говорила не зря.
С музыкой слишком печальной
Мне просыпаться нельзя.
Горестней вальсов старинных
Пусть не звучит ничего.
Нету для страха причины.
Всё хорошо, хорошо...
Светится мягко больница.
Чёрного пятнышка нет...
Ночью, бывает, приснится,
Только не сбудется - бред.

16 апреля 1992

В апреле 1992 года маму положили на операцию в пятый московский роддом. Чего там, всё равно в следующих стихах все тайны выбалтываю, - удаляли матку, мешавшую маме ходить. Я сильно за неё тревожился в это время и не позволял себе ни слушать, ни вспоминать траурную музыку, - ничего грустнее вальса. Хотя этим я пытался ей помочь. Обедал я в ближайшей заводской столовой, и когда мама спрашивала меня, что ел, я вспоминал котлеты с рисом и т.п.. "Откуда?" - удивлялась она. Я смеялся и рассказывал, где столовался. Тем самым я не оставлял ни малейшего повода для обычных материнских вздохов, что сынок, мол, голодный сидит...

* * *

Отрезали мой исток, -
Он маминой жизни мешал.
Я как-то смириться не смог,
Что вроде без корня стал.
Нет лона, где я начинался,
Из клеточки развивался,
Где, прежде чем выйти, брыкался, -
Откуда на свет я взялся.
С тем лоном слабела связь,
Что ныне оборвалась.
Увы, приближается край,
Где скажут: "Навек прощай".
Да ладно. Мама была бы,
Подольше пожить смогла бы.
О том же, что все там будем,
Попозже авось рассудим.

21 апреля 1992

Операцию делали под общим наркозом. Мама ещё тогда едва не умерла. С этой больницы (гинекологическое отделение

пятого роддома в Москве), видимо, можно считать те "лишние" годы, которые маме удалось прожить дополнительно. Около пяти лет. Ещё до этой больницы не столько мама, сколько я маму нянчил, и в больницу устраивал её тоже я, искусственно игнорируя (уговаривая врачей игнорировать) тот факт, что она не была у меня прописана (сама не хотела, и только ещё через полтора года мне удалось её убедить прописаться, чтобы спокойно её лечить). Боялась за квартиру в Смоленской области, поэтому и не хотела прописываться. Там жили сестра и брат. "Держать" маму, не отпускать её в могилу я начал никак не позже чем с 1991 года, а бояться её смерти - с 18 апреля 1989, с того сна, который описан в стихотворении, датированном этим днём. Борясь за мамину жизнь, я выпрашивал путёвки в санатории, дома отдыха, а после инсульта (произошёл 13 мая 1994) брал её с собой в детские лагеря.

* * *

Добрая ты ворчалочка.
Нежная ты бурчалочка.
Мамочка-перевалочка.
Палочка-выручалочка.
Думе тягучей - мелко -
Ты - головой кивательница.
Возле меня сиделка,
Молча - переживательница.
Скорбь из морщин струится -
До без сознания - сдержанная.
Мама не шевелится,
Свычно-самоотверженная.
Добрая ты ворчалочка.
Ласковая бурчалочка.
Уточка-перевалочка.
Мамочка-выручалочка...

9 июля 1992

Нет, она не была ворчливой в обычном смысле. Просто мне нравилось подслушивать, положив руку ей на горлышко, как она бормочет.

Вот это бормотание-бурчание всё время и "подслушивал" рукой. Получалось похоже, как если бы я положил руку на динамик радиотранслятора, когда передают последние известия и вообще речь.

Где-то в начале семидесятых мама сказала о себе, что ходит - переваливается - "как утка". С тех пор моим любимым развлечением стало: положить руку ей на плечо, поймать её походку и, вышагивая с ней в ногу, распевать "утка - утёнок, утка - утёнок". До тех пор, пока не остановится и не начнёт отмахиваться от меня, как от назойливой мухи, шлёпая куда придётся. Этого я и добивался, заканчивая ритуал объятиями и

поцелуями. Ждать маминого протеста против "утки-утёнка" долго не приходилось.

На всё это переполненное грустной нежностью стихотворение мама, когда я ей его прочитал, отреагировала: "Дурью маешься". Дала она эту оценку, лёжа на санаторной кровати, безуспешно сдерживая улыбку, за которой я подсматривал руками, сидя рядом. Потом она просила читать эти стихи всем её санаторным знакомым.

* * *

Мамочка, так хочется порою
Взять тебя на ручки, покачать.
Поцелуем рот тебе закрою,
Чтобы перестала ты ворчать.
Пусть Эдипов комплекс прозревают
У меня иные мудрецы.
Что такое нежность, вряд ли знают
Гордые здоровые птенцы.
Встанут на крыло - и до свиданья:
Жизнь - своя, и только для себя.
С мамой каждый день у нас прощанье
В страхе заключительного дня.
Той разлуки, безусловной самой,
За которой - боль да боль одна,
Когда я, шепнув спросонок "мама",
Вспомню вдруг, что не придёт она.
Не захочется вставать, возиться
С чем-то для чего-то целый день.
Незачем и некуда стремиться.
Лишь надрывно звать родную тень.

13 февраля 1993

Отчасти так и есть. Но в поэме "Свет" я недаром сказал, что мама - "первый и последний жизни смысл". Вставать, возиться, куда-то зачем-то стремиться - нужно по-прежнему ради неё, чтобы не лишить смысла её материнский подвиг. А так, конечно, страшно скучаю, зову... Тень-то её рядом, я её никуда не отпустил и не отпущу, но сил нет, как нужна мне её плоть - то, что можно потрогать, как раньше.

* * *

Как я виноват перед тобой.
Сколько лишнего со мною горя...
Глупо самостийничаю, споря,
Лезу напролом, - и вот с ногой
Повреждённой мучаюсь. Ты, мама,
Плачешь надо мной, над дураком.
А ведь не прощу себя потом -
При прощании последнем самом.
Не прощу за много-много дней

Слёз твоих - не только за сегодня...
И любой загробной преисподней
Муки поздней совести грозней.
Знаю, не прощу себя... Пока же
Голос повышать посмел я даже.
Сдуру маму в гроб легко загнать...
Каково без мамы доживать?

17 июля 1993

* * *

Где пределы твоей доброты,
И любви хлопотливой твоей?..
Все стареют - а ты молодей.
Все болеют - а ты у плиты.
Если ноги отнимутся вдруг,
Упадёшь, но ко мне доползёшь:
Из своих перетруженных рук
Мне еду и питьё поднесёшь.
- Хочешь кушать, сынок?.. Хочешь пить?
- Мама, лучше я сам. Отдыхай.
- Нет, сынок, я сама! Не мешай! -
Как же рвёшься ты нужною быть!..

18 июля 1993

* * *

Нежно к груди прижмёшь
Взрослую мою голову.
Раскачиваться начнёшь,
Баюкая мою голову.
Вдруг, ворча, оттолкнёшь
Бородатую мою голову.
- Нашёлся малыш! Хорош!
Уходи! Не морочь мне голову!

19 июля 1993

* * *

Нет сил... Когда приедешь, мама?
Что за мучительный вопрос.
Какая держит, к чёрту, драма?
С сестрой ли, с братом что стряслось?
Должна б сегодня... В нетерпенье
Куда - последние часы?
Я проявил к хозяйству рвенье:
Пропылесосил все полы.
А после в темноте в засаду
Забился на остатний срок.
Зажги в прихожей свет, порадуй!
Вмиг выпорхну - на огонёк...

10 сентября 1993

* * *

Мама - мой ангел хранитель -
Светится вся изнутри.
Смотрит наш общий гонитель
В окна - с зари до зари.
Смотрит, момент караулит, -
Глупую шутку сыграть.
Чтобы, когда поскользнулись,
Долго бы нам вспоминать.
Выйдешь на грохот паденья,
В страхе последствий трясясь.
Мама, прости раздражение
В самый аварии час.
Кто он - шутник постоянный, -
Кто нам подножки суёт?..
Это - дурак безымянный:
Просто - российский разброд.

18 сентября 1993

* * *

Губы - в стороны.
Уголки - вниз.
Любим - скоро мы:
Вот и вся - жизнь.
Где тут - ямочка
В уголке - губ?
Мама, мамочка,
Я порой - груб.
В белый - свет ворчишь.
Мягкий клюв - рот.
Горя - след строчишь:
Вечных слёз - ход.

23 ноября 1993

* * *

Все слёзы выплаканы мамой.
По руслам высохшим морщин
Давно слезинки, мелкой самой,
Не пробегало, хоть причин
Для скорби - выше всякой меры.
Слегка к подглазьям прикоснусь:
Мне надо пальцами проверить,
Погружена ли мама в грусть.
Летят морщины вертикально
Вдоль переносицы... Ну вот:
Посуду моет машинально;
Сама - отчаянье жуёт.
Помочь бы маме хоть немножко,
Хоть чем-нибудь расшевелить...
У самого на сердце кошки

Скребутся часто - впору взвыть.
Морщины разошлись немного;
Уж не отвесная стена -
К щекам стекают чуть полого...
Сегодня мама не грустна.

8 января 1994

Это просто были мешки под глазами. Я тогда ещё не знал,
что это такое. Потом объяснили - на примере моих собственных
мешков под глазами. А я-то эти складки принимал за улыбку
или её отсутствие...

* * *

Неужели на один
только день
Не сумею отогнать
горя тень?
Подбодрить, растормошить
не смогу?
Мама, маленькая, ну!
А-гу-гу!
Полюбуйся на друзей,
улыбнись!
На денёк забудь про тяж-
кую жизнь.
Ах ты, вечный у плиты
плясунок!..
Только семьдесят. Грудной
сосунок.
Как у мамы у моей
юбилей:
Только семьдесят... Наверное -
дней.
Все в морщинах малыши -
и без зубов...
Так попробуй отличи -
от стариков!
1 - 3 марта 1994

* * *

Мамин - внимательный нос
В губы ворчливые - врос.
Ушки - внимают.
Глазки - моргают.
Нос - выражает вопрос.

14 марта 1994

* * *

Когда в понедельник пойдём на массаж,
Я маму свожу на четвёртый этаж.
Возьмём направление на новые зубы,

И маму на радостях чмокну я в губы.

2 апреля 1994

* * *

В работе, во встречах с друзьями
Мой день превращается в ночь.
Я снова - ребёнок без мамы,
В больнице лежащей давно.
Ой, мама!.. Тебя я заездил.
Меня, эгоиста, прости.
Не верую, - всё же надежды,
О господи! - в явь воплоти.
Надежды, что мама воскреснет,
Что годы мы с ней проживём
Пускай не совсем без болезней, -
Здоровыми всё ж в основном.
Но грохот сердечный - упорен;
Назойливый траур - в ушах.
Зажмуренный, скрюченный горем,
С трудом засыпаю в слезах.

8 июня 1994

В это время мама лежала в больнице с инсультом.

* * *

В моём воображенье беспристрастном -
Сквозь поздний вечер слабая луна.
Сквозь тень беды свечением неясным
Встревожен: мама тяжело больна.
Ну, мама! Не пугай же! Что с тобою?
В ночную злую тень не уходи.
Светись поярче - солнышком весною.
Неужто мрак и горе впереди?
А как же я? Где брать для жизни силы?
А с кем же я? Зачем я без тебя?
От копоты очистись, образ милый.
Спокойно мне свети средь бела дня.
Моей любви чистейшей мощной вспышкой
Хотел бы сжечь твою болезнь и грусть.
Я жизни, мама, должен много слишком,
И без тебя ни в жизнь не расплачусь.

23 июня 1994

* * *

Рано или поздно - все там будем...
Грезишь-бредишь всё равно о чуде.
Грезишь-бредишь день и ночь упрямо,
Чтоб нисколько не старела мама.
За свою не стал бы жизнь цепляться,
А за мамину - готов сражаться.
В бой готов за мамино дыханье.

Оттянуть бы навсегда прощанье...

7 августа 1994

* * *

А из глаз твоих течёт печаль.
Мама, мне тебя до хрипа жаль.
А из глаз твоих струится свет.
Мамы никого красивей нет.
А зачем из глаз твоих ручей?
Хватит, мама. Больше слёз не лей.
А в глазах твоих терпенье жить,
Как бы часто ни хотелось выть.
А глаза готовы всё прощать;
Дело мамы - не казнить: спасать.
А глаза отталкивают смерть:
Маме некогда в могиле тлеть.

22 августа 1994

* * *

Что со мной? Почему так грустно?
Всё в порядке - она жива,
Как ни кружится голова...
В мире трудном пока не пусто.
На диване она лежит,
Может, спит, или только хочет,
Хочет спать, - да над ней хлопочет,
Мысль назойливая жужжит.
Тени б не было посторонней
Рядом с мамой... Слежу душой.
Страх за маму ночной порой -
Безысходней и монотонней.
Слякоть, холод, - весна гниёт.
Пережить бы нам непогоде...
Мысли к дьяволу - об уходе.
Не пущу! К лету всё пройдёт.

28 - 29 марта 1995

* * *

Главное моё счастье.
Вечное моё "Здрасте".
Изредка - "До свиданья".
Только бы - не "Прощай"...
Страшно боюсь прощанья.
Мама, не покидай!..
Старенький мой ребёнок,
Ты, бормоча спросонок, -
Хлоп наугад будильник!
Встанешь - меня будить.
Длинный, аж непосильный
День - без меня прожить.

Вот я с работы. Вечер.
Грудь мне боднув при встрече,
Ласково, но с обидой -
Столько ждала! - гудишь.
Новости разом выдашь,
И - покормить спешишь.
Мало - не обижайся, -
Вместе. Понять старайся.
За руку ты по-детски
Сразу двумя - взялась.
Нежности переплески -
В губы твои - семь раз.

11 апреля 1995

У меня в то время не было компьютера дома, а я работал над докторской диссертацией. Приходилось ежедневно (кроме воскресенья) ездить в центр компьютерных технологий Всероссийского общества слепых. Там я и работал с утра до вечера, а мама ждала дома, и мы ей в течение дня позванивали, уговаривая выйти проветриться во двор (летом)... Там она часто нас и встречала с работы.

* * *

Между мной и смертью - нет границы.
И оттуда смотрят лица, лица,
У окошка по ночам толпятся,
И прогнать их - нечего стараться.
Что ж, со мной - беседу затевайте.
Только маму, чур, не задевайте.
Я - ваш полномочный представитель.
Я за вас - упорной скорбью мститель.
Мама - нет и нет, - она не ваша.
Только здесь - её страданий чаша.
Я держу её на нитке тонкой.
Вы летайте за окном, сторонкой.
Спит усталый старенький ребёнок.
Сделал ей массаж. Ворчит спросонок.
Крыльями её не накрывайте.
Много раз ещё проснуться дайте.

9 мая 1995

* * *

Велик маршрут, изматывает силы.
Идти спешу, иначе не могу.
И плачет мама - мой младенец милый,
Чью старость плохо берегу.
Мороз, и снег, и ночь к окну прильнула.
И тени вновь слетелись погостить.
Я знаю: это кладбище проснулось,
Чтоб совесть у живых будить.

Окно дрожит от похоронных маршей.
Порожний гроб снаружи у стекла.
Я жив, но этих мёртвых много старше -
В меня печаль веков вошла.
Страшиться их поэтому смешно мне.
До встреч ночных бессонных - снисхожу.
С улыбкой скорбной, слишком много помня,
За лютым временем слежу.
Давно в пути, но столько же осталось.
Бессмертен я - всегда на полпути.
Окаменев, презрительная жалость
К безумной суете - в груди.

3 января 1996

* * *

Мама, одинокий мой листочек
На промёрзшей веточке зимой,
Дай остричь твой детский ноготочек,
Кровь разгорячить в руке больной.
Пальцы в буковки с трудом сгибая
В час, когда со мною говорит, -
Почему рука твоя другая,
Не больная вроде, так дрожит?
Я испуган, мама, не на шутку,
Хрупкое сокровище моё.
Задержись со мною на минутку -
Хоть на сколько-нибудь лет ещё.
Жизнь твоя дрожит, как на промёрзшей
Веточке - последний лист сухой.
Что мне сделать для моей хорошей,
Чтоб не дул морозный ветер злой?
Зимний день забрезжит, вял и бледен,
Ночи-хищнице наперекор, -
Мы с тобой давай к врачу поедem,
Обновим лекарственный набор.

9 - 10 января 1996

СВЕТ
(НАПИСАНО ПОД МАМИНУ
ПОСМЕРТНУЮ ДИКТОВКУ)

Вот и всё... Прости меня, пожалуйста,
Мама, если есть за что прощать.
Иногда я был с тобой безжалостен,
Но я должен был тебя держать.
Я работал, чтоб тебе прославиться,
И держал, пока хватало сил.
Если бы я дал тебе расслабиться,
Я тебя бы раньше схоронил.
Не такая быстрая и лёгкая
Смерть бы к нам с тобой тогда пришла, -
А гнилая, долгая, жестокая...
Много ты и так перенесла.
Сколько было счастья, тихой нежности,
Страха, что того гляди умрёшь,
Детской умилительной потешности...
Не всегда я был с тобой хорош,
Но всегда - ребёнок, самый маленький,
Ты - моя встревоженная мысль,
Огонёк, совсем уж к смерти слабенький,
Первый и последний жизни смысл.
Доискаться пробую мучительно:
Где большой перед тобою грех?
Если сделал я не всё решительно
Для тебя, то сделал больше всех.
Грешен, грешен, - только так, по малому
Счёту: в жизни много ерунды,
Той, что трудно выдержать усталому, -
Так друг перед другом все грешны.
Отойдёшь одна - вдруг потеряешься!
Схлопотав по попке, не бунтуй.
Для проформы поворчать пытаешься...
Я - немедля в губки - поцелуй.
Поцелуев сколько - точно мерено:
Семь - не меньше и не больше раз!
Мне иначе трудно быть уверенным,
Что благополучно всё у нас.
Хрупким - вдруг погаснет! - света столбиком
Ты мне представлялась, мой кумир.
Были мелочи случайным облаком,
Омрачавшим наш с тобою мир.
Нет, не в строку лько было вздорное.
Были тут мы оба хороши.

А взаимная любовь - бесспорная:
Встречно мы - не чаяли души.

Стала ты бояться темноты.
Одиночество тебя пугало.
Лечь со мной не раз просилась ты...
"Этого ещё не доставало!" -
Я ворчал. Но впору пожалеть
Мне теперь, что жёсток был некстати.
Друг у друга только посидеть
Разрешал на краешке кровати.
С интернатов навсегда такой.
Ничего, увы, тут не поделать...
До тебя дотронуться живой -
До чего бы мне сейчас хотелось!..
Сяду сам к тебе, к груди прижмусь.
Нянчишь голову - приятно очень!
Пальцами у горла примощусь
Глубоко, - пощупать, как бормочешь.
Было пальцам мягко и тепло
В тех морщин - дорожек слёз - развязке.
Голову ты склонишь на плечо,
Руку мне зажмёшь - в знак тихой ласки.
По пути с работы я купил
Маленький фонарь-автомашину,
И тебе навстречу засветил...
Мой ребёнок так его и двинул!
Раздражённо хлопнула рукой
Сразу прямо по горящим фарам.
"Что так долго!.. Страшно мне одной!..."
Так в тот вечер и ослеп фонарик.
Всех за стол соседей соберёшь,
Как домой из школы приезжаю.
Громко в ухо самое поёшь,
Плача, что слова не разбираю.
Прежде чем заговорить рукой,
Голосом ты это бормотала.
С палочкой ходила - головой
Мне на все вопросы отвечала.
Нет - мотаешь быстро; да - кивки;
Жмёшь плечами, что сказать не зная...
Так всему на свете вопреки,
Где угодно понимал тебя я.

Иисус Христос, когда воскрес
И пришёл к апостолам проститься,
Руки к ним тянул, светился весь, -

Так от них и начал возноситься.
Вот и ты возносишься от нас,
Отдаляешься, моя малютка.
Смертный нам с тобой достался час
Добрый, - быстро и совсем не жутко.
Сколько раз тебя я умолял,
Чтоб, чуть плохо, сразу же будила!..
Только сам уж месяц я хворал,
И меня в ту ночь ты пощадила.
Лишь поняв, что умираешь, ты
Брату крикнула - со мной проститься.
Ни одной не выдал я слезы
В тот момент, - хватило сил крепиться.
Я - к тебе в трусах. Ты вся в поту.
Пот холодный видел я впервые.
А в груди нащупал хрипоту...
Зря ты так, святая ты Мария!..
"Умираю я". "Ну что ты, мам...
Скорою! Немедленно!" - я - брату.
"Что-нибудь да сделают... А там
Поживём..." - как сил хватило врать-то.
И поверил мой ребёнок мне.
Только попросил: "Помассажируй".
На меня с надеждой в вечном сне
Под ладонями забылась мирно.
Руки вверх, на грудь, Опять, опять...
Нашатырь бы нужен... Нет - вот горе...
Прекратились хрипы, но дышать
Мне в ладонь ты перестала вскоре.
Ты с улыбкой слабой отошла.
Ту улыбку и в гробу я видел...
Мама, много было в жизни зла,
Но тебя всерьёз я не обидел.
Скорая приехала, едва
Остывать в моих руках ты стала.
Спорил я: "Она ещё жива!
Тёплая! Ну только что дышала!"
От протянутой моей руки
Хмуро уклонялась медицина.
"Почему так сразу?" - "Отекли
Лёгкие... От сердца... Вот причина".

Всё ищу: когда же началось -
Твой уход? Не месяц ли, полгода,
Год тому назад?.. Расчёты брось.
Всё равно здоровье - как погода.
Двадцать с лишним лет перед концом

Ты едва не умерла от рака.
Провожала в землю гроб с отцом, -
Уж была с ногами передрыга.
И с тех пор - никак пятнадцать лет, -
К бездне ты сползала неуклонно.
Видел я, как разгорался свет
Не земной уже - потусторонний.
Не поймёшь, которого врача
Выполнять нам было назначенья.
Хоть без полного паралича
Обойтись, - без заживо гниенья.
Под конец болезней всех не счесть.
Стала ты совсем уже младенец.
Я любил, целил, какую есть,
В нежности целебной неизменен.
"Бедный мой ребёнок", - я вздыхал.
"Нет, тобой богатый!" - ты - бунтуя.
На колени я тебя сажал,
По головке глядя и целуя.
Где бы ни был я - издалека,
Из соседней комнаты и ближе, -
Твоего искал я огонька,
Что меня обманывал бесстыже.
Как там мама? Светится? - Ага,
Значит, всё так-сяк пока в порядке.
Под конец сваял я дурака -
Слёг в гриппозной долгой лихорадке.
Ты жила, пока здоров я был, -
С гриппом отключился поневоле.
На себя собрать не мог я сил.
Отпустил тебя, пока был болен.
То ли жизни искорка горит,
Что, как мог, я раздувал и нянчил?
То ли нимб святой уже сквозит?..
Твой источник света стал обманчив.
По обманчивым судил огням.
Был спокоен за тебя, расслаблен.
Сбитый с толку, путал "Здесь" и "Там"..
Силы исчерпала ты до капли.
До конца в сознание, на ногах,
Без особых болей, - так хотела!
Остывала ты в моих руках -
И всё ярче, истинней светлела.

Всех крестила ты своих детей.
Точный такт имела ты природный,
И несла своё по жизни всей:

Верь - не верь, - обычай есть народный!
Мы тебя ходили навестить
В монастырь Донской, где будет урна...
Патриарха Тихона почитать
Нам сказали. Я карикатурно
Там крестился. Чтоб зажечь свечу,
Лез в карман за зажигалкой сдуру.
Патриарх Алексей по плечу
Гладил, помогал мне с процедурой.
Буква "Ч" - От слова "Чистота".
Этой буквой надо осениться.
Хоть крещённый, жил я без креста, -
Лишь теперь учился я креститься.
Лишь теперь купил нательный крест.
Есть ли Бог - совсем не в этом дело:
Мама у меня была и есть!
Крест надел - и в сердце потеплело.
Это ты нас в монастырь звала.
Словно через облако светила.
С патриархами двумя свела,
И купить лампадку попросила,
Как при жизни - шоколадку "Твикс"...
(Мы с тобой гуляли до киоска.
"Твих купи мне!" - "Только улыбнись:
Не одна Сладёне будет соска!")
Дома я лампадку засветил.
Засмеялась ты над ней, танцуя.
Здорово тебе я угодил, -
Ярче, ближе чувствую родную.

Быстро в морге. Быстро в крематории.
Разгуляться горю не успеть.
Торопили нас, и мы не спорили:
Запустила свой конвейер смерть.
Нет, на эту спешку я не сетовал.
Хорошо: нет времени на крик.
В морге всю тебя в гробу обследовал, -
Мягкая везде, где я привык.
Позже щупал и лицо внимательно:
Я давно улыбку не видал.
Зубы вставили, морщины тщательно
Сгладили, - болезней след пропал.
Выздоровела. Тебе завидую.
В прошлое все муки отошли.
Быстренько с гражданской панихидой
Сладили - и сразу гроб сожгли.
Отъезжал автобус. в небо вырвался -

Вертикально - яркий света столб.
И по воздуху за нами двинулся
К дому - собирать друзей за стол.
От момента смерти и до проводов
Ты витала рядышком со мной.
У тебя всегда хватало поводов
Волноваться - попусту порой.
Благодарно ты светилась, помнится.
Только в день кремации с утра
Дымным сгустком сразу по всем комнатам
Засновала, - поминать пора.
Как при жизни дружеское сборище -
Трепет: "Чем их буду угощать?"
И на девять дней, моё сокровище,
Ты о том же стала хлопотать.
И накрыла облаком светящимся
Не к добру обильный этот стол.
Потчевала поминать сающихся:
"Кушайте... Простите, если что..."

Вечером присел я в день кремации
За компьютер. Тронул. Не включил.
Чувствовал твою иллюминацию.
Надо мною образ твой застыл.
Голову мою к груди прижала ты,
Как при жизни было много раз.
Я без слёз, без стога и без жалобы
Лаской наслаждался, может, час.
Не спугнуть бы только наваждение...
Встал тихонько, осторожно лёг.
И бессонному - опять видение:
Ужас в комнату в окно притёк.
Это было мне давно знакомое,
Что при жизни гнал я от тебя.
"Сгиньте!.." Обступило это тёмное
Образ, обнимающий меня.
"Мама к вам навеки непричастная!
Здесь она, покуда я живой!"
Отступило чёрное, ужасное,
Уползло на кладбище, домой.
Утром зазвенело колокольное,
Бодрое, сонатное вокруг,
Неуместной радостью крамольное, -
Пианисткой стала ты, мой Дух?..
Выиграли мы с тобой сражение.
Так звени, мой ангел, веселись!
Осеняй меня своим свечением!

Не пускай в труде и в жизни - вниз!

"Не грусти, сыночек, и прости.
Я тобой успела нагордиться.
Я была с тобой в твоём пути,
Пока в бездну мог он накрениться.
Сколько я проплакала, родной,
Труд твой наблюдая тяжкий, вечный!
Груз брала я непосильный твой
На старушечьи больные плечи.
Двух других я, может, родила,
Не остался чтоб совсем один ты,
Как в твои ладони пролила
Я мои последние слезинки.
Пусть они меня заменят здесь,
Делят пусть твои труды-печали.
Может, для того они с небес
Звёзд, как ты, в учёбе не хватали.
Было бы без них тебе трудней.
Не бросай, храни сестру и брата.
И пойми же наконец: людей
Лишних нет, - и это слово свято.
И втроём вы как один теперь.
Что меня под старость нянчить будет
Слепенький, глухой сыночек, - поверь,
Не мечтала о таком я чуде.
Я тобой гордилась, я всегда
За твои успехи выпивала
Сладенького капельку вина, -
И тебя ребёнком вспоминала.

Ты красивый был грудной, дурной,
И пелёнки пачкал, сколько было.
Бабушка Наташа, что большой
Умным будешь, - мне тогда твердила.
Ты меня одну лишь признавал.
Даже и к отцу не шёл упрямо.
Страшный рёв ты сразу поднимал
У других, - тебе бы только мама!
Мне сварить бы надо, постирать.
Девочки соседские попросят
Взять тебя понянчить, поиграть, -
Через пять минут назад приносят.
Маленький всегда кричишь, кричишь...
Закричу сама с тобой тогда я.
Так смешно ты на меня глядишь,
Удивлённо, сразу замолкая.

Нищий дед слепой у нас там был...
В школу для слепых ходил тогда ты.
"Что он делает?" - меня спросил.
"Деньги просит". - "Разве не богатый?
Есть у нас такие?" - "Вот, сынок,
В школу ты ходить не хочешь, плачешь.
Всё дала тебе уж... Будет срок -
Старым станешь, тоже так залягнешь".
Слышишь это, аж ты побледнел.
"Буду, мама, буду я учиться!"
С ужасом на нищего смотрел...
И теперь могу тобой гордиться.
А в Загорск тебя я отвезла, -
Как ты плакал и домой просился!
Сколько слёз сама я пролила!..
Но хотела, чтобы ты учился.
Первое прислал ты мне письмо
Точками, - а как я прочитаю?
В школе старой всякий бы помог...
Но я тоже гордость понимаю.
В школе азбуку твою взяла,
И письмо по буквам разбирала.
Плакала, а всё-таки смогла -
Точками ответ сама писала.
На простой машинке ты писать
Начал, - точками я отвечала.
Взрослому смогла и помогать -
Книжки умные тебе стучала.
Делала я всё, уж как могла.
Одного хотела я до гроба:
Чтобы до конца нужна была,
И ни в чём не помешала чтобы.

Ты живи! До срока самому
Уходить, родной ты мой, не нужно.
Как ни тяжело - это ни к чему.
С братом и сестрой живите дружно.
Год последний, что жила с тобой,
Был такой и трудный и успешный,
Что твой путь уж навсегда прямой,
Без мечты о ранней смерти грешной.
Монастырской связан ты стеной, -
Там самоубийцам нету места.
Мысли брось о смерти, мой дурной!
Для меня живи подольше честно!"

Накопилась почта. Не читается -

Пальцы после гриппа не мои.
Знаю: то друзья помочь пытаются,
Поддержать флюидами любви.
Что ж, спасибо... Как-то, мои милые,
Ради мамы, ради вас держусь.
Нынче у меня силёнки хилые.
Отвечать когда-то соберусь...
Нынче понимается уверенно:
Знаю две реакции на смерть.
Это - коллективная истерика:
Дай побольше в голос пореветь.
А потом болеют, в ту же самую
Бездну чуть не валятся - кошмар!
Мужество всеобщее, упрямое
Мне друзья в те дни собрали в дар.
Мало плакал... Из болезни медленно
Выбираюсь без больших потерь.
Караулили друзья приметливо
В душу смертью взломанную дверь.
Хлынула поэма. Запредельная
Боль моя ушла через стихи.
Только грусть осталась колыбельная,
Да наплывы сносные тоски.
Лишь по маминой тоскуют кожице
Руки опустевшие мои.
Да в гримасе горькой губы ёжатся, -
Ищут губок маминых они.
Ищут глаз - они такие мягкие,
Выплаканы досуха за жизнь.
Ах, совместные мгновенья краткие -
И разлука вечная!.. Держись.
От тебя, пока живой, не денется
Детский мамин облик никуда.
С кожей встречи жаждут, ерепенятся
Руки: неужели никогда?..
Разве только настоящих, маленьких
На колени мне детей сажать?..
Протестующей, смешной и мягонькой
Мамы век мне будет не хватать.

Как журавль глубокой, скорбной осенью,
Отлетаешь в дальние края.
Сыплешь искры золотою россыпью,
Светишься, немножечко грустя.
Не случайно мне всё песня слышится
Про отлёт осенний журавлей.
Под её мотив поэма пишется...

С детства текст её в душе моей:

"Высоко летят под облаками

И курлычут журавли над нами.

Вдаль скользя по ветру лёгкой тенью,

Таут птицы в синеве осенней.

В путь неближний провожать их выйдем.

Им простор земли далёко виден.

Ленты рек, озёр разливы...

До свиданья, птицы! Путь счастливый!

Клином в небе поднялись высоко.

Вольным воля на пути широком.

И летят не только днём - и ночью.

Видел кто-то не во сне - воочью.

В путь неближний провожать их выйдем.

Им простор земли далёко виден.

Ленты рек, озёр разливы...

До свиданья, птицы! Путь счастливый!

В звёздном небе от земли не близко

Появились вдруг на лунном диске,

И мерцают, шевеля крылами,

Журавли над спящими полями.

В путь неближний провожать их выйдем.

Им простор земли далёко виден.

Ленты рек, озёр разливы...

До свиданья, птицы! Путь счастливый!"

Ты, журавлик мой, всё ярче светишься,

Выше, выше кружишь надо мной.

До свиданья! Много раз мы встретимся

Не под монастырскою стеной.

Нет, из сердца моего и творчества

Никуда тебя не отпущу.

До конца дожить с тобой мне хочется,

И тебя у смерти отниму.

Ребятишки, что во мне нуждаются,

Внуки все духовные твои.

Я - посредник только. Загораются

От тебя лампадками любви.

Нянчи внуков, будь усердной бабушкой,

И диктуй мне книжки для детей,

Чтоб влетело больше, моя лапушка,

В мир тебе подобных журавлей.

Кажется, закончил. Ночь глубокая.

Мама перестала диктовать.

Вроде чуть поменьше боль жестокая,

Вроде можно чуточку дышать.

Стала вновь средою обитания

Мама. Вновь я у неё внутри.
В голове, вокруг меня сияние -
Филосфера! Царствие любви.
В филосфере я как будто плаваю,
Под защитой, словно эмбрион.
Маминой святой великой славою
Весь пронизан я и окружён.
Так оно, уверен, и останется
До тех пор, пока я буду жить.
С мамой никогда мы не расстанемся.
Даже смерти нас не разлучить.
А потом, как тело моё смертное
Станет прахом, - так же, как её,
Меня примет лоно филосферное,
Во любви всеобщей бытиё.

13 - 25 февраля 1997

"Но всегда - ребёнок, самый маленький..." - В последние лет десять маминой жизни я называл её самым маленьким и любимым моим ребёнком. В то время я давно уже был влюблён в детей, более сильной привязанности в моей жизни не было, нет и не будет, и тем самым подчёркивалось, что маму я люблю больше всех на свете.

"Огонёк, совсем уж к смерти слабенький..." - Наиболее значимых людей я ощущаю в _СВЕТЕ_ (не цвете!). Это именно ощущения, но не физические, а, как сказал бы Даниил Андреев, _ТРАНСФИЗИЧЕСКИЕ_, то есть запредельные для физического мира (Энрофа), за пределами его существующие. Это работает, конечно, воображение. Но думать, что всё воображаемое - несуществующее, специально придуманное, чтобы морочить ближним голову, - значит очень сильно упрощать. Нет, воображение - своеобразный орган чувств (интуитивных); образы сплошь и рядом невесть откуда берутся, и они объективны в смысле независимости от нашей сознательной воли. Возникают, хотим мы того или нет.

Значимый человек мне представляется в виде некого светильника. Обычно это светящийся шар примерно таких размеров, как хорошо надутый детский воздушный шарик нормальных размеров - не самый большой, но и не маленький. Светится он ярко, ровно и мягко, как похожие светильники вдоль эскалаторов в метро. (Я когда-то "хулиганил": видя светильник, протягивал руку и старался мгновенно его коснуться в разных местах, чтобы определить наощупь его форму. Так я узнал, что светильники вдоль эскалаторов двух типов по форме: одни - шары на длинных металлических ножках, другие - стеклянные столбики, суженные к середине.)

В общем, когда всё хорошо, человек мне представляется эскалаторным светильником - шарообразным, но без ножки, или

в виде столбика. Светимость меняется. Чем хуже обстоят дела, тем она меньше, а то и вовсе переходит в черноту.

Собственно, поэма названа "Свет" именно поэтому - и при жизни, и после смерти я контролировал состояние мамы по этой самой светимости. Я даже хотел начать дневник наблюдений за этой светимостью - дневник посмертного общения с мамой, - но в тот самый день, когда я было и файл для него завёл, хлынула вместо дневника поэма. Дневник тоже, впрочем, состоялся - попозже... Он называется "Духовная революция".

"Схлопотав по попке, не бунтуй..." - После инсульта мама совершенно не запоминала, где находится. Мы как-то пошли на почту и немного заблудились, рано повернули... Она говорит: "Я поищу и вернусь". И не успел я отреагировать, как её и след простыл. Я страшно испугался, что она не сможет ко мне вернуться, начал орать, свистеть в спортивный свисток, привлекать внимание прохожих, чтобы мне помогли её найти. На весь этот шум она ко мне и вышла, слава Богу. И первым делом я её отшлёпал, как маленькую - как ещё было облегчить душу...

"Стала ты бояться темноты..." - Да, после инсульта. Осенью, в октябре, вышли погулять после ужина по территории подмосковного санатория, где мы тогда были. Я сдуру повёл её к озеру, вокруг которого шла дорожка. Эта часть территории не была освещена совершенно. Мама испугалась. Я тоже чувствовал во мраке какую-то таинственную угрозу, но подавлял в себе это ощущение... Когда я вывел маму к ярко освещённой площадке перед главным корпусом и посадил на скамеечку, она от пережитого ужаса заплакала.

Я работал в Центре компьютерных технологий Всероссийского общества слепых над докторской диссертацией, пропадал там целыми днями. И по вечерам, пока-то приду с работы, ей было страшно одной. Хорошо хоть, к ней приходила старушка из последнего подъезда, её, пожалуй, последняя в жизни подруга, и они коротали тёмные зимние вечера вдвоём... Летом было легче, мама часто встречала нас (меня и сопровождающего) с работы на скамеечке возле дома.

"Лечь со мной не раз просилась ты..." - Одно из самых мучительных воспоминаний. Прилягу отдохнуть, мама присядет рядом, чувствует себя неважно, да и боится одиночества... Говорит: "Я прилягу рядом", - а я - ни в какую. И либо она уходила к себе на диван в соседнюю комнату, либо я предлагал ей полежать на моей кровати, но сам садился за письменный стол.

В детстве она довольно решительно отвадила меня забираться к ней на кровать, ложиться рядом утром или вечером, - "большой уже", дескать. Я оказался очень злопамятным. И теперь, да ещё после непременно отдельных

коек в интернатах, не разрешал ей ложиться рядом с собой...

После её смерти это стало дополнительным источником тяжких сожалений. Но я не мог себя переломить. Нет-нет, не отвращение. Я с удовольствием купал её после инсульта в ванне, испытывая только бесконечную нежность. Разрешить ей лечь рядом мешало что-то непонятное, но непреодолимое... Хотя когда (за несколько лет до этого) один мальчик точно так же боялся темноты и просился спать со мной, я уступал... Мальчику было можно, а маме оказалось нельзя раз и навсегда, с тех пор, как она сама "выселила" меня маленького со своей кровати.

Младшего брата, между прочим, не "выселяла", ему можно было туда забираться и в более старшем возрасте, чем тот, в котором я был "отлучён"...

Психология, чёрт бы её побрал. Сложная штука...

"Пальцами у горла примощусь..." - Я любил устраивать руку на мамином плече, а пальцами охватывать шейку. Так я "подслушивал" по вибрации горла, говорит она или молчит. Кроме того, мог следить за движениями головы. И даже передразнивать маму. Она кивает - и я тоже, она отрицательно качает головой - и я. Наконец мама с робким счастьем спрашивает, неужели я её вижу, так точно повторяя её движения? А где моя рука, и не замечает - привыкла... И так беспомощно гасла, когда я обращал её внимание на свою руку... Сердито сбрасывала её...

"Громко в ухо самое поёшь..." - Мои приезды на каникулы из Загорского детдома отмечались как большой семейный праздник. Соседи приглашались, устраивалось большое застолье. Мне разрешалось пить пиво, а взрослые, конечно, пили кое-что покрепче. Выпьют, поедят - и начинают петь. Я всегда сидел рядом с мамой. И она старалась петь в самое ухо мне, чтобы я хоть что-то услышал. С моей слепоглухотой она никогда не могла примириться... Поёт и плачет...

И я часто замечал, как, прежде чем сказать что-то дактильно (пальцами), мама проборматывала вслух - не иначе то же самое, как репетировала... Или всё надеялась, что вдруг я услышу и отвечу, не дожидаясь дактильного - пальцевого - повтора? Несбыточные надежды...

"Вот и ты возносишься от нас..." - Сначала мамин Свет (после её смерти) был близко, но постепенно отдалялся - действительно поднимался.

"Тёплая! Ну только что дышала!" - Уже поняв, что мама умерла, я ощупывал её всю, и заметил, что ноги уже ледяные, а выше ещё тёплое тело... Местами даже почти горячее... Кажется, я это заметил до прибытия скорой помощи, прямо перед её приездом. Когда врачи приехали, я тянул к ним руки, пытался объяснить, что мне можно писать пальцем по ладони.

Ничего они писать не стали, уклонялись от моих рук... Я отошёл, чтобы не мешать им.

Ко мне на кухню пришёл брат с сообщением: "Умерла". Я хмуро ответил: "Знаю". Потом он попробовал устроить истерику, порыдать у меня на груди, но я его буквально отшвырнул: "Успеем ещё!" Мне только этого не хватало - самому надо было держаться изо всех сил. "Похороним - тогда можно будет плакать сколько влезет", - объяснил я свою жёсткость.

Через сутки, вызванная телеграммой, приехала из Смоленской области сестра. Конечно, с порога начала отчитываться в своих тяжёлых переживаниях: "Я всю ночь не спала! Плакала!" "Есть же время!" - иронически ответил я. Очень не хотелось мне, чтобы кто бы то ни было занимался в эти дни образцово-показательной истерикой... Потом - пожалуйста. Но не сейчас. Маму надо отпустить достойно, сдержанно - уж насколько получится... Получилось, кажется...

Соответствующие буддийские, христианские, эзотерические рекомендации я прочитал позже, - ну, что не надо заниматься истерикой сразу после смерти, надо дать душе покойного уйти, не звать назад, отпустить... А тогда я действовал интуитивно и могу себя поздравить, что в целом, вроде, как раз правильно.

"Патриарх Алексей по плечу Гладил, помогал мне с процедурой..." - Не очень-то мы с сестрой и братом разбираемся в церковном календаре, но в первый раз после маминой кремации пришли в Донской монастырь, при котором колумбарий, аккурат в родительскую субботу. Сначала выбирали нишу для захоронения в подземном колумбарии (ну и склеп, первое впечатление было жутким, тогда там не топили, было холодно, сыро, полутемно, да ещё февраль на дворе...), а потом зашли в монастырь свечку поставить. Нам посоветовали пойти в собор, поклониться мощам патриарха Тихона (о нём я кое-что прочитал позже, тот самый патриарх, которого избрали в разгар революции и гражданской войны). Какой-то человек подошёл ко мне, я объяснил ему, как со мной разговаривать, и он рассказал, что сначала надо подойти к мощам, перекреститься, приложиться к кресту на саркофаге, потом - к иконе Божьей Матери, опять же перекреститься и приложиться, и лишь после этого - ставить свечу. Я хотел зажечь свечу зажигалкой, он покачал рукой и, взяв меня за руку со свечой, зажёг от другой свечки. "Как Вас зовут?" - "Алексей", - написал он на моей ладони. Уже во дворе монастыря сестре и брату кто-то сказал, что это был сам патриарх Алексей Второй. Потом мы встретили его там же ещё раз...

"Буква "Ч" - От слова "Чистота". Этой буквой надо осениться..." - Дактильная (пальцевая) буква "Ч" - точно

такая же, как щепоть, которой крестятся.

"Лишь теперь учился я креститься..." - У саркофага патриарха Тихона я крестился неправильно, нижнее движение примерно до нижней границы груди. Алексей Второй мягко, но настойчиво опустил мою руку значительно ниже - до пояса. С тех пор я так и делаю в церкви: от лба до пояса, а потом от правого плеча до левого. И больше меня никто не поправлял.

"И купить лампадку попросила..." - В течение сорока дней положено по вечерам жечь свечи перед иконой и фотографией усопшего. Или жечь лампадку. Мы зашли в магазинчик при Донском монастыре и купили самую дорогую лампаду, фитиль и масло к ней. Потом эта лампада и горела перед маминой фотографией до сорока дней. Мы пробовали пользоваться лампадой и позже, но она стала сильно коптить, и мы снова перешли на свечи.

"Засмеялась ты над ней, танцуя..." - Когда лампадку зажгли в первый раз, у меня было полное ощущение ("видение", сказали бы верующие и мистики), что над её пламенем танцует как бы маленькая светящаяся девочка. Я улыбнулся:

"Обрадовалась мама подарку".

"Вертикально - яркий света столб..." - Крематорий на территории Донского кладбища доживал свои последние месяцы, летом 1997 года кладбище передали монастырю, и на месте крематория сейчас церковь, как и раньше было. Я думал, что гробы сжигают тут же, сразу. Потом мне объяснили, что их куда-то отвозили сжигать.. Когда гроб ушёл куда-то вниз и мы сели в автобус, чтобы ехать домой на поминки, у меня, как автобус тронулся, возникло чёткое ощущение, что над крышей крематория взвился ярчайший столб пламени. И поплыл за автобусом. Значит, - представилось мне, - мамино тело сожгли, а дух её устремился к нам и за нами.

"Ты витала рядышком со мной..." - С момента смерти рядом со мной, чуть сзади над правым плечом, висел светящийся шар. Это была мама. Она отмучилась и светила благодарно - мол, спасибо, сынок, что держитесь достойно, без образцово-показательных истерик, мне спокойнее будет отойти окончательно...

"Дымным сгустком сразу по всем комнатам..." - Утром накануне кремации мамин Свет померк, был именно дымный сгусток. Я это истолковал как её озабоченность предстоящей кремацией и поминками.

"И накрыла облаком светящимся..." - Это был настоящий светящийся купол (полусфера?) над всем поминальным столом. Это видение повторилось и на девять, и на сорок дней, и на годовщину...

"Надо мною образ твой застыл..." - На этот раз - в виде маминой фигуры, в полный рост и объём, только висящей в

воздухе и светящейся. Фигура была сзади и обнимала меня за голову, как не раз делала и живая мама, подходя ко мне, когда я работал.

"Ужас в комнату в окно притёк..." - У меня в комнате и так чёрные шторы на окне. Окно моё выходит в сторону Ярославского шоссе (до него ещё пара кварталов), а за шоссе, в четырёх остановках к центру Москвы - Бабушкинское кладбище. Оттуда по ночам и наползает чернота. Мимо моего окна проходят в глухую ночь целые похоронные процессии под стоны огромного духового оркестра (см. "Траурную сюиту"). В общем-то к этим видениям отношусь спокойно, но квартиру отгораживаю мысленным светящимся барьером. Перед маминой смертью я с этим законным ужасом воевал, защищая от него маму, и после её смерти - тоже, не давал отнять у меня её светящийся образ. И отстоял, так и оставил маму рядом с собой. Постепенно она, впрочем, вознеслась весьма высоко и далеко, стала как бы звездой, лучи которой образуют надомной светящуюся сферу - это охрана.

"А в Загорск тебя я отвезла..." - Загорский детский дом для слепоглухонемых детей. Ныне этот подмосковный город называется - Сергиев Посад. Первый раз туда, впрочем, отвезла меня соседка-проводница. Мама не могла - у неё на руках был грудной брат. Потом с каникул обычно привозила меня мама. Отец один раз отвёз, по словам мамы, и наотрез отказался на будущее - уж очень я плакал. "Сама отвози, а я буду привозить его на каникулы", - сказал папа. Мама и отвозила, а на обратном пути все трое суток в поезде плакала...

"Точками, - а как я прочитаю?" - Вот это был настоящий подвиг. Я больше не знаю родителей слепоглухих детей, владеющих рельефно-точечной системой Брайля. Только моя мама не поленилась изучить её, научилась писать сначала от руки, а потом на брайлевской машинке. Ей казалось невыносимо стыдно то, что для других родителей в порядке вещей: что мои письма будет переписывать по-зрячему педагог, а потом этот же педагог прочитает мне её зрячий ответ. Нет, мама хотела читать мои письма сама - и чтобы я её ответы тоже мог сам прочитать. За этот материнский подвиг я ей особенно благодарен - и особенно горжусь ею. Только у меня такая мама!

"На простой машинке ты писать..." - Вскоре (низкий поклон Альвину Валентиновичу Апраушеву, восемнадцать лет бывшему директором Загорского детдома) я научился печатать на зрячей пишущей машинке. Я стал писать маме письма по-зрячему, а она отвечала мне по Брайлю.

"Книжки умные тебе стучала..." - Когда мама обменяла квартиру в столице Киргизии Фрунзе на меньшую в Смоленской области, она жила в основном у меня. И стала лучшим, самым

оперативным моим перепечатчиком (вплоть до инсульта; частично парализованная левая рука после инсульта не позволила ей печатать). Она перепечатывала мне на машинке сложнейшие научные тексты, а так же приходившие на моё имя зрячие письма, статьи из газет... Не разгибалась, пока не перепечатает такую статью. Я не уставал ей поражаться. За четыре часа двадцать брайлевских страниц! Утром проснётся раньше меня, сядет за машинку - и пожалуйста... читай, сынок... Этим она очень выручила меня перед своим инсультом, перепечатывая варианты автореферата моей кандидатской диссертации. Я защитился - и всё, она уже больше не могла мне так помогать. Инсульт произошёл накануне защиты. Но не потому, что она так много работала.

"Год последний, что жила с тобой..." - 1996, год защиты докторской диссертации. Когда я защищал кандидатскую, мама как раз лежала в больнице с инсультом, и ей туда по моей просьбе отвезли все подаренные мне на защите цветы. На докторской защите она смогла присутствовать. Потом любила рассказывать, как к ней подходило множество незнакомых людей, благодаривших за "такого сына"... Обе защиты я, конечно, посвятил маме. Кому же ещё. Без неё ничего бы не было.

"Монастырской связан ты стеной..." - Когда из меня "фонтанировал" мамин монолог в поэме, я ещё не знал, где она будет захоронена. Думал, что на улице, в стене колумбария. Да и путал колумбарий с кладбищем. На самом деле мы её захоронили под землёй, в восемнадцатом колумбарии, восемнадцатый зал, ниша номер 889.

За номер я ту нишу и выбрал, немного знакомый с нумерологией. Вот смотрите: восемь плюс восемь - шестнадцать. Теперь складываем один и шесть (из этих цифр состоит шестнадцать). Получаем семёрку. Шестнадцать плюс девять - двадцать пять. Опять складываем два и пять - опять семёрка. А семёрка считается числом Бога. Вот ради скрытых в номере ниши семёрок я и выбрал её для маминой урны.

Важно ещё было, что только ряд, в котором эта ниша, был пустым. Я сразу решил выкупить целый ряд - четыре ниши. Можно четыре урны в одну нишу, но тогда меня вряд ли похоронили бы рядом с мамой. Плиту я заказал только на маму, мы (два брата и сестра) могли бы только подразумеваться. И ладно бы, но на это вряд ли согласятся, наверное, мои друзья... Поэтому я выкупил весь ряд.

Моя ниша - следующая, 890. 891 - сестра, 892 - брат. Мы трое пока живы, и наши пустующие ниши прикрывает венок. Работники колумбария шутили: "Четырёхкомнатная квартира".

"Сыплешь искры золотою россыпью..." - Да, было такое... гм... видение... Мамин светящийся шар поднимался всё выше и

выше, а вокруг него было искрящееся марево - россыпь искр. Иллюминация, да и только.

"Под её мотив поэма пишется..." - Не моя эта песня. Действительно помню и пою с детства.

"Нет, из сердца моего и творчества..." - Не только маму. Я не отпустил ни Мещерякова, ни Ильенкова - они остались в моём сердце и творчестве. Пока я жив, живы и они. С мамой я поступил, так сказать, "традиционно". Окончательно уйдём все вместе.

"Филосфера! Царствие любви..." - В строчке содержится подсказка: "царствие любви" - сфера любви. Это и есть филосфера ("филос" по-гречески - любовь). Я ещё давно-давно использую термин "Филотерапия" - лечение любовью. Если я чем и продлил, как говорят, мамину жизнь, то именно своей любовью к ней. Только этим лечил, никаким не массажем и не таблетками.

Мелькнувший в поэме образ филосферы я вскоре превратил в научное понятие - написал тезисы "Филосфера и смысл жизни" (см. сборник моих статей "Экспериментальная философия", Москва, УРАО, 1998).

"Под защитой, словно эмбрион..." - Когда мама умерла, я и в самом деле почувствовал себя как бы в светящемся... круглом, но не совсем шаре, для эллипса недостаточно вытянуто... В общем, внутри маминого Света. Можно сказать, что мама сразу же стала моим ангелом-хранителем. Но я ещё при её жизни был её ангелом-хранителем, и это тоже отразилось в последующей лирике.

Подчёркиваю снова и снова: образы поэмы - "естественного происхождения", то есть возникли сами, не придуманы, не высосаны из пальца. В смысле естественности это - самое настоящее восприятие, интуитивное видение, хотя ничего подобного ФИЗИЧЕСКИ я, конечно, воспринимать не мог.

Поэма "Свет" была закончена до того, как мы успели захоронить мамин прах. Распечатка этой поэмы положена в мамину нишу вместе с урной. С тех пор как-либо редактировать поэму считаю кощунством. В каком виде захоронил вместе с маминым прахом, так пусть и остаётся. К поэме сразу была написана "Краткая биографическая справка" о маме, и тоже захоронена вместе с поэмой.

.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Мария Тихоновна Суворова Родилась 12 марта 1924 года в селе Маловодное в Алма-атинской области. Точную дату своего рождения она сама не знала. Дело в том, что во время сплошной коллективизации её родители умерли от голода, и она маленькой девочкой попала в детский дом вместе со своей более старшей подружкой, с которой она хотела иметь всё одинаковое. Ну и назвала ту же дату рождения, что и подружка.

Из детдома вышла перед войной, в 1941 году. Её хотели оставить там воспитателем, но она отказалась - не могла, как объясняла мне потом, смотреть на голодных детей.

Всю войну проработала на железной дороге, на станции Матай в южном Казахстане. После войны училась на машиниста паровоза в железнодорожном техникуме в Ташкенте. Однако работать стала техником в энергоучастке Фрунзенского отделения железной дороги. Там она проработала с 1950 по 1986 год, последние десятилетия в должности инженера. На пенсию вышла в 1979 году, но продолжала работать, уволившись только из-за моей болезни (я месяц пролежал в больнице в Москве, и она, уже собираясь уезжать от меня во Фрунзе, осталась за мной ухаживать).

На энергоучастке познакомилась со своим мужем, Василием Ильичом Суворовым (1923 - 1981). Он там работал недолгое время монтером. Они считали себя однофамильцами, и только в шестидесятые годы, восстановив родственные связи, узнали, что приходятся друг другу троюродными братом и сестрой. Отец осиротел в те же годы и по той же причине, тоже был в детдоме.

На работе мама пользовалась огромным авторитетом, много лет возглавляла первичную парторганизацию, дважды избиралась народным заседателем районного народного суда. Партийность никак не отразилась на основном в её личности - величайшей человечности, бесконечной доброте, терпимости. С религией отношения у неё были простые и, по-моему, очень мудрые: все православные традиции она считала русскими народными обычаями и свято соблюдала. Поэтому я с детства знал, например, что такое пасха. Всех своих детей она крестила в грудном возрасте, тоже в порядке соблюдения обычаев.

Её невозможно было не любить, и её любили все - что во Фрунзе, что в Москве. Обменяв фрунзенскую квартиру на меньшую в смоленской области и переехав туда летом 1986 года с двумя младшими детьми, она с осени 1986 жила в основном у меня. Я горжусь, что именно мне довелось покоить её старость. В девяностые годы она много болела, не меньше пяти раз лежала в больнице, перенесла несколько операций, в том

числе четыре онкологических по поводу рака кожи на лице. Говорила: "Страшная у тебя мама". Но я всегда искренне считал её самой красивой - душевно, а значит и физически, несмотря ни на какой рак. 13 мая 1994 года она перенесла инсульт, приведший к частичному параличу левой руки и ноги. Резко упало зрение, совсем плохо стало с памятью. Я нянчил её, как ребёнка, так и называл к полному её согласию, - "самый мой маленький и любимый ребёнок". Мне приходилось её и купать, и это доставляло мне огромное удовольствие. Я убедился: когда действительно любишь, всё связанное с любимым существом, даже физиологические отправления - свято. И моё неумелое лечение, по её словам, ей помогало лучше профессионального, - это была действительно "филотерапия", то есть лечение любовью.

Последние месяцы болезни нагромождались друг на друга. Один врач отменял назначения другого. Доконал её грипп, которым мы болели вместе. Он дал осложнение на сердце и лёгкие, из-за электромагнитной бури запрыгало давление - то высокое, то низкое, - развилась ишемическая болезнь, и четвёртого февраля 1997, около половины пятого утра, она скончалась на моих руках от отёка лёгких.

Маму наградили почти пятнадцатью медалями, в основном, как труженика тыла, юбилейными в связи с победой над Гитлеровской Германией. Она была ветераном труда. Но главное - это действительно был гений общения и доброты, обладавший редким свойством никогда ни с кем не ссориться, всех к себе привораживать. Главный подвиг её жизни связан со мной, о чём, надеюсь, я достаточно отчётливо сказал от её имени в поэме "Свет". Я ещё при её жизни не упускал случая воздать ей должное, в том числе даже в таких, казалось бы, исключаяющих всякую "лирику", текстах, как диссертации. И именно эту благодарную сыновнюю память в первую очередь отмечали мои оппоненты на защитах обеих диссертаций. На последней, докторской, она успела побывать, а во время первой лежала в больнице с инсультом, но обе защиты, как и все вообще свои успехи, я всегда считал прежде всего её, а не своей заслугой. Без её материнского подвига не было бы ничего. И я перед ней навсегда в неоплатном долгу.

19 февраля 1997

.

* * *

С улицы, из пурги, через дверь
Прыгает на меня чёрный зверь,
Страшный, косматый, - на маму напасть...
Мокрую, злую разверстую пасть
Я разодрать пытался руками,
Не допустив до светящейся мамы.
Мёртвая хватка. Руки - тиски.
С бешеной силой, в порыве тоски,
Пса Баскервильей, а может быть, волка,
Тужусь прикончить. Погибну, а только
Не допущу его к маме святой,
Что за моей ненадёжной спиной.
Гулкий и траурный сердца удар.
В три часа ночи прервался кошмар.
Сорок исполнится дней сегодня,
Как осушил я твой пот холодный,
Смертный... Теперь хоть меня разбудила
Вовремя - душу твою отстоять.
Чёрная тень за тобой приходила.
Мама, тебя ей вовек не видать.
Нечисть я выгнал. Ты светишься ровно.
Сдался, не тронет тебя Сатана.
Буду хранить огонёк твой любовно.
Он меня тоже. Любовь - вечна!

15 марта 1997

* * *

Устал я очень, хоть и рвусь упрямо
К работе. Не порыв - сплошной надрыв.
Ворча, устроила мне отдых мама,
На три недели лагерь отложив.
Со мной вдвоём, сынок, поешь консервов,
Пивком запей и вволю отоспись.
Хотя б частичку прокопчённых нервов
Восстановив, за вечный труд садись.
Я тут, я тут, над чашкой ритуальной,
Лавандовое масло оценив,
Порхаю, вьюсь в воздушном танце бальном,
Твой сон и труд сияньем осенив.
Теперь-то хорошо, мой мальчик милый:
Мне всё понятно, всё могу прочесть.
И если вдруг тебе изменят силы,
Твой срочный текст я додиктую весь.

22 марта 1997

Я оборудовал в своей комнате ритуальный уголок: Икона
божьей матери, мамина фотография, чашка с блюдцем, которые

маме подарили, когда награждали медалью в честь
пятидесятилетия победы над Гитлеровской германией. В чашку я
налил, как мне посоветовали, холодной воды, а сверху вылил
пузырёк лавандового масла. Мне сказали, что души усопших
очень любят этот запах, и если я хочу удержать мамину душу
около себя и после сорока дней, на всю мою оставшуюся жизнь,
то это надёжнее даже свечей.

* * *

Нет, теперь не изувечишься -
Это не удел теней.
Мама, почему ты мечешься
По всей комнате моей?
В этом тёпленьком халатике,
Возле праха что лежит,
В ритуальном ароматике
Мамина душа парит.
Мышью мечется летучею
Надо мной, - да что с тобой?
Что за страхи тебя мучают?
Оставаться не впервой
Мне без нянь, в уединении,
Да всего-то на три дня...
В вечном, вещем ты волнении,
Как при жизни, за меня.

23 марта 1997

В нишу колумбария рядом с маминой урной, в которой
прах, мы положили кроме всего прочего мамин любимый махровый
халат, который ей прислали к семидесятилетию наши
екатеринбургские глухие друзья. Последние три года жизни она
из этого халата почти не вылезала, и я настоял, чтобы его
захоронили вместе с ней.

Брат и сестра должны были уехать на три дня, и я
оставался в московской квартире один. Или, точнее, вдвоём с
маминой душой.

* * *

Мама, только ты надёжный дом
Создавала. Мир был неприветливый,
Сквозняками серыми проветренный.
Было хорошо с тобой вдвоём.
Не бездомно и теперь, хоть мается
Всё во мне: почти что не дыша,
Наблюдаю, как твоя душа
То тускнеет вдруг, то разгорается.
Раньше так же я следил всегда
За твоей пульсацией прижизненной,
Беззащитной, робко-укоризненной,
Бедная моя пульсар-звезда...

24 марта 1997

* * *

Кажется, успокоилась.
Кажется, снова шариком
Над ритуальной чашкою,
Мирно светя, висишь.
Кажется, тот непрошенный
Гость, что звонил неправильно,
Был для тревоги поводом.
Сгинул - и хорошо.
Бред ли - мои видения?
Или - реальность новая?
Только во мне? А может быть,
Это же - вне меня?
Ладно. За недоверчивым
Кроется пусть молчанием
Слепоглухое сомнение
В новом твоём бытии.
Нам же с тобой достаточно,
Что оборвать взаимную
Нашу любовь, общение, -
Смерти не удалось.
Мама, хочу и верую
Здесь твоему присутствию,
Нежной, печальной святости,
Ангел-хранитель мой.

24 марта 1997

Я просил своих друзей звонить мне в дверь, когда я
один, только определённое число раз. Если звонят иначе - не
открываю. Позже выяснилось, что не открыл почтальону, а
вовсе не тому, кого не хотел к себе пускать.

* * *

Спишь... Притомилась малость.
Встревоженно - наметалась
В лавандовом аромате,
В любимом при жизни халате.
Ежом без иголок заснула.
Над чашкой с лавандой свернулась,
То лапку, то нос выставляя, -
Спросонок меня охраняя.
Мой шарик, ты рядом, рядом.
Меня караулишь взглядом.
А мне тебя - не пощупать:
Лишь носом сердито хлюпать.
Я чувствую - близко-близко.
Висишь над лавандой низко.
Спасибо, ты здесь, малышка,

Но ты бестелесна слишком.
Бесплотною быть - бесстыже.
Ну мам! Воплотись! Поближе!
Я брежу? - Да нет, всё верно, -
И невыносимо скверно.

25 марта 1997

* * *

Мёртвый или живой,
Разницы, жено, нет:
Сын или бог - я твой.

И.А. Бродский

Мама живая была -
Бродского я отложил.
Мама когда умерла -
Бродского вскоре раскрыл.
Вовремя! Чтоб устоять,
С горя не спятить совсем.
Ты подсказала опять,
Мне бы утешиться чем.
Да, ты моя - жива.
Тоже моя - хоть мертва.
Мама ль, богиня - ты, -
Душу твою, черты
Рядом держу, берегу:
Им лишь молиться могу.

25 марта 1997

* * *

Опять проснулся в то же время я,
Как началась твоя агония.
Вокруг меня стонала музыка,
Как будто плачет мой ребёночек.
Так раньше пела ты - и плакала,
Меня под грудью нянча маленьким,
И заразился я пожизненно
Из песни-стона скорбной нежностью.
Не аромат ли слаб лавандовый?
Долить воды и масла в чашечку?
Ты молодец, почти всё выпила...
С краями чашка будет полная.
В глухую пору мрачно в комнате.
Ты позвала меня, защитника.
Не бойся, мама! С мраком-нечистью
Мне не впервой справляться. Выгоню.
Крещу тебя, окно и сам себя.
Налил воды, а сверху маслица.
Мне о тебе хоть так заботиться,
А ты светись поярче, солнышко.

31 марта 1997

* * *

Ожили пальцы. Светятся.
Да некого - освещать.
Некого гладить по темечку,
щупая, где горячо.
У горла в морщины зарывшись,
Тешиться, утешать...
Где же ты, мама?.. Я мог быть
только твоим врачом.
Некого. Некому. Не с кем.
Упала - поднять, и хруп-
кий постараться навеять
сон, уложив в постель.
За месяц пред смертью мёртвым
лицо твоё выше губ
Мнилось: жил подбородок,
и ротик - любить хотел.
Что кожа в обтяжку на черепе,
хочешь не хочешь - заметь.
Но кожа нормально прохладна...
Где боли очаг найти?
Да не было боли особой!
Тебя пожалела смерть, -
Подкрадывалась, чтобы нежно,
из рук моих взяв, унести.
Лежу под твоей фотографией.
Тихонько скулю, не сплю.
Заснув, колыбельные песни
пою над тобой - живой.
Себя за малейшую резкость
жестоко виню, казню, -
Хоть меньше виновен, даже
чем ты пред собой самой.
Ожили пальцы. Светятся.
Да некого - освещать.
Из общей нашей болезни
я вышел - ещё поскрипеть.
А ты сползала тихонько,
и вдруг - бесполезно звать.
Но раз уж мы не бессмертны,
пусть лучше - нежная смерть...

16 - 17 апреля 1997

Я поставил кровать к окну, а над ней на высоком столе
для работы стоя - ритуальный уголок с маминой фотографией.
Ритуальный уголок находится над моим изножьем, и мы с мамой
как бы смотрим друг на друга.

"Ожили пальцы" - то есть, к моим пальцам вернулась чувствительность. Перед маминой смертью и около двух месяцев после неё я почти не мог читать ни компьютерный дисплей, ни брайлевские книги. Точки казались острейшими иголками. Это был отёк подушечек пальцев. Позже такое состояние возвращалось ещё дважды, Пока с помощью контрастных ванн, доводя себя до сердцебиения и разгоняя кровь, я не научился справляться с этой напастью. теперь я знаю, что делать, если чувствительность пальцев начинает ухудшаться: кроме контрастных ванн, хорошо помогают голодовки.

* * *

"О чём ты молишь? Что молчишь?"

"Лишь об одном: отдай мне маму

Живую! Или басня лишь,

Что ты всё можешь, самый-самый?"

"И для меня закон... Ты зол,

Что мама умерла... Но всё же,

Что творчество - не произвол, -

Ты знать и без меня бы должен.

Ты сам творец, ты должен знать,

Что логика - в любой работе.

И как ни сетуй, подчинять

Творенье логике - придётся.

Смирись, мой сын! Ну тяжело,

Но что такое созиданье,

Тебе на редкость повезло

Изведать в собственном страданье.

Всему начало и конец,

И ничего тут не попишешь.

Ты мне подобен, как творец,

И верю - ты меня услышишь".

"Не чересчур ли ты, прости,

Рационален нынче, боже?

И у любви - свои пути,

Железные законы тоже.

И чуда требуют они,

И воскрешенья мёртвых жаждут.

Законам прочим вопреки

Ты сына воскресил однажды!"

27 апреля 1997, Пасха

* * *

Мне пеняешь, что сына воскресил я однажды...

Твою маму - не сетуй, - не воскрешу.

Не торгуйся. Тебе ли, мыслителю, жаждать

Чуда! В логику вникнуть, понять прошу.

Ниоткуда я сына прислал вам, людям.

В никуда и вернулся он, к никому.

Я везде - и нигде. Уж логичны будем:
Всё могу - стало быть, ничего не могу.
Посылая к вам сына, я с ним расставался.
Стал он некто, - и душу обрёл, и плоть.
Он в том смысле воскрес, что ко мне возвращался.
Вновь никем становился, как я, Ваш Господь.
Твоя мама тебя родила по законам, -
По особым: особым форм бытия.
Не был я воплощённым, одушевлённым.
Воскрешенья нелепо молить у меня.
Нет меня, - атеисты, конечно же, пр'авы.
И поэтому есмь, - богословы прав'ы.
Ты мыслитель? Так будем же мыслить здраво:
В мире некто - бессильно ничто. Увы...

1 мая 1997

Я удивлён: книгу С.Н.Булгакова "Свет Невечерний" я получил и начал читать только года через четыре. Однако некоторые идеи апофатического (отрицательного) богословия в этом стихотворении умудрился предугадать. У Булгакова весь первый отдел его труда так и называется - "Божественное Ничто".

* * *

Схоронили... В руках держал
Отходящую. Ощущал
Остывающую - тебя,
В смерть не веря, в трудах сопя,
Чтоб страдание облегчить,
Убережь от обрыва нить,
На которой была душа.
Уж лежала ты, не дыша.
Нити - только обрывок был...
К носу палочку подносил
Из сандала, чтоб горький дым
Воскресил тебя кашлем злым.
Тлела палочка; началось
Тленье тела, - задуть пришлось...
Остывала ты на спине,
Как привыкла лежать во сне.
Кожа нежная на ногах -
И живой ещё, тёплый пах.
Собирая в последний путь,
В смерть не верил я ни чуть-чуть.
Память мучает эта ночь,
Как не смог я тебе помочь.
Уж три месяца протекло...
Сам я болен, и тяжело.
Мне скорей бы - с тобою лечь,

Да запретом - не пренебречь:
Не исполнившего - судьбу -
Не простишь меня - и в гробу.
Много держит меня за хвост,
А рецепт выживания - прост:
К детям в лагерь бы - поспешить...
Чтобы жить - продолжай любить.

2 мая 1997

* * *

Крестик с цепочки снялся.
Правда, не потерялся.
Только подумал: "Мам,
Может, тебя и впрямь
Нету нигде?" - и крестик
Снялся. Дурные вести...
Значит, ты где-то есть?
Рядом со мною, здесь, -
Или в раю, на небе?
В урне - не ты, а пепел.
Трогать хочу тебя.
Душу - ласкать нельзя.
Души без тела - есть ли?
Как убедиться, если
Нечего в руки взять?
Хочется - осязть...

2 - 3 мая 1997

* * *

Ужас, как болит
ночью голова.
Бьёт по темечку
световая буря.
Жёсткие лучи.
Я - живой едва.
Пулемётною
очередью шкура
Продырявлена...
Мама, позови!
Там, где ты сейчас,
вовсе нету боли.
Нечему болеть:
нету головы,
И суставов нет,
полных едкой соли.
"Тела нет, сынок.
Сгусток боли - есть,
Что душой зовут.
Этот сгусток - вечен.

Я, как Бог, слаба.
Оставайся здесь.
Жалко вас, живых,
да помочь-то нечем.
Злюка - без души.
У него болеть, -
Так как нет души, -
нечему, известно.
Души могут лишь
молча пожалеть;
Чтобы помогать,
надо бы воскреснуть".

4 мая 1997

ПОБЕГ

Мягкая - с жизнью колкой,
Мученица моя,
Не от болезней только
Смерть унесла тебя.
Мы тебя не щадили.
Бешено меж собой
Склочничая, убили
Маму взаимной враждой.
Жалит змея щербатая,
Не разобрал ни черта.
Ах, правота проклятая,
Склочная правота!..
Ты нас всегда прощала -
Не научились мы.
Смерть тебя и умчала
В Свет - из кромешной тьмы.
Мы поумнели поздно.
Как тут не поумнеть,
Если не выжить розно, -
Стали друг друга терпеть.
Мир между нами фактом
Стал - ерунда ушла.
Ах, при тебе бы так-то!..
Ты бы ещё жила.
Наших взаимных жалоб
Ты не могла сносить.
Ночью и убежала, -
Как ещё нас учить?..
Меньше других виновный,
Всё же спрошу не зря:
Менее безусловно -
Разве казнить нельзя?..
Может, пожёстче, строже

Нас бы тебе держать...
Впрочем, посмертно что же
Маму ещё менять...

12 мая 1997

* * *

Нет, умерло что-то во мне,
Как мама дышать перестала.
В замёрзшей мгновенно душе
Не худшее что-то пропало.
Пожёстче я стал, холодней.
Мне б выплатить долг безнадёжный.
И даже лаская детей,
Не страшно разлуки возможной.
Расстался с наивной мечтой
Добрей человечество сделать
С его беспросветной судьбой,
Бандитам подвластной всецело.
Мне счёт наконец бы закрыть
Своей суете и просчётам,
Важнейшее хоть завершить, -
И мамин покой заработать...
И Парка пускай оборвёт
Нить жизни сожжённой досрочно.
Пускай милосердно учтёт,
Что в жизни моей - три уж точно.

25 мая 1997

* * * . 0

Банально горе, и банально всё, -
Отказ мириться с тем, что не вернуть
Тебя, и болтовня про колесо,
Которому назад заказан путь.
Банальна боль, и запоздалый стыд
За то, что смел болеть и уставать,
Что по ничтожным поводам обид,
Издёрганный, не мог не причинять.
Банальна безнадёжная мечта
На совести ни кляксы не иметь.
Банальны правота, неправота, -
Всё вообще. Банальны жизнь и смерть.
Но идеал банальный берегу.
Я зубоскальства пошлого избёг,
И никогда смириться не смогу, -
Как ни банально, - с тем, что я не Бог.

31 мая 1997

* * *

Где ты, мама? Ну ясно, конечно, -
В колумбарии прах за плитой...

Да ведь сколько их было, сердечных:
Только тело; души - никакой.
Ты и телом была, да не только.
А сама ты, твоё существо -
Много более прочно и стойко.
Ты жива! Только тело мертво.
Ты живая - в живых. Безусловно.
Всё же мы - это мы, а не ты.
Тоже в памяти чьей-то любовной
След оставим, быть может.. Где ты?
Как при жизни, отделтно ты где-то.
Вне следов и беспомощных слёз.
Обращаюсь к тебе, и с ответом -
Нет задержки. И встречный вопрос.
Что ты нынче? Энергии сгусток?
И откуда ко мне - эта нить?..
Ты со мной. Твоё место не пусто,
Но тоска продолжает душить.
И с меня поневоле наука
Осыпается, точно листва.
Протестую! Абсурдна разлука!
Твёрдо знаю: ты где-то жива!

22 июня 1997

* * *

Ты родила меня, чтобы любить.
Не мне любить - тебе любить меня,
Больного сохранить и обучить,
И до последнего служить мне дня.
Как правило, уродует любовь
Такая, но с тобой нам повезло, -
И вспыхнула ответным чувством кровь,
Любовью эгоизм во мне сожгло.
И я тебя ответно нянчить смог,
И стал великой гордостью твоей;
Я был для старого ребёнка - Бог:
"Лечи меня, а сам болеть не смей!"
И даже смерть не разлучила нас.
Твой дух не отпустил я, задержал.
Откуда вера в мир иной взялась,
Я наконец-то чётко осознал.
Любя живого, веришь в здешний мир,
Покуда здесь родное существо,
Пока не оборвался встреч пунктир,
И целовать и шлёпать есть кого.
Но вот похоронил, - и с пустотой
Идёт борьба. Ну ладно - тела нет,
Но Дух живой, - и веришь в мир иной,

Чтоб окликать и получать ответ.
И этого ничем не побороть.
Не всяких "измов" догмы отстоять, -
Хочу родную душу, пусть не плоть,
Не осязать - хоть как-то ощущать.
Не выживу один. Со мною будь.
Какая б за тобою в Час Быка
Ознобная ни заявила жуть, -
Сгорит в моей любви наверняка.

26 июня 1997

"Ди пхи юй чжоу - Земля родилась в Час Быка (иначе - Демона, два часа ночи). - Старый китайско-русский словарь Епископа иннокентия". Это - эпиграф к роману И.А.Ефремова "Час Быка".

* * *

Помоги мне тебя увидеть.
Помоги мне тебя найти.
Третьим глазом, - да как ни выйдет! -
Ощутимую обрести.
Воплотись уж во что придётся,
Но являйся мне вновь и вновь
Как источник, откуда льётся
В мою душу твоя любовь.
Ты - не тело, оно - случайно, -
Столб ли, шар ли, из света весь, -
Ты - Любви материнской тайна,
Ты со мною, живая, здесь.
Тайны мало мне, как ни много.
Стань же явною, воплотись,
Что бы знал я, тебя потрогав,
Ты довольна ли мной? - всю жизнь.

12 июля 1997

* * *

Я налил тебе масло в лампадку.
Ритуальная чашка полна.
У тебя в уголке всё в порядке.
Только мне ты поближе нужна.
Уезжаю. Поехали вместе.
Твоё место над полкой моей.
Я повесил на шею твой крестик.
Так надёжней, теплей и светлей.
Потемнел уголок ритуальный.
И снаружи меня, и внутри -
Свете Тихий струится печально.
Мама к внукам уральским - в пути...

17 июля 1997

Где-то вычитал слова из молитвы - "Свете Тихий"... Вот

и обратил их к светящейся маме.

* * *

Ты мне явилась во сне...
Зная - вот-вот умрёшь, -
Всё же лекарство мне
Сунуть в твой клюв не даёшь.
Внутренний долгий плач...
Та, что исчезла давно,
Снилась мне женщина-врач, -
И запоздалой виной
Сон меня истерзал.
Докторшу эту сам
Сдуру я потерял, -
И отпустил тебя, мам.
Может, лечила б, - сумей
Дружбу я сохранить.
Вдруг удалось бы ей
Годы твои продлить.
С докторшей той придя
В сон воспалённый мой,
Ты укорнула меня
Непоправимой виной.

28 июля 1997, "Светлячок"

* * *

Выдержав ровно столько,
 сколько и собиралась,
Дольше ты не хотела:
 "жить надоест", - говорила.
Только к себе поэтому -
 острая, жгучая жалость.
Ты отстрадала, счастливая,
 полностью отлюбила.
Ныне ты в мире энергий,
 если не в мире телесном.
Или же - в мире знаний,
 что никакая наука
Ввек доказать не сможет...
 Точно одно известно:
Светишься близко-близко,
 нянчишь уральских внуков.
Днём ребятишки котятами
 греются на коленях.
Я освятил компьютер
 звонкими их именами.
Ночью таинственной комната -
 вся в световых явлениях:
Ты на груди моей - шариком,

детские свечки - над нами.
31 июля 1997, "Светлячок"
* * *

Глубокий предрассветный мрак.
Проснулся я. Пора бороться.
Под кем-то грузным сердцу в такт
Дощатый гулкий пол трясётся.
С подушкой рядышком - твой свет.
Вся съёжилась. Полгода скоро,
Как тела старенького нет...
Тревожно караулю вора,
Что за тобой, расслаблюсь чуть,
Ночами шляется упрямо,
Но как ни нагнетает жуть -
Ему ты неподвластна, мама.
Ты как-то в нескольких местах
Меняешь форму и светимость:
Спасаясь в моих лучах,
Меня с детьми храня незримо.
Поближе шариком - нежна,
Слаба, грудной младенец словно.
Светясь над лагерем - грозна
В неодолимости духовной.
По-матерински ты хрупка, -
Саму беречь, лелеять впору.
По-матерински же - крепка:
Всем стоящим любви - опора.

2 августа 1997, "Светлячок"
* * *

Люби, сынок, люби моих внучат.
Не ты пока - тебя ребята нянчат.
Сам больше горе нянчишь, у ребят
Их чистого внимания не клянча.
Ну что же ты, сынок, такой сырой,
С какой-то замороженной кровью?..
Ты больше угодишь мне, чем свечой,
Ответной детскою к тебе любовью.
Послала я к тебе двух малышей.
Курить успеешь. Поиграй сначала.
Их за меня вниманием согрей,
Чтоб тихим светом вас я осеняла.

3 августа 1997, "Светлячок"
* * *

За дверью стихает детский прибой.
А я простудился. Хочу с тобой
Немного вдвоём побыть,
Проверить на прочность нить,

Которой мы связаны. Мама, где ты?
Всё дальше и дни твои, и труды, -
Твой Свет удаляется,
А нить удлиняется...
Просторно поблизости - и светло.
Полгода со смерти твоей прошло.
Теперь за окном - твой свет,
А ближе - как будто нет...
Над крышей, над хвойною тайной паришь,
Меня с детворой Тихим Светом хранишь.
Свет ближе ко мне - другой:
Настойчивый, озорной.
Доверила детям меня пока.
Сама отодвинулась только слегка.
У внуков твоих - отбой,
А Свет их любви - со мной,
И все номера отрядов
Сияют, витают рядом.

13 - 14 августа 1997, "Ласточка"

* * *

Не вернёшь...

А всё же не могу
Не считать упущенные шансы -
Удержать тебя на берегу
Жизненного шаткого баланса.
Все законы логики поправ -
И кому до логики у гроба? -
Новое лечение узнав,
Думаю: тебя оно спасло бы...

17 августа 1997, "Ласточка"

* * *

Ты была моим последним страхом.
За кого теперь бояться мне?
Катастрофа пусть, пойдёт всё прахом, -
Защититься можно в вечном сне.
Есть работа, есть любовь покуда,
Силы есть - не выполнен бюджет.
Для тебя я, мама, жаждал чуда.
Для себя - не надо. Страха нет.

19 августа 1997, "Ласточка"

* * *

Ты не умирала. Ерунда:
Ты - уснула. Смерть - другая штука.
Ты со мной осталась навсегда,
Чтоб тебя мне без конца баюкать.
Ты - живая. Ты - меня живей:
Мне ещё перед твоим отбоем

Не терпелось кончить поскорей
Все труды заслуженным покоем.
Ждал тебя... Но и теперь, увы,
Спешку с этим ты мне запрещаешь,
Удручённой пегой головы
Из упряжки жизни не пускаешь.
Мама, главная моя любовь,
Знавшая, что жить зачем-то надо, -
Лямку я тянуть пока готов,
Но когда-то грянет и пощада...

21 августа 1997, "Светлячок"

* * *

Кто кого, сынок, не отпускает?
Мне покой необходим - и всё.
Твой призыв мне отдыхать мешает,
Снова гонит белкой в колесо.
Как ты обо мне тоскуешь, знаю.
Не прошу тебя не тосковать:
Это невозможно, понимаю,
Как и мне - к груди тебя прижать.
Как ни тяжело, ты весь в работе.
Проводив меня в последний путь,
В медленном сейчас ты развороте, -
Жизни самого себя вернуть.
Да, всегда в тебе мне кровоточить.
Пусть неизлечимо утомлён, -
Должен ты продолжить и закончить
Подвиг мой в своём, глотая стон.
На полслове ты не вправе смолкнуть.
К заданному выйди рубежу.
До тех пор, сынок, за самоволку -
Бегство в смерть, - спасибо не скажу.

24 сентября 1997

* * *

Ну скажи, что-нибудь скажи!
Ощутим для меня твой Свет.
В мою душу, прошу, вложи
Бестелесный на всё ответ.
Ну же! Голос мне всё равно
Недоступен - я глух и слеп.
Ни о чём мне знать не дано.
Лишь догадки - мой скудный хлеб.
Бестелесная, ты без рук,
И в пустую ладонь мою
Не вложить тебе пальцевых букв...
Всё равно говори, молю!
К бестелесному свету зряч,

К мысли должен я чутким быть.
Мысль отчётливо обозначь,
Звук и руки чтоб заменить.
Дай настроиться на волну.
Мам! Сыновней мольбе внимли:
Сквозь посмертную тишину
Чёткий импульс душе пошли.

27 октября 1997

* * *

Год без мамы... Я устал, психую, -
Как до похорон, так и потом.
Всё же лентой маме рапортую
На венке - что дружно мы живём.
Это значит - очень жаль, что поздно,
Горе, что за гробом лишь твоим,
Но дошло до нас: не выжить розно;
Потихоньку вместе мы скрипим.
Брат с сестрой, не понимая цели,
Помогают мне в моей судьбе.
Стыд и злая память мне изъели
Всю печёнку: так бы - при тебе!..

230 января 1998

* * *

Что тут за здание? Что тут за лестница?
Мама, ты вдруг перед ней ослабела.
Если бы сзади под мышки, чудесница,
Я не держал тебя - на пол бы села.
Взял тебя на руки. Девочкой маленькой
Словно, - прильнула ко мне, обняла.
Хоть по размерам осталась ты старенькой,
Не показалась ты мне тяжела.
Я без проблем тебя, лёгкую, бережно
В комнату внёс на втором этаже.
И без моей ты стояла уверенно
Помощи - в мире: котором уже?
Видно, подъём тебе новый посмертно
Трудно давался. Ты в сон мой пришла.
Это любви моей сила, наверно,
К Новому Свету тебя подняла.

31 декабря 1998

9. РОВЕСНИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

* * *

Я не был никогда неоткровенным.
Ни от кого секретов не держал.
И только в этом был я неизменным.
И только этим всем надоедал.
И перед всеми полностью раздетый,
Я не был интересен никому.
Нужны, как видно, в жизни и секреты -
Без них вся откровенность ни к чему.

27 ноября 1973

Подарил сии вирши на день рождения академику Бонифатию Михайловичу Кедрову. Он пригласил к себе домой нашу четвёрку слепоглухих студентов вместе с Александром Ивановичем Мещеряковым, Эвальдом Васильевичем Ильенковым и нашими педагогами. Я слушал весь вечер свадебный марш Вагнера, звучащий из статуэтки композитора.

* * *

Люблю в машине легковой
Нестись по улице ночной:
Смотреть на радугу огней
Домов, машин и фонарей.
В другой бы день не удалось
Мне от окна отклеить нос,
А нынче путь держу от Вас,
И мне не до огней сейчас.
Побудешь с Вами час один -
И не забудешь до седин.
Как совесть, вечно предо мной
Стоит Ваш образ дорогой.

1 октября 1974

Лев Константинович Науменко на своей машине возил меня в санаторий навестить Эвальда Васильевича Ильенкова.

СОН ИЛИ ПРАВДА?

Я хотел бы спать, но не могу.
Никуда от Вас не убегу.
Каждую секунду Вы со мной
В нескольких шагах, совсем живой.
Да, живой, что там ни говори.
Снится друга смерть. Глаза протри.
Разум спит и видит страшный сон.
Сердце знает правду, есть ли он.
Ну, куда он делся? - Никуда.
Друг живёт, и будет жить всегда.
Просто сон ко мне всегда жесток.

Друг живёт, и умереть не мог.
Почему же сердце так болит?
Или разум вовсе и не спит?!

4 ноября 1974

Александр Иванович Мещеряков умер рано утром 30 октября 1974 года. Хоронили его 1 ноября.

ПАМЯТИ А.И.МЕЩЕРЯКОВА

С тех пор, как смерть Твардовского взяла,
Душа тихонько непрерывно стонет.
Добрей не знала лирика земля,
Грустней, оптимистичней и бездонней.
Его я лично никогда не знал.
Когда ж услышал о его кончине,
Весь вечер за слезой слезу ронял,
Не в силах сладить с тяжкою кручиной.
Та боль навек осталась у меня,
В его стихи печальная влюблённость.
И я теперь хоть раз в течение дня
Его "уживчивую музу" вспомню.
Но если так моя душа болит
О человеке, незнакомом лично, -
Какая же тоска её сверлит
Теперь о том, кто близок безгранично?!
И он, мой друг, из редких тех людей,
Что мечены бессмертия печатью.
Лишь химия исчезла от друзей,
А остальному некуда деваться.
И так же, как Твардовского стихи
В любой беде и радости вспомняешь, -
Его идей в делах не обойти,
Везде их применять не перестанешь.
Идеи те на много, много лет
Пути науке ярко осветили,
И надо, чтоб его, хоть не поэт,
Не меньше, чем Твардовского, любили.
О нём напишут много книг, стихов.
На образах его не надо будет
Ни пышных, ни скромнейших самых слов, -
Его без них всегда узнают люди.

6 - 7 ноября 1974

Александр Трифонович Твардовский - мой любимый поэт со школьной скамьи. Его смерть в декабре 1972 года я пережил довольно тяжело. И когда мы приходили на Новодевичье кладбище, старался навестить его могилу...

Даже скандал был. На Новодевичьем кладбище похоронен и Иван Афанасьевич Соколянский, профессор, организатор харьковской клиники для слепоглухонемых детей и московской

лаборатории изучения и обучения НИИ дефектологии апн СССР, - лаборатории, которая носит теперь его имя. Его главная ученица - Ольга Ивановна Скороходова. Иван Афанасьевич умер в 1960 году, я знал о нём только понаслышке. И вот как-то собрались мы всей четвёркой во главе с Эвальдом Васильевичем поклониться его могилке. Пока её искали, Эвальд Васильевич по моей просьбе подвёл меня к могиле Твардовского. Я держал в руках букетик цветов, купленный, вообще-то, для Соколянского. Но я так склонился над могилой Твардовского, с такой молчаливой мольбой держал руку Эвальда Васильевича, что он не выдержал:

- Клади...

И я положил цветы на могилу Твардовского.

Наташа Корнеева, покупавшая цветы Соколянскому от всей четвёрки, была этим моим поступком оскорблена. Эвальду Васильевичу пришлось в тот же вечер её успокаивать:

- Саша хорошо знает и любит Твардовского по стихам, а Соколянского - нет, что поделаешь... Вот я и разрешил ему положить цветы на могилу человека, которого он знает.

Смерть Александра Ивановича глубоко меня потрясла. Не знаю, может, и неуместно, и наивно, но эти два человека - Твардовский и Мещеряков - в моём сознании встали рядом... Книгу Мещерякова "Слепоглухонемые дети" ещё ни разу не переиздавали с 1974 года, когда она вышла как раз перед смертью автора. По невежеству журналисты постоянно приписывают Ильенкову, о котором больше наслышаны, заслуги Мещерякова. Но Ильенкову, мыслителю с мировым именем, моему духовному отцу, решающим образом повлиявшему на формирование моего мировоззрения, - достаточно своих заслуг. А лабораторию имени Соколянского с момента смерти Соколянского до момента собственной смерти возглавлял именно Мещеряков. Открытия Загорского детского дома для слепоглухонемых детей в октябре 1963 года добился (вместе со Скороходовой) именно Мещеряков. Работу этого детдома и всю работу со слепоглухонемыми детьми в СССР курировал, в качестве заведующего лабораторией имени Соколянского, именно Мещеряков. За ростом будущей четвёрки слепоглухих студентов следил именно Мещеряков, он руководил нашим ростом, часто бывал в детдоме, общался с нами. И он возглавил хлопоты по устройству нас на факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Мы были прежде всего его "ребятами". И уже после его смерти перешли как бы "по наследству" его другу Эвальду Васильевичу Ильенкову, который возглавил эксперимент с нашим обучением, доведя его до конца - до защиты нами дипломов и нашего трудоустройства.

Я из всей четвёрки был и остался к Ильенкову ближе всех, но это - особая история. Однако познакомил нас с

Эвальдом Васильевичем именно Александр Иванович, и он всячески поощрял наше сближение. Ещё в Загорском детдоме Александр Иванович как-то, положив руку на моё плечо, настойчиво объяснял мне масштабы личности Ильенкова... Мол, держись к нему поближе... Это один из умнейших людей в мире... Я был ещё мал и глуп, и не рекомендация Александра Ивановича сыграла в нашем с Ильенковым сближении главную роль, хоть я эту рекомендацию и запомнил. Просто я очень привязался к Эвальду Васильевичу, как к близкому взрослому, а с его идеями по-настоящему познакомился уже после и его смерти. По его книгам. И эти книги оказались мне по-настоящему близки - я стал Ильенковцем. Ну, об этом подробнее - в поэме "Средоточие боли".

ЗАКОНСЕРВИРОВАННАЯ БОЛЬ

Памяти А.И. Мещерякова

Что людям добрым с детства ведомо,
Мне надо заново открыть.
И ни на что в гостях не сетовать,
Как ни хотел бы волком выть.
Мне научиться срочно надобно,
Коль не научен до сих пор,
Людей весёлой шуткой радовать,
Упрятав горе на запор.
Оркестр заставляет истратить слезу,
А с нею и свежее горе.
Но я не поддался: всё дальше несу
В себе, и с июнем в раздоре.
Ни жарко, ни холодно - ну, благодать!
Скорее меня закупорьте:
Я должен один по утрате страдать,
Чтоб вам настроенья не портить.
Уже прошло немало месяцев,
А боль ни тише, ни сильней.
Перед глазами всё мерещится
Учитель мой - живых живей.
Мы с ним по-всякому беседуем -
Всегда, везде и обо всём.
Ведь он живой! И вряд ли следует
На кладбище страдать о нём.
Но если на кладбище раз не схожу,
Древнейший обычай нарушу,
Тем самым серьёзно себе наврежу:
Припишут мне чёрствую душу.
А скажут, что нету в могиле его,
Лишь тело туда закопали, -
Едва ли поверят. Да ну, ничего,
Поеду на место печали.

26 - 27 июня 1975

* * *

Памяти А.И. Мещерякова

Вечная грусть похоронная
В сникшей моей голове.
Улица тёмная, сонная.
Я на балконе в тоске.
С книжкой сижу в одиночестве...
Мне не до чтения, увы!
Встретиться, встретиться хочется,
Только не с тенью - с живым.

25 августа 1975

* * *

Памяти А.И. Мещерякова

Дроожит, измученная плачется душа,
Как тоненькая струнка скрипки:
- Я чёртов этот Свет покинул бы, спеша,
И в том не видел бы ошибки.
Уж больно тяжело с тех пор, как умер друг,
И вроде не к чему тянуться;
Когда ложишься спать, найдёт охота вдруг,
Как он, уснуть и не проснуться.
"Кто право дал тебе такое говорить? -
Раздался голос возмущённый.
- Выходит, зря меня рождали трудно жить,
Раз ты заныл в тоске бездонной.
Я жив до той поры, покуда жив и ты,
И все мои друзья другие,
Кому я завещал работу и мечты.
Живите ж за меня, родные!"

30 октября 1975

У БЮСТА А.И.МЕЩЕРЯКОВА

(Скульптор Ю.М. Лернер)

С щемящей душу вечной болью
Стою, на бюст его гляжу,
По кудрям гипсовым ладонью
Тихонько, нежно провожу.
Лицо опухшее, болезненное,
У губ в глубоких уголках
Страданье чутается такое,
Что ясно: жизнь была тяжка.
Тяжка. Работал напряжённо,
На свой инфаркт не раз плевал,
И круговую оборону
От всех чиновников держал.
В борьбе с бумажными крючками
Свою за нас спалил он жизнь...

И вот - лишь бюстик под руками,
А в голове шальная мысль:
Борцов великих рядовые
Уж не за то ль посмертно чтят,
Что шишки все, крупней какие,
В великих только и летят?..

26 марта 1976

Юрий Михайлович Лернер - один из четвёрки слепоглухих студентов. Гипсовый бюст Александра Ивановича его работы я впервые увидел дома у Юры, и впечатление было такое, будто встретился с живым Учителем. Выполненный в бронзе, этот бюст установлен на могиле А.И..

Позже такое же сильное впечатление произвели на меня памятник Э.В.Ильенкову (торс, фигура по пояс) и барельеф моей мамы.

ПОМИНКИ

Памяти А.И. Мещерякова

Серый день. Тоска за жилы тянет.
Похоронный марш в ушах звучит...
Вся природа в это время вянет.
Память смерти в сердце нам стучит.
За столом Ему оставив место,
Хоть его Он больше не займёт,
Молча пьём, едим, горюем вместе,
Как велит обычай, каждый год.
Нет слёз в глазах и душах наших.
Не могу я с Вами быть на "ты":
Для меня-то не были Вы Сашей,
Гений высоты и доброты.
Вы - мой подлинный отец духовный.
Что во мне хорошего ни есть -
Всё от Вас: к любой борьбе готовность,
Честности, любви запас мой весь.

30 октября 1976

ПРОЕКТ НАДПИСИ НА ПАМЯТНИКЕ

А.И.МЕЩЕРЯКОВУ

С детства мы не знали ни луча, ни звука.
Лучший друг, учитель, - всех родней отцов, -
В мир людской культуры вывел нас за руку
Александр Иванович Мещеряков.

31 августа 1977

ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА

Живой бы ходу не давал
Я лестной ерунде.
Её бы резко обрывал,
Чуть услышал бы где.
Но я давно в последнем сне,

И все, кому не лень,
Спокойно могут обо мне
Трепаться каждый день.
Ведя мышиную возню,
Теперь пигмей любой
Перемеряет жизнь мою
На миллиметрик свой.
В своей клянётся чистоте -
Он ангел во плоти.
А с кем сражается он, те -
Чернее черноты.
Безгласен я. Ворам другим
Любой живущий вор
Выносит именем моим
Суровый приговор.
И каждый твёрдо убеждён,
Что, был бы я живой,
Поддерживал бы я резон
Его, а не чужой.
На деле я, случись и впрямь
Мне уцелеть в живых,
Все перевьючил бы к чертям
На них резоны их!

16 ноября 1978

РАСКАЯНЬЕ

Памяти Э.В.Ильенкова

Уже поправить ничего нельзя -
Ты видел гроб. Такое чувство было,
Что похоронен ты, и от тебя
Лишь горстку пепла урна сохранила.
Острейшая сверлила сердце боль,
Обычным делом стали перебои.
Теперь вину свою признать изволь
В отцовском окончательном покое.
Он резок был, и ты не отставал, -
Но он, страдалец, прав теперь навеки.
Творец, твою он душу воспитал.
Ты оторвал творца от человека.
Творца любил, да что - боготворил!
А человека слабого, больного
В грязи конфликта гнусного топил,
Раздутого бесстыдным, лживым словом.
Ты в пламя склоки свой весомый вклад
Вносил, швыряя ругань без прицела,
Вдыхал густой вранья и сплетен чад, -
Пока свеча страстей не догорела.
Опомнился, насилиу разглядев,

Что с двух сторон похожи обвиненья,
И погасили бестолковый гнев
Мучительные, горькие сомненья.
А между тем духовный твой отец,
Измученный, уже прощаться начал,
Провидя недалёкий свой конец...
Теперь трясись на лестнице от плача.
Он знал: ты всё поймёшь и назовёшь
Конфликт нелепой, зряшной тратой жизни.
Навек запомнишь дикой боли дрожь,
И тайный плач труднейший после тризны.
За той машинкой, что его была,
Не сможешь позабыть кошмар прощальный,
Привыкнув проверять свои дела
Всегда грозящим нам концом печальным.

5 июня 1979

27 апреля 1990

О "нелепом конфликте" - в поэме "Средоточие боли". В основе было моё стремление к самостоятельности и отцовский страх Эвальда Васильевича за меня, однако нашлась и "сволочь" (как назвал её в крайнем раздражении Эвальд Васильевич), постаравшаяся сплетнями и клеветой, а так же провокационными похвалами, раздуть этот конфликт. "Сволочь" - это "Настасья" из поэмы "Прозрачное счастье" и кобра из поэмы "Кобра среди людей".

Машинка - брайлевская пишущая машинка, которую я купил Эвальду Васильевичу в марте не то 1975, не то 1976 года. Несмотря на крайнюю свою занятость, он пытался перепечатать для меня по Брайлю на этой машинке "Экклезиаста", цитируемого им в письме ко мне от 12 августа 1974. После смерти Эвальда Васильевича эту машинку отдали мне, и на ней в своё время много поработала моя мама, перепечатывая для меня "умные книжки", как об этом упоминается в поэме "Свет".

"Привыкнув проверять свои дела Всегда грозящим нам концом печальным..." - Чрезвычайно важно! Проводив в последний путь Эвальда Васильевича, я на всю жизнь сделал для себя тот вывод, что смерть - один из нравственных критериев жизни. Прежде чем идти на ссору, тем более на разрыв отношений, подумай, не будет ли тебе мучительно стыдно этого шага, если угораздит пережить обиженного тобой человека... Помни о смерти - то есть: о возможном посмертном стыде. Когда уже ничем не искупить вину. К сожалению, несмотря на этот чётко осознанный в 1979 году принцип, меня ещё не раз угораздило оттолкнуть от себя очень близких людей, в чём я потом страшно раскаивался. Сбивала с толку дурацкая установка на "борьбу за правду". Я считаю себя повзрослевшим (более/менее) только с того момента, когда с

этой установкой расстался. Примерно 1993 год - сорокалетний рубеж...

ТРАУРНАЯ МЕЛОДИЯ

Памяти Э.В.Ильенкова

Жжёте Вы строками.
Мнится временами:
Голос Ваш чуть-чуть дрожит.
Словно страстью в горле
Вам дыханье спёрло -
В дрожи той слеза сквозит.
Или это, что ли,
Сам дрожу от боли?
Боль разлуки навсегда,
Боль последней встречи
Гнёт, сутулит плечи,
И дрожит во мне беда.
Вы в могильной урне.
Только в книгах бурный
Темперамент Ваш живёт.
Ваших строчек пламя
Зажигает память.
Память горем сердце жжёт.

5 сентября 1979

С некоторыми работами Эвальда Васильевича я познакомился при его жизни, но в основном всё читал и пропускал через душу уже после его смерти. На момент написания "Траурной мелодии" я как раз изучал "Диалектическую логику", на которую - полностью - до того как-то не хватало пороку...

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Личность, утратившая самое себя, -
это индивид, утративший все
__ЛИЧНОСТНЫЕ __, то есть
социально-человеческие связи с
другими индивидами, это "ансамбль",
все связи между участниками коего
прерваны и торчат во все стороны,
как болезненно кровоточащие обрывки.

Э.В.Ильенков

Всё обрублено, всё подорвано...
Лишь одна, уцелевшая чудом,
Дружбы ниточка не оборвана
Катаклизмом неверья людям.
Да и та под угрозой жуткою.
Некто рядом, живущий криво,
Каждой пользуется минуткою,
Добиваясь её обрыва.

Стой! Подумай! Всё просто вычеркнуть,
Ядовитой поверив сплетне.
Друг последний - и шанс последний
Человеком остаться, личностью!

29 - 30 января 1980

Можно ли быть самому себе таким последним другом? При
серьёзном к себе отношении. Но серьёзно к себе относиться -
не значит ли постоянно работать для людей, особенно в сфере
духовной культуры? Разве общение с авторами произведений
искусства и науки, общение в процессе творческого освоения
этих произведений, не более лично, чем прямые контакты
со случайными знакомыми и даже иными друзьями?

ТВОРЕЦ

Памяти Э.В.Ильенкова

Он Бога не просил с уничиженьем,
Чтоб тот, Могучий, от щедрот своих
Немножко поделился вдохновеньем,
Способностей бы выдал кой-каких.
Не унижался. Сам себе всё выдал,
Себя трудом огромным изнурял,
Насмешкой глупой, мелочной обидой
С пути себя сбивать не позволял.
Порой бранили чёрствым эгоистом,
Пророчили несчастья без числа.
Усилился мещанский хрип нечистый,
Когда свершил великие дела.
Возни в упор не видя мелкой, нудной,
В течение жизни творческой своей
Он совершил для поколений чудо -
Живой и многогрешный чародей!

30 января 1980

28 апреля 1990

* * *

Э.В. Ильенкову

Дорогой мой,
Не придёте больше, нет,
Беспокойно
Мне подать благой совет,
Как с врачами
Жить в больнице - не тужить...
Больно память
Об ушедших ворошить.
Не придёте
К сыну личности своей.
Не вздохнёте
Над болячкой моей.
Наши встречи,

Гроба Вашего ожог
Лишь излечит
Смерть - мучений крайний срок.
27 мая 1980

Написано в больнице, куда я угодил по случаю ожогов
второй и третьей степени (ошпарился).

Когда я попал в больницу из-за травмы позвоночника в
1977 году (упал, поскользнувшись при выходе из троллейбуса и
крепко треснувшись спиной о край ступеньки), Эвальд
Васильевич приехал ко мне в больницу в страшной тревоге...
Вот и вспоминались мне те его посещения, когда я снова попал
в больницу уже после его смерти.

* * *

Памяти А.И. Мещерякова
Дождь. В душе звучит сквозь слёзы Моцарт.
Памятник. Берёзы стылый ствол.
Только бюст мне гладить остаётся, -
Сам же друг мой в Никуда ушёл.
Холод. Неподвижное беззвучье.
Бронзовые кудри под рукой...
Дайте руку тёплую! Не мучьте!
Мир и так на жизнь скупой.

30 октября - 1 ноября 1981

НА КЛАДБИЩЕ

Памяти Э.В. Ильенкова
Я сам его провожал
В сыром гробу в крематорий,
Но всё ошибкой считал,
Не веря смерти и горю.
Его не вернуть уже:
Лишь урна с горсточкой пепла,
Лишь память о нём в душе, -
И всё же неверье крепло.
Пропитан кровью закат,
И памятник руки студит.
Металл холодный погладь, -
Живого тепла не будет.
Поплачь, надрывая грудь, -
От этого вроде легче.
Его уже не вернуть,
И голос пропал - звать нечем...
...Но если бы он неожиданно
Явился ко мне живой,
Мне то не казалось бы странно,
Хоть сам хоронил его.
Нет, я не задамся вопросом:
"Из пепла он, что ли, воскрес?"

Я радовался бы просто,
Что вот он живой, он здесь.
От плача не станет легче.
И голос тоски не лечит.
Одним только боль уйму:
Безумной надеждой на встречу
С живым - вопреки всему.

25 апреля 1984,
у памятника над урной Э.В.Ильенкова
на Новодевичьем кладбище

* * *

Нет, не захотят меня понять.
Сразу все оглохнут добровольно,
Чуть добром посмею поминать
"Изм", скомпрометированный больно.
Тяжко быть чужим в своём кругу,
Чуть не сумасшедшим... Я не гений,
Не гордец, - а просто не могу
От своих отречься убеждений.
Мой учитель! Горек Ваш успех.
Крепко мне теперь выходит боком
То, в чём Вами убеждён глубоко.
Вам в гробу завидую, - есть грех...

3 января 1990

Мне очень не хватало Эвальда Васильевича на переломе эпох, перед "Великой Криминальной Революцией" и позже. Отречься от убеждений, от мировоззрения, от партбилета - значило отречься лично от Эвальда Васильевича. На это я никак не хотел идти. Мне предлагали по примеру многих (имя им легион) отправить партбилет в ЦК. Я отказался. Наоборот, через год после написания этих стихов я попросил в парткоме института, чтобы мне партбилет отдали на руки. Секретарь насторожился: "Зачем?" Я ответил, что хочу попросить поддержки у какого-нибудь партийного комитета в своих делах, связанных со слепоглухонемыми детьми. Да, мелькала и такая мысль, реализовать не пришлось... Но главное, я хотел, чтобы партбилет был у меня, предвидя распад партии. Я хотел, чтобы этот документ остался у меня на память. И сейчас храню - вместе с маминым партбилетом.

Я и при вступлении в члены партии прямо сказал, на собрании, отвечая на вопрос, зачем вступаю: "Самые дорогие мне люди - мама, Ильенков, другие - в партии. И я тоже хочу быть в партии вместе с ними". Ну, за слова не ручаюсь, конечно, смысл был точно этот. Мне ещё перевели одобрительную реплику кого-то из зала: "Откровенный парень!"

Когда партия крахнула, я решил, что отныне я сам себе партия, никуда больше не буду вступать. Не хочу даже

косвенно быть причастным к чужим преступлениям, состоя в той организации, именем которой они творились.

Но Эвальда Васильевича мне в те годы очень не хватало. Не хватало его оценки происходящего - он-то был одним из наиболее сознательных, последовательных марксистов в мире... Однако пришлось разбираться самому. Посоветоваться оказалось абсолютно не с кем. С кем пытался - все разочаровали, в громадном большинстве одни просто не приняли мои переживания всерьёз, а другие "советовали" с чисто шкурных позиций, - мол, оставайся в партии на всякий случай, чтобы не нажить себе лишних неприятностей "в случае чего"... А дело для меня было не в том, оставаться в партии или нет. Хотелось обсудить с кем-то идеологический кризис...

Была отвратительна та лёгкость, с которой марксизм менялся на православие или на квасной "патриотизм". Уж честнее тогда вообще послать куда подальше любые "измы", любые мировоззрения, признать, что ты до них не дорос... Чего-чего, а отрекаться от своих корней, от Ильенкова, я категорически не хотел. Но и быть "ортодоксальным Ильенковцем", следующим букве классика в ущерб Духу, я не хотел тоже. Я стал в конце концов вполне самостоятельным мыслителем, опирающимся на идеи Ильенкова, но не молящимся на них, готовым критически их переосмыслить, если надо. Но тут я должен отослать читателя к своим научным работам...

ДВЕ ЖИЗНИ

Памяти Э.В. Ильенкова

(ПОДТЕКСТОВКА)

Мне живётся грустней и грустней.
Я тоской бесконечной заражён.
Мне с людьми всё трудней и трудней.
Сам в себя я всё больше погружён.
 Всё грустней,
 Всё грустней,
Улыбаться трудней и трудней,
 Всё полней,
 Всё полней
Мудрой грустью струящийся ручей.
Нет, сравнить себя с ним не спеши,
Хоть не сравнивать тоже нелегко.
Всё печальнее облик души;
Всё сутулей плечо, как у него.
 Нелегко,
 Нелегко,
Быть похожим совсем нелегко
 На него,
 На него.
На ушедшего друга моего.

Всё печальнее, тайно нежней.
Свято нежность внутри себя берёг.
Всё прощальней смотрел, всё мудрей.
Он прощался, а я понять не мог.
 Он просил,
 Торопил,
Звал - не поздно пока - заходить.
 Ибо знал:
 Нет у сил.
Не осталось ни капли, чтобы жить.
Мне-то некого звать, приглашать.
Что упрашивать - чаще заходить!..
Никого, чтобы мог я прощать.
Самому бы прощение заслужить.
 Сам грешней,
 Всех грешней,
Хоть и в Бога не веришь ничуть.
 Не жалеи!
 Разумей,
Что иным твой не мог сложиться путь.
Чем зрелей - тем грустней и грустней.
Я тоской бесконечной заражён.
Мне с людьми всё трудней и трудней.
Сам в себя я всё больше погружён.
 Чем зрелей -
 Тем грустней,
Улыбаться трудней и трудней;
 Тем полней,
 Всё полней
Мудрой грустью текущий в смерть ручей.

12 июня 1992

Это была всё та же потребность посоветоваться с
Эвальдом Васильевичем. Хотя бы косвенно - сравнивая его
жизнь со своей. И всё никак не заживала (и никогда не
заживёт) боль утраты... В конце 1978 года Эвальд Васильевич
говорил мне:

- Спеш! Приходи ко мне в гости, пока есть к кому!

Идиот, я принимал этот зов полувсерьёз... Но я уже
плавню погружаюсь в контекст поэмы "Средоточие боли",
припоминая эти, как Эвальд Васильевич любил говаривать,
"подробности"...

Задача поэмы была - прежде всего, дать образ личности
мыслителя. Сразу же после его смерти стали устраивать
мемориальные семинары, приуроченные ко дню его рождения (18
февраля). К моменту, когда я пишу эти строки, те семинары
давно уже вылились в ежегодную двухдневную международную
конференцию - Ильенковские чтения, и я как раз должен

выступить на ближайших с докладом. Так вот... На первых семинарах была претензия говорить об Ильенкове не только как о мыслителе, но и "как о человеке". Однако те бравшиеся за решение этой задачи докладчики, чьи доклады мне более/менее сносно перевели, казались удивительно бездарными эстетически и бестактными этически. Рассказать об Ильенкове "как о человеке" для иных из них означало подсчитать все выпитые в компании с ним "стограммовочки". Меня это злило, оскорбляло. Я не раз вспоминал отзыв Эвальда Васильевича об одном из таких, особенно усердных, живописателей Ильенкова "как человека": "Осёл!"

Словом, я понял, что мне надо самому попытаться рассказать об Ильенкове и как о мыслителе, и как о человеке - слитно, неразрывно. По слову самого Эвальда Васильевича, не просто в единстве, а в тождестве, в полном совпадении. Эту задачу я и пытался решить в поэме "Средоточие боли". Кажется, получилось, - судя по реакции тех, кто знал Эвальда Васильевича...

.

СРЕДОТОЧИЕ БОЛИ (ДИАЛОГ С Э.В. ИЛЬЕНКОВЫМ)

ВСТУПЛЕНИЕ

В крематории выступая,
Я "прощайте" Вам не сказал.
Не в ненужных нам куцах рая -
Тут свидание назначал.
Вот и видимся, дорогой мой,
Не расстанемся никогда
В добровольной и беспокойной
Сфере творческого труда.
Всё, за что вы всю жизнь боролись,
И мечтали о чём с тоской, -
Средоточие общей боли
Продолжает свой вечный бой.
Жгут и лечат при нашей встрече,
На трибуне из тысяч строк,
Ваши выстраданные речи,
Трудный мысленный диалог.
Пусть отрывочный: в ночь бессонную
Все-то мысли кто соберёт?..
Превозмочь бы к утру огромную
Боль за весь человеческий род...

Надгробные выступления принято заканчивать обращением к покойному: "Прощай!" Этим подчёркивается безысходная окончательность, навсегдажность прощания. Подчёркивается именно то, с чем особенно трудно смириться живому человеку. С чем, во всяком случае, никогда не мог смириться - я.

Поэтому 23 марта 1979 года, когда хоронили Эвальда Васильевича Ильенкова, я на траурном митинге, уже в крематории, а не в Институте философии, заключил своё выступление:

- Не прощайте, а до свидания! До свидания в творчестве!

Помните, Эвальд Васильевич?.. В редакции журнала "Молодой Коммунист" был какой-то круглый стол. В перерыве подошёл к нам журналист. За несколько месяцев до того умер Александр Иванович Мещеряков, мой учитель, Ваш близкий друг, возглавлявший в СССР всю работу со слепоглухонемыми детьми. Журналист и стал спрашивать об Александре Ивановиче, и я сказал, что не могу поверить в его смерть, не считаю его мёртвым. В могилу мы закопали биохимию, а сам Александр Иванович не умирал, он с нами, живой...

- Как это живой? - заинтересовался журналист. - Вы верите в личное бессмертие? В бессмертие души? Вы верите в Бога? Как Вы эту веру совмещаете с членством в комсомоле, с

учёбой в университете?

Я по молодости не понял, что пахнет жареным, что моим нежеланием смириться с фактом смерти учителя журналист заинтересовался очень нехорошо, подозрительно зацеписто. Этот зацепистый, недобрый интерес испугал Вас. Вы довольно резко оборвали мои излияния, поспешно увели меня от журналиста подальше.

- Будь поосторожнее, - упрасивали Вы, когда мы остались вдвоём.

- Почему? Журналист задавал интересные вопросы. Про личное бессмертие...

- Интересные... Всё это могло кончиться очень неинтересно! Он же сразу прицепился: бессмертие души, вера в Бога, комсомол, МГУ... Он бы нас с тобой не понял, про биохимию и про жизнь личности после смерти тела. Он... сразу на религию повернул. Другого, нерелигиозного, понимания продолжения жизни личности после физической смерти, он не знает.

Вы не могли мне прямо объяснить, что напоролись мы на доносчика, может быть, на секретного сотрудника КГБ. Я ещё не способен был понять, почему надо опасаться чекистов - героев, рыцарей коммунистической идеи, защитников и так далее по советским приключенческим повестям "про разведчиков". Также, как со смертью Мещерякова, я вряд ли бы смирился со смертью идеологической иллюзии, хотя про 1937 год кое-что уже читал. Но ведь это было давно, а сейчас, после XX съезда Партии, всё исправлено, восстановлены ленинские нормы....

Почему так тяжело провожать в последний путь, смиряться со смертью дорогого человека?.. Как-то, забредя к нам, слепоглухим студентам, с очередных похорон, Вы с нами разговаривали на эту тему. Ваше решение проблемы сводилось к тому, что человек не живёт полного срока, умирает раньше. Личность ещё в расцвете, может быть, в начале развития даже, а тело уже отказало, и его жизнедеятельность оборвана какой-нибудь случайностью. В идеале тело и личность должны угасать одновременно, когда будут исчерпаны не только физические, но и духовные силы; когда у личности угаснет воля к жизни; когда личность просто устанет жить. Тогда отношение к смерти было бы спокойным и у самой личности, и у людей, окружающих её. Все понимали бы, что дальнейшее существование бессмысленно, и не с чего было бы горевать... Мне почему-то помнится, что нормальной продолжительностью жизни Вы тогда называли сто тридцать лет. А может, на тот разговор наложилось позднейшее чтение мною геронтологической литературы, на которую Вы к тому же прямо и ссылались...

Мещеряков немного не дожил до пятидесяти одного года.

Вы умерли через месяц после пятидесятипятилетия. Жизнь личности оборвалась в обоих случаях трагически рано. Я нестерпимо соскучился, истосковался без Вас обоих. Я унаследовал груз Ваших проблем, средоточие Вашей боли, ставшей также и моей. Не тысячи, а сотни тысяч, миллионы строк моих текстов прямо или косвенно обращены к Вам, вдохновлены Вами. Без Вас обоих я просто не состоялся бы как личность определённого, именно этого, получившегося, типа и качества.

Александр Иванович умер во сне. А Вы - мнится мне почему-то - в предсмертную ночь не спали. Вы были склонны к депрессии. Вы всегда ходили какой-то подавленный, не мрачный, но очень грустный, измученный. Плечи Ваши согнулись под грузом проблем, под средоточием боли. Работали Вы, как реактивный двигатель, рывками, толчками, взрывами страстной убеждённости в своей правоте. Итак, перед смертью Вы не спали... О чём Вы думали? Почему-то все литераторы уверены, что перед смертью подводятся итоги жизни. Я - не исключение. Я набрался нахальства вести основной стихотворный монолог от Вашего имени, от первого - Вашего - лица...

1.

Ночь бессонницею свинцовой
Навалилась опять на грудь.
Будто снова война, и снова -
Танков, пушек смертельный труд.
Снова сердце прошито болью,
И на ранах души горит
Опыт жизненный крупной солью, -
Весь он в память до смерти вбит.
Вбиты годы войны без мира -
В самом тяжком идей бою.
Цель - чтоб каждый мог мыслить шире,
Сам бы делал всю жизнь свою.
Чтобы не было серой массы
В серых сумерках нищеты.
Чтобы люди все были асы
Смелой практики и мечты.
Чтобы люди умели видеть
Плюс и минус, вперёд - назад:
Что из наших поступков выйдет -
То в единый, мгновенный взгляд.
Не по очереди, а разом -
И вперёд, и назад успеи!
Только так - по спирали - разум
Может двигаться у людей.
По-другому и не пытайся,
Не получится ничего:

Или - пойманы оба зайца,

Или - нету ни одного.

Серая масса - и яркие звезды талантливости. Талант - привилегия. Всю жизнь Вы посвятили борьбе с этой привилегией, научному обоснованию протеста против того, чтобы уделом большинства - массы - была серость, безликость, бездарность. Серость ненормальна. Нормален только талант. Поэтому талантливыми должны быть - должны стать - все.

Нищета, как давно знали ещё до Вас, бывает не только "материальная" - безденежье, отсутствие какого бы то ни было имения, имущества. Давно открыто и философами и поэтами, что самая страшная нищета - духовная, бездуховность. Когда человек - словно бы сплошной желудок. Не Вы первый, не Вы и последний, мучительно размышляли над тем, при каких условиях серенький обыватель, сплошной желудок, ждущий кормёжки, вынужден был бы стать личностью, духовным, талантливым существом. Что нужно для того, чтобы каждый умел мечтать и воплощать мечту в реальность?

По сути дела, Вы присоединились в этом вопросе к Гегелю, который говорил (Вы сами мне об этом писали), что сознание - это "способность выносить напряжение противоречия". Вот оно! Не бояться противоречий. Уметь диалектически разрешать противоречия. Уметь видеть одновременно и желательные плюсы, и нежелательные минусы. Предвидеть, единым интуитивным актом охватывать последствия своих действий, а не вслепую на них напарываться. Следовательно, быть ответственным существом: раз способен предвидеть последствия, то должен за них и отвечать. А что такое талант? Разве это не есть умение (способность) видеть немножечко дальше собственного носа? Видеть следствия, понимать причины, - и в итоге ответственно (поистине разумно) преобразовывать мир, а не наудачу коверкать его.

Надо видеть противоположности; точно знать, в каком пункте Они столкнулись, превратились в проблему, в противоречие; и мудро действовать, решая проблему, а не обостряя её азартной погоней за возжеленной противоположностью, - одной из двух... Недаром в книге "Диалектическая логика" Вы обыграли известную поговорку о двух зайцах: "За одним погонишься - ни одного не догонишь". Зайцы летят очертя голову, да на то мы и разумные существа, чтобы не следовать их примеру и не напарываться с разбегу на "противный, диалектически раздвоенный" змеиный язык... (Этот образ так же Ваш, из книги "Об идолах и идеалах".)

Змея - история всего человечества, общечеловеческий опыт. Личного опыта для разумного решения проблем никак не хватит. Даже умение принимать пищу с помощью специально для этого предназначенных "орудий" - ложек и тарелок, -

переходит в личный опыт из общечеловеческого. Не говоря уже о более сложных умениях. Во всём надо быть ровесником человечества, чтобы быть разумным, диалектически грамотным и ответственным за свои действия, существом. Выдерживать напряжение противоречий, ловить "зайцев" следствий и причин, можно только с позиций жизни всего человечества, а не личной, мотыльково короткой. Чем в большей мере ты ровесник человечества, тем ты талантливей; тем больше заслуживаешь высокого звания личности (то есть разумного существа, подлинно нравственного, способного отвечать за себя).

На всё это я жизнь потратил,
И какой же теперь итог?..
А настал ли, - скажи, приятель, -
Для итога всей жизни срок?
Ты не стар, хоть давно не молод, -
Разве время для панихид?..
Да, но боли жестокий молот
Тупо в оба виска стучит.
Из грудной надоевшей клетки
Сердце рвётся - не удержать.
Из друзей, что остались, редкий
В душу, в морду забудет дать.
Предрекая спроста бессмертье,
Уж торопятся хоронить...
Я живой человек, поверьте!
Доработать хочу, дожить!..
Не ругайте, не прославляйте!
Разговор мой с людьми большой.
Дело жизни закончить дайте, -
Пусть не точкой, а запятой.

Вы были очень больны. Я всегда точно знал, болит у Вас голова или нет. При спазмах сосудов головного мозга руки Ваши становились просто ледяными. И еле шевелились. А обычно - тёплые и энергичные. Каждое движение - как удар океанской волны о берег.

Но и океану страшна репрессивная машина. Вас - кто сдуру, по недомыслию, а кто с подлой провокаторской целью, - называли главой целого направления в марксистской философии. Я не подозревал, что в советском официальном псевдомарксизме, объявленном "единственно верным", не может быть никаких "направлений", кроме "ревизионистских", "изменнических". Мне это пришлось объяснить специально. А когда я эту ядовитую похвалу - "глава целого направления", - передал Вам, по дороге куда-то, на ходу, - Вы резко остановились:

- Никогда больше этого не повторяй и других обрывай, от кого ни услышишь! Помру - тогда и говорите, что хотите.

Вообще Вы изо всех сил отбивались от лавров живого классика. Кто-кто, а Вы-то лучше многих понимали, что лавры эти годятся только для иконы, а на иконе может быть нарисован только покойник. И когда мне же случалось пенять Вам на то, что Вы пишете одно, а делаете подчас другое, - Вы с тоскливой, безнадёжной мольбой настаивали:

- Я живой человек!

Да, Вы слишком рано своими, действительно классическими, произведениями заработали сомнительную честь - быть иконой, а не живым человеком. На Вас, Вам пытались молиться. И я тоже. А если Вы делали не то, что положено делать иконе (которой, строго говоря, делать ничего не положено, - разве только на стенке висеть), - мнимые последователи, действительные верующие негодовали. И я тоже... Тем самым Вас хоронили задолго до смерти, мешая дожить, доработать, договорить с человечеством. Это я понял годы спустя после того, как Ваш прах захоронили на Новодевичьем кладбище в Москве. Понял, перечитывая Ваши книги, вспоминая Вас, мысленно без конца беседуя с Вами, с каждым годом сильнее тоскуя по живому, тёплому, вечно взволнованному, подчас непоследовательному, противоречащему себе же. Лишь осиротев, потеряв Вас, я понял, что надо принимать любимых - как есть, иногда слабыми, беззащитными перед собственным безрассудным чувством, хотя бы чувством страха. Ибо мужество - не бесстрашие. Способность выдерживать напряжение противоречий - не бесчувствие. Выдерживаем - в конечном итоге, а перед этим не раз ослабеваем, стонем навзрыд, цепенеет от горя и ужаса.

2.

Ах, бессонница!.. Так ли, сяк ли
Повернись, - сон пропал совсем.
Будто губка, мозги набрякли
Нерешённостью всех проблем.
Сигарет не считая, куришь,
И мерещатся рядом, близ,
В дымовой кутерьме фигуры
Тех, чьи жизни в мою вплелись.
То ли враг, то ли друг бесспорный?..
Зыбки образы - не пойму.
Не могу различить, который
Предо мною возник в дыму.
Много проще на фронте было.
Черно-белым казался мир:
Враг - он чёрный, его - в могилу;
Друг - что солнце, почти кумир.
С черно-белой военной ночью
(Вспышки выстрелов - в темноте)

Познакомился я воочью...
Крепко помнятся ночи те.
По фашистским тылам в разведке
Мы скользили порой ползком,
Чтобы наши могли сверхметким
Крыть противника артогнём.
Приходилось решать мгновенно.
Интуиция только спасёт.
Биохимией платят брэнной
За медлительность и просчёт.
Было - не было. Ну и что же?
В мёртвой вечности закоснеть?..
Вспышка жизни всего дороже.
Не бывает красивой смерть.
Лишь последняя трата силы
На последний по жизни шаг
И бывает красивой, или
Безобразной, а смерть - никак.

Однажды я попросил Вас рассказать о Вашей жизни, как воевали, как потом, после войны... Спрашивать прицельно я не умел, у меня и сейчас это не очень-то получается, а на спрос "вообще" Вы ответили уклончиво:

- Это целый роман.
- Тем интереснее! Вот и расскажите!
- Целый роман за вечер хочешь? Ишь какой хитрый!

Пришлось запоминать обмолвки, краткие сообщения других людей, которые знали Вас лучше меня. Кое-что позже удалось и вычитать в посмертных публикациях о Вас. Я узнал, что философией Вы увлеклись ещё до войны, и были прямо-таки счастливы изучением философской классики. На фронт Вы попали младшим артиллерийским офицером, пройдя обычный в то время ускоренный курс обучения в соответствующем училище. Вроде бы командовали взводом артиллерийской разведки, и одним из первых ворвались в Берлин. За это Вы стали кавалером боевого ордена...

Как-то в День Победы Вы пришли при всех наградах. Я запомнил, что орден был в виде звезды. Ещё четыре медали - три юбилейные и одна, полученная Вами непосредственно в победном сорок пятом. Вы сказали, что на этой первой медали "рожа Сталина", и Вы её нацепили нарочно вверх ногами.

- А кто на других медалях?
- Ленин.
- Не перевёрнутый?
- Его переворачивать не придётся...

Не буду фантазировать, что бы Вы сказали сейчас, после Перестройки. Очень бы хотелось поговорить сегодня с Вами, но Вы - молчите, и Вы, как сказано Твардовским о Ваших

ровесниках, погибших на фронте, "навек правы". Дело, в конце концов, не в том, кто изображён на медалях. Главное - за что они получены. А получили Вы свои награды именно за участие в антифашистской войне. Будучи убеждённым антифашистом, Вы и сейчас, бесспорно, гордитесь бы своей причастностью к борьбе с фашизмом, - не только на фронте, но и в философии. Поэтому и сейчас Вы надели бы в День Победы изображение Сталина, пусть и перевёрнутое. Изображение фашиста, вынужденного стать одним из руководителей антифашистской военной коалиции. Да, победа над коричневым фашизмом временно укрепила красный. Но Вы - и на фронте, и в философии - всю жизнь оставались противником всякого фашизма, в какой бы цвет он ни красился. Главное - в антифашистском значении Ваших боевых наград, и потому Вам нечего стыдиться их и сейчас, независимо от исторического недоразумения, в силу которого их форма не вполне соответствует, а то и прямо противоречит, их символическому содержанию.

По-настоящему противоречит фашизму только сознательный, жёстко трезвый, ни на Бога, ни на чёрта не уповающий гуманизм. Конкретный, - исследующий реальность, а не абстрактный, навязывающий реальности свои иллюзии, перед реальностью поэтому беззащитный. Это не значит, что надо рабски смиряться с реальностью такою, как она есть. Нет, реальность надо совершенствовать, преобразовывать, и именно с преобразовательной целью - исследовать, а не ради "знания для знания", не ради "констатации факта".

"...Даже думать о "выходе" из игры не нужно, - писали Вы мне. - Пока есть капля силы - надо бороться. За то, что ты считаешь мудрым и человечным".

А что может быть мудрее и человечнее конкретного гуманизма?..

Для нас с Вами - ничего.

3.

Но теперь - словно в дым окутан
Весь наш послевоенный мир.
Кто чужой, а кто свой как будто,
Не постичь в блиндажах квартир.
Этот - добренький, даже сладкий.
Верить можно ему на вид.
Но язык клеветой гадкой
Извивается и язвит.
Будь монахом, аскетом даже -
Обнаружит в тебе разврат,
И навозом всего измажет...
А народ легковёрный рад:
С виду чёрный. Но то ль испачкан,
То ли чёрен насквозь и впрямь?..

Затрудняться такой задачей
Лень и некогда просто нам.
Что ни выдумает похуже,
Ложной клятвою подтвердит,
И заверит: хоть нет снаружи -
Это твой настоящий вид.
Обличи-ка его, пожалуй!
Гладкий, скользкий, - змея-змеей:
Сам напасть поспешит, ужалит -
И скользит от тебя сухой.

Вы не раз пытались мне объяснить разницу между
"добреньким" и "добрым". Человек очень мягкий, Вы в споре со
мною об одной "добренькой" особе, обернувшейся матёрой
интриганкой и сплетницей, вдруг пригрозили:

- Да пойми же ты меня, а то я скажу тебе яснее, кто она
такая!

- Ну кто, кто?

И с невыразимым отвращением, так, что рука моя
отскакивала от Вашей при каждом следующем сочетании пальцев,
из которых (сочетаний) состоит дактильный алфавит глухих и
слепоглухих, Вы ответили:

- С! в! о! л! о! ч! ь!

Но это надо было Вам разозлиться почти до
невменяемости, чтобы так... Булгаков в "Мастере и Маргарите"
говорит, что самый страшный гнев - гнев бессилия. Теперь-то
я хорошо понимаю Ваше положение: Вы видели то, чего я не
видел, и не могли мне помочь увидеть это, ибо на веру я
ничего не принимал даже от Вас. Последующий собственный
жизненный опыт, который убедил меня в Вашей правоте, был
страшен...

Я не мог и не могу чураться людей "на всякий случай", -
"как бы чего не вышло". Тогда я был бы сереньким обывателем,
недостойным Вас. Меня, как и Вас, всегда возмущала
обывательская подленькая радость по поводу любого
неблагополучия, любой слабости. "Вот он и показал себя в
настоящем виде! Вот он какой на самом деле!" - злорадствует
обыватель. Получается, что "настоящее" - всё грязное, а всё
чистое - притворное, фальшивое. С подобной позицией
невозможно жить. Впрочем, понять её можно: это
подсознательная месть обывателя религиозному абстрактному,
иконному идеалу. Да и всякому идеалу. Дескать, "в жизни - не
так". Жизнь противопоставляется идеалу, как химере, выдумке,
доброй, но беспомощной мечте. Мол, этого не только нет, но и
быть не может в жизни. И если кто-то в чём-то приближается к
идеалу, тому не верят. Защищая обывательское "знание жизни",
хорошего человека подозревают в притворстве, радуясь каждому
срыву, каждому проявлению хоть какой-никакой слабости: "Вот

он и показал себя в настоящем виде!"

Я всегда был склонен писать проблемно, о том, что болит, а не воспевать "достижения". Конечно, в принципе Вы эту мою установку не могли осуждать. Но, не желая ни в чём радовать обывателя, Вы спрашивали:

- А для кого ты это пишешь? Прочтёт обыватель и скажет: вот как у них на самом деле!

- Но врать-то зачем? Надо же ставить и решать проблемы?

- Я был знаком с Назымом Хикметом. Он отвечал на этот вопрос так: врать не надо, но надо знать, кто достоин правды. А Николай Островский? О нём говорят: это не литература, агитка! Ты ведь не хочешь писать для обывателей, которые так говорят?..

Нет, я не хотел. И не хочу. Жизнь богаче обывательских представлений о ней. И совсем не по праву обыватель присваивает себе монополию - вещать от имени жизни. На самом деле в любые кошмарные, кровавые времена в жизни было место добру, человечности. И Николай Островский, и Аркадий Гайдар, и Антон Макаренко, и Александр Твардовский - были прежде всего гуманистами; любили людей, служили людям, учили их добру, человечности, как только возможно это было в тех условиях. И вопреки тем условиям делали, пожалуй, подчас невозможное: во многих заронили и сохранили искорку настоящего, повседневного, само собой разумеющегося гуманизма, - а не показного, фанфарного, казённо-оптимистического "милосердия".

В эпохи потрясений обществу свойственно шарахаться из крайности в крайность. После Семнадцатого года раздавались призывы "сбросить с борта парохода современности" всю прежнюю культуру, в том числе Пушкина. Нынешние "демократические" радетели культуры в этом отношении ничуть не лучше: они норовят выбросить "за борт" всю - без разбора - советскую культуру. Как же мы себя грабим!.. Всё надо знать, всё должно быть доступно, иначе ни о какой духовной свободе не может быть речи. Духовная свобода - это, прежде всего, свобода знакомства с первоисточниками. Долой посредников!..

Ну, а я-то скользить не мастер.

Вся душа моя - в синяках...

Дальше некуда - так несчастен

Род людской у меня в глазах.

Вот послушай, любитель слушать!

Не стесняйся и не робей!

Дай ввести тебя прямо в душу,

Исповедоваться - тебе.

Жить привык ты по ритуалам,

По накатанным колеям:

Непродуманным - идеалам,
Непрочувствованным - стихам.
Впечатлений ты потребитель
И навязанных модных идей, -
Сразу слушатель ты и зритель.
Вот и вслушивайся, глазами!..
То ли слёзы на лицах сохнут,
То ли кровь, - шёл какой-то бой?..
На все пуговицы застёгнут
Истрадавшийся род людской.
У порога души другого
Видя пуговиц этих ряд,
Ты согретое сердцем слово
Проглотить, не сказавши, рад.
Что в нас лучшего, то ревниво
Бережём про себя поврозь,
А всю дрянь, усмехаясь криво,
Тычем ближнему прямо в нос.
Как притворная пахнет глупость?
А язвительное словцо?..
Вместо правды любовно грубость
Режем лучшим друзьям в лицо.
Ничего не скрываем, дескать,
Что ни думаем про тебя.
Ты наш друг. На любую резкость
Мы решимся, тебя любя.
А потом в удивленье крайнем
Не поймём, отчего наш друг
Из души своей сделал тайну,
Пуст и скучен, совсем потух, -
Весь пока ещё не растоптан,
Сам навеки для всех погас...
Я философом после фронта
Вот поэтому стал как раз.
Я в науке хотел продолжить
Бой за менее скотскую жизнь,
Чтобы счастья хотя бы столь же,
Сколь и горя, - за гуманизм.

Обычно, когда Вам "резали правду-матку" в глаза, Вы
сгорбленно, с опущенной головой отмалчивались. Втягиваться в
перебранку - Вы понимали - было бы недостойно. Оставалось
только молчать.

И мне Вы советовали:

- Не оправдывайся.

Легко сказать!.. Вы не раз, наверное, в душе
позавидовали моей глухоте, позволяющей просто не слышать
распоясавшегося демагога-обличителя. Удобно! А пожелает

демагог быть "доходчивым" - пускай соизволит в совершенстве овладеть специальными средствами общения глухих. Да и то, увлечённо растараторясь и говоря не больно-то разборчиво, половину заряда выпустит в белый свет как в копеечку, - сам же не даст остановить, переспросить себя, уточнить особо сокрушительный тезис...

Вообще же, для чего-чего, а для человеческого достоинства планета наша меньше всего оборудована. И недаром в романах о будущем Иван Антонович Ефремов придумал "Академию Горя и Радости" - своеобразное статистическое управление, каким-то образом учитывающее количество и соотношение горя и радости в человеческой жизни. Если радости больше, чем горя, или хотя бы столько же, - общество можно считать здоровым. Но если количество горя превышает количество радости, - дело плохо, общество больное, надо диагностировать болезнь и лечить. Наше общество - на глазок видно - тяжело, может быть смертельно, больное. Диагностированию болезни общества, разработке стратегии лечения, Вы и посвятили жизнь. Фронт, конечно, сыграл значительную, может быть, решающую роль в таком самоопределении Вашей личности.

4.

Мне приходит на ум всё чаще:
Деньги!.. Прах бы его побрал -
Этот жёлтый, с ума сводящий,
Равный боли, беде - металл!..
Всем богат я: и злобой лютой,
И любовью к моим трудам.
Мне же, автору, почему-то
Одиноко... Я всё отдам
За надёжность поддержки огромной:
Не клянётся она в любви;
Не считает зато нескромно,
Как на счётах, изъяны мои.
Всё нормально - её не видно.
Где ж увидеть нам кислород?..
Но вот как без неё обидно
В злой период любых невзгод!
Обнаружил - и боль пронзила:
До чего же ты одинок!..
Если воздуха не хватило -
Тут уж каждый заметен вздох.

В бессонную ночь мысли бывают бессвязные, перескакивают с предмета на предмет. Голова - ни свежая, ни болит; тусклый - ни светлый, ни чёрный - туман перед глазами. Под черепной крышкой - ни холод, ни жар, противное какое-то полу-тепло. Гадость, вроде зимней оттепели. Переходное состояние.

Да, Вы не любили деньги. Принесёте, бывало, из магазина "Дары природы" кедровые шишки с орехами; заведёте в какое-нибудь кафе; в подземном переходе купите цветы, и пр'осите, чтобы я вручил их от своего, а не от Вашего имени девочке, с которой я постоянно ссорился... Время от времени я спохватывался, пытаюсь уплатить за себя, а Вы сердились:

- У меня есть деньги. А зачем они мне, если я не могу сделать приятное своим друзьям!..

Купили Вы новую электробритву, а бриться каждый день - некогда. В трехдневной же щетине она завязала.

- Вот у меня старая бритва - хоть пять дней не брейся, жрёт щетину всё равно. Сгорела. А эту, может, ты возьмёшь? У тебя-то юношеский пушок.

Дома у Вас каждый день собирались люди. Общество было действительно избранное: самые известные философы, психологи, педагоги, врачи, писатели, советские и иностранные.

Работали Вы рано утром: с пяти часов на ногах, пили крепкий кофе - и за машинку, трофейную, из Берлина, массивную, как тяжёлый танк. Днём, если удавалось, отсыпались.

(Я не раз нарушал Ваш дневной отдых своим приходом, да и Вы иногда, если предстояло совместное выступление вечером, звонили, просили в определённое время разбудить Вас по телефону.)

Вечером - опять дружеское застолье, разговоры, к которым Вы внимательно прислушивались, а сами больше молчали.

(Бывая у Вас дома часто и почти всегда кого-нибудь заставая, я удивлялся, когда Вы успеваете не только работать, а даже спать, и не раз интересовался у Вас Вашим режимом.)

Вы были очень инициативны в общении - не в смысле разговорчивости, нет. Вы были молчаливы, а просто всех вовлекали в свою орбиту, вокруг Вас постоянно были люди.

И всё же Вы были одиноки. Можно было представить возню, суету вокруг Вас, но сами Вы - тихий, молчаливый в собравшейся вокруг Вас компании. Вы как-то существовали в параллельных мирах: и с людьми, и наедине с собой. Общались как-то отрешённо...

Это было особое одиночество. Я бы сказал - точнее. Вы были не только с теми людьми, что вокруг Вас, Вы одновременно были - со всем человечеством - в себе. Человечество - в Вас, Вы - всё человечество. И тут уж рассчитывать Вам было не на кого, кроме самого себя. Вами восхищались, перед Вами преклонялись, Вам завидовали, на Вас клеветали. Вас ненавидели, - а до конца, на все сто

процентов, не чуть-чуть, а без остатка, понять, и таким вот полным пониманием поддерживать, - кто бы смог? Был ли хоть один такой рядом с Вами? Откуда мне знать...

Далеко не каждый живёт проблемами всего человеческого рода. У многих из нас круг забот существенно 'уже. Даже у тех, кому печься обо всём человечестве по должности положено, - у глав правительств, например. Ну, а господь Бог, судя по всему, от своей должности давно уже самоустранился...

Но у Вас - не должность, у Вас - призвание: мыслителя. И Вам, как носителю общечеловеческого разума, меньший, нежели общечеловеческий, масштаб - противопоказан. То, что желательно для какого-нибудь президента, премьер-министра или генерального секретаря, обязательно - для мыслителя. В отличие от любого высокопоставленного чиновника, мыслитель не вынужден заниматься общечеловеческими проблемами, - он ими просто живёт, как своими личными. Он не был бы мыслителем, если бы мыслил меньшими масштабами. И поддержать Вас полным пониманием мог бы только мыслитель Вашего же ранга, а выше уж некуда, ибо Вы действительно были мыслителем первоклассным.

Под подушкой таблетки... Враки,
Будто вылечишь этот мозг,
Горем - давним и остро-ярким -
Изъизвиленный вкривь и вкось.
От пилюль никакого проку
Сердцу, если оно - насос,
Перекачивающий с кровью
Море скрытых, но едких слёз.
Что лечиться-то, если только
И живу, чтоб вести борьбу, -
До последней капельки долга
Всех людей защищать судьбу.
Защищать от двуногих тварей,
Называющихся людьми,
В термоядерном сжечь пожаре
Весь разумный готовых мир.
Не о будущем мире светлом
Речь, покуда безумцы есть,
Что готовы развеять пеплом -
Лишь бы властвовать, - космос весь.

После Вашей смерти у Вас под подушкой нашли огромное количество таблеток в спичечных коробках. Вы их не принимали, а прятали, чтобы к Вам не приставали, не заставляли глотать.

Новомодные способы самовыздоровления, типа аутогенной тренировки или какой-нибудь восточной гимнастики, Вы

клеямили ироническим:

- Враки!

Говорят, за день или два до Вашей смерти жена спросила у Вас:

- Что ты такой грустный, Эвальд? У твоих ног внук...

- Вот потому и грустный, - якобы ответили Вы.

И мне верится в достоверность этого рассказа, потому что, когда китайцы развязали военный конфликт на границе с северным Вьетнамом, я видел Вас прямо-таки потрясённым:

- Заработали китайские танки и артиллерия, - говорили Вы мне. - Америка потребовала, чтобы мы не вмешивались. Через пару дней на наши головы могут посыпаться бомбы, и дай Бог, если не атомные... - Вы не могли быть спокойны за будущее внука, как и всего человеческого рода. Загрустишь тут...

У мыслителя "капля долга" и "капля силы" - это одно и то же. Свой долг мыслителя Вы исполнили до конца, до последней капли отдав силы на поиски выхода из безумия термоядерного противостояния; на поиски ответа, как выжить роду человеческому, как людям на деле, а не только по названию их биологического вида, стать разумными существами. Боль за безумие тех, кто претендует на разумность, Вас терзала постоянно. Это было не официальной озабоченностью сановника, а настоящим личным горем.

5.

Он уснул на минуту, может;
Но во сне, как и наяву,
Мысль тревожная сердце гложет, -
И приснился кошмар ему.
Будто пусто в убитом мире,
Что последней сожжён войной.
Никого ни в одной квартире.
Лишь один человек живой.
Это сын уцелел приёмный,
Сам не ведая как, зачем, -
Радиацией ослеплённый,
Оглушённый, больной совсем.
Где асфальт уцелел, тихонько
Пробирается кое-как.
Всё простучает тростью тонкой
Пред собой, чтобы сделать шаг.
С грозных дней катастрофы жуткой
Всё распахнуто настежь тут,
Словно люди лишь на минутку
Отлучились - вот-вот придут.
Магазины, библиотеки,
Уцелевшие от огня,

Ждут, нуждаются в человеке,
Сквозняками кряхтя, гремя.
Он приходит - богатый нищий.
Тростью шарит, стучит, шуршит.
Из еды, что осталось, ищет.
Книги старые ворошит.
И с погибшими, как с живыми,
Вслух заводит беседу вдруг,
Глядя пальцами ледяными
Вещи - дело их умных рук...
...Спал я, кажется?.. От кошмара
Пробирает всего мороз.
Свет от лампы настольной ярок.
На журнальном столе хаос.
Учинить бы всему проверку,
Навести бы тут марафет...
Кучей книги, журналы; сверху -
Пачка "ядерных" сигарет.
...Да! Возможно ведь и такое:
Будет вместе с Землёй самой
Взрывом ядерным упокоен
Передравшийся род людской.
И зачем тогда всё, что было, -
Человечества все труды,
Раз не вырвалось, как ни билось,
Из последней своей беды.
Неужели затем родятся
Современные малыши,
Чтобы вдруг сообщая остаться
Прахом выжженной в прах Земли?
Туч немало грозящих, тёмных.
То ли будет гроза, то ль нет?..
Сын, о них постоянно помни,
Чтоб не сбылся мой сонный бред.
Позабудем - не обойдётся,
Не расчистится окоём.
Мы за солнце должны бороться.
А иначе - зачем живём?

"Дорогой Саша!

"Получил твоё письмо, и оно заставило меня очень и
очень задуматься. Имею в виду письмо про одиночество и
"выходы". Дорогой ты мой человек, на проблемы, которые ты
наставил, думаю, что сам Гегель не сумел бы дать
окончательного и конкретного ответа. По существу ведь речь
идёт о том, зачем человечество вообще вышло из животного
состояния и обрело себе такую хлопотную способность, как
сознание. Зачем? Я искренне думаю, что на этот вопрос

("зачем?") ответа нет. У материалиста, разумеется, - Марксизм вообще, как верно говорил Ленин, прочно стоит на почве вопроса "Почему?", и на этот вопрос можно питать надежду найти ответ.

"Зачем существует солнце? Зачем существует жизнь? Любой ответ на эти вопросы будет относиться к области фантазии, плохой или хорошей поэзии. Таких ответов навывдумывано миллион, - иногда остроумных, иногда поповски-тупых. И пессимистических, и казённо-оптимистических.

"Единственное, на чём может тут сойтись материалист с идеалистом, или фантазёром, так это то, что сознание - как факт - величайшее из чудес мироздания (только, пожалуй, кибернетики считают, что им раз плюнуть, чтобы его объяснить).

"Ты верно и остро понял, что проблемы, в которые ты упёрся, абсолютно ничего специфического для слепоглохого не составляют. Не буду лицемерить и говорить, что зрение и слух - вообще маловажные вещи, что в силу известной диалектической истины - "Нет худа без добра" - ты в свои двадцать один год уже дорос до такого сознания, которым дай бы бог обладать миллионам зрячеслышащих. Зная тебя, знаю, что сладеньких утешений ты не примешь, что ты к ним глух. Я понимаю, что слепоглохота не создаёт ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглохота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего. И поэтому ты в свои двадцать лет осознал и выразил их острее, чем большинство зрячеслышащих с высшим образованием, - так остро, как очень немногим удалось их осознать. Поверь мне, это вовсе не льстивый комплимент, продиктованный желанием как-то скрасить твои мучительные размышления и настроения.

"Сознание - это не только чудо из чудес, - это и крест, - гораздо больше мыслителей (и не только мыслителей). Всерьёз полагают, что без этого "проклятого" Дара Божьего человек был бы счастливее, и что вся боль мира существует, собственно, только в сознании. Недаром ведь, когда вырезают хотя бы аппендикс, стараются на это время сознание погасить. В той же книге, где сказано, что человек не единым хлебом жив, сказано так же: "Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь..." (это из библии, из главы "Екклесиаст" - то есть, по-русски, "проповедник"). С этими же идеями связана и старинная сентенция, что на самоубийство способен только человек (о скорпионах это давно разоблачённая сказка). Не удивляйся, что я тебе цитирую библию, - это ведь вовсе не поповская книга, каковою её сделали попы. Это величайшее поэтическое произведение, равное "Илиаде" и "Эдде", - и "Екклесиаст" (как звали его на

самом деле, никто уже, наверное, не узнает) был очень большим поэтом. Это ему принадлежит определение мира и жизни как "суеты сует и всяческой суеты". Пожалуй, это самый большой пессимист из всех поэтов. Но и очень неглупый. Знаешь ли ты, что его слова: "Кто копает яму, тот упадёт в неё", и: "Кто разрушает ограду, того ужалит змей"?.. И ещё сотни афоризмов, вошедших во все языки и культуры мира? - Вот ещё образчик (думаю, что и не подозревал, что это - всё тот же "Экклезиаст"): "Лучше слушать обличения мудрого, чем слушать песни глупых", и: "Не будь поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых", "Ибо как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познаётся при множестве слов".

"Прости, я рискую перепечатать всю поэму.

"Саша, я это всё к тому, что сознание - это не только чудо и крест, а и тончайший предмет в мироздании, - тончайший, и поэтому его могут сгубить вещи, которых другой предмет и не почувствует. И не от "силы воли", как говорили некоторые негодяи, "мыслители", а только от того, что не хватало ума и мужества, некоторые человеки "укокошивали себя". Сознание, или "Дух", как его называли и называют, есть - Гегель - "способность выносить напряжение противоречия". Собственно, это просто другая дефиниция сознания.

"Тяжкая оно, сознание, вещь, когда мир не устроен по-человечески, а ты знаешь, как он может быть устроен. А тебя не слушают, над тобой даже смеются, обзывают "утопистом". Нельзя ни в коем случае поддаваться минутам отчаяния. Я прожил пятьдесят лет и знаю: они всё же проходят, эти минуты, и даже думать о "выходе" из игры не нужно. Пока есть капля силы, надо бороться. За то, что ты считаешь мудрым и человечным. Опять тот же "Экклезиаст": "Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать". Твёрдо знаю, что настанет и твоё время плясать, даже если и настало твоё время плакать. Пройдёт.

""У мудрого глаза его - в голове его, а глупый ходит во тьме." И это "Экклезиаст", который не был знаком с проблемой слепоглухоты, а как поэт понял, - согласись, - суть дела умнее, чем Матушка Зима..." (Кличка одного из бюрократов, противостоявших А.И.Мещерякову и Э.В.Ильенкову в их борьбе за новое, более крупное, реабилитационное учреждение для слепоглухонемых (которое между собой мы привыкли называть словом "Комплекс"; в настоящее время первая очередь комплекса наконец-то сдана в эксплуатацию, строится вторая). Бюрократы рассуждали о выгоде-невыгоде "возни" со слепоглухонемыми, и учёные вынуждены были им доказывать, что сия "возня" очень даже "выгодна" хотя бы с точки зрения

научного эксперимента, делающего философию экспериментальной наукой. - А.С..)

"Если бы ты был действительно один - одинок, - я не имел бы права советовать тебе мужество сознания. Ты не один, славный и мудрый мой друг. Приедешь - будем говорить с тобой долго и всерьёз.

Твой Э.В. 12 августа 1974".

И всё-таки, Эвальд Васильевич, раз ответов столько, то и вопрос не случайно задают так упорно. Почему люди с таким упорством ищут ответа на вопрос "зачем?"? А ведь бывает, что "почему?" и "зачем?" сливаются в один вопрос до полной неразличимости, до тождества. Например: почему (или, что то же самое, зачем) люди так упорно ищут ответа на вопрос о смысле жизни? Почему (зачем) они ищут ответ на вопрос, зачем (ради чего, с какой целью) жить?

Вообще их три, вечных философских вопроса: первый - "Что такое?", второй - "Почему?", а третий - "Зачем?". Что такое мир, в котором мы живём? Почему он такой, а не иной? И зачем мы в этом мире, каково наше в нём место, то есть не "зачем солнце" или "зачем жизнь" вообще, а - что нам в этом мире, который "что такое" и "почему", - делать?

Есть ли наше место в мире - место разумных существ? Или наше место в мире - место одного из бесчисленных видов животных, своей жизнедеятельностью создающих условия для собственного грядущего вымирания?

"Не презирай малых сих", - сказано где-то в Библии, которую Вы подробно цитируете в письме ко мне.

Каюсь, Эвальд Васильевич: чем больше живу, тем больше презираю "малых сих" - за сходство с животными, за очевидную несостоятельность как разумных существ. И себя тоже презираю, когда случается поступать даже не бессмысленно, а просто безумно. Тут нет противоречия с тем, что говорилось выше о терпимом отношении к любимым, о приятии любимых такими, как есть. Любимые - это одно, а "малые" - совсем другое. "Малые" - чужие (и я сам себе тоже чужой во многих проявлениях), а любимые - единственный свет в окошке.

Вы сами всю жизнь искали ответа на вопрос, зачем существует человечество, в чём смысл его существования, что необходимо для достижения нами качества действительно разумной формы жизни. Главным для Вас было, не что такое мир, и не почему он именно такой, а - каким должен быть каждый из нас в качестве личности, в качестве разумного существа, и что мешает нам быть такими. В поисках ответа на этот вопрос Вы сожгли, вместе с собственным здоровьем, бессчётное количество крепчайших кубинских сигарет, набитых сигарным табаком (отходами от производства сигар). Это был горлодёр почище самых крепких российских папирос, и за это

кубинские сигареты мы называли "термоядерными". Правда, перед Вашей смертью их не было в продаже несколько месяцев, Вам пришлось перейти на "Беломор", а Ваши друзья рыскали по всей Москве в поисках кубинских...

Вы не любили верхнего света. В комнате Вашей он зажигался крайне редко, а горели обычно три настольные лампы: одна около пишущей машинки; другая рядом с самодельным (сами Вы собрали из разномастных аппаратов) радиокомбайном, качеством звучания которого восторгались даже бывавшие у Вас в гостях западные немцы; третья - на журнальном столике у Вашего дивана-кровати, где лежало Ваше текущее чтение и детали чинимой Вами радиоаппаратуры. А за пару месяцев перед смертью Вы занялись переплетением наиболее уникальных книг из личной библиотеки, в которой было даже прижизненное немецкое издание "Критики чистого разума" Иммануила Канта (когда я попал к Вам в гости последний раз - в день Вашего пятидесятилетия, - Вы как раз реставрировали фолиант 1798 года издания, и увлеченно показывали мне технологию своего переплётного мастерства; я чуть-чуть понимал в этом, так как тоже пробовал переплестать). Переплетая, Вы поминали Баруха (Бенедикта) Спинозу, наиболее чтимого Вами из мыслителей до Маркса. Спиноза зарабатывал на жизнь ремеслом оптика, а заодно и на преждевременную смерть - от туберкулеза лёгких, изъеденных мельчайшей стеклянной пылью.

Вы были принципиальным сторонником сочетания умственного труда с физическим, полагая, что голова учится мышлению именно у рук, а без рук мозг был бы, как орган мышления, поистине безмозглым. И в том, что Спиноза существовал физическим трудом, Вы видели источник его философской мудрости, а не просто вынужденный заработок отлучённого от всех церквей, обречённого на нищету мыслителя. Труд-то был высококвалифицированный...

6.

Но, сынок, не одни лишь войны -
Тучи разные впереди.
Что такое - прожить достойно?
Прост вопросик; ответь поди!..
Вот - Спиноза. Он был спокоен:
Пониманием скована страсть. <
Я мечтал его быть достойн;
Мне б его над собою власть.
В теоремах сухих систему
Философскую изложил.
Как он строго решал проблемы!
Как достойно, красиво жил!..
Все попы его проклинали,

Отлучали от всех церквей.
И неистово клеветали,
И язвили миллионом змей.
Он в одном своём объясненье, -
В том, что "схолией" называл, -
На бессильное их шипенье
Мощью истины отвечал.
И насмешкой своей острейшей,
Что кинжалов опасней всех,
От нелепости их святейшей
Оставлял он проклятий грех:
"За безбожность его ученья
Суд твой, Боже, да будет свят!
А за наши с ним все мученья,
Боже, ввергни Спинозу в ад!
Стал он вечной твоей занозой, -
И твоих недостойных слуг..."
Да, был верен себе Спиноза,
И надёжный был, честный друг.
Знаешь, кто, по Спинозе, честен?
Кто с собою связать людей
Может узами дружбы вместе, -
Чем их больше, тем ты честней.

Да, Вы считали себя спинозистом. И в главе
"Диалектической логики", посвящённой Спинозе, Вы причислили
к великим спинозистам всех классиков немецкой философии - от
Канта до Маркса. Ваше прочтение Спинозы было настолько
смелым и злободневным по исследуемой проблематике, что
университетский преподаватель истории философии, когда я
поинтересовался его мнением об "ильенковском Спинозе",
сострил: "У Ильенкова Спиноза больший марксист, чем сам
Маркс". Доля истины в этом отзыве была. Насколько я Вас
понял, Вы действительно считали Спинозу единственным с
античных времён до Маркса мыслителем, который сделал попытку
соединения материализма с диалектикой.

Не раз на Ваших вечерних застольях я спрашивал Вас, по
какой причине все гости, вдруг загомонив, оказывались на
ногах, с особым энтузиазмом чокались. Выяснялось, что шумный
энтузиазм учёных мужей, академиков, профессоров, докторов
всяческих наук, был вызван... тостами за Спинозу. Почему бы
и нет? Не надо ханжески морщить нос. Тост за Спинозу для
этих людей был равнозначен тосту за здоровье любимого
учителя, духовного отца.

Когда я окончил университет и стал работать в
научно-исследовательском институте общей и педагогической
психологии, Вы, будучи моим научным руководителем, засадили
таким образом за "Этику" Спинозы. Первой моей отчётной работой

за год стал реферат этой книги. По Вашей предсмертной оценке, я вполне верно изложил основы спинозизма, хоть и откровенно чертыхался, будучи весьма неучтивым юнцом, на совершенно невозможный, противоречащий моим эстетическим вкусам, "геометрический способ" изложения Спинозой своих взглядов. Сами Вы любили и тонко ценили красоту мысли, восторгаясь остротой постановки, простотой и строгостью решения Спинозой проблем. Вы переводили Спинозу на современный философский язык, и, не зная раньше Вашей интерпретации, я Спинозу вряд ли бы понял. Вы любили детски простенькие формулировки сложнейших философских проблем, например: "Тело - моё, мозг - мой, а где же я сама?" И, посмеиваясь, предвкушая, как запутается учёный собеседник, Вы подначивали:

- Попробуйте-ка ответить так же просто, так же коротко, как спрошено!

Вы всем предлагали эту философскую задачу. Пробовал её решить и я. Долго ломал голову, и наконец выдал:

"Где я? Не тут (касается ладонью головы) и не здесь (указывает на грудь)... А, понял! Я - в сумме моих отношений с друзьями... И с врагами тоже. В совокупности моих отношений с другими людьми, вот где...".

Этот мой ответ Вы поставили эпиграфом к последней главе работы "Что же такое личность?", - главе, которую так и назвали: "В каком пространстве существует личность?". Работа построена, как и все Ваши статьи и книги, в форме своеобразного философского детектива. Я был студентом. Ни Маркса, ни Вас ещё по теории личности не читал. И Вас поразило, как точно мой ответ совпал с тем, который Вы дали в этой работе, изданной уже без Вас в год Вашей смерти.

Ну, а формулировка вопроса: "где я?", - принадлежит слепоглохой студентке Наташе Корнеевой. Впрочем, этот её вопрос цитирует Александр Иванович Мещеряков ещё в 1970 году, задолго до нашего поступления в МГУ. Наташа - та самая девочка, которой Вы заставляли меня дарить купленные Вами цветы. Её вопрос Вы тоже поставили эпиграфом ко второй главе той же работы (глава называется: "Органическое и неорганическое тело человека").

Спинозе приписывают афоризм: "Не плакать, не смеяться, а понимать". Восхищаясь глубиной и снайперской точностью спинозовского понимания, Вы не могли достичь его бесстрастия, каждая Ваша строчка обжигает страстностью. И слава Богу: Ваша страстность привлекала меня к Вашим текстам, прямо-таки завораживала, много раньше, чем я дорос до Вашей мысли. Да и дорос ли до сих пор?.. Вот перечитываю, - вроде бы знаю многое наизусть, а в целом - словно впервые, столько незамеченного раньше открывается... Неисчерпаемо,

подобно любимой музыке и любимым стихам. А вообще-то понятно: я сам не стою на месте, расту, развиваюсь, накапливаю духовный опыт, ну и замечаю то, что не мог заметить раньше.

Спинозовского бесстрастия Вы не достигли, зато спинозовская честность была свойственна Вам в самой высокой мере. Когда Вы засадили меня за "Этику", определение честности прямо-таки потрясло меня, сразу - наизусть: "Честным я называю человека, умеющего связать с собою узами дружбы наибольшее количество людей". В этом отношении Вы были мощнейшим магнитом. Кого только ни водили Вы к нам, слепоглухим студентам! Долгие годы все, кто меня окружал, были "подарены" мне Вами.

Люди это были очень разные, нередко терпеть не могли друг друга. Доходило до ультиматумов: "Или я, или мой антипод!". За горло брали, желая мне добра и требуя выбрать. Вас-то, и то, наверное, далеко не все - слишком уважали, чтобы позволять себе подобное... Вам было можно совершенно свободно решать, с кем водиться, а с кем нет. На Вас смотрели снизу вверх. На меня - слишком часто - сверху вниз. Так было очень долго. Отстаивая своё право быть самим собой, я многих от себя оттолкнул. Но и сейчас меня окружают очень разные люди, нередко не могущие друг друга терпеть. Из всех сил стараюсь, чтобы они друг на друга не натыкались. Стараюсь - из чувства самосохранения. И с некоторых недавних пор никто уже не берёт меня за горло, не требует выбрать между собой и кем-то ему несимпатичным. Честен ли я?.. Ох, не знаю... Наконец, хорошо ли мне? Всё равно плохо, одиноко очень.

Бывало часто, Вы приведёте человека, хорошо поговорим, новый знакомый пообещает вскоре появиться опять - и навсегда исчезает. Проходят месяцы, вспомнишь, спросишь у Вас: где же тот, как его? Вы - огорчённо, беспомощно:

- Ну что же делать, если он оказался нелюбопытный!..

Кажется, для Вас "любопытство" и "любопытательность" были синонимами. А насчёт того, что на Вас смотрели "снизу вверх" и предоставляли Вам свободу выбора друзей, я, скорее всего, преувеличиваю. Обычная детская иллюзия: взрослым хорошо, у них нет таких проблем, как у меня. На самом деле, бесспорно, жить Вам было тяжело, и, наверное, не только от вселенского безумия.

7.

Над тобой, над Землёю разом -

Тучи... Ночи порой не спишь.

Мой отцовский встревожен разум:

Кем ты вырастешь, мой малыш?

Хочешь быть за себя в ответе,

Сам собою располагать?
Я подростком, как все на свете,
Мучил этим желаньем мать.
Я выскальзывал из квартиры,
Не докладывая куда.
Заявляя, что я уж вырос,
Часто за полночь пропадал.
Точно так же, как твой котёнок, -
Из-под полка достань поди...
Ты по возрасту не ребёнок;
По характеру - сам суди.
Чем, скажи-ка, сынок приёмный,
Пред тобой провинился я?
Разве тем, что, себя не помня,
Крепко-крепко люблю тебя.
За тебя, несмышлёныш, мне страшно:
Как бы, раньше чем поумнеть,
Ты по-детски трагично и зряшно
Под машиной не встретил смерть.
И под тою, что прёт безглазо,
На дороге случайно сбив.
И под тою, что давит разум,
Душу плющит, себе подчинив.
Нет последней машины хуже:
Ты под нею не сам, не свой,
А - хотя бы и жив снаружи -
Мёртвый винт её запасной.
В жизни этой наружной, загробной,
Ты не личность, а индивид,
И штампуешь себе подобный
Из души человеческой винт.
Все-то чужды тебе сомненья,
Своеволие мыслей, чувств...
Страшно этого превращенья,
Этой смерти твоей боюсь!
И безжалостно, как все дети,
Ты про этот мой страх спросил...
Я хотел бы тебе ответить,
Только нету на это сил.

Вы никогда не называли меня сыном - по крайней мере в глаза. Но я Вас называл своим духовным отцом, и Вы не возражали, соглашаясь молчаливо. И конфликт наш был типичным для отца и сына: я стремился к самостоятельности, а Вы за меня боялись.

Меня тяготила стопроцентная зависимость от окружающих, от их занятости, лени и каприза. И сейчас тяготит. Невыносимо, когда не можешь удовлетворить самостоятельно

элементарнейших потребностей: просто на свежем воздухе погулять, друзей навестить, не разыскивая сопровождающего, посетить концерт любимой музыки. Невыносимо сидеть в четырёх стенах, боясь высунуться без присмотра. Уверен, Вы всё это прекрасно понимали. И будь я зрячеслышащим, относились бы к моим похождениям благодушно.

Но я слеп и глух, а Вы меня любили, и перед страхом за мою жизнь отступала - не могла не отступить - самая мудрая философия. Я это понимал. Мне жаль было Вас, но и себя тоже. И я тайком убегал из студенческого общежития, - в парикмахерскую, в магазин, даже на речной трамвай. Где не мог справиться один - при переходе через дорогу, например, - просил прохожих. За меня боялись, мне это всё запрещали, и я вынужден был тайком учиться тому, чему следовало бы учить специально, целенаправленно. Но эти проблемы педагогика слепоглухих тогда ещё даже не ставила.

На тихом перекрёстке около высотного здания МГУ, где машин почти нет, Вы на что-то отвлеклись, а я от скуки сделал несколько шагов в поисках края тротуара. Понесло меня, как на грех, к мостовой, - спутал стороны света. Но я был с тростью, и на мостовую не сошёл бы, трость предупредила бы о спуске за шаг до него.

Оглянувшись, Вы резко рванули меня к себе:

- Самостоятельничаете?! - и больше не отпускали, просунув мою руку под локоть своей.

- Ну ведь кругом добрые люди, уж на простейшую, минутную доброту почти каждый способен, помогут! - не раз пробовал я Вас убеждать.

- Под машину попадёшь! Вон в Венгрии была слепоглухая студентка, вышла она на улицу, и сразу угодила под машину. А не то - на маньяка напорешься, зарежет.

- Просто так не режут! И вообще это один шанс на тысячу!

- Хватит и одного на тысячу, чтобы оказаться в колумбарии.

Да, чтобы так пререкаться, не надо быть гениальным теоретиком. Надо быть просто любящим отцом, которым Вы - по отношению ко мне - и были.

Мы оба страшно мучились. Я от огорчения начал курить, боясь - из гордости - расплакаться при всём честном народе. Потом не раз каялся: лучше всенародная истерика, чем самоотравление. Бросить курить удалось только через много лет, а подорванную нервную систему, и без того слабую, как у всех слепоглухих, с трудом поддерживаю в относительном порядке до сих пор. Вас моё курение страшно испугало и огорчило. Сам заядлый курильщик, Вы не могли сколько-нибудь убедительно протестовать. Пытались воздействовать на меня

насмешкой. Как-то в годовщину смерти Мещерякова, на кладбище, у него на могиле, Вы иронически предложили:

- Закури, покажи Александру Ивановичу свои достижения...

Вы переживали широко, на весь мир, на весь необъятный круг Ваших знакомств. И Ваши друзья приходили меня уговаривать, просили посчитаться не с отцовской любовью, так "хотя бы" с тем, что Вы - гений. Искали примирения и Вы:

- Давай не будем ссориться.

А я безумно тосковал без Вас, и если бы не Ваш категорический протест против моего "самостоятельничанья", к Вам первому заявился бы один. Но, любя Вас, ни разу этого себе не позволил. Я хотел объясниться - не устно, так на бумаге. Написал большое письмо. Но даже не решился перепечатать его на зрячей машинке. Может, и зря... Поговорили бы, нашли бы какой компромисс...

Один глухой мальчик подарил мне котёнка. Я с ним здорово возился, а он от меня убегал, прятался под книжными полками. Однажды Вы застали меня за добыванием котёнка из-под полок, приняли в этом деятельное участие, но малыш только трогал лапками мои пальцы, а поймать себя никак не давал. Наконец Вам это надоело. Вы решительно уселись в кресло:

- Захочет есть - вылезет! - Помолчали, отдуваясь после ползанья на четвереньках. - Два сапога пара - ты со своим котёнком! Кошачья твоя самостоятельность! Давай учись человеческой - духовной...

- Так ведь не бывает - без физической, пространственной!

- Бывает! Ещё как бывает!

Я Вам тогда не поверил. И сейчас не верю. Это в Вас говорил страх за меня. А духовная самостоятельность, без независимого образа жизни, невозможна. Ну, диалектическую осуществимость независимости при слепоглухоте я обосновал позже. Я оказался - в решающей степени благодаря Вашей философии - способен обосновать независимость на теоретическом, а не чисто житейском уровне.

Вообще же во всём, что касается проблем духовного выживания всех и каждого, я Вам верил и верю чем дальше, тем безоговорочней. По мне, уж лучше быть раздавленным автомобилем, чем государственной машиной и всякого рода предрассудками, догмами. Лучше умереть разумным, духовным в какой бы то ни было степени существом, чем таковым никогда не состояться. Я горячо соглашался с Вами в том, что не надо "оригинальничать", "самоутверждаться в пустяках, ерунде, курьёзных мелочах". Самоутверждаться надо в решении общезначимых проблем. Вот только я никак не мог считать

"мелочью" свою физическую стопроцентную зависимость из-за слепоглухоты. Очень уж эта "мелочь" мешала и мешает мне жить, по-человечески жить, а не по-животному прозябать в четырёх стенах. Мешает участвовать в жизни окружающих людей, особенно детей, в жизни человечества так полно, как мне бы хотелось. И тут уж не избыть мне тоски по "кошачьей самостоятельности". Увы...

Хотя сейчас-то, конечно, я этой "самостоятельностью" сыт по горло. Очень уж боком она выходит в условиях слепоглухоты, всего нашего немилосердного социального бедлама. Сыт по горло - в наличных условиях, но не могу не мечтать о других условиях, при которых "кошачья самостоятельность" была бы чем-то столь же естественным и осуществимым без чрезвычайных героических усилий, как дышать, есть и пить.

Без переводчика разговаривать по телефону, слушать радио, смотреть спектакль! Без сопровождающего ходить и ездить, куда бы ни понадобилось!..

Вы это всё понимали. Не могли не понимать. Но моя тоска по такой жизни принимала столь крайние "кошачьи" формы, что Вы, боясь за меня, пытались "не понимать" её.

У Вас были основания опасаться и моей духовной смерти - раньше физической. В конце жизни Вы не раз сетовали, что наше нравственное воспитание упущено в увлечении интеллектуальным. Мне тоже приходится биться над этой проблемой всю жизнь. И я пришёл к выводу, что Вы напрасно себя винили. Самая острая, самая нерешённая, самая неразработанная проблема (какие бы горы литературы ей ни были посвящены) - именно проблема нравственной мотивации жизни людей, проблема человечности. Тут на практике мы как были, так и остаёмся беспомощными. А раз беспомощны на практике, то и в теории вряд ли всё благополучно. А ведь это не что иное, как проблема ответственности друг за друга и за всё мироздание. Это проблема разумности на деле, а не по названию. Решения этой проблемы человечество ещё не знает. И узнает не раньше, чем вплотную окажется перед гамлетовской дилеммой: быть или не быть. Когда эта дилемма возьмёт нас за горло так, что её вынужден будет осознать каждый. Это и есть - увы, жесточайшее - условие, которое вынудит каждого живого человека стать личностью. То есть разумным существом.

Чтобы наконец-то обраться, надо обезуметь до балансирования на самом краешке бездны, до реального риска самоуничтожения. Всеобщее безумие - увы, - условие и повивальная бабка всеобщей разумности. Как и полагается по законам диалектики. Лучшим знатоком которой Вас по заслугам признали ещё при жизни.

Но ответственности - то есть разуму, то есть

нравственности, то есть свободе, если не путать её с произволом, - нельзя научить. Ей можно только научиться в собственной деятельности, в течение всей жизни. И человечеству, и каждой личности.

Ответственным - то есть разумным, то есть нравственным, то есть свободным, - никто не рождается. Но этому и не научишь никакими разговорами. Этому учатся только собственным лбом, собственным горбом, на собственных ошибках и удачах. Только в ходе саморазвития - в смысле самовоспитания, самосозидания, самотворчества, - а не в ходе "целенаправленного формирования". Поэтому-то у самых ответственных родителей может вырасти самый безответственный, бессовестный тип. Единственно возможная тут "методика" - с малолетства иметь за кого отвечать и о ком заботиться, а не быть лишь объектом заботы родителей и педагогов.

Потому-то наше нынешнее общество такое безответственное, что в течение десятилетий детвора была у нас, во всяком случае провозглашалась, единственным "привилегированным классом". Если о детях и было кому заботиться, то детям заботиться было не о ком, не за кого было отвечать. Вот мы теперь это всё и расхлёбываем. У нас не столько экономический, не столько экологический, не столько политический, сколько нравственный кризис. Кризис ответственности. Кризис многовековой несвободы.

Да, Вы напрасно корили себя... И не все мои вопросы были Вам по силам. Мой учитель, Ваш близкий друг, Александр Иванович Мещеряков, посвятивший жизнь слепоглухонемым детишкам, сколько-нибудь подробно успел разработать лишь первоначальный психолого-педагогический процесс, только закладку фундамента личности. А дальше - как у всех, с теми же ухабами, с тем же лотерейным везеньем, что и у всех. Откуда Вам было знать, как возможна полноценность личности при слепоглухоте, но без обслуживающего персонала. Подобного опыта в СССР просто ещё не было. Про слепоглухих детей кое-что знали, а про слепоглухих взрослых, в сущности - ничего. Этот опыт предстояло нажать моему поколению, а теоретически осмыслить - мне. Поэтому именно мне всерьёз Понадобилась Ваша философия. Жизнь вынуждала меня думать дальше, но мое мышление было бы невозможно без Вашего, как и Ваше - без всей предшествующей философской классики.

С окончанием университета кончился и "эксперимент" с его слепоглухими выпускниками. Больше мы государство не интересовали. На "обслуживающий персонал" - на секретарей - денег так и не нашли. А нашим товарищам по несчастью, не одолевшим даже средней школы, никакой персонал вообще не полагался, кроме персонала психоневрологического интерната,

в просторечии - дома инвалидов.

Вы умерли через неполных два года после нашего выпуска из МГУ, и начало этой кошмарной ситуации застали. В этой ситуации всем нам ничего не оставалось, как наживать опыт "кошачьей самостоятельности". Никакого другого способа выжить просто не было. И для огромного большинства из нас нет до сих пор.

А у Вас перед глазами был только опыт Ольги Ивановны Скороходовой, у которой имелся штат из двух секретарей, по очереди находившихся при ней круглосуточно. Да и её к концу жизни пытались спровадить в дом престарелых, чтобы освободить её жилплощадь для кого-то в бесконечной государственной очереди на жильё. Вы с Мещеряковым надеялись и нас обеспечить секретарями, как и Скороходову, но государство не пожелало раскошеливаться. Президент академии педагогических наук СССР Всеволод Николаевич Столетов, как мне рассказывали, прямо заявил: "Нечего устраивать в академии республику слепоглухих!" А первый заместитель председателя Центрального Правления Всероссийского Общества Слепых, числивший себя в друзьях Скороходовой, нашёл "неотразимый довод": "Не бывает бесконечных экспериментов!" Зама этого звали Анатолий Михайлович Кондратов. Против объединённой чиновничьей своры у Вас не было сил, и как ни претила Вам наша "кошачья самостоятельность", мы оказались на неё обречены...

8.

Нету сил... За окном светает.
Тяжкой ночи закончен срок.
И последняя дымом тает
Сигарета - всю пачку сжёг.
Да... Не знаю сложней задачи -
В помощь детям дать опыт свой:
Ошибайся, но хоть иначе,
А не заново - вслед за мной.
Не за мной, не за кем-то следом,
А по-новому, в первый раз,
Чтоб несбыточная победа
Ради всех у тебя сбылась.
Вы наследуете немало -
Вы, кому только жить да жить:
Что решению подлежало
(Только мы не смогли решить),
На что в жизни мы напоролись
(Непредвиденное подчас), -
Средоточие нашей боли
Вы наследуете у нас.
Боль - защита от скрытой фальши,

Что смогли мы разоблачить.
Жизнь без опыта-боли дальше
Не надейтесь никак продлить.
Так не бойтесь его, живите
В средоточии всех проблем!..
Нету воздуха. Может, выйти?
В мире нечем дышать совсем...

21 марта 1979 года, в одиннадцать часов утра, Вы вышли из своей квартиры на лестничную площадку. Вы уже несколько дней пребывали в тяжелейшей депрессии.

Если бы накануне вечером, 20 марта, я воспользовался подвернувшимся сопровождающим, нашим общим знакомым, не для покупки холодильника, а для прихода к Вам, - может быть, мне удалось бы отсрочить ещё на сколько-то Ваш уход... Не могу себе простить, что не принял предложение знакомого поехать к Вам, а не за холодильником. Отложил визит, как оказалось, навсегда.

И эта Ваша предсмертная ночь стала моим кошмаром. Мне всё представляется, как Вы мучились без сна, весь во власти уже совершенно непосильной, накопившейся за пятьдесят пять лет жизни, концентрации боли. Всякой боли - и физической, и житейской, и вселенской. Горела настольная лампа у Вашего изголовья. В рабочей, и одновременно жилой, комнате было накурено, - как говорится, хоть топор вешай.

Если бы я пришёл к Вам в тот вечер!.. Может быть, я бы хоть немного разрядил бы Ваше безысходное состояние!.. Иногда мне это удавалось, как вообще совершенно бессознательно получается это у всех детей, благодаря нашей к ним любви.

И ведь я знал, что Вам плохо. Мне говорили об этом и тот знакомый, и другой, встретивший меня 19 марта в Домодедовском аэропорту, - я приехал из Киргизии с маминого пятидесятипятилетия... Знал и не пришёл. А ведь оба эти человека были, в сущности, Вашими посланцами, передавали мне Ваш зов. Не так примитивно, конечно, не Вы их просили, - нет, по собственной инициативе, зная, как Вы меня любите, и надеясь на чудо, что мой приход облегчит Ваши страдания хоть немного...

Все большие мыслители - насквозь ироничны. И когда Вы вышли на лестницу вздохнуть последний раз, уже зная, что умираете, - Вы ещё смогли усмехнуться при мысли обо всех нас, остающихся:

Что, от воли последней стонете,
Завещающей ритуал?..
Как хотите, меня схороните.
Ничего я не завещал.
На хранение куда засунете

Моё тело, - мне всё равно.
Ведь не мне же рыдать на грунте,
Под которым сгниёт оно!..
Что за проводы меня достойны:
В гробовой ли сухой тиши,
Под оркестровые ли стоны, -
Дело Вашей живой души.
Перед вами - дорога дальше.
Память жизни моей в пути
Пригодится ли? - дело Ваше.
Вам решать, ибо вам нести...

Как-то Вы позвали к себе в гости всех четырёх
слепоглухих студентов. И предложили послушать Вагнера,
надеясь, что уж его-то "могучая ритмика" до нас дойдёт.
Вашим любимым композитором был именно Рихард Вагнер. В своих
заметках о Вагнере Вы особенно подробно прокомментировали
траурный марш из музыкальной драмы "Гибель Богов".

У меня был отвратительный слуховой аппарат, карманный,
совершенно для музыки непригодный. Все звуки слились у меня
в сплошной вой. Где там ритм, где там что... Первые слуховые
аппараты, укрепляемые за ушами и хорошо принимающие музыку,
появились у меня только в 1980 году (мне их подарили в ФРГ,
в Ганноверском центре для слепоглухих, сразу два, так что
получились великолепные стереонаушники, регулируемые
отдельно для каждого уха).

Ну, а тогда у Вас дома мне стало невыносимо грустно. Я
куксился весь вечер, и наконец, к Вашему ужасу и полной
растерянности, разрыдался. Причину моих слёз Вы поняли
правильно:

- Ну что же ты? Ну, успокойся... Девяносто девять
процентов людей, с медицински нормальным слухом, Вагнера не
слышат...

- А я не хочу быть в числе этих девяноста девяти! Хочу
быть в том одном проценте, которому доступны все сокровища
мировой культуры! - Таков был смысл моего ответа, звучавшего
тогда затруднённо, с паузами и глубокими вздохами, чтобы
опять не расплакаться.

Возразить Вам было нечего. Не отвечать же пошлостью
типа: "Мало ли чего ты хочешь!" Это было бы оскорблением,
плевком в душу. Брякнуть такое Вы бы не только не посмели, -
Вам это и в голову не могло прийти: Вы лучше кого другого
понимали и разделяли мои страдания.

Вы посадили меня справа от себя, обхватили мои
вздрагивающие плечи правой рукой, а в левую приняли обе мои
ладони, и стали их тихонько поглаживать. Я притих. С кем
другим я не выдержал бы молчания, а рядом с Вами мне просто
так посидеть было всегда хорошо. И Вы, как мать, нежно

гладили мои руки, слегка покачиваясь вместе со мной, словно укачивая младенца.

Вы всё понимали. В августе 1974 года Вы получили от меня письмо, где я делился своей тоской по музыке, такой острой, что хотелось иногда покончить с собой. Музыку я успел полюбить ещё в раннем детстве, до того, как в девять лет резко ухудшился мой слух. Одной из главных моих духовных потребностей стала классическая музыка - первоначально народные песни в мамином исполнении, духовой оркестр. Я и стихи-то начал писать потому, что надеялся хоть так немножко ослабить свою тоску по музыке. Стихи я называл "музыкой слов". Раз уже нечем слушать, то почему бы не попробовать сделать самому?... Читая чужие стихи, всегда шёл от музыки к смыслу: сначала пленялся ритмами, а уж потом начинал соображать, о чём речь.

Позже я слушал у Вас "Траурно-триумфальную симфонию" Гектора Берлиоза. Слушал не через карманный слуховой аппарат, а просто прижав ухо к динамику, да на такой громкости, что снизу приходили соседи, недовольные шумом. И всё равно самые тихие места симфонии совсем не слышал. Помню, как Вы несколько раз повторили для меня то место, где стреляют из пушек... Эта пластинка сейчас у меня. Чтобы не заигрывать, я переписал её на кассету.

"Траурно-триумфальная" стала моей любимой симфонией, я хорошо знаю всю её композицию, а многие отрывки выучил наизусть. В том числе и тот, с пушками.

К траурному маршу Вагнера я тоже прислушался. У меня вся оперная тетралогия "Кольцо Нибелунгов", а траурный марш есть ещё отдельно. Либретто эпоса, конечно, не знаю. Слов на слух совсем не понимаю, поэтому разделение музыки на вокальную и инструментальную для меня, в сущности, лишено смысла. Человеческий голос для меня такой же музыкальный инструмент, как и все остальные, но мне обычно удаётся отличить, когда поют, а когда только играют.

И уж не знаю, как получилось, но стихотворный текст "Средоточия боли", кроме семнадцати строк заключения, весь выдержан в ритме вагнеровского траурного марша. Кто немного разбирается в теории стихосложения, может проверить. Чистая ритмическая схема строки "Средоточия боли" - четырехударная, причем ударения сдвоены, как удары главного барабана в вагнеровском траурном марше. В начале и в конце строки - ударения через слог. И у Вагнера также: барабан ударит с коротким промежутком дважды - и пауза. Дважды - и пауза. Например, две строчки, где ритмическая схема отчётлива: "Я хот'ел бы теб'е отв'етить, т'олько н'ету на 'это с'ил..."

Клянусь, ритм "Средоточия боли" как-то сразу сам нашёлся. Но правда же, символично, что наш с Вами разговор

весь идёт как бы под аккомпанемент вагнеровского траурного марша. Я сам лишь недавно поразился, обнаружив ритмическое родство "Средоточия боли" с траурным маршем Вагнера.

А хоронили Вас под Моцарта. В крематории звучало что-то из "Реквиема"...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не плачьте. Наш герой - он вечно жив
В своём горящем средоточье боли.
Вся жизнь его надсадная - прорыв
В желанный век разумной, доброй воли.
Он - гуманист. Один из тех людей,
Что в каждом, на свой лад безумном веке
Страдая, лишь становятся добрей,
Свободней, крепче духом и мудрей,
Взывая к Человеку в человеке.
Они навывлет через жизнь несут
Печаль о том, что мир так неустроен,
Что в нём всему хозяин - рабский труд...
А Человек - он лучшего б достоин.
Служа мечте прекрасной до конца,
Добра всей жизнью в мире добавляют;
Всем выстраданным мужеством бойца, -
Другого просто выбора не знают...

Противопоставление Человека с большой буквы человеку с маленькой буквы - исходное, фундаментально для всего Вашего творчества, пронизанного мечтой, чтобы Человеком с большой буквы стал каждый. В статье "Философия и молодость" Вы смеялись над "трагикомической фигурой" вчерашнего школьника, набившего себе шишку при первом же столкновении с жизнью. "И растёт на этой шишке развесистое "мировоззрение"... И синяк, бывает, сойдёт, а "мировоззрение" останется". Года через три после Вашей смерти одна восемнадцатилетняя девушка, бравирюя своим "знанием жизни", прямо при знакомстве со мной ляпнула:

- Зло непобедимо!

- Что же из этого следует? - улыбнулся я. - Ты что же, на стороне победоносного зла, а не обречённого на поражение добра? - Она растерянно промолчала, а я подвел черту: - Дура ты набитая, уж извини! Дело вовсе не в том, кто - кого. Главное - на чьей ты стороне. Я готов и погибнуть на стороне добра, как уж его понимаю. Мне, видишь ли, важнее выжить духовно, чем физически, и поэтому на сторону зла, сколь угодно победоносного, перейти не смогу. Главное - правильно выбрать свою сторону баррикад.

30 октября 1980 - 15 января 1994

Слегка подредактировано

20 апреля 2003

10. ЛЮБИМЫЙ ВЗДОР

ДВА ДОМА

Дом офицеров, а на нём -
Во весь фронто́н высокопарное:
Мол, "Школа Жизни" - это армия...
Такой самодовольный дом!
А вот без всяческих претензий
В халате белом скромный дом:
В нём до здоровья от болезни
Плетётся человек пешком.
Вот это вправду - Школа Жизни!
Как на ладони видно здесь
Всю человеческую низость
И героизм терпенья весь.

12 декабря 1977

ЛОЖЬ И ПРАВДА

В учрежденье дверь узка:
Только ложь исподтишка
Может, видно, влезть.
Только лжи не привыкать
На коленях проникать,
Где начальство есть.
Правда ходит, не ползёт.
Щель расширив до ворот,
Лишь тогда войдёт.
Всех бумажных пауков,
Тараканов и клопов
К ногтю враз прижмёт!

3 - 4 августа 1979

* * *

Я чиркнул спичкой: щёлкнул коробок,
С шипеньем разгорелся огонёк.
Я по границе чиркнул самолётом -
Горит официальный кошелёк.

20 июля 1980

4 мая 1990

* * *

Мы - гениальная провинция:
У нас рождаются идеи,
На коих только за границу
Основываются затеи.
Мы бюрократами закованы.
Бессильем дух творцов искромсан:
Пока везде не согласованы
Мечты - за дело не берёмся.

6 октября 1988

"СТРАНА У НАС ТАКАЯ"

Инвалиды кое-что и в спорте могут.
Собрались они в Сеул из разных стран.
У советских - только деньги на дорогу.
За победы - благодарных слов фонтан.
Спортодежду для поездки выбивая,
По инстанциям испортили всю кровь.
Что поделаешь!

Страна у нас такая.

Пропитала горечь к родине любовь.
Бездуховностью, бездушием - богаты.
Роскошь явная - людьми живыми быть.
Из детей растим такие автоматы,
Чтоб конвейеру пожизненно служить.
Постепенно дети гаснут, подрастая.
Лишь привычек пепел - где б гореть душе.
Чтоб не вспыхнул стыд -

"Страна у нас такая!" -

Проще прозябать

без глаз и без ушей.

Если ртов заклеить наглухо не можем,
На худой конец - плотней задвинуть кляп.
Этак с голоду подохнешь... Ну и что же?
Правды боль

прорваться криком

не могла б!

Из истории

позора не стирая,

В настоящем бы

позора избежать.

Перед миром всем -

"Страна у нас такая!" -

Чтобы можно было

с гордостью сказать!

6 декабря 1988

* * *

Совсем не умели думать.

Зато умели молиться.

А ныне мы - атеисты.

Не смейте в том усомниться!

Взамен христианского Бога -

Молимся Ильичу:

Цитируем Ленина много,

Да Горбачёва чуть-чуть.

14 декабря 1988

* * *

Когда же мы от излиятий
Любви к народу - перейдём
К осуществленью обещаний, -
Свой дом
 в порядок приведём?
Свободны будем ли на деле
Добро творить, людей любить,
А не в бумажной канители
Мечту живую хоронить?
В СССР всегда я дома.
Но - дьявол! - до каких же пор
Сгорать живьём в стыде знакомом
За "лучший в мире" наш позор?!

16 декабря 1988

ПЕСНЯ О РОДИНЕ
(ПАРОДИЯ НА "ПЕСНЮ О РОДИНЕ"
ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА)

Широка страна моя родная!
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так тяжело дышит человек.
От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей,
В лагерях народ гноит Хозяин
Необъятной Родины моей.
Всюду кровь и вольно и широко,
Словно Волга полная, течёт.
Молодым - в могилу лишь дорога.
Старикам - посмертный лишь почёт.
 Широка страна моя родная!
 Много в ней лесов, полей и рек!
 Я другой такой страны не знаю,
 Где так много терпит человек.
Наши нивы глазом не обшаришь.
Не упомнишь наших городов.
Наше слово гордое "Товарищ"
Больше всех изгадили мы слов.
Всюду были б мы с тем словом дома,
Находили всюду бы родных,
Если б не было оно знакомо
"Патриотам" русским из квасных.
 Широка страна моя родная!
 Много в ней лесов, полей и рек!
 Я другой такой страны не знаю,
 Где так волен в смерти человек.
Над страной тлетворный ветер веет.
С каждым днём невыносимей жить.

Лучше нас едва ли кто умеет
Клеветой жилплощадь раздобыть.
Но сурово брови мы насупим,
Если нас сломать захочет враг:
Как ни стыдно, Родину мы любим;
Лучше гибнуть за неё, чем так...

14 января 1989

5 марта 1991

* * *

Как до Октября -
Жирный поп,
Нынче бюрократ -
Медный лоб.
А за лбом ни зги:
Чернота.
Вовсе не мозги:
Жернова.
Предписаний скука
Царит.
Осторожно м'ука
Сопит.
Жернова инертно
Кряхтят.
Души в них посмертно
Хрустят.

26 апреля - 10 мая 1989

* * *

Клюнет жареный петух
В одно место, -
Вмиг у нас геройский дух
Повсеместно.
Ну, а сладили с бедой,
Как ни трудно, -
Дрыхнем до очередной
Беспробудно.
К чёрту! Хватит прозябать
Межаврально!
Где бы нам геройства взять -
Жить нормально?..

13 мая 1989

* * *

Спроси любого комика,
Что пудрит всем мозги:
Вся наша экономика -
Как женские чулки
Капроновые, тонкие:
Потянешь - разорвал...

Не молкнут речи звонкие
Про прочный идеал.

8 апреля 1990

* * *

Как не хочется - рассуждать...
Людям плохо. И вновь и вновь:
Не желаю - теорий знать!
Есть же чувства, в конце концов!
И над чувствами одиночки
Маркс, по-моему, зря смеялся.
Маркс и сам же расставил точки -
Опровергнуть себя старался.
Нет, не только - научный объект!
Нет, не только - сверхинтеллект!
Изначально - и день и ночь -
Гнев, и боль, и порыв помочь.

17 ноября 1990

* * *

Умирали - за Власть Народную,
Жизнь достойную, благородную...
Оказалось, что за вождя.
Обманулись мы, легковерные.
Неужели невероятные
Жертвы, муки все наши - зря?
Очень хочется жить богато.
Кровь - не та за богатство плата.
Тут уместней - рабочий пот.
Только - мы ли да не потели?
Нам уроки не впрок, - и к цели
Снова ищем, кто поведёт...

7 марта 1991

* * *

Попадаетя колбаса.
Продают иногда печенье...
Это голодом звать нельзя,
Да и сытостью - прегрешенье.
По бумажке тебе - носки,
Щётку, пасту найдут зубную...
Саботажникам вопреки,
Брань придерживай площадную.
Что-то - видишь - ещё "дают".
Что-то всё-таки производят...
Нет, не весь "перестроен" труд, -
Или воры не всё "уводят".

17 марта 1991

* * *

Уж как давили крикуны!..

Сойти могли со стороны
Их вопли за народный глас,
За волю миллионных масс.
От имени бараньих стад
Козлы рогами нам грозят.
Гремит свободно бред любой
В тиши оглохшей гробовой.
Себя вождями мнить могли...
Но референдум провели.
И то, что высказал народ,
Всем крикунам - мочалка в рот.
Пока дрались вожди за власть,
Болельщики вопили всласть.
Народ же думал тяжело...
Но до судеб страны дошло.
Как ни давили крикуны, -
Народ решил судьбу страны.
Сказал он твёрдо крикунам:
"Страну растаскивать не дам.
Кто лучше - Ельцин, Горбачёв?..
Не в этом суть. Резон суров:
Увязнуть вместе довелось,
И выбраться не сможем врозь!"

19 марта 1991

Результаты референдума крикуны проигнорировали. Но резон, похоже, остаётся прежним: вместе увязли - вместе и выбираться. Врозь - никак не получается...

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Холод нигилиста - безверца.
Пусто в голове. Пусто в сердце.
Старой веры нет - пепел только.
Новой веры нет - нет надолго.
Сердце ни о чём - не жалеет.
Уголёк под пеплом - не тлеет.
Старой веры нет - жалеть нечем.
Новой веры нет - гореть нечем.
Нет ли, есть ли Бог - всё равно мне.
Как осмыслить жизнь? Чем заполнить?
В старом смысле - разочарован.
Новым смыслом - не очарован.

18 - 19 июля 1991

* * *

Не вычёркивайте имён.
Из истории - не стирайте.
Было всё. Это был не сон.
Прошлой крови - не забывайте.
Сталин был. Он ещё придёт.

Вы его призовёте сами.
Сколько влезет он вам найдёт
Провинившихся перед вами.
Он позволит вам их казнить,
Отомстить им - за Рынок Дикий.
Только - лучше не станет жить.
Снова будет - обман великий.
Через годы в себя придя,
Соучастье своё в терроре
Чохом свалите на вождя -
Чтобы нового славить вскоре.
Не вычёркивайте имён.
Из истории - не стирайте.
Было всё. Это был не сон.
Соучастья - не забывайте.
Вы преступны, как ваша Власть, -
Власть монарха ли, власть народа.
Вы бесстыдны. На кой сдалась -
Не пророс пока стыд - свобода?

1 ноября 1991

* * *

Ты хороший - антикоммунист.
Я - ничуть не худший - коммунист.
За идеи убивать - позор.
"Измы" все - любимый нами вздор.
Ты хороший человек, - не так ли?
Я хороший человек, - не так ли?
Остальное - глупые спектакли.

1 ноября 1991

* * *

Сталин наши расстрелял мечты.
Нет в аду кровавом - чистоты.
Нет в аду кровавом - доброты,
Духа небывалой высоты.
А теперь - в навозе те мечты.
Нет под жирным смехом - чистоты.
нет под жирным смехом - доброты,
Духа небывалой высоты.
Мы в бреду представить не могли
То клеймо - "Народные враги".
Вор в Законе и Палач не зря
В лагере - "Народные друзья".
Идеал свободы и любви
Сталин в нашей утопил крови.
"Друг народа" - правящий торгаш, -
Идеал заплёвывает наш.
Но при власти при любой мечты

Наши - с нами, навсегда - чисты.
Мы - творцы живые доброты,
Духа небывалой высоты.

13 ноября 1991

* * *

Был диктатор чёрный -
стал диктатор красный.
Был диктатор красный -
будет снова чёрный...
Демократы - только
митинг междувластный.
Ладно, что речисты.
Плохо - речи вздорны.
А покуда речи,
деловые люди
Перегруппировкой
заняты бесшумной.
Пустьят кровь - и дальше
пусть, кто хочет, судит.
- Ваш досуг оплачен.

Ну-с, историк умный? -

11 - 13 декабря 1991

* * *

Боже! Обрати на нас внимание!
Излечи людей - от святомании!
Чтоб не требовали нагло святости,
Как детишки - непрерывной радости.
Глупенькие, слабенькие карлики...
У кого чуть-чуть проворней шарики,
Молятся тому и подло - в ноженьки:
Чуда ждут назойливо от Боженьки.
Разреши им сразу все сомнения.
Наведи порядок - в чине Гения.
Ошибаться не моги... Замучили!
На вождя и совесть перевьючили.
А потом - фашизму удивляются!
В поисках виновных - озираются!
Свято место заполнять - торопятся!
Богу новенькому - в ноги хлопаться!
Ох, и до чего же шутка грубая!..
Я свободен - от народолюбия.
Слишком богомолье омерзительно...
Чернь и сброд - глупцов зову презрительно.

12 декабря 1991

* * *

Замолчи же! Сколько можно?
Ведь не тянут за язык.

Объясняться - безнадежно.
Думать мало кто привык.
Боль твоя чужда всецело.
Стон твой - всем смешон.

Ну, кому какое дело,
В чём ты убеждён?

4 января 1992

НАБРОСОК РОССИЙСКОГО ГИМНА

Брели в катакомбах, во мраке кровавом.
К свободе с безумною страстью рвались.
Мы в мире прославились феникса славой -
Из пепла не раз возрождали мы жизнь.

Бурям Истории Землю Российскую
Кровью залить удавалось не раз.
Сытая волюшка грезилась близкою.
Смотришь - опять катастрофа стряслась.

По горькому опыту первые в свете,
От множества бед остальных мы спасли.
А дальше с планетою двинемся вместе,
Со всеми - в неизвестное Завтра Земли.

Бурям Истории Землю Российскую
Кровью залить удавалось не раз.
Сытая волюшка грезилась близкою.
Смотришь - опять катастрофа стряслась.

Земля пережила трагедий немало.
Достаточно! Крови - ни капли не лить!
Неизвестное Завтра каким бы ни стало -
Превыше всего Человека ценить.

Хватит планету и Землю Российскую
Тёмным Истории силам терзать!
Как нам ни плохо, - на дальнюю, близкую, -
Жизнь Человека нельзя посягать.

4 апреля 1992

* * *

Бог - не отгадчик нелепых загадок.
Глупо молить: "Наведи нам порядок!"
Богу Вселенских довольно забот;
Вот он и выдал нам кучу свобод.
Мол, шевелите мозгами! Иначе
Так и придётся мне вечно вас нянчить.
Мудрость благая Всевышнего в том,
Люди своим чтобы жили умом.
Ветер Истории дует сквозь окна.
Вновь преподносит жестокий урок нам.
Ветер Истории?.. Сами глупцы:
Собственной жизни безумной творцы.

9 июня 1992

* * *

Твоя душа темна, пуста -
Без алтаря,
Хоть модным именем Христа
Клянёшься зря.
От прошлого своей страны
Отрёкся ты.
Страницы прошлого черны
От клеветы.
Равно мандат фальшивый - Бог
И Антихрист.
Ты - обыватель-демагог
И карьерист.

4 июля 1992

* * *

Нет, не вырастет счастье потомства из наших
страданий.
Это наша надежда, прекрасная наша мечта.
А на деле - им хватит кровавых своих испытаний.
С нашей кровью сольётся их кровь, горяча и
густа.
Как ни горько - не раз уже было, не раз
повторится,
Что потомству окажется попросту - не до нас.
Кто и рад бы - не смог бы на наших страданиях
учиться,
Оставаясь частицей слепых и глухих - масс.

4 июля 1992

* * *

Ах, какие мы самозабвенные
Самооплеватели!
До чего ж мы необыкновенные
Дурака валятели!
Кто другой от собственного прошлого
Отрекаться начисто
Смог бы так - стыда не зная пошлого?
Стыд - не модно качество.
Неприличен мёд. Лишь дёгтем сталинским
Память перегружена.
Бог ли, Фюрер - кто-то - серым валенкам -
До резцу нужен нам.

5 августа 1992

* * *

Нет, незавидной доле
Бога - сочувствовать впору.
Спьяну творил он, что ли?
Зла наложил он гору.

Вдребезги - спать улёгся...
Глянул, прочистив зрение -
В ужасе вмиг отрёкся
От своего творенья.
Точно малыш, стыдится:
Чей там горшок пахучий?..
Нет, чёрта с два гордится
Нами - Господь Могучий.

5 августа 1992

* * *

В душу плюёт - и надеется
Понятым быть, идиот...
Вряд ли обида рассеется.
Горечь едва ли пройдёт.
Люди! Святыни не трогайте!
Эй, не дразните Богов!
Лучше ли - в танковом рокоте -
Лить, сатанинствуй, кровь?!
Кровь на асфальте пролитая...
Чем оправдаете смерть?
Чья ещё вера насытая,
Древняя - требует жертв?!

10 сентября 1992

* * *

Пуškai они любят тебя, как я,
А больше любить уже невозможно!

Э.Асадов, "Родине"

Они завидуют Америке.
Им как-то дико произнестъ,
Припомнить в рыночной истерике,
Что Родина на свете есть.
За нищету свою проклятия
Не ведают кому и слать.
Отвергнув скорбные объятия,
Лишь грязной бранью вспомнят Мать.
Растаскивают лихорадочно,
В торговый ввергнуты азарт.
А Родина следит загадочно,
Куда - безумный этот старт.
В каком ухабе историческом
Зачешут задницу опять,
И станут в зеркале мистическом
Высматривать сиротски Мать?..

13 декабря 1992

* * *

Комунисты - не коммунисты.
Демократы - не демократы.

Одинаково - карьеристы,
Паразиты - и бюрократы.
Лишь до власти они охочи,
До мозолистых шей рабочих.
Чтоб где сели бы, там бы слезли, -
Оседлают кататься если.
Нет, народ терпеливей мула.
Хоть от голода брюхо вздуло,
Всех "избранников", кнут держащих,
Сам предсмертно хрипит, да тащит.

31 декабря 1992

* * *

Нет, сейчас не лучше.
Нет, сейчас не легче.
В чём-то даже круче.
В чём-то даже хлеще.
Путь веков прошедших
Кто сплеча осудит?
Был - дом сумасшедших,
Есть - и долго будет.

3 апреля 1993

* * *

Наврали самим себе,
Наврали планете всей,
Что цели в смертельной борьбе -
Строительство светлых дней.
Не светлых - а красных, кровавых!
Не в будущем - а сейчас,
Вселенской палаческой славы
Презрительно не страшась.
Мы - форменные фашисты,
В какой ни покрасимся цвет.
Цитатники-коллективисты, -
Ведь собственных мыслей нет.

10 апреля 1993

* * *

Ах, как жаль душевного подъёма.
Жаль до боли праздника мечты.
Так и не построили мы дома
Истины, Добра и Красоты.
На пустой желудок мы мечтали.
Был голодным - наш энтузиазм.
Наш порыв преступники украли,
Всё в кровавый обротив маразм.
Кувыркнулись мы с небес на землю.
Диктатура денег - без души...
Наглые грабители не дремлют,

Днём трясут из нищего гроши.

25 июня 1993

* * *

О Господи! В дурацкой нашей жизни
И так её немало - черноты.
Зачем же нам в Истории Отчизны
Чернить и пачкать светлые черты?
Наоборот, казалось бы, должно быть:
Чем больше мрака - тем дороже свет.
Так нет же, всё подряд спешим угробить,
В обоснованье изрыгая бред.

7 августа 1993

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА СТАЛИНИЗМА

Посмотрите, как вы живёте!
Поищите-ка свой животик!
Похудели, проворней стали...
Нужен срочно вам новый Сталин,
Чтобы сам никто не вертелся, -
Лишь под палкой рабовладельца.
Бескорыстны мы из-под палки,
Хоть ни шатки в делах, ни валки.

3 - 4 сентября 1993

* * *

Сила... Насилие...

В.Иванов. "Русь Великая"

Сила - и насилие...
Сила - и насилие...
Ну, спасибо, друг.
Тщетно мыслью маешься,
К выводу стараешься
Подобраться... Вдруг -
Вычитал решение.
Зряшное сомнение
Без сомнений брось:
Сила - не насилие!
Сила - не насилие!
Разное! Всерьёз!
Сильному насильничать не надо.
Только слабый лезет напролом.
Сильный знает выходы из ада,
Что себе мы сами создаём.
Слабый гнёт, ломает без разбора,
Лакомый весьма до рабских шей.
Сильный - сам себе во всём опора:
Незачем кидаться на людей.

23 - 24 сентября 1993

* * *

Только не кровь!
Хватит! Хватит!
Сколько же можно?!
Бр-р-р... На врагов
Бочку

катит

Ленин - безбожно.
Он неспроста
Матом

кроет

Всех несогласных.
Неправота
Вряд ли

стоит

Срама - и казни...

22 ноября 1993

* * *

Пока не у власти - остричь,
Всё злее, грубее - высмеивать.
Дорвавшись до власти - срамить;
Морально убитых - расстреливать.

22 ноября 1993

* * *

Как вам нравится! Верьте и в Бога, и в Дьявола!
Только ваша меня нетерпимость - мучает.
Об одном умоляю: возьмите за правило
Не оплёвывать совесть чужую при случае.
Пусть у каждого будет своя, - согласны?
И ни лучше, ни хуже других, - согласны?
А иначе - смертельно мы все

опасны.

Один чёрт, палачи или жертвы, - несчастны.
Убеждать ли, навязывать совесть кому-то?
Это дело не наше - пусть жизнь убеждает!
Наше дело - поймать на лету, кому худо,
Кто себя своей совестью в бездну толкает.

12 - 13 декабря 1993

* * *

Оправдываться поздно. Нужно время,
Чтоб высохла и запылилась кровь.
Безмерно тяжело сталинское бремя.
Под заскорузлой кровью - трупы слов.
Они - синоним красного фашизма,
Что кровью бездорожье замесил.
Нет, не воскреснет после сталинизма
Первоначальный коммунизма смысл.

Не измененье курса после встряски,
А кверху днищем продолжаем путь.
Прочнее крови не бывает краски...
А всё же - в чём людской свободы суть?..

8 февраля 1994

* * *

Не каждого - нет! - пожалею.
К примеру вон - куча родни:
Накормят, оденут, согреют,
Капризы оплатят они.
А вот - за душой ни монетки:
Полгода не платят за труд.
С балкона - голодные детки,
И сами - в последнюю жуть.
О них рассуждают брезгливо:
Глупцы, не умеют-де жить...
Бессильною жалостью - жив я:
Скотиной бы сытой - не гнить.

2 мая 1995

* * *

День Победы... Марши... Речи...
Никогда не будет встречи...
Так и не родятся дети
От погибших... Нет на свете...
Нет полсотни миллионов...
Лес и поле - стонут стоном...
Выпьём водки по глоточку...
В каждом - горе в одиночку...
Стон подземный, монотонный...
Тут бы - марш бы похоронный...
Он сегодня бы уместней...
Веселимся-то над бездной,
С бесшабашностью дурацкой -
Над сплошной могилой братской...

9 мая 1995

* * *

Мы делим деньги - вот и всё.
Как нет своих - чужие делим...
Делёжки вечной колесо
Притормозить мы не сумели.
Оно всё вертится в грязи,
В кровавой, гнойной лжи истории.
Надежды впереди - ни зги:
Помойки - либо крематории.

25 августа 1995

* * *

Я хочу умереть - здоровым.

Извините: противно гнить;
Милосердьем казённым, грошовым -
Прозябанье - бессмысленно длить.
А, пошли они все подальше -
С мнимой болью за стариков!
Цель "избранников" - если без фальши, -
Жилы вытянуть, высосать кровь,
А потом - в колумбарий пошвидче,
Или в яму - в червивую жуть...
Нашей мафии некогда нынче:
От развала страну берегут.
Не хватает им денег, ребята, -
Производство страны догромить.
И нужна им вся наша зряплата -
Всех без дуста нас переморить.

3 октября 1997

* * *

Во имя призраков, враждующих смертельно,
Чтоб победил один - живая льётся кровь.
Среди непогребённых трупов мы бесцельно,
Среди могил бредём, взывая вновь и вновь
К Любви - и Мщению, к прощенью - и к расправе:
Всё тех же призраков - в итоге - к вящей славе.

29 сентября 1999

ДРЕМЛЮЩИЙ БОГ

А может, просто Бог - слепоглухой?
Сидит на троне, ангел переводит,
Что во Вселенной грешной происходит...
Господь же думает: "О Боже мой,
Их не поймёшь, не видя и не слыша!
Ну прямо - как по-русски - едет крыша:
Который грешник там, а кто святой?
Не переводчику же мылить выю!
Мне самому бы распознать Россию,
Весь прочий мир в ладонях подержать...
А так - споткнётся чёрт об их разборки!
Я Всеблагой - и должен, как ни горько,
Свободу Воли им предоставлять,
Под перевод помощников дремать..."

15 декабря 1999

Автор - действительный член Международной академии информатизации при ООН (с 11 октября 1999), почётный международный доктор гуманитарных наук в Саскуханском университете в США (с 19 мая 1991), доктор психологических наук (с 21 мая 1996), профессор Университета Российской академии образования (с 1 октября 1999), кавалер почётной золотой медали имени Льва Толстого (с 1 июня 1997), кавалер памятной медали, посвящённой международному году добровольцев, учреждённому Генеральной Ассамблеей ООН (с 5 декабря 2002), лауреат Всероссийского конкурса "Добрая дюжина" (с 7 января 1995), кавалер Почётного юбилейного (80 лет) знака Союза пионерских организаций - Федерации детских организаций (с 29 марта 2002), научный руководитель Регионального Детского ордена милосердия, Рыцарь Свердловского областного Детского ордена милосердия (с 31 мая 1993). А самое главное - "Детская вешалка" (так прозвали его сами дети).